

PRIME

WORLD

Праймашина

Вадим Панов

Вадим Панов
“ПРАЙМАШИНА”

PRIME

WORLD

**БОЛЬШЕ, ЧЕМ СТРАТЕГИЯ
КРУЧЕ, ЧЕМ RPG!**

ИГРАЙ НА PLAYPW.COM

Оглавление

Пролог

Часть 1. ГРИДВАЛЬД

Часть 2. ФИХТЕР

Часть 3. ТРИ ВЕРШИНЫ

Эпилог

Карта Праи

Глоссарий

Описание Героев

Все обитатели мира уверены, что великие свершения и подвиги возможны исключительно во время войн. Что лишь безжалостный огонь постоянных боев являет нам истории, достойные пера сказителей. Что повседневная жизнь пресна, и нет в ней событий, способных стать легендами.

Все обитатели мира искренне верят в героiku большой войны.

И не понимают, что историю творят не мечи, а люди. Их трусость и отвага, подлость и стойкость, честолюбие и вера - люди ведут за собою мир, и не важно, полыхает ли вокруг война, или же тихо текут спокойные будни. Не важно, потому что тот, кому суждены великие дела, не обращает внимания на такие мелочи - он идет к своей цели. Он упрям и тверд, он преодолевает преграды и знает, что свершения его будут грандиозными. И еще он знает, что помешать ему способен лишь столь же сильный человек.

Эта история произошла в 70 году Эры Прайма, всего за несколько лет до начала Второй войны между империей Доктов и Адорнийским королевством.

В этой истории были предательство и самопожертвование, ненависть и любовь, гениальные открытия и жаркие схватки, власть императора висела на волоске, но... Но эту историю забыли. О ней не рассказывают университетские профессора и не слагают баллады менестрели, ее участники либо мертвы, либо предпочитают молчать, а значит, этой истории не было.

ПРОЛОГ

Нет ничего на этом свете прекраснее и возвышеннее, чем вид океана. Чем вид непоседливых, пребывающих в вечном движении волн, простирающихся настолько далеко, что ни взгляд человеческий, ни даже разум, не способны осознать огромность сих просторов - лишь их величие. Океан завораживает, приковывает к себе, и не обязательно, чтобы сам он был при этом спокоен - совсем нет. Полный штиль или грохочущие волны, яростно бьющие в скалистый берег, легкое волнение или разгулявшийся шторм - не важно, океан велик в каждом своем образе, и его невероятная мощь заставляет любого человека ощущать себя жалкой песчинкой. Заставляет задуматься о том, как легко потеряться среди невероятных просторов неистового. А еще, возможно, заставляет радоваться тому, что наслаждаться океаном ему повезло с безопасного расстояния, а не с качающейся палубы хрупкого корабля.

Большое лучше всего видится на расстоянии, например - из окна высокой башни, продолжающей своими толстыми стенами могучую прибрежную скалу. Из просторной, но съежившейся из-за многочисленных книжных шкафов комнаты, которая служила Безвариату Сотрапезнику кабинетом, в которой он частенько уединялся, дабы спокойно по-размышлять под мерный шум великого океана. Полюбоваться им, успокоиться...

Как правило, подобные часы отшельничества приводили Сотрапезника к удивительным открытиям, прославившим его имя на всю империю Доктов, но сегодня мысли Безвариата были неимоверно далеки от любимой работы. Сегодня они были тяжелы, как десятиметровая волна, и беспросветны, как безлунная ночь. Сегодня Сотрапезником владела тоска, разогнать которую не мог даже сказочный вид океана.

Сегодня...

“Океан велик и могуч, но он скован берегами. Как ни смешно - скован. Его невероятная сила в полной мере проявляется лишь там, где океан есть. В его царстве. В его тюрьме”.

И Безвариату вдруг показалось, что океан - это он. Могуущественный, способный на все, но... скованный, запертый в темнице берегов. И все его невиданное могущество способно вызвать жалостливую улыбку даже у песчинок.

“Я в тюрьме!”

А самое печальное - в тюрьме, выстроенной собственными руками. И стены ее - его идеи, его чувства. Как сокрушить стены, когда они внутри? Как заставить себя отвергнуть все, чем жил последние годы?

Как?

Но и оставаться в тюрьме нет никаких сил. Ведь океан, случается, выходит из берегов! Обрушивает ярость на прибрежные скалы и рвется дальше, вглубь земли, заливая леса и поля солью победы. Сокрушая все, что оказывается на пути. Сбрасывая хоть на время незыблемыми оковы. Океан не успокаивается, он вечно воюет со своей тюрьмой, а он, великий Сотрапезник - океан. И значит...

- Безвариат!

Женский голос выдернул ученого из глубокого раздумья, в которое он погрузился, стоя у стрельчатого окна. И пусть великолепная панорама не принесла привычного

умиро-творения - ученого продолжали одолевать тяжкие мысли, - вид невысоких волн с бесконечным упрямством накатывающих на торчащие у подножия башни рифы, сумел захватить Со-трапезника. Захватить настолько, что он не услышал ни шагов, ни скрипа открывающейся двери, а потому внезапный оклик заставил ученого вздрогнуть. Он резко обернулся, подсле-повато уставился на вошедшую в кабинет женщину, и машинально пригладил пышную се-дую бороду:

- Агата?

- Да, мой милый Безвариат, это я. Неужели ты думал, что кто-нибудь еще осмелится войти в твою берлогу без разрешения?

Женщина тихонько рассмеялась, и мелодичный смех поверг Сотрапезника в томление. В такое привычное, и такое сладкое томление, очаровывающее не хуже океана.

“Агата...”

Агата Луиза Мария Франциска Андреа, леди Кобрин, сиятельная владетельница обширной и богатой Кобрии, самой южной доктской провинции. Сиятельная во всех смыслах: и по происхождению, и по несравненной красоте, о которой складывали восторженные гим-ны все менестрели империи.

Высокая, стройная блондинка с большими небесно-голубыми глазами, она резко отличалась от смуглых и черноволосых южанок - семья Кобрин происходила с севера, родо-словную вела еще со времен старой империи, и предки Агаты тщательно следили за чисто-той своей благородной крови. Одевалась леди изысканно, модные тенденции узнавала одной из первых, и ее роскошное алое платье было создано известнейшим столичным кутюрье. Тонкую шею Агаты украшало ожерелье из мусванских рубинов, а на голове поблескивала диадема.

Это облачение, вкупе с горделивым взором и царственной осанкой, превращало Агату в настоящую владетельницу: недоступную и холодную, однако с Сотрапезником она вела себя не просто мягко, а по-дружески, как с очень близким человеком.

- Ты показался печальным, Безвариат, - участливо произнесла Леди. - Что-то случилось?

“Она действительно еще не знает? Или это игра?”

Сотрапезник неопределенно повел плечом и вновь пригладил бороду знаменитым на всю империю жестом:

- Наш эксперимент...

- Ты говорил, что разработка идет по плану, и ты сможешь справиться со всеми препятствиями.

Она перебила его очень мягко, не позволив зародиться даже тени раздражения. Она умела вести трудные разговоры, и Безвариат в очередной раз понял, сколь много он проигрывает этой сильной и умной женщине.

“Никто не обвинит меня в том, что я попался в твои сети, Агаты - ты слишком хороша”.

А сети ослепительной леди - часть стен его темницы. Самая крепкая часть.

- Ученые изыскания полны неожиданностей, сомнения естественны, - промямлил ученый.

- Безвариат Сотрапезник сомневается в своих силах?

- Увы, Агата, никто не застрахован от ошибок.

Женщина подошла ближе, и ее тонкие длинные пальцы нежно прикоснулись к щеке ученого:

- Даже ты?

Одним коротеньким вопросом леди Кобрин сумела выразить и свое изумление

услышанным, и несгибаемую веру в гений Безвариата. Она смотрела на ученого так, как в древности люди смотрели на богов, но теперь у Сотрапезника было противоядие от этого взгляда. Но только от него - порвать опутавшую его сеть он не мог.

- Даже я, - подтвердил Безвариат, продолжая затеянную леди игру в "Мне ничего неизвестно". - Настоящий ученый обязан сомневаться, обязан искать другие пути, новые дорожки...

- А чем плоха правильная?

Сотрапезник осекся, и возникшая пауза позволила леди Кобрин с жаром развивать мысль:

- Тернист и сложен путь, по которому идет настоящий ученый. Ошибки, неудачи, проваленные опыты и сомнения - вот чем отмечена дорога к знанию. Но цель - цель стоит усилий и мук. Великое открытие дается не каждому - только упорному и умному, это знает всякий докт. Ты оступился, но мы - рядом. Мы поддержим тебя, поможем снова встать. - Коротенькая пауза. - Эларио Хиравы не сомневается в успехе.

- Он маг, - буркнул Безвариат просто для того, чтобы остановить стремительную речь Агаты.

- И что?

- Маги, особенно сильные, особенно адорныйцы, изначально поставлены в иные условия. Сила Эларио напрямую зависит от его эмоций, от его веры в себя, а потому Хиравы не имеет права сомневаться. В противном случае у него действительно ничего не получится.

- У тебя на все есть ответ, Безвариат.

- Иначе бы тебе служил другой ученый, Агата.

Удивленный взгляд, хрустнувшие пальцы, трагический голос:

- Ты не служишь мне, Безвариат! Ты - мой друг.

Ей следовало бы стать примой бродячего театра, да происхождение не позволило.

"А ведь когда-то я верил каждому ее слову..."

Действительно считал себя другом кобрийской владельницы, и даже больше чем другом. И не без оснований. Но теперь многое изменилось, очень многое.

- Разве наш замысел не плод совместных размышлений? Разве ты больше не считаешь, что мы создаем будущее? Лучшее будущее, чем то, что уготовил нам император?

Как же трудно отвечать на прямые вопросы! Сотрапезник даже репетировал это мгновенье, уверенно повторял перед зеркалом гордые ответы, но встретившись с Агатой лицом к лицу - растерялся.

И выдохнул:

- Считаю.

Она по-прежнему оставалась его леди. Его любимой леди.

- Тогда почему ты говоришь, что служишь мне?

- Извини.

Как разрушить стену, которая внутри? Наверное, постепенно. А что делать, если не получается?

- Нас ждет очень серьезный эксперимент, - улыбнулась леди Кобрин. - И мы все немало нервничаем.

- Да.

"Она не просто так упомянула опыт. Она все знает, и уверенно подводит разговор к нужной теме. Агата, Агата... Я читаю тебя, как раскрытую книгу. Жаль, что я научился этому столь поздно".

И жаль, что даже сейчас он не может эту книгу порвать. Не может, и все.

- Я слышала, ты отправил Яна Стеклодува в Фихтер?

Замечание прозвучало беззаботно, между делом, но Сотрапезник вздрогнул: “Началось!”

И вновь пригладил бороду.

- Мне потребовались кое-какие книги.

Однако нервный жест прямо указывал, что ученый лжет. Неумело и неловко.

- А как же моя библиотека?

- Нельзя собрать все книги мира.

- Согласна, - кивнула Агата, и легко продолжила: - Как ты знаешь, в последнее время на дорогах появилось много Чуди, и я подумала, что глупо отпускать столь ценного помощ-ника без охраны.

- Замечательная мысль, - ровно произнес Безвариат. - Спасибо.

- Но возникло небольшое недоразумение, - с прежней мягкостью продолжила леди Кобрин. - Раздаватель не смог догнать Стеклодува.

- В Фихтер ведут две дороги.

- Поэтому кроме Раздавателя я отправила за Стеклодувом Улле Изморозь. - Агата внимательно посмотрела на ученого. - Который тоже никого не нашел.

- Я приказал Яну быть осторожным, - улыбнулся Сотрапезник. - Как ты правильно за-метила, в лесах полно Чуди...

- Что происходит? - неожиданно резко спросила леди. Дружеский разговор закончился, сейчас перед ученым стояла раздраженная владельница, требующая прямого и внятного ответа. - Какую игру ты затеял?

- Совсем наоборот, - вздохнул Безвариат. - Совсем наоборот, Агата, я прекращаю иг-ры.

Он медленно прошелся по кабинету, с рассеянной улыбкой оглядывая стоящие на полках книги, и вернулся к распахнутому окну, из которого открывался поразительный вид на заключенный в тюрьму берегов океан.

- Я считаю, что мы зашли слишком далеко.

- Ты считаешь? - саркастически поинтересовалась леди Кобрин.

- Да, - твердо ответил ученый. - Наш замысел чудовищен.

- Мы принесем мир всем людям!

- Но какой ценой?

- Приемлемой.

- Чудовищной.

“Что ты знаешь о чудовищах?”

Агата поняла, что случилось самое страшное: трещину дали убеждения ученого, его взгляды, и как справиться с этой напастью леди Кобрин пока не представляла. Сотрапезника, случалось, посещали приступы сомнений, неуверенности в собственных силах, паники... Как и все великие, он был натурой тонкой, ранимой, но при этом - как и все великие, - умел добиваться поставленной цели. Потому что верил, что идет правильной дорогой. А сейчас вера пропала.

- Мне доложили, что Праймашина заблокирована, - жестко произнесла Агата.

- Я внес кое-какие изменения, препятствующие ее работе, - подтвердил ученый и по-яснил: - Мне нужно было подумать. И поговорить с тобой.

- О наших планах?

- Именно.

- Я не отступлю.

Сотрапезник кивнул:

- Спасибо за честный ответ.

- Спасибо, что позволил ответить. - Леди Кобрин вновь сменила тон, теперь ее голос звучал необычайно проникновенно. - Безвариат, что происходит? Почему ты...

- Разочаровался?

- Засомневался.

- Разочаровался, Агата, именно разочаровался. - Ученый помолчал. - Мы идем не туда. Мы перевернем мир...

- Разве не это было нашей целью?

- ...и ввергнем его в хаос. - Безвариат “не услышал” замечания леди. - Они будут за-щищаться, что приведет к страшному кровопролитию. Мы не продумали всех последствий.

- Продумали! И наш путь - правильный!

- Они тоже люди!

- Были ими!

- И хотят оставаться!

- Герои - угроза для всех!

- Наш план не оставит им выбора! Только война!

- А чем они занимаются сейчас?! - Затянувшийся спор наконец-то вывел Агату из се-бя, и заставил выплеснуть на Безвариата накопившееся раздражение. - Они не знают ничего, кроме войны! Их готовят к войне! Их обучают убивать без раздумий, без сожалений, просто убивать, пользуясь своей чудовищной силой! И когда Героев станет достаточно много, их спустят с цепи, и мирные земли вспыхнут! Кровь и смерть - вот что несут Герои нашим зем-лям! Всем землям!

- Война вспыхнет в любом случае!

- Мы можем ее предотвратить!

- Не можем!

Леди Кобрин сделала шаг вперед.

- Что ты изменил в Праймашине?

Ярость вырвалась наружу, и в глазах ученого мелькнул испуг. Впервые в жизни Безвариат видел кобрийскую владетельницу в таком состоянии.

- Агата, остановись!

- Отвечай!

- Давай еще раз все обсудим.

- Ты меня предал.

- Нет... - Сотрапезник хотел продолжить, но дверь распахнулась и в кабинет шагнул Том Исподлобья - любимый чистильщик леди Кобрин, жилистый Герой, вооруженный при-чудливо изогнутым оружием, сочетанием меча и острой бритвы. Это был плохой знак, очень плохой, и заготовленные слова растворились в приступе страха. - Агата, пожалуйста, остановись.

Но овладевший ученым ужас лишь подстегнул владетельницу.

- Тебе придется ответить на мой вопрос.

- Мы всегда обсуждали важные решения.

- Именно поэтому я рассердилась узнав, что ты без всяких обсуждений сломал Прай-машину. Ты меня предал.

- Я хотел привлечь твоё внимание.

- Тебе удалось. Том!

Исподлобья уже достиг центра комнаты, и теперь их с Безвариатом разделяло всего пять или шесть шагов - сущая мелочь для настоящего Героя.

- Агата, опомнись!
- Ты еще можешь все исправить.
- Убери убийцу!
- Говори правду!
- Нет!

Том бросился вперед. Стремительно, как умеют лишь Герои, но все равно опоздал, потому что Сотрапезника отделял от смерти даже не шаг - движение.

Едва Исподлобья рванул, как ученый подался назад, в распахнутое окно. К океану, что мерно гудел далеко внизу. К волнам, бьющимся о черные рифы. К единственному выходу из тюрьмы, который он смог отыскать.

- Нет!

Агате показалось, что Исподлобья успеет, что схватит падающего ученого за мантию и втащит внутрь, в безопасность кабинета. В какое-то мгновение Агата верила, что ничего не потеряно. В какой-то миг Агата встретила глазами с человеком, который ее любил.

А потом поняла, что Герой не успел, и старый ученый летит вниз, на скалы, навсегда уходя из ее жизни.

ЧАСТЬ 1. ГРИДВАЛЬД

Если выехать из Нео-Лафорта, столицы Доктской империи через наиглавнейшие, Имперские ворота, и направиться по одноименному тракту на юго-восток, то где-то через две недели неспешного пути можно достичь границ безжизненной зоны, что стала много лет назад эпицентром всемирной катастрофы. Старики рассказывали, что серые ныне земли были некогда цветущим садом, что леса зоны были густыми, а водились в них обычные звери, а не кошмарная, жаждущая крови Чудь. А еще старики говорили, что в самом центре зоны прячется прежняя столица мира, великий город, построенный великим императором, и что столица та не разрушена и скрывает необыкновенные тайны, способные возвысить любого, кто до них доберется. Но так это или нет, никто в точности не знал, ибо люди предпочитали обходить серую пустыню стороной. Путники сворачивали с Имперского тракта задолго до границы угрюмых территорий, и шли на запад, в богатые рудой горные области империи Доктов. Или же отправлялись на юг, углубляясь в бескрайние чащобы Идмарской Пущи, лордов которой столичные снобы презрительно именовали лесовиками.

За глаза, естественно, именовали, поскольку бросать открытый вызов бойцам, привыкшим постоянно сражаться с беспощадной Чудью, хлыщи не решались.

Густо поросшая лесом, усеянная бесчисленными озерами и мелкими речушками, Идмарская Пуца была поделена более чем на двадцать владений, похожих друг на друга как кристаллы прайма. Дома и замки тут строили из плохого, ноздреватого камня, быстро обрастающего зеленым мхом, поля возделывали без желания, предпочитая кормиться лесом, а торговали в основном мехами. Из развлечений: пиры, охота, да истребление Чуди - даже любимые доктами научные конференции и выставки достижений здесь не проводились - кто бы на них съезжался? Раз в месяц объявлялся имперский глашатай: сообщал на главной площади последние указы, приватно пересказывал сплетни, напивался, после чего отправлялся в следующий медвежий угол. Раз в шесть месяцев являлись имперские мытари: трясли налоги, приватно пересказывали сплетни, напивались, после чего отправлялись в следующий медвежий угол. Раз в год прибывала Передвижная Ученая Комиссия, отбирающая одаренных недорослей в столичные школы... Следует ли упоминать, что отработав положенное, члены высокой Комиссии приступали к приватному пересказу сплетен, после чего напивались и отправлялись в следующий медвежий угол? Не стоит - и так понятно.

Другими словами, идмарские владения были самыми провинциальными из всех провинций империи, однако расположенная посреди Пуцы Гридия, резко отличалась от соседей как размерами, так и богатством. В ее главном и единственном городе, незамысловато названном Гридвальдом, сходились четыре основные дороги, полноводная Клейка добавляла еще два направления, что и делало столицу Гридии удобной для купцов и прохожих. Кроме того первые гридийские лорды не поленились выстроить свой город из твердого серого камня, надежно защитили его по всем имперским канонам, зорко следили за порядком, и теперь их потомки получали неплохой доход и от торговли, и от сборов с путешественников. В Гридвальд везли товары со всей Пуцы, сюда приходили купцы за мехами и лесом, дважды в год здесь устраивались большие ярмарки, но и между ними жизнь не затихала. Лавки, трактиры и постоялые дворы работали постоянно, и пусть по имперским меркам Гридвальд считался городом небольшим, равных ему в Идмарской Пуце не было.

Но за все в этой жизни приходится платить. Обретя положение относительно большого торгового центра, Гридвальд перестал походить на сонные идмарские городки, в которых едва теплится жизнь, и каждый знает остальных горожан с детства. Где процветает торговля, там всегда появляются большие деньги, а где есть деньги, туда устремляются жадные до них люди. Честные, не очень честные и настоящие бандиты...

- Стой!
- Я свой!
- Иоганн?
- А кто же?
- Не узнал.

С одной стороны, в темноте - немудрено. В этой части Гридвальда фонари современные, много света дающие, в целях экономии прайма, не ставили, а за старыми, со свечками которые, никто не следил. Темень стояла, хоть глаз выколи, но на бегу стражники грохотали так, то не опознать сослуживца было решительно невозможно.

- Видел его?
- Да.
- Куда рванул?
- К реке! До Клейки добраться хочет! Через Соколиное Поле пройдет...

- Не пройдет!
- Мимо нас двоих - запросто.
- Все в порядке, Иоганн, тревогу уже объявили, скоро здесь все оцепят.

Голоса удалялись, и Ян Стеклодуд рискнул выглянуть из убежища, в котором успел схорониться в самый последний момент.

“Уходят?”

Да, уходят. Не заметили.

Стеклодуд глубоко вздохнул и осторожно выбрался из сломанной бочки, превращенной местными обитателями в большое помойное ведро. Вонь из бочки поднималась невыносимая, и видимо поэтому стражники побрезговали осмотреть ее содержимое.

“Значит, к воде вы меня не пустите, да? Плохо, очень-очень плохо... Но посмотрим, как вам это удастся...”

Уйти из ставшего неприветливым Гридвальда по реке было единственной для Стеклодуда возможностью спастись. Каменные стены высоки, все ворота закрыты, стражники, хоть и допустили кучу ошибок, вскоре опомнятся. Не сами, конечно, а при помощи: примчатся злые, невыспавшиеся офицеры, раздадут пару-тройку затрещин, и заставят искать беглеца по-настоящему. Как положено. Но совсем плохо станет, когда придут Герои. А они обязательно придут. И, к сожалению, не только местные оболтусы, привыкшие по лесам бродить в поисках Чуди, а настоящие, натасканные на людей волки, воспитанные жестокой леди Кобрин. Впрочем, и на волков можно найти управу, было бы желание. Остробой заряжен, на выстрел, а то и два прайма хватит, так что сдаваться кобрийцам без боя Стеклодуд не собирался.

“Надо добраться до лодки!”

До маленькой посуды, которую он купил вчера и припрятал рядом с доками. По воде, в темноте, вдоль берега, хоронясь за камышами и зелеными заборами ив, он уйдет. Как пить дать уйдет. Только бы к берегу выйти...

Ян скривился, поправил наспех наложенную на руку повязку - один из стражников все-таки достал его арбалетным болтом, и осторожно двинулся по темному переулку Соколиного Поля вниз, к реке.

- Почему фонари не горят?

Что, Чудь вас всех забодай, за бардак? Городишко-то не бедный, в отличие от всего идмарского захолустья, из нормального камня строенный. Вдоль мощеных улиц столбы с прайм-фонарями понатыканы, а толку от них, как отдохлого осла.

- Высочайший указ лорда Датоса.

- Какой еще указ?

- В целях экономии средств...

Провинциалы берегут дорогуший прайм. Замок и главную площадь осветили, а окраины не стали. Ладно, с этим понятно, но обычные фонари почему не горят, а? Дикари проклятые.

Лашар сжал кулаки.

- Дальше можешь не продолжать.

- К тому же это последняя улица с фонарями, в Соколином Поле их вообще нет...

- Я же сказал: заткнись!

- Как скажете.

Факелы, что держали в руках стражники, хорошо освещали лицо гридийского

офицера, а потому он сдержал довольную ухмылку: что, скотина, съел? У нас тут свои порядки, и они нам нравятся. Так что неча нос задираать...

Но улыбку офицер сдержал, потому как ругаться с Маркусом Лашаром по-настоящему ему не хотелось. Уж больно жестким был взгляд кобрийца, и весьма внушительными выглядели стоящие за его спиной Герои.

- Я токма объяснить хотел.

- У тебя получилось.

- Вот и пожалуйста.

Будь его воля, гридиец ни за что не стал бы помогать кобрийцам в поимке опасного преступника. Вам надо? Сами ловите, зазнайки, неча людей отвлекать. Но лорд Датос распорядился иначе, и вместо теплой постели, офицеру приходилось топтаться на холодной улице в компании чванливого кобрийца.

- Где последний раз видели беглеца? - угрюмо поинтересовался Маркус.

- У трактира “Дымный очаг”, - с готовностью сообщил гридиец. - А опосля он в Соколиное Поле порскнул, там есть, где спрятаться.

- А мы где?

- У трактира “Хитрый Каспер”.

- Карта Гридвальда есть?

- Две!

- Где? - спросил Лашар, предчувствуя подвох.

- Одна в замке лорда Датоса, и вторая тоже.

Кобриец скрипнул зубами, стоящие за ним Герои недовольно заворчали, воевода Раздаватель негромко пробасил что-то насчет саботажа, но у офицера было железное объяснение:

- Согласно указу лорда Датоса, в целях экономии средств.

Правильно, чего карты зря трепать, если каждый стражник Гридвальд, как свои пять пальцев знает? А что чужаки в нем путаются, так это их проблемы: неча по чужим городам шастать.

- Да, да, я помню насчет экономии.

Происходящее казалось Лашару дурным сном. Ночь, неосвещенный город с десятками, если не сотнями, кривых улочек, переулков, переулочков и тупичков, и среди этого бедлама - он, Маркус Лашар, одинокий, как обелиск Величия на столичной площади Всего Хорошего. Стеклодув, мерзавец, знал, куда забраться: искать беглеца в местном лабиринте можно лишь с опытными охотниками, а не бестолковыми пентюхами, разомлевшими от сонной гридийской жизни. Но искать надо, и быстро искать, чтобы не пришлось потом снова прочесывать проклятую Пущу.

- Как вы вообще тут живете? - скривился Лашар.

- Экономно, - немедленно ответил офицер. - Согласно указу лорда Датоса.

Маркус прекрасно понимал, что вшивый гридиец над ним смеется, что лишь прикидывается недалеким деревенским дурачком, но наказать мерзавца не мог - сейчас ему отчаянно требовалась помощь тех, кто досконально знал городишко, который следовало бы назвать помойкой.

- А преступления у вас случаются.

- Не без этого.

- И как вы с ними справляетесь? Экономно?

- Быстро, Лашар, быстро.

В тоне офицера мелькнуло превосходство, заставившее Маркуса недоуменно поинтересоваться:

- Каким же образом?
- С помощью Искательной телеги.
- Ого!

А вот этого Лашар не ожидал. Искательная телега? Здесь?! В этом глухом, как тетерев, городишке?

- У вас есть Искательная телега?

- Вот она, кстати. - Офицер ткнул пальцем в появившийся на улице фургон, и с законной гордостью добавил: - На прошлой неделе у Василевса Мельника корова племенная пропала, так мы ее за два часа привели.

- По следам?

- По навозу. Навоз в Искательную телегу загрузили, и мигом отыскали.

- Молодцы.

- А лорд Датос других не держит, - с гордостью ответил не уловивший сарказма гридиец.

Тем временем два тяжеловоза неспешно подкатили Искательную телегу к собеседникам, задняя дверца фургона распахнулась, и из нее выглянул бородатый стражник, исполняющий роль администратора поиска.

- Приступить можно?

От бородача пахло чесноком и соленым огурцом, которыми он, судя по всему, перебивал сивушный дух.

“Чтоб вас всех Чудь забодала!”

Маркус дернул плечом:

- Давно можно.

Однако проклятый гридиец не обратил на Лашара никакого внимания, он преданно смотрел на офицера.

- Можно?

- Приступайте, - последовал важный ответ.

- Слушаюсь! - рявкнул бородатый.

Затем он исчез в фургоне, не забыв захлопнуть за собой дверь, через пару секунд послышалось гудение машины, и из раскрывшейся крыши медленно выросли указательные лепестки. Установленные на тонкой металлической ножке, они напоминали поникший серый цветок, который через некоторое время оживет, дабы указать охотникам на дичь.

“Ну, хоть что-то, - вздохнул про себя Лашар. - Может, и получится”.

Искательные телеги производились исключительно столичными мастерами, стоили дорого, потребляли изрядно прайма, обслуживались только подготовленными людьми, но позволяли находить любого наследившего человека в радиусе пяти километров. В приемную лопатку сложного механизма помещался “след”: кусочек кожи, волосы, кровь, слюна, экскременты, в общем, любая часть искомого человека, тщательно там изучался - здесь-то и расходовался драгоценный прайм, - после чего указательные лепестки поднимались в нужном направлении. Времени исследование требовало мало, минут пять, не больше, а потому когда дело затянулось, Маркус не выдержал и врезал кулаком по стенке фургона:

- Скоро, что ли? Сколько можно?

- Здравия желаю!

- Что?

И лишь через мгновение Лашар догадался, что поприветствовал вытянувшийся в струнку офицер совсем не его. Обернулся и поморщился: из кабака “Хитрый Каспер”

медленно вышел худощавый юноша в дорогом бордовом камзоле. Довольно высокий, стройный, он был обладателем пышной черной шевелюры и коротенькой бородки, над формой которой изрядно потрудились провинциальные цирюльники. Глаза у молодого человека были карими, нос тонкий, прямой, а подбородок слишком узкий, чтобы его можно было назвать волевым. Возможно, бородка и была призвана скрыть этот легкий недостаток. За спиной юноши маячила огненная лиса - высокая рыжая Героиня, исполняющая обязанности телохранителя. Выглядела великолепно сложенная девушка потрясающе, однако на кобрийцев смотрела жестко, если не сказать - враждебно.

“Наследничка принесло, чтоб ему пусто было!”

Маркус не раз и не два общался с нахальным потомством провинциальных лордов, и прекрасно знал их дурную привычку лезть в любые дела, которые покажутся им интересными. Окажись юноша трезвым, у Лашара был бы шанс уговорить его не мешать, но судя по блудливой улыбке и не очень уверенным жестам, в кабак щенок сходил не зря. Кроме того, помимо аромата хорошего вина Маркус уловил запах плохих духов, которыми любили обливаться идмарские проститутки, и это обстоятельство вызвало у кобрийца очередной приступ брезгливости.

- Что происходит? - Юноша икнул и удивленно воззрился на Искательную телегу.

- Что пропало?

“Начинается, чтоб тебя Чудь забодала!”

- Опасного преступника ловим, господин Карлос.

- О котором я рассказывал вашему достопочтимому отцу, - склонился в поклоне Лашар.

Его Герои без особой охоты последовали примеру предводителя.

- Ах, это ты... - Молодой лорд бросил на кобрийца мимолетный взгляд и вновь повернулся к офицеру. - Что сделано?

- Подступы к реке перекрыты, господин Карлос. Охрана на стенах усилена. Сейчас определим, в какой части Соколиного Поля скрывается преступник, и начнем прочесывание.

Бодрый доклад вверх гридийского наследника в игривое настроение. Он хихикнул, снова икнул, снова хихикнул, вытер тыльной стороной ладони губы, пнул колесо Телеги, и осведомился:

- Как ищите? По навозу?

Надо полагать, история с коровой Мельника наделала в провинциальном Гридвальде много шума.

- По крови, господин Карлос. Нам удалось подранить мерзавца.

Лашар не мог не отметить, что в присутствии наследника офицер разительно изменился: отвечал четко, ясно и только по делу. И говорок его провинциальный куда-то делся.

- А что, преступник действительно опасен?

- Ранил двоих стражников.

Глаза щенка вспыхнули.

- Убийца? Как интересно!

Похоже, мальчишка решил добавить к ночным приключениям поиск опасного преступника. То ли ретивое взыграло, то ли вино покоя не дает. Лашар простонал про себя ругательство и попробовал спасти положение:

- Преступник очень опасен, господин Карлос, - быстро произнес Маркус. - Он жесток и очень хорошо вооружен. Я не думаю, что вы должны подвергать свою жизнь риску.

- Разве я спрашивал, о чем ты там думал? - нагло поинтересовался юноша. - Я вообще не уверен, что ты умеешь это делать.

Офицер хохотнул. Лашар в очередной раз сжал кулаки, а щенок повернулся к спутнице:

- Шахмана, ты не против поохотиться?

Огненная лиса усмехнулась:

- Не откажусь.

Ей тоже не нравились кобрийцы.

- Вот и здорово! - Помощник трактирщика подвел двух жеребцов, и Карлос с неожиданной для Маркуса ловкостью взлетел в седло. Вновь икнул и поинтересовался:

- Собачек не вижу. Они, где?

- К сожалению, господин Карлос, собак привести не успели, - повинился офицер.

- Ну и ладно, - махнул рукой наследник. - Что показала Телега?

- Беглец скрывается к западу от нас.

- Мы с Шахманой отправимся по прямой, ты со стражниками зайдешь с севера, а ты, Лашар - с юга.

- Это опасно, господин Карлос...

Маркус в последний раз попытался остановить щенка, и в очередной раз не был услышан.

- Исполнять! - Молодой лорд вытащил из седельных ножен длинный кинжал и посмотрел на спутницу: - Повеселимся?

- Разумеется!

Голосов не слышно, топота сапог не слышно и лязга доспехов тоже, но это ничего не значит - стражники вокруг. Просто проснулись офицеры и заставили неумех действовать грамотно. Петля сжимается, никаких сомнений, и каждая секунда, проведенная в темных переулках Гридвальда, приближает его к смерти. Или к кобрийскому плену, что тоже означает смерть, но после долгих пыток, во время которых он выдаст все, что знает. Обязательно выдаст: пытать кобрийцы умеют так же хорошо, как воевать.

“Оставьте меня, гридийцы, это не ваша война. Она еще не стала вашей. И не станет, если вы меня отпустите... Отпустите меня, пожалуйста...”

Ян должен был мыслить холодно, должен был вести себя собранно и предельно осторожно, но... Но он не был воином. Никогда не был. Он держался, сколько мог, однако переживания последних часов все-таки сломили Стеклодува, и теперь, пробираясь к спасительной реке, Ян мог только одно - шептать бессмысленную мольбу:

“Я ведь не враг вам, гридийцы, я обычный человек. Меня называли преступником, но те, кто это сделал, в тысячу раз хуже меня. Почему вы им верите, гридийцы? Почему не хотите отпустить меня...”

- Стоять!

Они столкнулись на углу. Бесшумно подкрались с разных сторон, выглянули и одновременно увидели друг друга. Плечистый стражник с обнаженным мечом, и тщедушный Стеклодув, нервно сжимающий острым концом. В честном бою у Яна не было бы и шанса, но гридиец ошибся. Стражник привык к послушанию, к тому, что люди выполняют его приказы, а еще - не привык убивать просто так. Стражника учили ловить преступников, вот он и крикнул:

- Стоять!

И ошибся, потому что перепуганный Стеклодув неловко ткнул его острым концом. И

отскочил назад, в ужасе глядя на захрипевшего человека.

Острый клинок вошел стражнику в бок, туда, где находились завязки кирасы, вошел глубоко, а когда вышел - на грязные камни мостовой хлынула горячая кровь.

- Я не хотел!

Хрип. Человек падает на колени, а потом, ничком, на землю. Конец.

- Что я наделал?!

Конец.

И Ян понял, что вот теперь, в эту самую секунду, они с гридийцами стали смертельными врагами. Теперь между ними кровь, и обратной дороги нет. Теперь это их война.

- Я ведь не хотел...

Первое в жизни убийство, ужас, сжимающаяся петля, беспощадные гридийцы, Герои... Все смешалось в голове Стеклодува, смешалось и разорвалось прайм-бомбой, рассеяв последние остатки самообладания. Он не слышал приближающийся цокот копыт, перестал разбирать дорогу и таиться, он видел лишь безнадежность своего положения.

- Я не хотел! - Размазывая по лицу слезы и чужую кровь, Стеклодув бросился к реке. - Я не хотел!

- Ты слышала?

- Крик!

- Туда!

Карлос дает шпоры, и жеребец послушно несет его к переулку.

- Тело!

- Он мертв! - Шахмана уже на земле и прикасается пальцами к шее стражника. - Меньше минуты!

Шахмана Егоза Героиня опытная, во всем, что касается смерти, не ошибается.

- Урод совсем рядом!

- Да!

Карлос нервно озирается, пытаясь отыскать взглядом преступника, и чувствует, как охотничий азарт сменяется злостью.

“Из-за какого-то простолюдина?”

Нет. Потому что простолюдин не “какой-то”, а гридиец! Будущий его подданный! Один из тех, за кого он, став лордом, будет нести ответственность.

Злость требует выхода.

- Куда он побежал?

- Не могу разобрать. - Бормочет склонившаяся над мостовой Егоза. - Скорее всего...

- Свет!

- Есть!

Огненная лиса взмахивает рукой, и метрах в трех над ее головой возникает облачко веселых искр.

- Видишь следы?

- Я...

Закончить Шахмана не успевает - грохочет выстрел.

Прайм-выстрел, который ни с чем не спутаешь. Молния чистой энергии вонзается в Егозу, испепеляя ее на месте.

- Нет!

Две потери за пару минут - это слишком. Разъяренный Карлос не думает, о том

что у преступника может оказаться еще какое-нибудь прайм-оружие, например, бомба. Он позабыл предупреждения и даже о себе - позабыл. Разъяренный Карлос бросается вперед, всей душой мечтая отомстить за своих.

- Убью!!

Стражник мертв, Шахмана мертва, и кое-кто должен заплатить.

- Подонок! - Черную тень беглеца Карлос заметил в момент выстрела, и больше не упускает из виду. Пришпоривает жеребца, а когда видит, что преступник сворачивает в узкий переулок, соскакивает на землю, бежит следом и, догнав, делает первый выпад: - Скотина!

- Не надо!

Стеклодуву удается отбить удар. Клинок у остробоя хороший, из отличного сплава, с прекрасной заточкой, рубить и колоть позволяет, но фехтовать - нет. Для фехтования остробой не подходит категорически. И не важно, что сейчас против него всего лишь кинжал. Остробой оружие сложное, только для Героя подходящее, да и то - для особого Героя.

- Мерзавец!

- Нет!

Второй удар, лезвие чиркает по раненой руке Яна, и кровь, едва-едва успокоившаяся, начинает сочиться из-под повязки.

- Грязная тварь!

Отчаяние придает Стеклодуву сил. Он с криком бросается вперед, надеясь нанести рубящий удар. Или ни на что не надеясь. Просто бросается вперед, понимая, что все кончено.

Карлос легко, как на тренировке, уходит от неуклюжего выпада, и уверенно колет Яна под вздох.

“Все кончено, все...”

- Умри, подонок. - Молодой человек с омерзением смотрит на замершего Стеклодува.
- Будь ты проклят, гад.

“Да, я подонок, я убил человека. Я убил двух человек. Пусть я умру, как подонок, но я должен рассказать...”

- Праймашина... - хрипит Ян, выпуская из рук остробой.

Тяжелое оружие со звоном падает на камни.

- Что? - кривится Карлос.

“Пусть он услышит! Пусть он меня услышит!!”

Ян бормочет из последних сил:

- Тайна... Леди Кобрин строит Праймашину... Она все изменит... Весь мир...

“А ведь я ничего о нем не знаю, - проносится в голове Карлоса. - Я не знаю, что он натворил...”

Злость почему-то улетучивается, и молодой лорд видит перед собой не преступника, а умирающего человека. Тщедушного, жалкого, отчаянно пытающегося сказать...

- Праймашина... - повторяет Ян, и падает на землю.

- Молодой господин!

Вокруг становится светло и многолюдно.

Подбегают стражники, десяток, не меньше, и каждый второй держит в руке факел. Появляется Лашар и два его Героя, прыгивают с лошадей, продираются к телу и молча смотрят на мертвого преступника. Даже Искательная телега пригрохотала, хотя ее никто не ждал. В маленьком переулке собираются едва ли не все участники поисков. Кобрийцы напряжены. Гридийцы наперебой превозносят молодого лорда, восхищаются

его смелостью, почтительно качают головами. Карлос что-то отвечает, усмехается, вытирает кинжал о поданную тряпку, но в его голове снова и снова звучат последние слова преступника:

“Праймашина... Леди Кобрин строит Праймашину...”

* * *

Просыпался Гридвальд засветло, а все потому, что ложился рано.

Люди в этих краях слыли прижимистыми, собственно, не просто слыли - они такими и были. Копеечку лишнюю предпочитали хранить, а не тратить, баловство разное не одобряли, вот и получалось, что прижимистость знаменитая, делала гридийцев зажиточными. В каждом здешнем доме стоял хотя бы один прайм-светильник, а у хозяев трудолюбивых или купцов удачливых - так и во всех помещениях, - вот только включали их изредка. Гридийцы как рассуждали? Мы ить не столица, чай, чтобы веселиться до упаду, так почто прайм тратить? Поработал - отдохни, пока солнце не село, а после - спать, сил набираться перед новым трудовым днем. Ежели чего поделать охота, по молодости лет, то свет помеха только, а человеку взрослому он и вовсе без надобности, не читать же ему, в самом-то деле? Вот и засыпал Гридвальд сразу после заката, а просыпался, соответственно, еще до первых лучей, когда не все звезды в едва посеревшем небе растворялись. И ворота городские стражники открывали, как люди из домов выходили, а потому прохожие не удивлялись, встречая в раннюю пору незнакомцев на улице.

И этому тоже не удивились.

Был путник ростом невелик - большинству гридийцев разве что до груди доставал, тщедушен и от того казался несерьезным. Платье носил чистое, но простое, дешевое: рубаха с пояском и двумя накладными карманами, льняные штаны, да короткие сапоги, потертые и немного грязные. Дополняли картину холщовая сумка через плечо и мятая шапка пильдербанского фасону. С перышком. Единственной примечательной деталью незнакомца было полное отсутствие волос: шишковатая голова его, напоминающая плохо выточенный шар, не знала ни шевелюры, ни бровей, не говоря уж об усах или бороде, а потому гридийцы, к мужской растительности с уважением относящиеся, провожали незнакомца ироничными взглядами.

На которые путник не обращал внимания.

Спокойный и деловитый, четко знающий, куда идти, он через площадь Шестереней дошагал до улицы Стучальщиков, которую облюбовали гридвальдские кузнецы да механики, оглядел открывшиеся лавки и, сняв шапку, подошел к хозяину ближайшей, внешне богатой, на обновленной вывеске которой значилось горделивое: “Ганс Подкова. Починяю все, что починяется”.

- Доброго утречка.

Фраза прозвучала вежливо, но без подобострастия, свойственного неуверенным в себе людям. Не проситель мол, прибыл, а человек деловой, понимающий, однако на богатырского вида Ганса, позевывающего под открытым навесом, тон путника не произвел впечатления.

- Кто таков? - осведомился кузнец, с подозрением разглядывая пыльные сапоги визитера.

- Позвольте представиться. - Путник с достоинством расправил узкие плечи. - Акакий Бенефит, действительный член Дальнесопской академии кузнечно-механических наук, изобретатель первого ранга и ученый. Еще.

- Мошенник, значит, - безразлично определил Подкова.

- Не мошенник, а странствующий инженер, - поправил кузнеца незнакомец. - Подвижник распространения ученых знаний...

- Бродяга?

- Квалифицированный праймолог третьего уровня с наградами. - Путник сделал вид, что обиделся. - Имею поощрительные дипломы шести имперских университетов четырех провинций, два из которых - с отличием.

- Путное чего принес? - Подкове надоела пустая болтовня, и он взял быка за рога. - Что продаешь?

- Знания.

- Гы! - Кузнец добродушно рассмеялся. - Этого добра у меня и без тебя хватает. Как что делать разбираюсь получше многих.

- Не сомневаюсь.

- Тогда проваливай.

Но предложение Бенефита не смутило.

- Едва оказавшись в вашем славном городе, - вкрадчиво произнес Акакий, не дожидаясь, пока его пошлют повторно. - Увидел я, что механики и кузнецы с большим трудом производят отверстия нужного диаметра. А ведь о пользе правильно расположенных дырок и дырочек написан целый ряд высоконаучных трактатов, которые я, будучи прилежным студентом...

- Короче!

- Могу предложить вашему вниманию ценнейшую и весьма важную, никому в Гридии неизвестную информацию о знаменитом дыркователе Шпристера, - провозгласил Бенефит.

- О чем?

Поскольку в голосе кузнеца не появилось враждебности, Акакий понял, что рыба заинтересовалась наживкой, и молниеносно перешел в наступление: сделал шаг вперед, приковав к себе взгляд Ганса, и слегка ускорил речь. Но именно слегка, не настолько, чтобы она стала невнятной.

- Дыркователь Шпристера - новейший, самый знаменитый в империи механизм для производства дырок и необходимых отверстий где угодно и когда угодно. Дырки можно производить без усилий и в любых количествах, при минимальном расходе прайма. Полученные отверстия оказываются идеально круглыми, а еще, обратите внимание - я не шучу! - их можно проделывать под углом!

- Да, ну?

- Клянусь поощрительными грамотами.

- И в металле?

- И в дереве, и в металле, до пяти сантиметров толщиной.

- Любые отверстия?

- Гарантия Шпристера.

- А кто он?

- В столице слава Рудика Шпристера давно превзошла славу самого Сотрапезника.

Об этом ученом гридиец, судя по всему, слышал. Он почесал бороду, пожевал губами, с сомнением изучая лысую голову “подвижника знаний”, после чего осведомился:

- Не врешь?

- Вам нужно делать дырки или нет?

- Э-э... - Кузнец задумался.

Дырки-то делать нужно, какое же хозяйство без дырок? Но бродячие ученые “за спасибо” не работают.

- Сколько?

- Всего лишь три десятка серебром.

- Даже не думай! - возмутился Ганс. - Один!

- За десять серебряных я могу поделиться не исключительными знаниями о замечательном дыркователе, - с прежней вкрадчивостью продолжил Акакий. - А за тридцать - эксклюзивными знаниями.

- Чем?

Пришлось разъяснять.

- Я дам слово, что не расскажу об изобретении магистра Шпристера вашим уважаемым конкурентам.

- Да какие они мне конкуренты? - хохотнул Подкова. - Ты вывеску видел? Я починаю все, что починается, понял? Я - лучший.

Но по глазам было видно, что кузнец уже подсчитывает прибыли от монопольного владения удивительным механизмом.

- Помимо подробных чертежей дыркователя, которые я выполню собственноручно, в комплект поставки входит создание опытного образца, - усилил предложение Акакий.

- В твоём присутствии?

- Мною лично.

Это решило дело:

- Двадцать серебряных .

На большее естество прижимистого гридийца не соглашалось.

- И обед.

- Согласен.

Кузнец оглядел улицу - потенциальных клиентов не наблюдалось, и жестом пригласил шустрого гостя в “тонкую” кузню - примыкающий к лавке сарай, в котором станки и верстаки соседствовали со всевозможными запчастями для разнообразных механизмов.

- Сразу говорю, праймолог, свободного железа у меня немного, и прайма чуть. Так что если дыркователь слишком сложен...

- Дыркователь Шпристера строится на базе универсального станка Миллера. - Заключив сделку, Бенефит почувствовал себя гораздо свободнее. Он сбросил с себя маску бродячего торговца, и в его тоне появились покровительственные нотки. - У тебя, братец, есть универсальный станок?

- Разумеется. - Кузнец подвел гостя к нужной машине.

- А сверла?

- И сверла тоже.

- Тогда... - Акакий внимательно оглядел висящие на стенах шестерни, заглянул в шкаф, порылся в ящиках, подбирая нужные детали, после чего распорядился: - Снимай кожух!

- Э-э... - Подкова помялся. - А станок не сломаем?

- Дыркователь Шпристера представляет собой сложное, но съемное устройство, которое ты сможешь насаживать... - Бенефит лихо собрал зубчатую передачу, после чего вернулся к теме: - Насаживать, когда захочешь. В общем, все как в жизни. Дай-ка мне, братец, ключ на четырнадцать. И... - Он оглядел сарай. - И вон ту станину дай, к ней будем цепляться.

- Ловко работаешь, - с уважением произнес кузнец, протягивая Бенефиту инструмент. - Наши, гридийские, значит, ученые больше в теории сильны, вроде, как сделать, знают, а как по-настоящему сделать надо, так их нету. Руки не к тому месту привинчены.

- Значит, ученые ваши, в другом сильны, - пробормотал Акакий, ловко разбирая станок Миллера на составляющие. - Выдумывать горазды, или еще чего.

- Болтать они горазды, - махнул рукой Подкова. - Я, признаться, поначалу тебя тоже за такого принял, за теоретика, значит. Ну и за прохиндея, само собой. У нас прохиндеи часто шлындают, город ить большой, самый в Пуще знатный... А ты ничего, работать умеешь.

- Учили хорошо, - процедил Акакий, аккуратно присоединяя к передаче прайм-воротилку.

- Чего тогда к лорду какому не прибился? Сидел бы в теплом замке, жалование получал, да умные советы простым работягам раздавал.

- Путешествовать люблю.

- А-а... - Кузнец догадался, что Бенефит не хочет вдаваться в подробности, помолчал, и негромко осведомился: - Бьют часто?

- Случается, - равнодушно отозвался ученый.

- И все равно путешествуешь?

- А кто тебе тогда дыркователь Шпристера показал бы, а? Теоретики твои? - Акакий оглядел разобранный механизм, вытер ветошью руки и предложил: - Перекурим?

- Давай.

- Табаком угостишь?

- Для хорошего человека не жалко.

Вот так и завязываются отношения: покажи, что трудиться любишь, что голову не для шапки носишь, и любой приличный человек сразу назовет тебя хорошим. Потому как болтунов полно, а людей работающих - поискать. А если человек к работе годен, то плохим он быть не может.

Мужчины вышли из "тонкой" кузни, присели на лавочку и раскурили трубки.

- Ты сам-то откуда, Акакий?

- Из Базитура.

- И как там?

- Не знаю. Пять лет дома не был.

- А идешь откуда?

- Из Виндера. Жил там неделю, пока не надоело.

- У нас задержишься?

- Честно говоря, не собирался, - медленно ответил Бенефит, наблюдая за проезжающим по улице фургоном, на холщовом боку которого красовалась крупная надпись "Прими Прайм!" - свободный вербовщик отправился на дневную охоту. - В столицу хочу податься. Или в Фихтер. Не решил еще.

- Один ходишь?

- Ага.

- Не боязно?

Шалящая на дорогах Чудь даже у самых смелых купцов отбивала охоту путешествовать в одиночку. В столицу тебе надо, иль в соседний город - не важно, Чудь - не разбойники, с которыми можно справиться, она возвращается снова и снова, потому что все ее желания - кровь, а страха смерти эти создания не знали. Местные, которые приметы нужные знали, да каждое дерево в Пуще, те еще рисковали до хуторов своих самостоятельно добираться, тропками незаметными в обход опасных мест. А вот на дорогах было опасно, несмотря на все усилия Героев.

- Когда компания есть, с ней иду. Купцы давно проходили?

- Дней через пять караван будет, раньше никак.

- Может, подожду... - Акакий пососал трубку. - Хороший у вас город?

- Для хорошего человека любой город хороший, а так... - Кузнец пожал плечами.

- Лорд Датос, да продлятся его годы как можно дольше, владелец приличный, просто так не обижает. Строгий, но справедливый. Налоги берет разумные, не душит. Порядок поддерживает, но ведь без порядка никуда.

- Это верно.

И мужчины, не сговариваясь, посмотрели на стены и высокие башни замка, хорошо видные из-за приземистых гридвальдских крыш.

- И сын лорда, Карлос, тоже хороший, - подумав, продолжил Ганс. - Пока, во всяком случае, хороший. Гуляет, конечно, но в вопросы вникает. Академию Лордов окончил в самой столице. И смелый тоже. Ко мне утром стражник знакомый приходил, рассказал, что господин Карлос этой ночью опаснейшего преступника самолично истребил.

- Самолично? - недоверчиво прищурился Акакий. - Ужель стражников у лорда Датоса мало?

- Злодей в городе объявился страшный, - важно ответил кузнец, явно копируя интонации болтливого приятеля. - Людей бил, подлец, стражника одного аж до смерти, а еще двоих поранил. И даже Героиню убил, которая с господином Карлосом на поиски отправилась. Шахману Егозу, ее тут все знают.

- Да ты что?!

- Как есть говорю. А господин Карлос злодея этого в честном бою одолел. Одним кинжалом взял.

- Хороший парень растет, - задумчиво произнес Бенефит. - Герой не справился, а он смог.

- Вот и я говорю: старому лорду опора и поддержка. Ну и нам, простым людям, надеюсь, не в тягость будет.

Подкова выбил трубку и собрался, было, предложить гостю вернуться к работе, как услышал:

- Я утром Героя видел, только доспех его не понял, - размеренно произнес Акакий, вновь переведя взгляд на замок. - Черный с фиолетовым у него доспех, а у гридийцев, вроде...

- Синий с желтым наш цвет, - гордо ответил кузнец. - А черные эти, с фиолетом которые, они вчера понаехали. Чуть ли не от моря самого. Кобринцы...

- Кобринцы.

- Во-во. Слыхал?

- Бывал.

- Там правда море есть?

- Еще какое! - Бенефит догадался, что Подкова не очень хорошо понимает размеры моря, и уточнил: - Оно огромное, как озеро, только в тысячу раз больше.

- Ого. - Кузнец покачал головой, тщательно переваривая грандиозную информацию, после чего продолжил: - Но мне эти кобринцы не понравились вовсе. Заносчивые они какие-то и злые тоже. Едут по улице, а сами зыркают, словно Чудь какая.

- На то они и Герои.

- Не скажи, - не согласился Подкова. - Герои должны быть с пониманием. Вот наши, к примеру, очень даже нормальные ребята. Ставят из себя, конечно, но злобы в них нет, да. А эти...

- Тут от лорда много зависит. Если лорд человек мудрый, то и Герои его спокойные, без злобы, как ты сказал. А если лорд - зверь какой, то и Герои...

- А что, в Кобрии зверь сидит?

- Люди говорят, - уклончиво ответил Бенефит.
- А ты что скажешь?
- А я с леди Кобрин не общался, рылом не вышел. Но кобрийцев, как и ты, не люблю. Давно они приехали?
- Я ведь говорю: вчера еще. За преступником этим самым гнались.
- Ах, вот в чем дело...
- Ага. Так что ты не беспокойся, Акакий, раз они преступника поймали, то и сами уберутся. И сможешь ты спокойно подождать караван. А пожить и у меня можно, если тебе постоянный двор не по карману.
Кузнецу очень хотелось, чтобы толковый бродяга пробыл у него как можно дольше. Глядишь, еще чего расскажет, или на большую скидку в конце концов согласится, деньги ведь на дороге не валяются.
- Можно подумать, - улыбнулся Бенефит. Выбил трубку и предложил: - Пойдем, братец, закончим твой дыркователь.

* * *

“Я что, забыл выключить свет? - Датос, лорд Грид, остановился в дверях, озадаченно осмотрел ярко освещенную комнату, и погладил короткую седую бородку. - А когда я здесь был в последний раз? Пять дней назад? Нет, неделю”.

Точно - неделю. Ровно семь дней назад воевода Генрих настолько неудачно повстречал в Дохлом овраге трехглавого змея, что его пришлось воскрешать. Воеводу, разумеется, не трехглавого. За подлой Чудью потом еще охотились, пока не убили, а тогда, семь дней назад...

“Спасибо, старый друг”.

“О чем ты, Генрих? Я рад тебя видеть”.

Потом они обнялись, как это всегда бывало после воскрешения, и отправились в каминный зал, выпить по кубку терпкого вина.

“И я забыл выключить свет. Старею, Чудь меня разбери, старею...”

Лорд Грид грустно улыбнулся. Подозрения, охватившие его при виде освещенной комнаты, рассеялись. Да и с чего они взялись, эти самые подозрения? Прайм-индуктор находится в самом глубоком подвале замка, в который ведет одна-единственная лестница. Два стражника у верхней двери, два стражника у средней, нижняя, ведущая непосредственно в комнату, не охраняется, но сделана из прочнейшего сплава, а замок на нее ставил наилучший столичный мастер - Изотерм Любой-Ключ. Два замка, если быть точным, да еще с тремя секретами: захочешь - не откроешь. Кто в такую нору проберется? Сюда даже крысам вход заказан, потому как не абы что хранится глубоко под землей, а наиценнейшая для любого лорда вещь - прайм-индуктор. Так что бессмысленны подозрения, бессмысленны по определению. Другое дело - старость... Старость, собака, подкралась.

Датос понимал, что осталось ему немного. Лет пять, может, семь, а потом он превратится в развалину, если чем и крепким, то умом. Если повезет, конечно, сохранить разум в ясности. Но дряхлый лорд не может править, и во главе Гридиин встанет Карлос, единственный сын и единственная надежда.

“Пора за парня всерьез браться. А то мало ли что...”

Пора-то пора, да где время взять? Гридиин даром что маленькая, проблем ежедневных столько, что еле успеваешь управиться. Опять же - для себя пожить охота, пока силы есть, вот и получается, что сын до сих пор “на подхвате”. Там поможет, тут подсобит, а

системы никакой нет. Образование Карлос получил, но вот реального опыта маловато, а без опыта будет сложно.

“Пора, - пообещал себе Датос. - Сегодня же начну”.

Он тщательно закрыл за собой дверь, поставил на небольшой столик принесенную с собой металлическую шкатулку, раскрыл ее, надавив на секретную кнопку, выдуманную тем же мастером, что замки делал, и внимательно оглядел лежащие на черном бархате каталисты.

Золотой нагрудный знак в виде двух мечей, скрещенных на фоне солнца, принадлежал Генриху Урагану, воеводе и старому другу. Знак этот император Ферраут вручил всем выжившим в страшной сече у Квадратной горы, не поскупился на золото, потому что выживших осталось всего три десятка, среди которых были и Датос, и еще не ставший Героем Генрих.

“Я все помню, - улыбнулся лорд, прикасаясь пальцами к знаку. - Я стар, но все помню”.

Как адорнийцы зашли в тыл, как свистели стрелы, били наотмашь мечи, и как лилась на камни кровь, предвосхищавшая их гибель. И как они с Генрихом, который не был тогда ни воеводой, ни Ураганом, повели остатки рыцарей в последнюю атаку. В пешую, потому что лошадей не осталось. С мечами, потому что копья давно поломались. В безнадежную...

“Мы тогда победили, Генрих, мы с тобой всегда побеждаем”.

Следующий каталист принадлежал Арчибальду Ржавому Усу, молчаливому по жизни и страшному в сече. Как ни странно, это была детская свистулька, коряво слепленная из рыжей глины. Датос вспомнил, как удивился, увидев ее в руках горца, и как порозовел Арчибальд, видя изумление лорда.

“Надеюсь, вы никому не скажете?”

“Это наша тайна, Ржавый Ус, так что будь спокоен”.

Детская свистулька... Датос покачал головой и перевел взгляд на игральную карту, пикового туза, что был каталистом Джейкоба Самострела. Не очень оригинально, зато полностью отражает удалой характер дуэлянта. Держать Самострела в узде было особенно трудно, но дело того стоило - этот Герой заводил команду не хуже воеводы.

- Балабол ты, - пробормотал Датос, обращаясь к Джейкобу, и вытащил из шкатулки четвертый, последний каталист - простенькую заколку для волос, украшенную ненастоящим бриллиантом.

- Ну что же, девочка, давай тебя разбудим.

И повернулся к стоящему в центре комнаты прайм-индуктору.

И вздохнул, как это всегда бывало перед запуском странного и удивительного механизма.

Самое значимое для лордов устройство, машина, позволяющая воскрешать павших в бою Героев, напоминала верхнюю часть огромного круглого шлема, растущего из могучего каменного основания. Датос прекрасно знал, что прямо под “шлемом” прячутся сложные механизмы, обеспечивающие выполнение необычайно сложной и тонкой работы, но все равно не мог отделаться от мысли, что прайм-индуктор - пустая оболочка, предназначенная лишь для сокрытия чудодейственного акта воскрешения. Сходство со шлемом еще больше усиливалось, когда медленно откидывалось назад “забрало” - в эти мгновения лорду казалось, что он вот-вот увидит огромные глаза и верхнюю часть лица Героя-гиганта, и Датос вздрагивал. Всегда вздрагивал, несмотря на то, что работал с прайм-индуктором уже много лет.

Вздрогнул и сейчас, после чего принялся за дело.

Первый шаг Оживления Героя - работа с каталистом. Датос поместил заколку в Расчетный Ящик и принялся медленно подкручивать верньеры, поочередно подавая в плотно закрытый металлический куб разные смеси прайма. Через пятнадцать секунд внутреннее пространство, видимое через стеклянную крышку, окрасилось красным, восемь секунд понадобилось зеленому, чтобы его сменить, двадцать три секунды боролся за право стать главным насыщенный синий, и, наконец - черный, через одиннадцать секунд. Датос тщательно записал цифры, выключил Ящик и перешел к кафедре, на которой лежала раскрытая книга “Наиполнейшие подробности обращения с Прайм-индуктором”. Объемистый и совершенно секретный труд Ученого Совета, предназначенный исключительно для лордов, содержал детальные правила работы с Прайм-индуктором, но прежде, чем вплотную заняться машиной, предстояло сделать много тонкой работы.

Обращаться с Прайм-индуктором мог один человек, на первый взгляд все операции казались необычайно простыми, однако учиться этой “простоте” Датосу пришлось несколько долгих лет.

Снятые с Ящика показания легли в основу расчетов по сложным формулам, результаты которых позволяли оптимальным образом настроить машину. Датосу предстояло вычислить интенсивность и длительность подачи разных смесей прайма, и ни в коем случае не ошибиться - в противном случае из сложного устройства, в десятки раз ускоряющего естественный процесс воскрешения, могла явиться не красавица Героиня, а горбатый уродец с тремя руками и лишним носом - только Индуктор гарантировал, что процесс воскрешения пройдет так, как надо. Дважды лорд путался, шептал: “Проклятая старость...”, комкал листы, начинал заново, и лишь на третий раз все прошло, как по маслу.

Покончив с расчетами, Датос переложил каталист Егозы в центр машины и подошел к панели управления.

- Начнем.

Первый рычаг, за который потянул Датос, запустил саму машину - активизировал скрытый в ее чреве кристалл концентрированного прайма. Послышалось басовитое гудение, воздух в комнате задрожал, закрепленные на стенах фонари панически заморгали, а сквозь щели стал пробиваться яркий свет. Процесс начался.

Несколько лет назад, впервые возвращая к жизни Героя, Датос испытывал благоговейный страх. Ему казалось, что он управляет актом создания, что он достиг величия старых богов и стал равен им. Ведь он не излечивал Героя, а воссоздавал его! Из праха и тлена с помощью всемогущего прайма. Мысль о собственном величии приятно грела душу пока не притупилась. А потом лорд понял, что собственных его заслуг в воскрешении Героев нет. Все делал прайм, Индуктор лишь помогал ему, а он, Датос, был жалким придатком. Вычеркни из уравнения Индуктор и лорда, прайм все равно вернет Героя. Пусть много медленнее, но вернет. Вот и получалось, что прайм, эта странная, появившаяся после катаклизма субстанция, был во главе всего, а не он, не лорд.

- Но ты все равно воскрешаешь только Героев, - пробормотал Датос, продолжая свой старый, бессмысленный, но важный для него спор с могущественным источником необыкновенного. - Вернуть простого человека ты не в силах.

И вновь - в который уже раз, - поймал себя на мысли, что это единственное, чего прайм не может.

Шаг следующий - подача смеси. Позади Индуктора были установлены четыре бака, наполненные различными составами прайма. Особо точные краны с тремя рукоятками каждый - основная, для “широкой” и “тонкой” подачи, - позволяли лорду запускать

внутри “цветка” ровно столько прайма, сколько показали расчеты с точностью до грана. Именно в этот момент начинался собственно процесс оживления, строительство нового человека по старым чертежам, воскрешение убитого Героя.

- Ты меня еще не слышишь, Егоза, но все равно: добро пожаловать, - негромко произнес лорд, и повернул главный вентиль красного бака.

Гудение усилилось, а вырывающееся из щелей сияние быстро приобрело алый цвет. Согласно расчетам первая фаза - красная, - должна продлиться пять с половиной минут...

Марево. Или туман? Или разноцветные облака, мелькают перед глазами с калейдоскопической скоростью?

Что я вижу?

Облака?

Почему облака? Разве я умею летать?

Нет, я не умею летать. Не научилась. И потому недоступно небо, недоступна высота птичьего полета, а облака не спускаются к земле, и не могут мелькать передо мной с калейдоскопической скоростью.

Облака - дети неба, а значит, я вижу марево. Или туман, в невесомых капельках которого прячется невиданная сила.

Что есть сила?

Сила - это я? Или туман дает мне силу? Что за туман? Он чужой или он - это я? Я - туман? Зачем я вообще об этом думаю? Что заставляет меня думать о том, откуда взялся туман? Или марево? Ведь их не было. Они появились только что, когда я открыла глаза, которых у меня еще нет.

Я - есть туман, а туман есть прайм.

Прайм.

Слово пришло ниоткуда. Оно просто возникло, во всей своей полноте, и объяснило все на свете. Туман есть прайм, марево есть прайм, разноцветные облака есть прайм и я есть прайм. А что есть сила?

Прайм есть сила?

В чем она?

В том, что прайм - есть прайм?

Я не знаю, в чем заключается правда: сила в тумане или в прайме? Или во мне? Или сила и есть я? И прайм.

Что есть я?

А следующая мысль обожгла: я умерла!

Это случилось совсем недавно. Или сто лет назад. Я не знаю, когда умерла, и сколько времени прошло до возвращения. Даже здесь, в тумане, который есть марево и разноцветные облака, времени нет, а уж там, откуда я сюда попала и подавно. Я была мертва, а потом пришел прайм и сделал так, что я возвращаюсь. Потому что так хочет мой лорд. И я.

Да!

Я хочу жить, я слишком мало пожила. Я хочу вернуться. Но... кто хочет больше? Я или лорд? Или прайм, который дает мне силу вернуться? Почему он дает мне силу? Он подчиняется лорду? Может ли прайм подчиняться лорду? Кто именно хочет, чтобы я вернулась? Прайм или лорд?

Хочу ли я вернуться?

Через туман, марево и разноцветные облака. Постепенно ощущая, как тяжелеют появляющиеся руки, как наливаются силой появляющиеся мышцы, как тело делает первый вздох, а мысли становятся все более и более четкими.

Я просыпаюсь.

Я воскресаю.

Я возвращаюсь в мир, потому что так хочет мой лорд, потому что так хочу я, и прайм поднимает меня. Прайм в основе всего.

Хочет ли прайм моего возвращения?

Когда Индуктор открылся, Датос остался у панели управления, лишь бросил через плечо: “С возвращением!”, но не повернулся. Герои возвращались в мир обнаженными, и Егоза специально просила лорда не наблюдать за ее приходом. Не потому что стеснялась, нет... Огненные лисы не появлялись на людях без костюмов с рыжими ушками и роскошными хвостами, никто не знал, камуфляж ли это, появляющийся вскоре после вос-крещения, или тела Героинь действительно изменились под воздействием прайма, и тайна сия должна была оставаться тайной. Возможно, некоторые лорды пренебрегали просьбами огненных лис, но Датос данное слово держал, терпеливо дождался, когда Егоза оденется, и лишь после этого вышел из-за машины.

- Доброе утро, Шахмана.

- Служу и повинуюсь, лорд Грид.

- Не надо так официально, Шахмана, мы одни.

“Я есть туман. Я есть прайм... Я никогда не бываю одна - прайм всегда со мной”.

- Как прикажете. - Егоза склонила голову. - Что с молодым господином?

- Все в порядке.

- Я не углядела за ним.

- Карлос молод и горяч, он ищет приключений даже там, где их искать не следует.

- Молодой господин жаждет славы.

- Или ему скучно.

- Он будет великим воином.

- Если не погибнет в темном переулке.

“Это намек? Или просто сорвалось с языка? Он злится?”

Героиня склонила голову.

- Лорд Грид, я прошу меня простить.

- Тебе не за что извиняться, Шахмана. Ты приняла на себя выстрел из остробоя, закрыла Карлоса, а потом он сделал все остальное. Он достал преступника.

“Один выстрел из остробоя?!”

Героиня почувствовала себя уязвленной:

- Одним зарядом меня не свалить. Даже из остробоя.

- Очень мощный заряд, - уточнил Датос. - Преступник хорошо подготовился.

- Преступник был Героем? - подняла брови Егоза.

- Нет, обычным человеком.

- В таком случае, откуда у него остробой? И столько прайма?

- Мы разбираемся.

- Понимаю... - Егоза хотела продолжить, спросить насчет кобрийцев, но не успела.

Пошатнулась и ухватилась за Индуктор. И зашипела: - Проклятье!

Накатила “слабость второго шага”: сначала вернувшийся Герой чувствует себя превосходно, и даже чуть лучше чем превосходно. Сила бурлит в нем, как в вулкане,

каждая клеточка переполнена ею, и хочется немедленного действия. Хотя какого-то действия: секса, боя, бега - лишь бы до изнеможения. Но через несколько минут сила неожиданно пропадает, и подступившая слабость обухом бьет Героя по голове: ты можешь далеко не все!

- Ты как? - участливо поинтересовался Датос.

Егоза тряхнула головой:

- В порядке.

“Я есть прайм...”

- Нужно отдохнуть?

- Я... я готова служить молодому господину.

Слабость не позволила Шахмане скрыть чувства, и лорд уловил в ее голосе нотки обиды. И понял, чем она вызвана.

- Надеюсь увидеть здесь моего сына?

Огненная лиса замялась, но уже через мгновение гордо вскинула голову:

- Да, лорд Грид, надеюсь.

Карлос должен был прийти хотя бы из чувства благодарности. Или должен был извиниться, ведь, в конце концов, это он приказал осветить переулок. Она превратилась в мишень, и боль... Смерть - всегда боль, даже мгновенная смерть. Шахмана помнила все свои смерти, не обстоятельства, а боль, что приходила вместе с небытием. Без страха помнила, но и без восторга. Молодой господин стал причиной очередного испытания, и должен был хотя бы извиниться.

- Я сказал Карлосу, что займусь твоим воскрешением ближе к вечеру, - спокойно ответил Датос. - Я его обманул.

- Почему?

Лорд задумчиво улыбнулся:

- Карлос прекрасно управляет с Прайм-индуктором, но он еще не понял суть церемонии, не осознал, насколько важна она для Героев и... для лордов. Карлос видит только то, что вы бессмертны, что вы воскресаете пав в бою, а потому воспринимает происходящее без должного уважения. Прежде, чем встречать возвращающихся, он должен понять, через что вы проходите.

- Каким образом? - не поняла ошарашенная Егоза.

“Карлос должен умереть?”

- Он должен чуточку повзрослеть. - Датос вновь улыбнулся, и погладил девушку по щеке. - Он мог тебя обидеть, Шахмана. Не нарочно, разумеется, а потому что еще не готов заниматься столь сложным делом, как встреча воскресших Героев.

“Да, наверное, так оно и есть”.

Настоящие лорды чувствуют своих Героев как отцы - детей. И детей своих чувствуют, потому что отцы. И следят за тем, чтобы в семье царил мир.

- Вы хороший человек, лорд Грид, - прошептала Егоза.

- Карлос тоже хороший, но он еще молод. И когда я уйду...

- Лорд, прошу вас...

- Не перебивай! - жестко приказал Датос. Помолчал, и продолжил: - Так вот, когда я уйду, у Карлоса останетесь только вы.

- И еще ментор.

- Нет, - качнул головой лорд. - Тебе, Самострелу, Ржавому Усу и Урагану, я доверяю гораздо больше.

- Потому что у вас наши каталисты?

- Потому что мы накрепко связаны, Шахмана. Потому что мы вместе.

* * *

- Тихо!
- Что-то услышал? - тут же осведомился Безухий.
- Не знаю, - шепотом отозвался Одноглазый.
- Тогда почему тихо?
- Потому что я, возможно, что-то слышал.
- Слышал или нет?
- Не знаю.

Безухий покачал головой:

- Мама не зря говорила, что ты идиот.
- А о тебе ей и сказать-то было нечего.
- Меня она любила, одноглазая ты скотина.
- Меня больше.
- Меня.
- Меня!
- Меня!!

Ругаться братья могли долго - сорок лет жили они бок о бок и надоели друг другу до смерти, - а потому Безухий подавил гордость и перевел разговор в деловое русло:

- Может, все-таки скажешь, что слышал?
- В том-то и дело, что не знаю, - поморщился Одноглазый. - Шорох - не шорох...

Сразу не поймешь.

- Где слышал? Справа или слева?
- Сразу не скажешь.

А вопрос, меж тем, стоял серьезный.

Караван братьев Черепвата - четыре большие кибитки и два десятка всадников, остановился у Бесшабашной Развилки, на знаменитом среди всех контрабандистов перекрестке. Тропа уходящая налево, вилась через печально известный лес Девяти Дятлов, в который, как шутили, даже Герои заглядывали только в сопровождении телохранителей. А гать, что вела направо, была проложена через болото Мертвых Опарышей, в котором во время Войны за Туманную Рощу сгинул без следа лейб-гвардии полк наилегчайших рыцарей под командованием лорда Вернера. А поскольку и до, и после этого печального события Мертвые Опарыши всосали в себя не одну тысячу несчастных душ, репутация у болота была аховой.

Начинающиеся у Бесшабашной Развилки дороги вели к одному месту - переправе у Камышового Острова, оставалось выбрать, по какой ехать.

- Ты шорох какой слышал: низкий или высокий?
- Не понял, - растерялся Одноглазый.
- Ну-у... басовитый, как у трехглавой, или высокий, типа, трехглавая на жабу наступила? - как мог, объяснил Безухий.

Одноглазый несколько секунд таращился на брата, после чего сплюнул и еще раз уточнил:

- Я шорох слышал.
- И что?
- А то, чтоб тебя докты усыновили, шорох не может быть басовитым!
- Почему?

Одноглазый наконец-то понял, что над ним потешаются, и угрюмо попросил:

- Кончай придуриваться!

В ответ услышал довольный смешок.

Братья Черепвата - Безухий и Одноглазый, заслуженно считались самыми ловкими по эту сторону Ильвы контрабандистами. Торговать с доктами они начали еще до Войны за Туманную Рощу, и тогда же в первый и последний раз попались адорнийским патрулям, потеряв соответственно, ухо и глаз. Но дело прибыльное не бросили, лишь осторожнее стали. И даже после войны, когда большие шишки, скрипя зубами, дозволили купцам наладить официальную торговлю через Фихтер, от криминального бизнеса Черепваты не отказались, продолжили возить через Ильву товар запрещенный, а стало быть - невероятно выгодный. Торговали артефактами, что производили адорнийцы, взамен брали механическое оружие, сделанное талантливыми северными кузнецами - его охотно изучали военные южан. Прайм возили, и такое случалось, а в последнее время переключились на "скот" - так на своем сленге братья называли невольников. Распутные северные лорды, познавшие во время войны сладость пылких южанок, охотно скупали молоденьких девушек, обученных музыке, танцам, пению и любовным хитростям. На юг же отправлялись ремесленники, умеющие быстро и ловко изготавливать простые, не требующие особой красоты, но незаменимые в хозяйстве вещи: топоры, пилы, кастрюли, сбрую, бочки и прочий хлам. Нынешний бизнес оказался выгодным, до неприличия, но и невероятно опасным. Правильные адорнийцы и докты за своих горой стояли, продавать соплеменников в рабство почитали за самое страшное из всех возможных преступление, и попадись братья военным вторым ухом, да вторым глазом не отделались бы - за работорговлю петля полагалась. А уж за тот груз, что трясся сейчас в четырех кибитках - и подавно. Тут не только петлей пахнет, но еще и пытками...

Впрочем, забивать неприятными мыслями головы Черепваты не любили: к чему размышлять о грустном? В настоящий момент их гораздо больше волновал прикладной вопрос: по какой дороге ехать?

- На этой неделе патрулями Ахдарчамнава Щуп командует, а он ужас как любит на уток охотиться, - припомнил Одноглазый.

- А в лес заходить боится, - кивнул Безухий. - Что-то у него с Девятью Дятлами не то вышло.

- Не у него, а у евойного папаша.

- Точно тебе говорю - у него. По молодости он в этом лесу половину свиты угробил на трехглавую наткнувшись.

- Это когда за нами погнался?

- Если бы он знал, за кем гнался, мы бы с тобой сейчас не бизнес обсуждали, а на деревьях покачивались, как маятники, какие-нить.

- Не сейчас, а десять лет назад.

- Все равно как маятники.

- Это точно.

Безухий почесал в затылке.

- Ладно, патрули, стало быть, по болоту шастают, а с Чудью что делать будем? Где ее больше?

- Попробуем узнать.

Предсказать перемещения дикой Чуди, что шастала по лесам с самого катаклизма, не могли даже лучшие гадатели на свежавынутых потрохах, но братья свято верили в магические кости, за которые когда-то отвалили бродячему магу небольшое состояние, и прибегали к их помощи во всех затруднительных случаях

Одноглазый извлек из мешочка два разноцветных кубика и потряс их в кулаке.

- Красный - болото, белый - лес.
- Бросай! - нетерпеливо велел Безухий.

Кости упали на утопанную землю, и работоторговцы наклонились, жадно изучая получившуюся комбинацию.

- Четыре к шести.
- Значит, лес.

Полной гарантии зачарованные кубики не давали, ошибки у них случались, но лучшего советчика у Черепватов не было.

Братья вскочили на лошадей и Одноглазый махнул рукой ожидавшим приказа спутникам:

- Давай к Девяти Дятлам!

Сны бывают разными. Интересными или не очень, хорошими или страшными, запоминающимися или мимолетными, пустыми или наполненными смыслами. Иногда - очевидными смыслами, иногда - скрытыми, что расшифровать можно лишь с помощью опытных толкователей, которые знают, почему рождаются во тьме ночной те или иные образы, и способны собрать их в законченные послания.

Сны играют с нами. Бесплотным туманом окутывают нас в часы забвения и часто уносят далеко прочь. Или в другие страны, или в другие миры, или в далекое прошлое, когда все вокруг было наполнено беззаботным весельем. И вот эти, последние, сны, в расшифровке толкователей не нуждались - для этого они были слишком хороши.

Добрые, нежные, очень теплые и очень мягкие, эти сны приходили крайне редко, наверное, как все доброе, нежное, очень теплое и очень мягкое в нашей суровой жизни. Однако приходили и словно говорили: все не так плохо, как кажется, в твоей душе есть место хорошему, ты еще человек... И Марида верила. Цеплялась за эти редкие сны и верила в добро.

И сейчас она видела один из таких снов. Прекрасно понимала, что спит, что все вокруг ненастоящее, но она все равно улыбалась. Потому что ей нравилось то, что она видела.

Мариде снилась долина Тысячи Лепестков, в центре которой вырос большой и красивый Диналион - город ее детства. Город, пропитанный неподдельной радостью и наполненный доброжелательными людьми. Город, каждый дом которого был совершенен, а каждый житель - прекрасен. Город магов и поэтов, целителей и созидателей, художников и воинов. Мариде снились точеные мосты через шумную Диналию и стоящий на ее берегу великолепный замок лорда Диналерико. Снились площади, которые правильнее было бы назвать полянами, снились улицы, а точнее - аллеи, сады и парки. И еще Мариде снился Релеветар. Молодой и веселый Релеветар, в объятиях которого она сгорала от страсти. Снилась их прогулка, та самая, первая настоящая прогулка, когда оба знают, чем закончится встреча, но не говорят об этом. И молчаливое предвкушение невероятно возбуждает влюбленных... Они веселятся у фонтана, целуются на мосту и Релеветар дарит ей восхитительный цветок. Вплетает пышный бутон в ее волосы, потом берет ее за руку и негромко читает изящное стихотворение, в каждой строчке которого - любовь.

А потом они идут на берег небольшого озера, в один из множества укромных уголков, которые молодые адорнийцы приспособили для тайных встреч. Солнце заходит, красные лучи бесшумно скользят по тихой водной глади, но Мариду и Релеветара не волнует красота чарующего заката. Они слишком долго ждали этого мгновения и не в силах больше терпеть. Одежда летит на землю, сплетаются руки, сплетаются губы, нежные

слова кажутся продолжением прекрасного, посвященного только ей стихотворения, и кружится голова...

Марида счастлива.

Она забывает, что видит сон. Сейчас это не важно. Сейчас все настоящее: Релеветар, его руки и напор, его губы и глаза, его неистовая страсть... Марида счастлива.

Но неожиданно чувствует, что юноша останавливается. Марида открывает глаза, смотрит на Релеветара и ее взгляд молит об одном:

“Продолжай!”

А в ответ слышит шепот:

“Опасность!”

“Опасность?!”

Нет ничего страшнее, чем встретить в непроходимой чаще проклятую Чудь, появившуюся на земле после давней катастрофы. Землетрясения, ураганы, смерчи, огненные и ядовитые дожди - все напасти, что изводили людей во время катаклизма, постепенно сошли на нет. Жизнь вновь стала налаживаться, появился благословенный прайм, дающий людям невероятную силу, но... Но добра без платы не бывает, и платой стала Чудь.

Сначала ее было мало, охотники находили в лесах уродливых тварей, отдаленно напоминающих привычных зверей, без труда убивали их, и со смехом рассказывали о подвигах у вечерних костров. Но время шло, и Чудь набирала силу. И теперь уже не одинокие звери встречали охотников, а целые стаи. И не только в чащобах. Почувывая кровь Чудь нагло вторгалась на территории людей, подстерегала путников на дорогах, разоряла небольшие поселения, а изредка даже нападала на замки. Но хуже всего то, что стала появляться Чудь разумная, понимающая, как биться надо, однако не желающая знать ничего, кроме битв. Точнее, не разумная - смышлённая, хитрая, коварная... Как раз-таки разумная Чудь в мире обитала давно, с самого Катаклизма - обладающая не только разумом, но и речью, а главное - Геройскими талантами. К такой Чуди уже привыкли - по сути эти Герои ничем, кроме странной внешности, от обычных Героев не отличались, и сейчас в отрядах как доктских, так и адорнийских Лордов нет-нет да и встречались наги, маназмеи и прочие Чудь-Герои. А вот то, что дикая Чудь, живущая в лесах да пустошах, научилась соображать, хитрить и даже сбиваться в отряды - явление недавнее: старики шептались, что это к большой войне.

С дикой Чудью, хоть тупой, хоть разумной, нельзя было договориться, ее нельзя было напугать и отогнать подальше, объяснить, что вторжения обязательно заканчиваются смертью - бессмысленная жажда крови гнала Чудь на людей. Солдаты и охотники истребляли тварей десятками, но им на смену приходили новые полчища, заставляя людей постоянно ожидать нападения.

Именно Чуди были обязаны нехорошей своей славой и лес Девяти Дятлов и болото Мертвых Опарышей, и именно встречи с Чудью братья Черепваты опасались гораздо больше, чем патрулей: ведь кривые контрабандистские тропки подвергались атакам тварей чаще широких, охраняемых солдатами дорог.

- Ты слышал?

- Вой?

- Хруст, - пугливо заметил возница первой кибитки, хотя его никто не спрашивал. -

Как будто кто-то кость грызет. Человечью.

- Тьфу на тебя, дубина.

- Что?

- Заткнись!

- Слушаюсь!

- Не вой, - прошептал Одноглазый. - Дыхание тяжелое... Это леший, брат, другие здесь не водятся.

- Одного лешего мы завалим, - так же тихо ответил Безухий. - Другие есть?

- Хруст это, а не дыхание. Хруст...

- Еще вякнешь - прирежу!

Возница опустил голову.

Как тут не вякать, если тьма кругом кромешная, а посреди этой самой тьмы кто-то невидимый, но наверняка огромный, с чавканьем грызет берцовую кость какого-то бедолаги? Возможно, возницы другой кибитки, что шла пару часов назад через Девять Дятлов с запрещенным товаром, да не дошла. И теперь огромный, стало быть, чавкает, а остальные твари слюнки пускают, да облизываются, к приближающемуся каравану прислушиваясь.

- К оружию, парни, - громко распорядился Одноглазый. - К оружию, если не хотите, чтобы вас без соли оприходовали!

Отряд у братьев был небольшим, но надежным. Два десятка тертых калачей, что скакали на лошадях вокруг кибиток, истоптали и Девять Дятлов, и Мертвых Опарышей, и даже по Гибельному Днищу ходили, проверяя лживые слухи о спрятанных в нем сокровищах. Чуди бойцы не боялись, точнее, побаивались, конечно же, но от драки не отказывались.

- К оружию!

Копья наперевес, арбалеты взведены, топоры наизготовку. Но караван, тем не менее, продолжил движение в прежнем, неторопливом темпе, и лишних факелов, кроме тех, что освещали дорогу передовой кибитке, не появилось. Чудь тупа до неприличия, но настораживать ее не надо. Пусть ближе подойдет.

- Если леший, то завалим, - повторил Безухий.

Ответить брату Одноглазый не успел...

Самые голодные всегда нападают первыми, а меньше всех еды - так уж заведено, - достается слабакам. И потому сначала на караван набросились "рогатики", невысокие, нормальному человеку по пояс, ублюдки, некогда бывшие козлами. Или козлятами. Хилыми рожками "рогатики" не пользовались, предпочитали короткие, но широкие тесаки, которыми любили подрезать лошадям сухожилия, и в этом была их главная опасность.

- Чудь! - заорал Безухий, но вопль запоздал: никто из тертых калачей момент атаки не прозевал.

Сражаться со слабыми, но многочисленными и шустрыми "рогатиками" - только время терять. Остановишься, начнешь сносить одним ударом по две-три твари, но какая-нибудь юркая сволочь обязательно доберется до лошади. А потому, услышав "Чудь!", "тертые" прибавили, намереваясь оторваться от "рогатиков", и прекрасно понимая, что впереди их ожидает кое-кто похуже.

Например - "камнеметы".

Едва караван прибавил, оставляя "рогатиков" далеко позади, как над дорогой

засвистели увесистые булыжники, сообщая о засевших вокруг “камнеметах” - мелких, но сноровистых ублюдках, с длинными, до земли, руками. Избежать тяжелого облака не было никакой возможности - только прорваться сквозь, и люди прорывались, ругаясь и жестоко хлеща ржущих лошадей. Не повезло только вознице первой кибитки - ловко пущенный камень угодил ему в висок и сбил на землю. А ждать его не стали.

Не до того.

- Это мелочь! Мелочь! - орал Безухий, нахлестывая лошадь. - Если здесь только она...

И едва не свалился, с трудом удержавшись на вставшей на дыбы кобыле.

И побледнел.

Потому что посреди дороги, издав страшный, известный всем на свете людям: “Ихрюп! Ихрюп!”, возник леший.

- Дерьмо!

Лошадь захрипела.

- К бою!

- Ихрюп!!

Леший взмахнул дубиной, а в следующий миг в него вонзился десяток арбалетных болтов - “тертые” слышали жоака.

- Ихрюп!

Завалить огромную тварь арбалетами никто не рассчитывал, лешему просто намеркнули, что добыча желает драки, и мгновенно развернулись в боевой порядок. Одноглазый с пятью бойцами отправился к последней кибитке - удерживать на расстоянии мелочь. Трое наиболее сведущих в магии наемников отложили оружие, рассчитывая время для ударов, а остальные всадники, ведомые взбешенным Безухим, набросились на лешего.

- Ихрюп!

- Сдохни!

- Ихрюп!!

Здоровенный, в два человеческих роста, леший размахивал сучковатой дубиной с такой скоростью, что любая прайм-мельница удавилась бы от зависти. И медленно, но неотвратимо приближался к первой кибитке. Его волосатое тело прикрывали грубые, вырезанные из толстых досок доспехи, пробить которые копьем или мечом было трудно, а поджечь удавалось с большим трудом.

- Ихрюп!

И дубина припечатала молодого Клинка к дереву. Вместе с конем. Тут же последовал хлесткий удар по глазам твари - подсутился один из магов, но леший даже не пошатнулся.

- Ихрюп!

И Безухий едва ушел от выпада, вовремя дав шпоры.

- Ихрюп!!

Леший не подарок, но это не означало, что у людей не было шансов. “Тертые” прекрасно знали, как управляться с большой Чудью, и действовали очень умело. Четверо кружили вокруг, отвлекая на себя внимание лешего, маги поливали монстра дальними атаками, а остальные, опустив копья, выжидали подходящего для удара момента.

- Ихрюп!

И леший промахнулся. Не в первый раз, конечно, но сейчас он потерял равновесие, не смог вовремя вернуться в удобную для обороны стойку, и опытный Ампицава, успевший понять, что есть возможность ударить, вонзил копьё в волосатый бок твари. Ампицава успел разогнать коня, и копьё вошло в плоть почти на четверть.

- Ихрюп!!! - взвыла гадина, но было поздно.

- Бей!

Безухий пришпорил кобылу, и всадил свое копьё в приоткрывшийся живот лешего. Хитрый Унгилон, воспользовавшись тем, что тварь перестала двигаться с прежней прытью, метнул топор, который вонзился в левый глаз лохматой Чуди, а трое магов, словно сговорившись, врезали огнем, подпалив мощный деревянный доспех.

- Ихрюп!

Раненый, обожженный, окутанный дымом леший выпустил из лапы дубину, и шагнул к лесу. Из его боков торчали копьё, из головы - топор, но он по-прежнему был опасен. Он просто растерялся от боли, потерял ориентацию, но... но скоро это пройдет. Через несколько секунд Чудь взбесится и позабыв обо всем бросится на врагов, станет по-настоящему страшной.

Однако ждать этого никто не собирался.

- Вперед!!

“Тертые” сделали главное: заставили лешего уйти с дороги, и теперь нахлестывали лошадей, торопясь миновать опасное место. Кибитки, трясаясь и подпрыгивая, помчались прочь, и никто не заметил, как из последней повозки вывалился на дорогу странный, похожий на гроб, ящик. Вывалился, в полете перевернулся на бок, шмякнулся о камень и раскрылся.

И остался лежать, распространяя легкий аромат прайма...

* * *

Примерно год назад знаменитый мастер тончайших механических дел Аргарбардор Маятник ввел в столице моду на удивительное изобретение - автоматический будитель. Заурядные часы больших, башенных размеров, механики научились делать давно и украсили ими все подходящие здания всех городов империи. Часы поменьше, настольные и каминные, появились позже, но и они перестали вызывать интерес у публики, вот Аргарбардор, владевший крупнейшей мастерской по их изготовлению, и придумал уникальную систему, благодаря которой спрятанные внутри механизма колокольцы начинали играть точно в указанное время. Да не просто придумал, а сумел преподнести новинку самому императору, получил от высочайшего благожелательный отзыв, растрезвонил о нем по всем землям и тем создал ажиотаж. Все столичные хлыщи немедленно обзавелись новомодными устройствами, соревнуясь меж собой в степени их отделки драгоценными камнями и тонкой резьбой. Наиболее ревностные почитатели новой техники даже к столу не подходили, пока часы не пробьют положенное время, а смышленные композиторы наперегонки сочиняли оригинальные мелодии к будителям, исходя из вкусов и предпочтений благородных заказчиков. Следом за знатью подтянулись простолюдины, которые вдруг отвыкли просыпаться с петухами, и будители покатались по городам и весям империи неудержимой лавиной. Аргарбардор Маятник купался в деньгах, продавая во все уголки страны лицензии на изобретенные механизмы, и принял от его величества почетный титул Наиглавнейшего имперского магистра тончайшей механики и всяческих диковин.

Докты с привычным размахом переживали повальное увлечение новой игрушкой.

До провинциального Гридвальда, само собой, мода на будители тоже докатилась, но не прижилась. Простолюдинам изобретение Маятника не понравилось по причине всем известной скупости: чаво на штуkenцию энту денежку тратить, ежели она пахать не может или в лавке стоять? Гридийцы даже часы приобретали изредка, предпочитая

сверять жизнь по бесплатному солнцу. Что же касается людей знатных, то им новинка попросту не приглянулась. Не было в ней смысла по мнению благородных, но таких же прижимистых, как и остальные гридийцы, дворян, поскольку для своевременного пробуждения нет ничего лучше специально обученного человека. Лучше всего - женщины, которая лежит рядом, внимательно прислушивается к дыханию спящего господина, к его состоянию, и будит не абы как, а в самый благоприятный для того момент. Причем способы выбирает наиболее подходящие, не колокольцами тренькает, а мягко прикасается к волосам, вызывая в памяти материнские ласки, начинает тихо петь или нежно повторять имя господина. Пробуждение - момент важный, оно всему дню начало задает, и глупо доверять его бездушному механизму.

В это утро, к примеру, умелая Нафана принялась будить Карлоса едва ли не в самый последний момент. Молодой лорд уже почти проснулся, заворочался, медленно расставаясь со сном, потянулся, и только тогда почувствовал на своих плечах маленькие теплые ладошки.

- Хорошо, - сквозь дрему прошептал Карлос. - Очень хорошо.

Замечательные слова, чтобы начать новый день.

Ладошки погладили шею, затем спустились ниже, к спине, ласково пройдясь вдоль позвоночника, и замерли, ожидая реакции.

- Очень хорошо, - повторил Карлос, медленно поворачиваясь на бок.

Ему не нужно было открывать глаза, чтобы увидеть Нафану. Миниатюрная, хрупкая, с маленькой грудью и узкими бедрами, еще не познавшими радость материнства, она разительно отличалась от склонных к пышным формам гридийских женщин, и была похожа на изящную фарфоровую куколку, созданную великим художником. Бархатистая кожа девушки была не очень смуглой, лишь чуть темнее, чем у доктов, мягкие черные волосы вились крупными кудрями, а широкая прядь, которую Нафана покрасила в алый цвет, добавляла прическе привлекательности. Любимая служанка молодого лорда была наполовину адорнийкой, дочерью войны, так сказать, во время которой солдаты обеих армий вдоволь повеселились на захваченных территориях, и ее экзотическая красота возбуждала Карлоса сильнее любого наркотика.

- Доброе утро, молодой господин.

- Куда уж добрее!

Нежный голос играет на струнках души, как на лютне. Аромат дорогуших духов щекочет ноздри, наполняя душу предвкушением, пальцы Карлоса мягко прикасаются к теплему телу красавицы, и тонкий шелк сорочки исчезает, бесшумно падая на простыни. Нафана прекрасно знала, чего захочется молодому господину после пробуждения, и позаботилась о том, чтобы прозрачное одеяние соскользнуло с ее плеч от легчайшего прикосновения.

- Сколько времени? - поинтересовался Карлос, переворачиваясь на спину.

- Полдень, - прошептала девушка, целуя грудь господина. Черные волосы щекочат кожу, нежные прикосновения ладоней и еще более нежные - губ, доводят до исступления.

Хрупкая, почти невесомая Нафана казалась видением, прекрасным воплощением мечты, внезапно появившимся в полумраке спальни. Лорд провел рукой по выпирающим лопаткам девушки, а затем чуть надавил, заставив служанку прижаться к его груди - юноше нравилось чувствовать твердые соски полукровки.

- Ваш отец просил вас явиться сразу, как проснетесь, - прошептала девушка, усаживаясь на живот лорда.

- Наверное, хочет поблагодарить меня за вчерашний успех, - пробормотал Карлос, крепко сжимая худенькие бедра служанки.

- Наверное, - не стала спорить Нафана.

Она почувствовала желание господина, но не спешила, продолжала ласкать Карлоса, уверенно распаяв молодого лорда. - Ночью была отличная драка, - пробормотал юноша, продолжая тискать бедра Нафаны.

- Вы самый смелый рыцарь в мире. И самый сильный... - И вздрогнула, когда нетерпеливый Карлос резко приподнял ее и заставил устроиться сверху. - Зачем спешить, молодой господин? Удовольствие требует времени.

Жаркий шепот красавицы... прерывистое дыхание... проникновение в нее... желание любить... Карлос готов был отдаться страсти, с головой погрузиться в любовный омут, но ощущения неожиданно вызывали воспоминания о прошедшей ночи. Жаркий шепот умирающего преступника... прерывистое дыхание... проникший в него кинжал... желание убить... Грудь преступника, вобравшая в себя сталь... Прелестная девушка, вобравшая в себя его естество... Пережитое смешалось в гремучую смесь, породив нехарактерное желание:

- Сегодня я хочу быть грубым.

Движение - и он оказался сверху, крепко прижал Нафану к постели, и надавил так, что девушка вскрикнула. То ли от боли, то ли от наслаждения.

- Сегодня я буду яростным!

- Да!

Резкий толчок заставил девушку вскрикнуть и выгнуть спину.

- Я буду зверем!

- Еще! - Ее маленькие ноготки царапали спину Карлоса, а красная прядь казалась кровавой. - Еще!

Глаза закатились, маленький рот перекошен, на лбу выступили капельки пота, и Карлос двигался все быстрее и быстрее, чувствуя себя не столько зверем, сколько убийцей.

- Это завтрак? Ты смеешься? Издеваешься? Ты понимаешь, что я тебя, урода, с пылью смешаю?! Как ты смеешь предлагать мне эту отраву?!

- Прекрасная каша... - пробормотал перепуганный трактирщик.

- Что?! - взревел Лашар.

Пылающий взгляд, подрагивающие от бешенства губы, сжатые на рукояти кинжала пальцы - вид разъяренного кобрийца был столь страшен, что несчастный трактирщик приготовился проститься с жизнью.

“Но что я сделал? За что?”

Он ведь просто принес благородному господину завтрак, самолично принес, оказывая, так сказать, высшую честь дорогому гостю. И вот, чем все закончилось...

- У нас в Гриди... -

- Я из Кобрии, мерзавец! - взбеленился Маркус. - Запомнил? Из Кобрии! Где мужчины едят на завтрак мужскую еду, а не поганую кашу!

“Что ты понимаешь в правильной еде, три вилы тебе в задницу! Каша ему не нравится! А что ты у себя жрать привык, варвар? Только мясо? Вот потому и бросаешься на людей, как зверь чуждый”.

Так думала кухарка, наблюдающая за перепалкой с лестницы, с безопасного расстояния. Кухарке очень хотелось поглазеть на загадочных кобрийцев, вот и прокралась на второй этаж вслед за хозяином. Посмотрела. И много интересного услышала о своей стряпне.

- Это пшено? Я, что, петух? Или попугай адорнийский? Для каких цыплят твои куры варят это дерьмо?

“Кого ты цыплятами назвал, недомерок? - мысленно возмутилась кухарка. - На себя сначала посмотри!”

К огромному ее разочарованию, главный кобриец оказался мужчиной не представительным, проигрывал могучим гридийцам по всем параметрам. Хотя и плечистый, но низенький, лицом красив, но бороды не носит, усы только, и плешь приличную заработал, и злой, опять же, а злые в постели плохи, только о себе думают, то ли дело Стефан Лесоруб...

Кухарка вздохнула, отогнала мысли о любовнике, которому почти уже решила изменить с чужаками, и вновь обратила внимание на скандал.

К ее удивлению, хозяин все еще был жив.

- Чего молчишь, тупая скотина?

- Жду распоряжений милостивого господина.

А что он еще мог сказать? Каша уже на животе, медленно сползает на пол, тарелка разбита и растоптана, под глазом наливается синяк. Впрочем, кинжал кобриец так и не покинул ножен, а это было единственное, что волновало трактирщика по-настоящему. Все остальные выходки Лашара не выходили за рамки обычных для благородных ублюдков истерик.

- Каких распоряжений ждешь?

- Хочу узнать, что вам будет угодно на завтрак?

- И все?

- Хочу принести глубочайшие извинения.

Трактирщик жил долго и знал, что когда благородные бесятся, нужно немедленно признавать свою вину и каяться. В этом случае чванливые подонки легче берут себя в руки.

- Молодец, - одобрительно кивнул Маркус. - Что есть на завтрак?

Трактирщик и так-то был готов исполнить любое желание высоко гостя, но выволочка повысила градус его подбострастия до температуры солнца.

- Все, что будет угодно милостивому господину.

- Правильный ответ, - кивнул Лашар. - В этой дыре умеют готовить яичницу с грудинкой?

- Конечно.

- Из четырех яиц, скотина.

Маркус плюнул в трактирщика, не попал, правда - тупой гридиец сумел увернуться, - выругался, и вернулся в комнату, громко хлопнув за собой дверью.

- Еда - дерьмо, вино - дерьмо, женщины... - Местных женщин Лашар не пробовал, но не сомневался, что в лучшем случае их достоинства тянут на единицу с минусом. По десятибалльной шкале. - Большой дыры я в жизни не встречал! Даже ламбандонский Закраинск кажется отсюда столичным пригородом.

Тюфяки набиты сеном, одеяла воняют сапогами, что означает слово “подушка” не понял даже хозяин заведения, а на простынях обнаружились подозрительные пятна, к счастью, не влажные. Датос предлагал кобрицам поселиться в замке, но Лашар отказался - пребывание в городе давало больше свободы, - и теперь жалел о принятом решении. И срывал дурное настроение на всех, кто подворачивался под руку.

Впрочем, главной причиной его неудовольствия была не мерзкая постель, а неудачно закончившаяся охота.

На первый взгляд все прошло, как запланировано: Стеклодуб мертв, первая из

поставленных леди Кобрин задача выполнена, можно слегка расслабиться. Однако странное поведение беглеца, который на три дня задержался в Гридвальде и тем позволил себя догнать, не давало Маркусу покоя. Перед охотой он велел Героям брать Стеклодува живым, хотел обсудить с Яном его странное поведение, но Карлос, проклятый щенок, все испортил, и теперь приходилось искать ответы самостоятельно, опираясь на ум и умение делать правильные выводы.

- Это все вещи Стеклодува?

- Абсолютно, - хмуро ответил воевода Максимилиан Раздаватель, самый сильный из отправленных на поиски беглого Яна Героев, и даже кивнул слегка, добавляя словам весомости. - Все, что было.

- Стражники ничего не прихватили?

- Понятия не имею.

- Что?

- Не прихватили, - опомнился Раздаватель. - Я присмотрел.

И отвернулся.

Маркус Раздавателю не нравился. Не чувствовал могучий Герой в Лашаре должной силы: в седле дольше пяти часов не держится, отдых ему нужен, в бою вообще пустое место - рубака из Маркуса никакой, хуже иного стражника. Одно название - рыцарь, а на деле - ерунда какая-то. Раздаватель умолял владычицу отправить в погоню только Героев, доказывал, что обычный человек будет мешать, задерживать, но леди Кобрин была непреклонна. "Лашар отправится с вами!" И точка, с леди не поспоришь. Да еще и главным Маркуса назначила, строго наказав слушаться Лашара, как ее саму.

Не то, чтобы Раздаватель обижался, но чувствовал себя обманутым.

- Где квартировал Стеклодув?

- В трактире "Шесть углов", - доложил Максимилиан. - Прожил три дня, сказался купцом, мол фургон свой ждет, что должен прийти с караваном. Чем занимался - никто не знает. Мы забрали все вещи, что нашли в комнате.

- Записи? Тетради? Книги? Свитки?

- Нет.

- Тайники?

- Нет.

- А смотрели?

- Да.

- Хорошо смотрели?

- Отлично.

По уму, конечно, Лашару следовало отправиться на постоянный двор самому и лично обыскать комнату Стеклодува. Но в последнее время в команде наметился разлад: из памяти воеводы Максимилиана постепенно выветривались строгие слова леди Кобрин, и унижительным приказом Маркус решил поставить строптивого Раздавателя на место.

- Прайм-искателем комнату проверяли?

- Да.

- И что?

Максимилиан побагровел:

- Я ведь сказал: все вещи здесь.

- Вот и чудненько, - улыбнулся удовлетворенный Лашар, и внимательно оглядел выложенные на стол вещи. Помолчал немного, мысленно собирая разрозненные предметы в единое целое, после чего задумчиво пробормотал: - Очень странно.

- Что именно?

- Что “что именно”?
- Что именно показалось тебе странным?

Лашар удивленно посмотрел на Раздавителя.

Обычно Герои не засоряли свой разум материями более сложными, чем воинские искусства. То ли не хотели, то ли в воссозданные праймом головы лишние знания не помещались. Исключений не было: даже самыемышленные ребята после перерождения предпочитали жить просто и безыскусно. За все время путешествия, спутники Лашара ни разу не поинтересовались, на основании чего он делает свои выводы, а потому вопрос Максимилиана вызвал у Маркуса приступ снисходительности к этому любознательному, но недалекому созданию.

- Большую часть этих вещей, - Лашар обвел рукой стол. - Стеклодуд держал при себе, так?

- У него была сумка, - подтвердил Раздатель.
- Достаточно тяжелая.
- Для тебя, но не для Героя.
- И не для верблюда.
- Что?
- Ничего, если ты вспомнишь, что Стеклодуд не был Героем.

Аза снял шлем и почесал в затылке:

- Я все равно не понимаю, что странного в его вещах.
- Это все потому, что я еще не объяснил.

На этот раз укол достиг цели: Раздатель понял, что над ним издеваются, и попробовал перейти в наступление:

- Знаешь, что мне в тебе особенно не нравится?

- Да плевать мне. - Лашар склонился над столом. - Ты хотел ответ, так слушай и не перебивай. Сумка у Стеклодуда была весьма тяжелой, не меньше десяти килограмм, но ее содержимое стоит гораздо дороже десяти килограмм чистого серебра, понимаешь?

- Почему?

“А ведь это воевода, - с грустью подумал Маркус. - Я считал их одними из самых умных Героев...”

- Вот, к примеру, “Пять колец Накипуки”. - Лашар взял в руку четыре тонких металлических браслета, нанизанных на разомкнутый обруч. - Это один из сложнейших адорнийских артефактов, и сделал его могущественный маг. Стоимость работы - пятьсот тысяч серебром, потому что занимает она почти три месяца. Кандабанский сплав и прайм оплачиваются отдельно.

- А для чего эти нуки?

- “Накипуки”, - улыбнулся Маркус. - Браслеты надевают на руки и ноги, обруч на голову и человек становится невидимым.

- Можно попробовать?
- В нем нет прайма. А что это значит?
- Что?
- Артефактом недавно пользовались.
- Или давно.

- Остатки концентрированного прайма. - Маркус сунул под нос Раздателю один из браслетов. - Что чувствуешь?

- Вчера, - буркнул Максимилиан. - Артефакт был заряжен еще вчера.

Воевода, как и любой другой Герой, обладал особой чувствительностью к прайму.

- Спасибо, что признал мою правоту. - Лашар вернул браслеты на стол.

- Ты не Герой, - заметил Максимилиан. - Как ты догадался, что артефакт использовали недавно?

- Я умею думать... Что у нас дальше? Как красиво: полный комплект “отмычек златолова”!

Маркус побренчал связкой странных ключей, которые Раздавитель едва не оставил в комнате Стеклодува, сочтя никчемным мусором. Да и на ключи, если честно, эти инструменты были мало похожи, скорее уж на заготовки для них. Три десятка отмычек самых разнообразных форм и размеров имели одну общую особенность: на них не было ни бороздок, ни рисунков, ничего, все они были абсолютно гладкими.

- Недоделанные? - предположил Максимилиан.

- Напротив: сделаны великолепно, настоящим мастером. - Лашар уважительно оглядел отмычки. - Каждая из них заряжена праймом. Во время работы вор подбирает отмычку нужного размера, вставляет ее в замок, активизирует, и она сама принимает нужную форму. Кроме того отмычки вскрывают секреты. Это очень дорогой артефакт, Максимилиан, и очень редкий. До сих пор я только слышал об “отмычках златолова”, но никогда не держал их в руках.

Маркус неожиданно замолчал.

Раздавитель помялся, но увидев, что пауза затягивается, не выдержал:

- Вспомнил о чем-то?

- Подумал, что с “отмычками” обычно ходят на сокровищницы лордов, - медленно ответил Маркус.

- В Гридвальде полно богатых купцов.

- Может быть... - Лашар вернулся к вещам Стеклодува. - Тебе знакомо название “дурмовка”?

- Сонное зелье?

- Дурманящее. - Маркус взял со стола плотно закупоренную склянку, чуть приоткрыл и осторожно понюхал густую синюю жидкость. - Все верно: адорнийская “дурмовка”. Отличного, хочу сказать, замеса.

- Она заставляет видеть то, чего нет, - припомнил воевода.

- Или не видеть того, что на самом деле есть. И тем она лучше сонного зелья: стражники продолжают бодрствовать.

- А вор проходит у них под носом.

Лашар кивнул, соглашаясь со словами Раздавителя, после чего негромко поинтересовался:

- Тебя не смущает, что мы называем вором любимого ученика Безвариата Сотрапезника?

- Ну...

- А вот в этом футляре хранились кристаллы концентрированного прайма. Интересно, куда Стеклодув их подевал?

- Растратил постепенно, - пожал плечами воевода. Резкая смена темы сбила его с толку, но он справился, и вновь стал поддерживать разговор. - Один кристалл Ян использовал, чтобы убить Героя.

- Возможно, последний.

- Но почему он не зарядил “Пять колец”? Ушел бы от нас невидимым... - Через мгновение Раздавитель хлопнул себя по лбу: - Потому что кристалл уже был заряжен в остройбой, а вытащить его нельзя.

- У Стеклодува лучший в мире набор воровских инструментов и мы на хвосте, - размышляя вслух, произнес Лашар. - У него были деньги - почти пять тысяч серебряных,

он должен был попытаться оторваться от нас, но он задержался в Гридвальде на три дня. Зачем?

- Не знаю, - развел руками воевода.

- Нужно поговорить с наследником, - решительно произнес Маркус. - Стеклодуд наверняка хрипел что-нибудь перед смертью, хотя бы проклятия, и я хочу их услышать.

- Зачем?

- Затем, чтобы узнать, что он хрипел перед смертью. Чтобы представить леди Кобрин полный доклад. Или ты собираешься отделаться фразой: “Мы его убили”. А потом выяснится, что вовсе даже не мы.

- Я не собирался отделяться фразами. Из того, что ты рассказал, я понял, что Стеклодуд решил стать вором. Он почистил мастерскую Безвариата, собрал самые дорогие инструменты, и отправился бродить по стране потрошить сокровищницы. Гридвальд торговый город, местный лорд человек не бедный, вот Стеклодуд и задержался: решил поковыряться в подвалах.

- Поковыряться в подвалах... Неплохая мысль. Знаешь, Максимилиан, иногда мне кажется, что от тебя действительно может быть польза.

- Спасибо... Что? - Раздавитель вновь побагровел и злобно уставился на Маркуса.

- Что ты сказал?

- Я пошутил, пошутил. Может и неудачно, но в тоже время по-доброму. - Лашар прищурился. Ему явно не давала покоя фраза воеводы: “Поковыряться в подвалах...”. - Знаешь, Максимилиан, мне кажется, щенок нам соврал. Он что-то скрывает.

- Что он может скрывать? Ни Стеклодуд, ни Безвариат никогда раньше не были в Гриди, ты ведь проверял.

- Я должен быть уверен, что не осталось никаких следов, - твердо произнес Маркус.

- Так хочет леди.

А Карлос Грид был последним, кто видел Стеклодуда живым. И встреча их прошла без свидетелей. И если Ян успел хоть что-то сказать наследнику, то погоня за Стеклодудом потеряет всякий смысл.

Тайна должна остаться тайной.

- Одно дело убить простолудина или стражника, и совсем другое - лорда, пусть даже и молодого, - пробурчал Раздавитель. - Я сделаю все, что прикажешь, но леди не любит непродуманных решений.

- Ты сомневаешься в моем хладнокровии?

- Я видел, что Карлос Грид тебе не понравился.

- В первую очередь меня волнует наше дело.

- Надеюсь.

Маркус едва сдержал окрик.

“Надеется! Этому болвану, оказывается, известно это слово. Ха! Три раза “Ха!” У него еще хватает наглости сомневаться в моих решениях!”

Маркус давно привык считать Героев недалекими тупицами, а потому и был столь сильно возмущен нахальными замечаниями воеводы. Но сдержался, прекрасно понимая, что Максимилиан в подробностях доложит леди о каждом шаге Лашара. И от себя еще прибавит, скотина бронированная, напридумывает столько, сколько мозги позволят.

- Карлос мог рассказать обо всем отцу, - спокойно произнес Маркус.

- О чем рассказать? Что мог узнать мальчишка?

- То, что ему сказал Стеклодуд.

- А что он сказал?

- Это нам и предстоит выяснить. И в случае необходимости принять меры.

Воевода знал, что Лашар имел в виду под этими словами - атаковать лорда Грида в его собственном замке, в котором полно стражи и Героев. Затея, что ни говори, смелая. Или безрассудная. Окончательное определение будет подобрано по итогам.

- Нас всего трое, - глухо напомнил Раздаватель.

- Вас целых трое, Максимилиан, - поправил воеводу Лашар. - Трое хорошо обученных Героев, которым доводилось воевать гораздо чаще, чем здешним задохликам. На нашей стороне фактор внезапности.

- Гридийцы настороже.

- Не будут, если мы не дадим повода. Если ты и остальные Герои не будете болтать лишнего. Держитесь естественно, и все будет в порядке. - Маркус так буравил здорового Раздавателя взглядом, что тот, против воли, сглотнул, чувствуя себя распоследним новобранцем, неожиданно перешедшим дорогу верховному главнокомандующему. - Леди Кобрин доверила нам сохранить ее тайну. Она рассчитывает на нас, и я не собираюсь подводить повелительницу. - Пауза. - А ты?

- Да... То есть, нет - не собираюсь.

Максимилиан окончательно сбился.

- Мы поговорим с местными лордами, но если мне не понравится их поведение, вы начнете атаку, и Гридвальд лишится пары главных провинциалов. Это ясно?

Маркус говорил голосом леди Кобрин, и у Раздавателя не было иного выхода, кроме как склонить голову:

- Ясно, Лашар.

Завтракать Карлос не стал.

Расставшись с Нафаной - из спальни они переместились в ванну, в которой провели больше часа, - молодой лорд облачился в повседневный, ярко-синий, с желтыми вставками камзол, и отправился к отцу. А поскольку Датос ожидал сына в рабочем кабинете, что располагался в противоположном левом крыле, Карлос решил срезать путь и пройти через двор замка.

Пребывая в хорошем, можно даже сказать - отличном, настроении, молодой человек вышел из-под тяжелых каменных сводов на улицу, по-хозяйски огляделся, с наслаждением вздохнул полной грудью и... И был неожиданно атакован лысым, как ощищенный сирийский кот, коротышкой в бедной, но чистой одежде.

- Милостивый лорд! Почтительно припадаю к вашим стопам...

Охрана в замке была надежной, но Датос по непонятным для Карлоса причинам, велел стражникам пускать внутрь безобидных бродяг "интересных, развеселить способных, али прожект какой представить во славу Гридии". Старого лорда подобные личности развлекали, бывало, он проводил с ними по несколько часов, даже на ужин приводил, а вот Карлоса, вынужденного периодически общаться с "весельчаками и прожекторами", они раздражали. Не то, чтобы юноша терпеть не мог науки, нет, к учению, еще со времен столичной Академии Лордов, честно пройденной и честно законченной, он относился с традиционным доктским уважением, хоть, возможно, и без особого пыла, - просто большинство "весельчаков и прожекторов" были откровенными мошенниками, мечтающими присосаться к богатой гридийской казне.

- Позвольте отрекомендоваться: Акакий Бенефит.

- Послушай, Мастакий...

- Акакий.

- Не принципиально, - отмахнулся Карлос. - Тебе известно, что в Гридии действует

закон о бродяжничестве? Хочешь провести неделю у позорного столба?

Как показывал опыт, эти два вопроса, заданные именно в такой последовательности, помогали избавиться от большинства “прожекторов”. Пугливые изобретатели рассыпались в извинениях и бросались прочь, подальше от замка, казны и тюремного подвала. Однако нынешний посетитель оказался не из робкого десятка.

- Я не бродяга, милостивый лорд, а странствующий гений, - с достоинством отозвался коротышка. - Вы ведь знаете значение слова “гений”, не так ли? Так вот, я - это он. Позвольте отрекомендоваться полностью: Акакий Бенефит, трижды признавался самым одаренным студентом Запределудольской академии наук, дважды назначался личным советником высокопоставленных особ, имею девятнадцать почетных грамот и официальный хвалебный отзыв кафедры стали и сплавов столичного Университета за доскональную разработку необычайно надежного металла “чудоброневит 16”.

- Не слышал.

- Увы, “чудоброневит 16” не получил широкого применения из-за происков завистников, а также в виду необычайной дороговизны.

- Так я и думал.

- Кроме того, я автор многоэтапного труда “Обдуманное начала первичных и стратегических принципов преобразовательных опытов”, а так же широко известного учебника “Праймология начального уровня в картинках”, рекомендованного королевским Ученым Советом для преподавания юным отпрыскам знатных фамилий.

- Я такую книгу не помню.

- Сочувствую.

- Что ты сказал?

- Молчал, как шестеренка в колесе.

Надоедливый коротышка стал действовать Карлосу на нервы, и молодой лорд попробовал перевести разговор в конструктивное русло, то есть, для начала оскорбить, а после выгнать.

- В Гридвальде достаточно ученых...

Однако закончить фразу, как предполагалось: “и ты на их фоне - настоящий сморчок”, у Карлоса не получилось.

- Но это ничего не значит, милостивый лорд, кроме того, что в столь славном городе есть несколько людей, считающих себя грамотными, и которых я безмерно за это уважаю, - жизнерадостно перебил молодого лорда Акакий и торопливо забежал с другой стороны. - Прошу уделить мне буквально секундочку вашего драгоценного внимания, и выслушать соображения, способные принести богатство и процветание благословенной земле Хридии.

- Гридии.

- Прошу простить невежество: география никогда не была моим коньком, поскольку посвятил себя великой науке механика. О, это моя подлинная страсть! И природная склонность к изобретательству, помноженная на глубочайшие знания и выдающийся талант, позволили мне взобраться на недостижимую для остальных вершину. Тридцать четыре награды за десять последних лет. Тридцать четыре!

“А не позвать ли мне кого на помощь?”

Пара стражников наверняка успокоят говорливого коротышку, но обращаться к ним Карлос постеснялся. В конце концов, он лорд или нет? Лорд! Будущий, конечно, но все-таки лорд. И должен сам разбираться с подобными “прожекторами”.

- Ты...

Но продолжить вновь не вышло.

- Спасибо за проявленный интерес! Огромное спасибо! Как я еще не упоминал, милостивый лорд, ваш недостойный собеседник не только обладает заслуженной научной славой, но и является изобретателем и полноправным владельцем уникальной прайм-лесопилки, на которую имеется соответствующий патент и наилучшие рекомендации мудрецов имперского Ученого Совета. Сия лесопилка, которую я, с высочайшего дозволения имперских надзорных органов, осмелился назвать “Пилорама Бенефит”, произвела настоящий фурор на знаменитой технической ярмарке в Нижнем Верхоправске, и была немедленно запрещена к экспорту в южные земли... - Акакий заговорщицки подмигнул Карлосу: - Вы понимаете, на что я намекаю, милостивый лорд? Моя лесопилка настолько хороша, что ее нельзя продавать адорнийцам. Хотя я не понимаю, почему? С помощью моей невиданной “Пилорамы” проклятые адорнийцы могли бы спилить все свои труднопроходимые леса, после чего блестящая имперская армия взяла бы их голыми руками. Не правда ли? Но узок, невероятно узок кругозор наших славных надзорных органов...

- Ты говоришь изменнические вещи, - пробормотал Карлос. - Подстрекательство и все такое... Знаешь, как умеет пытаться имперский прокурор, Харакий?

- Акакий.

- Специально меня путаешь?

- Ни в коем случае, милостивый лорд!

- Тогда зачем завел разговор об адорнийцах?

- Но ведь вы не адорниец, милостивый лорд, не так ли? И в Идмарской Пуще, как я успел заметить, полным-полно деревьев. А значит, вы можете с полным правом приобрести у меня патент на производство “Пилорамы Бенефит”, а так же, за небольшие отчисления в мою пользу - лицензию на ее промышленное использование, и потрясти соседей невиданной работоспособностью агрегата, что, безусловно, приведет Фридию к немыслимому процветанию.

- Гридию.

- По дороге в ваш замечательный город, я видел принадлежащие милостивому лорду заповедные леса, и с восхищением представил, как столетние деревья превращаются в доски и брусья, столь необходимые для строительства и благоустройства окрестных провинций. Опять же - борьба с Чудью. Стоит лишить проклятую нечисть естественной среды обитания, как ваши блестящие стражники возьмут ее голыми руками.

- Кого?

- Чудь?

- Где возьмут?

- В Пуще. В смысле, когда “Пилорама Бенефит” превратит ее в пустыню.

- А где я буду охотиться? - недоуменно поинтересовался Карлос.

Вопрос едва не поставил Акакия в тупик.

- Вы любите охотиться?

- Обожаю.

- Гм... - Но через мгновение решение было найдено. - А что спилить леса соседей? Я уже вижу эту чарующую картину, милостивый лорд: вы берете в аренду их заповедные леса, лет, скажем, на сто, и запускаете в них “Пилораму Бенефит”, превращая каждую деревяшку в серебро. Акции вашей лесопромышленной компании растут, как на праймовых дрожжах. Вы не знаете, куда девать деньги, и мостите серебром улицы...

- Оставь свои бредовые рассказы.

Далее должно было последовать сакраментальное: “пошел вон”, однако Бенефит вновь успел.

- Вижу, что будущее богатого негодяя вас не привлекает, молодой лорд, - тоном заправской гадалки произнес бродячий гений. - Я давно понял, что ваша стезя - воинская. Вы рождены для великих подвигов, не так ли?

И угодил в самую точку.

- Сегодня ночью я лично поразил опаснейшего преступника, - самодовольно ответил Карлос. - Который на моих глазах ухитрился убить Героя.

- Но ведь Героя можно воскресить, - неожиданно грустно произнес Акакий. И слова эти, как показалось Карлосу, вырвались из самой души лысого ученого.

- Что ты сказал?

- У меня есть превосходное решение для вашей армии, милостивый лорд: удивительная полевая кухня, не требующая ни дров, ни угля! - С энтузиазмом провозгласил Бенефит. - Просто забросьте в котел крупу, добавьте воды, немного масла, соли, и через пять минут ваша непобедимая армия получает рассыпчатую кашу! Забудьте о жадных маркитантах и вороватых поварах! Их не будет! Еду обеспечит мой котел.

- Твой?

- Это восхитительное и наиболее полезное изобретение обрело скромное название "Механическая готовка Бенефит", и произвела ошеломляющее впечатление на всех столичных военных вельмож...

- И сколько "Готовок" ты продал имперской армии? - с издевкой поинтересовался Карлос.

Бенефит вновь вздохнул и признался:

- К глубочайшему моему сожалению, завистники успели и тут. Во время главного испытания прототип "Готовки" неожиданно загорелся, опалив роскошный мундир лейб-маршала Смита, и я...

- И тебе пришлось бежать.

- В какой-то степени.

- Стремглав.

- Но если вас не устраивает "Готовка"... - Бенефит собрался продолжить натиск, но на этот раз не успел уже он.

- Ты мне надоел. - В какой-то момент прилипчивый бродяга Карлосу даже понравился. Было в нем нечто заводное, необычное для скучных гридийских будней, оригинальное и чужеземное. Однако неожиданное замечание насчет Героев развеяло появившийся флер в дым. - Послушай Собакий...

- Акакий.

- Не принципиально. Видишь во-он тех людей? - Карлос указал на стоящих у крыльца Академии Героев.

- Вижу, - поникшим голосом ответил ученый. Он уже понял, что услышит дальше.

- Если не оставишь меня в покое, следующую лекцию будешь читать им. И посвящена она будет твоему умению залечивать переломы в походных условиях. Уловил?

- Уловил. Подумайте насчет лесопилки.

- Вон!

Бенефит растворился, а Карлос, поколебавшись, направился к Героям.

Гридия была владением большим, достаточно богатым, но в то же время - мирным, что было весьма и весьма необычно для нынешнего беспокойного времени. Лорд Датос предпочитал с соседями дружить, а не воевать. Мелкие обиды прощал, крупных не затевал, а потому Гридия, как и все, в общем-то, владения Пуши, междоусобиц не знала. Вот и получилось, что Героев в Гридвальде было немного. Всего четверо.

И все они грелись сейчас во дворе замка на теплом утреннем солнышке, лениво

поддерживая неспешный разговор.

Самым могучим из гридийских Героев был, безусловно, воевода Генрих Ураган. Старый, покрытый шрамами воин, друживший с лордом Датосом сызмальства, и прошедший с ним всю Войну за Туманную Рощу. Ураган с детства знал только бой, тренировался, воевал, убивал, заслужил славу первого рыцаря Пущи, и одним из первых в империи почувствовал Зов, принял прайм и превратился в одного из самых могучих Героев, в того, кого почтительно именовали воеводами. В несокрушимого воина, закованного в тяжелые доспехи. Но Генрих был не только самым сильным - он считался лидером гридийских Героев, командиром их небольшого отряда, и авторитетом уступал лишь старому лорду.

Сейчас Ураган стоял у крыльца Академии Героев и о чем-то беседовал с Джейкобом Самострелом, развеселым дуэлянтом, никогда не расстающимся с элегантным и крайне опасным остробоем - уникальным оружием этих Героев, объединяющим острый тесак и миниатюрную прайм-пушку. Рыжий Герой - его длинные волосы были увязаны в "конский хвост", - доспехов не признавал: носил щегольский камзол гридийских цветов, и считался главным сердцеедом Гридвальда. Подружек Джейкоб менял едва ли не каждую неделю, но все они вспоминали о развеселом Герое лишь в самых восторженных тонах. Живость и жизнелюбие Самострела уравнивали его эгоизм, а виртуозное владение остробоем - нелюбовь к дисциплине. Джейкоб с трудом терпел приказы, но Урагана уважал и, пересилив себя, научился действовать в команде.

Третий Герой - горец Арчибальд Ржавый Ус, по привычке молчал, прислонившись спиной к стене. Обладатель густой шевелюры, густых бровей и, разумеется, густых усов, он смотрел на мир с исключительной мрачностью, и отпускал в два раза меньше слов, чем это требовалось, чтобы не прослыть немым. По-настоящему Ржавый Ус был привязан лишь к своему двуручному мечу, длинному и острому, как бритва, и даже сейчас, пребывая в безопасном дворе замка, не выпускал его из рук.

Последней - в списке, но не по значению, - была огненная лиса Шахмана Егоза. Высокая, статная девушка, чей игривый костюм - короткий жакет с капюшоном и еще более короткая юбочка, - был украшен лисьими ушками и роскошным рыжим хвостом. Лисы, как следовало из имени, дружили с огнем - некоторые лорды даже считали их записными пироманками, - и предпочитали убивать на расстоянии. Их огненные стрелы жалили быстро и без промаха, и именно поэтому лорд Датос поручил присматривать за сыном Егозе, а не другому Герою - в присутствии лисы вероятность ближнего боя существенно снижалась.

При появлении наследника Герои, что естественно, замолчали, устремив на него взоры, и Карлос, без особого восторга чувствуя себя в центре внимания, неспешно приблизился к Егозе.

- Шахмана!

- Рада видеть вас в добром здравии, молодой господин, - склонилась в поклоне девушка.

- Это я рад, что с тобой все в порядке, - улыбнулся юноша.

- Спасибо лорду Датосу.

- Спасибо, что прикрыла меня.

- Это мой долг.

- Первый вопрос, который Шахмана задала после пробуждения, был о вас, молодой господин, - почтительно пробасил воевода Генрих.

- Я довел дело до конца, - сообщил юноша.

- Лорд Грид рассказал мне, - бесстрастно ответила Егоза. - Вы повели себя очень

смело.

- Ерунда. - Карлос потер подбородок.

И вдруг понял, что по-настоящему рад видеть Шахману целой и невредимой. Он знал, что Герои воскресают, что их смерть не навсегда и относился к этому легко, как к само собой разумеющемуся действию, но... Но теперь что-то изменилось. Шахмана умерла на его глазах, умерла, закрывая его, умерла, выполняя идиотский приказ, и первый ее вопрос после воскрешения была о нем. О бестолковом хозяине.

Преданность?

Без сомнения. И такое отношение требуется поощрить.

А в следующий момент Карлос неожиданно подумал, что проходить через смерть, даже зная, что тебя вернут - удовольствие не из приятных. Ты воскреснешь, но в твоей памяти, наверное, навсегда останутся воспоминания о последних секундах, ощущение затухающей жизни, боль, кровь и, возможно, страх. Хранят ли Герои воспоминания обо всех последних секундах, которые были в их опасной жизни?

“А ведь я никогда не спрашивал об этом...”

Каково это: жить, помня все свои смерти? Падать в бездну снова и снова? Проходить через невыносимую боль? Не значит ли это, что быть Героем не так уж и весело? Что плата за силу и невиданные возможности необычайно высока? Не эти ли переживания заставляют Героев вести себя как можно проще, не задумываться о сложных вещах, чтобы не сойти с ума?

Пауза неприлично затягивалась, гридийские Герои начали покашливать, по очереди косясь на Урагана, и Карлос, неожиданно для самого себя, произнес:

- Я хочу попросить у тебя прощения, Шахмана. Если бы я не приказал осветить переулок, бандит не сумел бы прицелиться, и ты... И с тобой... - Молодой лорд сбился, но сумел закончить: - Я допустил ошибку. Извини.

Сказать, что Герои были поражены - не сказать ничего. Ураган крикнул и ухватил себя за седую бороду, у Джейкоба отвисла челюсть, и дуэлянт вытаращился на юношу так, словно у Карлоса неожиданно выросли крылья. Арчибальд едва не выронил меч, и только Егоза отнеслась к словам хозяина спокойно. Как будто услышала должное.

- Вы становитесь настоящим лордом, молодой господин. Отец будет вами гордиться. “Настоящим”?

Которого Герои слушают не только потому, что в его руках их каталисты? Который понимает, что дети прайма не игрушки? И видит в Героях не только могучих воинов, которых можно не задумываясь отправлять на самые опасные задания, но людей?

“Кажется, я услышал очень важный комплимент”.

И Карлосу стало неловко.

- Гм... Наверное... - Он дернул плечом, и перевел разговор на другую тему: - Почему вы все здесь? Ураган?

Воевода сделал шаг вперед, чуть наклонился - Карлос едва доходил могучему Герою до плеча, - и негромко ответил:

- Маркус Лашар, посланник леди Кобрин, испросил у вашего отца аудиенции. С ним путешествуют три Героя, и лорд Грид приказал нам побыть в замке. На всякий случай.

- Очень предусмотрительно.

- Согласен.

Император весьма жестко пресекал междоусобицы, поскольку не хотел, чтобы у кого-то из его вассалов оказалось больше одного источника прайма, однако полностью искоренить это постыдное явление не мог. Самолюбивые лорды не упускали возможности хотя бы чуть-чуть расширить свои владения за счет соседей, и конфликты

между ними были делом пусть не повседневным, но, увы, обыденным. Не помогали ни суровые наказания, ни призывы к патриотизму, ни напоминания о враждебной Адорнии, существенно усилившейся после поражения. Лорды догадывались, что еще одной войны с южным соседом не избежать, но пересилить природу не могли, и тратили драгоценные ресурсы на драки за лишний лес или заливные луга. Леди Кобрин, которой служил Маркус, славилась агрессивностью, а потому, несмотря на огромное расстояние, что отделяло Кобрию от Гриди, в предосторожности лорда Датоса имелся определенный резон. Ведь лорды не всегда сражались за леса или луга, иногда целью междоусобицы становилась смена власти в той или иной провинции.

- Вы будете здесь, во дворе?

- Зависит от того, где останутся Герои Лашара.

- Хорошо.

Карлос кивнул воинам, направился к входу в левое крыло, но буквально через два шага около него вновь оказался вездесущий Акакий.

- Вам служат могучие Герои, милостивый лорд, очень смелые и очень сильные.

- Кажется, я выразился на твой счет предельно ясно.

- Увидев огненную лису, я взял на себя смелость вернуться, милостивый лорд, чтобы поведать о замечательном и не очень дорогом патенте на оригинальную прайм-тушительную систему прямого действия. В случае необходимости...

- Повешу, - процедил Карлос, и Акакий вновь испарился.

Молодому лорду хотелось верить, что навсегда.

* * *

- Таким образом, моя леди, если исключить из расчетов расходы на содержание двора, дружины и Героев...

- Авестах, короче, - попросила сидящая в кресле Агата. Монотонный бубнеж докладчика давно наскучил кобрийской владетельнице, и последние несколько минут она лишь делала вид, что слушает, отчаянно борясь с подступающей дремой. - Давай цифры.

- В этом месяце ваша казна получила на пятьсот тысяч серебром больше, чем в предыдущем. И на миллион - чем в том же месяце прошлого года. - Главный казначей осклабилась. - Я считаю это великолепным показателем.

Улыбка у Авестаха всегда получалась некрасивой, ненастоящей, казалось, что казначей вынужден шевелить лицевыми мышцами под страхом пыток, но леди Кобрин знала, что очередное увеличение доходов вызвало у старика искреннюю радость. Деньги давно стали для него смыслом, им он посвятил свою жизнь и каждую приходящую в казну монету почитал за личную победу. К тому же Авестах давно доказал честность и преданность, и в делах финансовых Агата доверяла ему, как себе.

- Ваша идея снизить дорожный сбор и налог на торговлю полностью себя оправдала, моя леди, люди предпочитают ездить через Кобрию, что приносит нам дополнительные деньги. За три последних месяца открылось шесть новых постоянных дворов и семь трактиров, и все они исправно платят налоги. Людям нравится ваше правление.

- Надеюсь.

- Это действительно так, - склонил голову Авестах.

В ответ леди слабо улыбнулась и перевела взгляд на висящую на стене карту. На искусное изображение своего обширного владения. На свою Кобрию. Зеленую, теплую, цветущую и в тоже время - суровую. На свою родину.

Кобрия напрочь опровергала устоявшиеся в Доктской империи представления о южных провинциях. Благодатная земля, с которой собирали по два урожая в год, солнце светит триста двадцать дней в году, в лесах полно дичи, а в океане - рыбы, на такой земле должны жить люди расслабленные, склонные к веселью и безделью. Здесь, а не в Азариин должны были придумать сиесту - сладкий послеобеденный сон в прохладной тени, здесь, а не в Флории, должны были греметь самые веселые карнавалы, и здесь, в конце концов, должны были жить самые любвеобильные женщины. Здесь, а не в Дорании. Должны были. Но...

Но все получилось так, как получилось.

Кобрия располагалась на юго-востоке империи, полосой протянулась от океана до вольного Фихтера, и вплотную прижималась к полноводной Ильве - естественной границе между доктами и адорнийцами. Точнее, ставшей естественной границей после того, как суровые кобрийцы кровью умыли нахальных южан. Давно, еще до Войны за Туманную Рощу умыли, жестко показав, что землю свою будут защищать до последнего вздоха.

Но сражаться приходилось не только с адорнийцами. Помимо опасных соседей Кобрию донимали пираты, умело скрывающиеся в скалистых бухточках, ползущая из зоны Чудь, выходящие из океана монстры - катаклизм породил настолько мерзких тварей, что даже Герои, случалось, не могли сдерживать отвращения, налетающие с дальних островов крылатые зви... Сражаться приходилось часто, вот и породила благодатная южная земля не расслабленных весельчаков, а жестких пограничников, прекрасно знающих, что такое смерть.

- ...и наши денежные запасы превосходят сокровища любого лорда империи. А скоро, не сомневаюсь, превзойдут имперскую казну.

Резкий рост доходов настроил Авестаха на оптимистичный лад.

Агата улыбнулась, и поинтересовалась:

- Это все?

- Да, моя леди, - подтвердил старик.

- Я очень довольна.

- Благодарю.

Казначей сгреб бумаги в сумку, низко поклонился владельнице и, пятясь, покинул кабинет. Следующим докладчиком должен был стать Малибор Пти, в ведении которого находились все кобрийские шахты, однако из приемной донеслось какое-то подозрительное пыхтение, пара крепких выражений, чей-то недовольный возглас, и перед Агатой предстал не Малибор, а красный, как перегретый чайник, лейтенант Кукузер:

- Срочное донесение от рыцаря Лашара, моя леди! Голубиная почта прибыла пять минут назад.

Молодой офицер приложил немало усилий, прорываясь сквозь толпу оккупировавших приемную администраторов, и такое рвение следовало поощрить:

- Очень хорошо, лейтенант, - с улыбкой кивнула Агата. - Вы поступили абсолютно правильно, немедленно сообщив мне о послании. Благодарю.

Вся Кобрия знала, что жизнь леди подчинялась строжайшему распорядку. Ее дни были расписаны по минутам, запланированные заранее встречи начинались точно в назначенное время и длились ровно столько, сколько было отведено. Агата не терпела нарушений, а потому ее благодарность окрылила юного Кукузера.

- Рад служить, моя леди, - выкрикнул он, протягивая владельнице свернутый в трубочку пергамент.

- Не уходите.

Агата разорвала нить и быстро пробежала взглядом по строчкам, машинально опуская ненужные детали вроде “милостивая владычица”, “припадаю к Вашим ногам” и прочее. Так ее учил отец: проверять наличие уважительных форм, но оставлять их за пределами восприятия, не наслаждаться лестью.

“Суди о людях не по тому, что они тебе говорят, а по тому, что они для тебя делают”.

Где же главное? Ага, вот:

“...я абсолютно уверен, моя леди, что мы наконец-то попали на след Стеклодува. Из достоверного источника стало известно, что проклятый убийца направляется в Гридвальд, и я немедленно...”

Дата?

Леди Кобрин опустила взгляд ниже: письмо написано неделю назад в Ульмерге. Получается, Лашар уже в Гридвальде.

“Хорошо, что Стеклодув подался в Гридию. Это позволит Маркусу одним ударом убить двух зайцев”.

Леди Кобрин откинулась на спинку кресла и, прищурившись на вытянувшегося в струнку лейтенанта, задумалась.

Она давно планировала подобраться к Идмарской Пуще, к этому зеленому подбрюшью империи, с которого так удобно продвигаться на север - к столице. И если Гридия, которой правит дряхлый лорд Датос, окажется под ее контролем, то через полгода-год большая часть лесовиков войдет в сферу кобрийского влияния. Приплюсуем к этому весь юг, часть западных провинций и получим хор голосов, который заставит императора Пауля прислушаться.

Обязательно заставит!

Агата рассеянно посмотрела на Кукузера:

- Начиная с этого момента, любые сообщения от рыцаря Лашара имеют полный приоритет, я хочу получать их в любое время дня и ночи, независимо от того, чем я занята. Это понятно?

- Так точно, моя леди.

- Вы свободны.

- Слушаюсь!

Лейтенант щелкнул каблуками и развернулся к двери.

- И пригласите следующего докладчика.

- Слушаюсь!

Леди бросила послание в ящик стола и на мгновение прикрыла глаза:

“Ты видишь, отец, у меня все получается!”

Править гордыми и суровыми южанами мог только сильный лорд, и именно такими рождались владетели из рода Кобрин. Высокие, голубоглазые, белокурые, сознательно хранящие чистоту благородной северной крови, они открыто говорили подданным: “Мы - другие!”, но давно стали для кобрийцев своими, ибо хватало у них и гордости, и суровости, и харизмы.

Отец Агаты - Фридрих Дилан Энтони, лорд Кобрин, заслуженно считался одним из самых ярких владетелей Кобрии. Времена ему достались непростые: появление Чуди, набеги адорнийцев, Война за Туманную Рощу - однако со всеми проблемами лорд Фридрих справился блестяще. Был почитаем и при жизни, и после смерти.

Он восстановил дороги и мосты, превратил полуразрушенный во время катаклизма

Кобург в мощную крепость, организовал надежный отпор Чуди, создал систему пограничных патрулей вдоль Ильвы и так напудрал адорнийцам, что те и думать позабыли о набегах. Фридрих стал для покойного ныне императора Ферраута палочкой-выручалочкой, надежно прикрывая юго-восточные границы государства в самые непростые годы. Но при этом лорд не забывал о собственной выгоде, укрепляя свою власть всеми доступными способами.

Во время Войны за Туманную Рощу кобрийцам досталось изрядно. Они приняли на себя первый удар южан, едва отбились, выдержав за высокими стенами Кобурга недельную осаду - правильнее было бы сказать - недельный штурм, - но не сдались и после, когда на помощь подоспели имперские войска, жестоко расплатились с адорнийцами, пройдясь по их землям огненным маршем. Фридрих стал одним из творцов победы в битве за Туманную Рощу - главном сражении большой войны, и его достижения отметил сам Ферраут, пожаловав кобрийскому владетелю меч.

Все ждали, что лорд Кобрин возглавит партию “ястребов”, предлагавших императору продолжить войну до полного истребления адорнийцев. Но Фридрих, как ни странно, избрал другой путь: заявил, что передышка необходима, поскольку война изрядно измотала государство, а позже, принимая участие в разработке договора о перемирии, не настаивал на слишком жестоких условиях, ограничившись вполне разумной контрибуцией. Более того, именно Фридрих уговорил Ферраута придать стоящему на Ильве Фихтеру статус вольного города, наладив тем самым цивилизованную торговлю с Адорнией, а заодно заполучив в друзья всех купцов империи.

Лорд Кобрин вовремя понял, что насилие необходимо остановить, предпринял необходимые для этого шаги, а потому после войны его влияние только выросло. Но ослепленный победой император этого не увидел.

Освободившись, по крайней мере, на время, от адорнийской угрозы, Фридрих вплотную занялся мирной жизнью, добившись на этом поприще не меньших успехов, чем на полях сражений и в дипломатических схватках. Обширными полями Кобрии стали заниматься лучшие агрономы империи, что гарантировало стабильно богатые урожаи, благодаря тщательно спланированным сезонам охоты в лесах не переводилась дичь, а разумное управление рыбаками сохраняло большие запасы рыбы в прибрежных водах. Кобрия стремительно богатела, а потому никто не удивился грандиозному строительству, затеянному Фридрихом в Читерских горах - возведению неприступной цитадели, которую он назвал замком Трех Вершин.

Крытый переход, переброшенный на высоте в шестьдесят метров, привел Агату в Береговую башню - одну из трех, что дали название замку. Она стояла прямо у океана, а самая верхняя комната башни - та, что под крышей, - до сих пор считалась кабинетом Безвариата Сотрапезника.

Погибший ученый, так же, как и Агата, любил высоту.

Из больших окон перехода открывался великолепный вид на океан и находящийся далеко внизу внутренний двор замка, по которому ползали малюсенькие фигурки стражников. Леди Кобрин знала, что многие люди - даже некоторые Герои! - до колик боятся высоты, и искренне не понимала, как такое возможно? Что может быть прекраснее ощущения огромного пространства лежащего у твоих ног? Что может быть величественнее понимания, что ты стоишь выше всех? Что может быть сладостнее, чем быть на вершине?

Агата обожала высоту, а потому ее кабинет и личные покои занимали верхние

этажи центральной башни замка, скромно названной Корона. Подняться к ним можно было не только по винтовой лестнице, но и на оригинальном, работающем на прайме подъемнике, разработанном Безвариатом Сотрапезником. И точно такой же подъемник, правда, тайный, предназначенный исключительно для леди и ученого, был установлен в Береговой башне. Но вел он не на первый этаж, и даже не в подвал, а гораздо глубже - через всю скалу вниз, в секретное подземелье, где скрывалась главная тайна Кобрии.

Ведь старый Фридрих не просто так затеял когда-то грандиозное строительство в далеких Читерских горах, и новая цитадель потребовалась ему не на случай еще одной войны с Адорнией, хотя императору лорд Кобрин объяснял свои мотивы именно так. Нет. Замок Три Вершины, в считанные месяцы поднявшийся на скалистом берегу могучего океана, был призван скрыть и защитить невиданное богатство: подземное озеро прайма, случайно обнаруженное рудознатцами во время прокладки очередной шахты. Богатства этого озера не шли ни в какое сравнение с запасами Туманной Роши, однако намного пре-восходили официальный источник прайма Кобрии. И это обстоятельство придало Фридриху дополнительную уверенность в собственных силах: он понял, что теперь, будучи независимым от принадлежащей императору Компании по добыче прайма, может себе позволить гораздо больше, чем раньше. Гораздо больше. Но в первую очередь следовало позаботиться о безопасности. То есть, о более надежной, чем Кобург, крепости.

Если бы правящий ныне император Пауль предпринял, как ему советовали, путешествие в Кобрию, он сразу бы понял, что ни один, даже самый восторженный рассказ, не способен передать величие и мощь Трех Вершин.

Начать с того, что замок действительно был неприступен. Лорд Фридрих отошел от классических канонов принятой в империи архитектуры, не готовил для него специальную площадку, а превратил в основу замка три огромные скалы, каждая из которых стала башней. Между ними выросли высокие стены, обозначив внутренний дворик цитадели, а вокруг были возведены остальные необходимые постройки и внешняя стена, умело проложенная вдоль естественных пропастей. В Три Вершины вела одна-единственная дорога, которая упиралась в подвесной мост, и ни одна армия в мире не смогла бы взять столь хорошо выстроенную крепость.

Во-вторых, и это тоже отмечали все посетители, замок Три Вершины был ослепительно красив. Прочный серый камень, который добывался на местных каменоломнях, повсюду оживлялся вставками черного мрамора, к которому Фридрих питал необъяснимую слабость. Дома и строения проектировались лучшими архитекторами, многочисленные статуи были созданы искусными скульптурами, стены украшались узорами и барельефами. В замке даже обыкновенные лестницы выглядели как произведения искусства, а уж излюбленные доктами механические устройства: облегчающие и делающие комфортной жизнь поражали воображение богатейшей отделкой. И глядя на Три Вершины, трудно было поверить, что все это великолепие было построено всего за несколько месяцев. Но так оно и было. И объяснялась невероятная скорость просто - прайм. Лорд Фридрих не только нанимал по всей империи мастеров, но покупал для строительства лучшие механизмы и машины. Огромные “землеройки”, тяжелые “скалогрызы”, “выжигатели”, “толкатели”, “подаватели”... Машины поднимали замок, машины и прайм. Фридрих его не жалел, а между тем, прайма становилось все меньше и меньше.

И в тайном подземном озере, и в Туманной Роще...

Оказавшись в Береговой башне - переход выходил в обширный холл, леди Кобрин подошла к находящейся напротив стене, нажала на потайную панель и высокий, до потолка, барельеф, изображающий охоту на трехглавую Чудь, плавно отъехал в сторону, открыв проход к площадке подъемника.

- Жди здесь.

Сопровождавший владетельницу Герой поклонился:

- Да, госпожа.

И не поднимал голову до тех пор, пока стена не вернулась на место, скрыв от его взора и площадку, и женщину.

Которая, в свою очередь, опустила медный рычаг и удовлетворенно усмехнулась, услышав знакомое гудение: питаемый праймом механизм заработал, и стал медленно опускать площадку. Путь под замок занимал около четырех минут, вполне достаточно, чтобы собраться, отринуть надоевшие повседневные дела и сосредоточиться на главном. На том, что ожидало внизу.

На том, что должно принести семье Кобрин колоссальное могущество, но пока не давалось в руки.

На том, как много уже сделано, и как много еще предстоит.

Но...

Но сосредоточиться не получалось.

Потому что именно здесь и только здесь, внутри вставшей на дыбы трубы, стоя на неспешно сползающей в подземелье площадке, Агата могла позволить себе проявить истинные чувства. Здесь никто не мог ее услышать, сюда никто не мог войти. Здесь она была совершенно одна, и могла, не стесняясь, выплеснуть из себя слабость или обиду.

- Безвариат, Безвариат... - Леди Кобрин хрустнула пальцами. - Зачем ты так поступил? Зачем предал?

Безвариат Сотрапезник.

Со дня его смерти прошло уже несколько недель, но в мыслях своих Агата постоянно возвращалась к ученому. К единственному человеку, которому леди Кобрин всегда говорила правду. К единственному, кого она по-настоящему уважала. Кому верила.

К единственному человеку, который сумел нанести ей тяжкий удар.

Потому что она была искренна, уважала и верила. А он все это растоптал.

И на голубых глазах прекрасной женщины выступили горькие слезы.

- Как ты мог, Безвариат? Как ты мог?

Агата и сама не ожидала, что боль будет столь сильной и столь долгой. И боль эта будет вызвана не предательством Сотрапезника, а его смертью. Предательство она пережила на удивление легко, а вот гибель друга рвала душу не хуже пыточных клещей.

- Безвариат...

Горькие мысли, горькие слезы, и лишь четыре минуты, чтобы предаться слабости. Четыре минуты полного одиночества.

А когда подъемник мягко остановился, и еще через несколько секунд ушла в сторону стена, стоящий в подземном коридоре мужчина увидел не тоскующую женщину, а гордую, холодную, красивую и неприступную, как замок Три Вершины, леди Кобрин.

- Агата!

- Эларио!

Они были одни, а потому могли не стесняться: высоченный адорниец прижал женщину к груди и впился в ее губы долгим поцелуем.

- Я скучал по тебе.

- Я скучала по тебе.

Император мог простить своенравной кобрийке все: строительство неприступного замка, интриги, захват (на законных, конечно же, основаниях) соседних земель - все. Но если бы он узнал, что леди Агата дружит... и не просто дружит, а ведет тайные дела с адорнийским лордом, это обязательно бы привело к обвинению в государственной измене и плахе. Впрочем, Эларио Хиравы, один из выдающихся магов своего народа, рисковал не меньше леди Кобрин. Но он верил. И в свою любимую, и в их общий замысел. А потому плевал на риск.

- Давно ждешь?

- Я прибыл час назад.

Официально Эларио отправился на охоту в дальний заповедник - об этой его страсти знала вся Адорния. Но лишь самым доверенным людям было известно, что в любимых своих угодьях Хиравы не появлялся уже три года. Егеря загоняли добычу и готовили "трофеи", которые позже представлялись публике. А сам лорд перемещался в Кобрию используя магический телепорт: в укромном уголке Трех Вершин был разбит малюсенький сад - адорнийские растения на адорнийской же, специально привезенной земле, и именно в это место попадал Хиравы из своего замка, затрачивая на путешествие считанные минуты.

- Сколько ты пробудешь со мной?

- Если у нас получится, то целую вечность.

- У нас получится, Эларио, я верю.

- Должно получиться, Агата, должно.

Хиравы был типичным адорнийцем: орлиный профиль, смуглая кожа, черные, как смоль, волосы... Когда-то, черные, поскольку Эларио, как и все адорнийцы, испытывал непонятную доктам тягу к пестрым краскам и броским одеждам, а потому на длинной его шевелюре черные пряди перемежались желтыми и красными. Зеленый кафтан князя был богато украшен золотой вышивкой, на шее болтался пестрый платок, а пальцы едва виднелись под перстнями с крупными камнями. По адорнийским меркам Хиравы выглядел блестяще, однако стильная Агата с большим трудом подавляла желание назвать его ихтирским попугаем.

- Я перепроверил заклинание, и убежден, что ошибки нет.

- Ты великий маг, Эларио, но наши последние неудачи связаны не с твоими ошибками, а с тупостью ученых.

- Они не тупые, Агата, просто среди них нет такого же гения, каким был Безвариат.

- Не нужно вспоминать это имя.

- Мы всегда будем его вспоминать.

Они стояли у порога, готовились к последнему эксперименту, в успех которого верили все, но Сотрапезник сломался, бросился на скалы, успев перед смертью что-то изменить в сложнейшем механизме Праймашины. И лишь сейчас кобрийские ученые осторожно заявили, что неисправность, возможно, устранена.

- Я до сих пор не понимаю, что толкнуло Безвариата на предательство, - вздохнула Агата.

- Он перестал верить, - пожал плечами адорниец.

- Он был ученым, он принял идею Праймашины, как вызов своему мастерству и должен был довести дело до конца.

- Он перестал верить, - повторил Эларио. - Не в себя, а в наше дело. Когда он понял, что Праймашина изменит мир, то испугался последствий.

- А ты?

- Я - лорд, - с гордостью ответил Хиравы. - Я тщательно обдумываю свои решения,

а после иду до конца.

- Наверное, поэтому я тебя и люблю.
- У меня много других достоинств, - напомнил адорниец.
- И каждое из них заставляет меня трепетать.

Эларио увидел то, что хотел видеть - искренность, а потому самодовольно улыбнулся и вновь поцеловал Агату.

Сумрачный коридор, стены которого представляли собой грубо отесанную скалу, вывел их в обширный подземный зал, вырубленный рядом с прайм-озером, и полностью отданный под уникальный механизм, строительство которого продолжалось три долгих года. Леди Кобрин видела его сотни раз, иногда он ей даже снился, но всякий раз оказываясь здесь, Агата задерживалась у входа и внимательно, с надеждой и гордостью оглядывала свою Праймашину.

Свое будущее.

И будущее всего мира.

Огромный зал, ярко освещенный многочисленными прайм-светильниками, был полностью уставлен шкафами, внутри которых находились хитроумные устройства и открытыми механизмами, слишком большими, чтобы спрятать их под кожух. В установленных над мощными нагревателями медных чанах пузырились разноцветные растворы - ученые готовили смесь для эксперимента. Некоторые из чанов оставались открытыми, над ними клубились облака пара, из остальных, закрытых, смесь подавалась в перегонные кубы или осадители, чтобы последовать дальше, вновь смешиваясь и вновь разделяясь. А потому по всему залу были проложены трубы - для чистого прайма, что подавался из озера, и смеси, финальное смешивание которой происходило в шести металлических баках и одной гигантской прозрачной колбе, установленных в центре зала.

Восемь труб сходились в крышке большого стеклянного куба, внутри которого была установлена напоминающая пятиконечную звезду конструкция, к лучам которой был привязан обнаженный мужчина.

Жертва. Главный аккорд придуманного Хировой и Сотрапезником делания.

Пол у куба отсутствовал, под ногами несчастного уходил вниз раструб толстенной трубы, соединенной с объемистой цистерной.

- У нас все готово, леди Кобрин, можно начинать.

Иероним Вик, руководитель группы ученых, что жили при Праймашине уже три года, изрядно нервничал: то и дело потирал потные ладони, и старательно отводил глаза, не рискуя встречаться с Агатой взглядом. До смерти Безвариата Иероним выглядел молодцом: превосходный исполнитель, умело и в точности реализующий замыслы гения. До смерти Безвариата претензий к Иерониму не было, но теперь... Теперь несчастный Вик нежданно-негаданно превратился в ответственного за конечный результат руководителя, и блеск его изрядно померк.

- Вы уверены? - прохладно поинтересовалась леди Кобрин.
- Насколько мы можем судить...

- Понятно. - Агата резко оборвала Иеронима и посмотрела на адорнища: - Они не уверены.

- Я бы удивился, услышав обратное. - Хирава удостоил ученого высокомерным взглядом. - Безвариат был гением, а они - подмастерья. Случись что со мной, даже лучший ученик не смог бы продолжить дело.

- Все, что от них требовалось - восстановить машину, которую они сами собрали.
- Под руководством Сотрапезника.

- Но ведь они не слепые!

- Так давай посмотрим, что у них получилось. - Адорниец жестом отправил Иеронима к рабочему месту, и улыбнулся Агате: - Приступаем!

- Удачи.

- Спасибо.

Лорд прошел вдоль машины, бросая презрительные взгляды на пыхтящие механизмы - будучи настоящим адорнийцем, Хираву терпеть не мог технику, - поднялся на металлическую площадку, что была установлена напротив стеклянного куба, вздохнул, сосредоточенно изучая распятого человека, и кивнул. Несчастный Иероним потной рукой потянулся за главный рычаг.

Праймашина загудела. В ноздри ударил запах прайма, машинного масла, водяного пара и кучи других испарений, что составляли гремучую смесь Безвариата. Завертелись колеса, зашипели насосы и по трубам побежал раствор.

Агата ухватила за поручни.

- Началось.

Получится или нет - сейчас не важно. Агату захватил процесс, величественная работа невозможной, нереальной, но существующей машины.

- Началось!

Прайм бежит из озера, но не только к кубу - прайм есть в каждом растворе, в каждой смеси, прайм разбегается по залу, всасывается в огромные емкости, изменяется, вступая в реакцию с веществами Безвариата, меняет цвет и заставляет машину гудеть все более тяжело, надрывисто.

А установленный под потолком хронометр неторопливо отсчитывает секунды, и притягивает взоры людей не меньше, чем пыхтящая машина.

- Девять минут!

Критическое, по словам Безвариата, время.

Агата перевела взгляд на стеклянный куб, быстро заполняющийся голубоватым газом. Изначально ярко светящимся газом, но сейчас его блеск угасал на глазах.

“Смесь будет готова и преобразована в пар. Так же, как и прайм, который мы достанем из озера. В кубе все растворы смешаются под высоким давлением, станут единым целым и в этот самый миг...”

Должен прозвучать последний аккорд.

- Контарбардар де холп де риз!

Дождавшийся своего часа Хирава принялся творить заклинание, и приговоренный мужчина пронзительно закричал. И хотя толстые стены куба не пропускали ни звука, вопли несчастного ударили Агате в самую душу.

- Бадар завей карр! Бадай усид усилла!

Слова не играли главной роли в адорнийской магии, основное действие разворачивалось в душе Эларио, перед его внутренним взором. Хираву знал, чего хочет добиться, и целенаправленно изменял проникающую в куб смесь. Сосредоточенный, предельно сконцентрированный на работе, он больше не напоминал попугая - он был слишком велик для этого.

- Асбортарг завей хунимр!

Голос мага становился все громче и громче, наполнял зал, перекрывая гудение Праймашины, четко указывал, где именно творится главное действие эксперимента.

- Хадам!

Чтобы убить, Эларио не требовалось быть рядом с жертвой. Его правая рука сделала движение к груди несчастного, и внутри стеклянного куба родилась смерть.

- Давай, - прошептала Агата, сжимая руками поручень. - Давай же... Ну!

“Давай!” - беззвучно попросил Иероним.

“Пожалуйста!” - вторили ему помощники.

“Ну? - угрюмо поинтересовался Хирав. - Ну?”

Останется ли смерть в прайме обычной смертью или породит...

Пять секунд. Десять. Пятнадцать.

Пятнадцать ударов сердца, а заполонивший куб газ продолжал оставаться блеклым.

Провал.

- Проклятье!

Понурые ученые жмутся к стене, подошедший Эларио мрачен, будто проглотил леший плевок, и больше не напоминает великого мага. Скорее - мокрого попугая.

- Извини.

“За что? Ты сделал все, что мог. Ты старался. Ошиблась я. Ошиблась, когда доверилась Безвариату”.

- Нам нужны записи Сотрапезника, - холодно чеканит леди Кобрин. - Возможно, они есть у Стеклодува. Или мы не нашли их в фихтерском доме, не добрались до какого-нибудь тайника... - Голос срывается, но лишь на мгновение. - Безвариат не мог не оставить записи.

- Зачем ему писать, как он испортил Праймашину? - недоуменно спрашивает Хирав.

- Я хочу найти все записи о ее строительстве, - жестко продолжает Агата. И поворачивается к ученым: - А вы продолжайте искать полонку. Если через две недели не добьетесь успеха - начнете умирать.

* * *

- Я все равно недоволен!

- Прекрасно вас понимаю, лорд Датос, - склонился в поклоне ментор Ханс. - Но...

- Никаких “но”! - перебил помощника гридийский владетель. - Никаких! Гридвальд бурлит! Идут разговоры, что преступность растет, и скоро добропорядочным людям нельзя будет выйти из дому. У нас большой город, но лиходеев мы всегда держали в узде. Всегда! Все знают, что Гридвальд - оплот спокойствия, и за это купцы нас любят. А что теперь? Стражник погиб. Мой сын рисковал жизнью! Я потерял Героиню!

Гридийский владетель был человеком спокойным до флегматичности, но сейчас, выговаривая ментору, лорд Датос не смог удержаться, и дал волю эмоциям - в конце концов, речь шла о его сыне, и его столице! А чтобы смысл слов дошел до Ханса как можно лучше, лорд не забывал периодически взмахивать сжатой в кулак рукой.

- Какое отношение имеют к вашему неудовольствию посланцы леди Кобрин?

- Они загнали сюда преступника.

- Лашар и Герои преследовали Стеклодува от самого Кобурга, - дипломатично произнес Ханс. - Если помните, лорд Датос, Лашар не был уверен, что преступник находится в Гридвальде, он просто попросил содействия. Неужели вы думаете, что леди Кобрин не оказала бы помощь вашим посланникам?

- Не знаю, - отрезал гридийский владетель.

- В борьбе с преступниками лорды действуют сообща, ибо так хочет император.

Возникла коротенькая пауза, после которой Датос обронил необходимое добавление:

- Да продлится его правление вечно.

- Да продлится его правление вечно, - поддержал верноподданное замечание ментор.

Датос медленно прошелся по кабинету, обставленному тяжелой мебелью, ,

остановился у стеллажа и вздохнул:

- Да, он так хочет.

- Император Пауль заботится обо всех доктах, и лордах, и Героях, и простолюдинах,

- продолжил Ханс. - Только единство гарантирует крепость государства.

- И мы должны служить ему, потому что он такой.

- Во имя империи.

- Во имя империи.

Датос тяжело посмотрел на Ханса, тот ответил открытым взглядом.

Друг?

Да, возможно. Но некоторые вещи для него важнее дружбы.

Институт менторов возник после начала широкого применения прайма, , когда император Ферраут понял, какую силу начинают обретать его вассалы, и озаботился созданием дополнительных средств контроля за ними. Следящие за соблюдением законов прокуроры для этих целей не годились - многие из них открыто конфликтовали с лордами, а потому появились менторы: набранные из славных, но безземельных воинов люди, в обязанности которых входил повседневный контроль за деятельностью лордов, обучение отпрысков благородных семей и воспитание их в духе верности короне. Однако только этими задачами менторы не ограничивались. Многие из них прекрасно разбирались и в хозяйстве, и в политике, а потому не только воспитывали наследников, но и подсказывали лордам, как вести дела. Ментор Ханс был именно таким: опытным, умным, рассудительным, он умело управлялся со стражниками, зорко следил за состоянием казны, давал советы по налогам и местным законам, и постепенно стал одним из самых доверенных помощников Датоса.

Другом?

Можно сказать и так, если позабыть, что Ханс не был Датосу ровней, а сам лорд ни на мгновение не забывал, кто именно прислал ментора в Гридию.

- Я предложил Лашару поселиться в замке, но он выбрал постоянный двор, - хмуро припомнил Датос, пытаясь отыскать дополнительные примеры дерзкого поведения кобрийцев. - Нет ли тут неуважения?

- Совсем наоборот, - покачал головой Ханс. - Лашар, видимо, по наущению леди Кобрин, проявил завидную деликатность. Он показал, что не хочет быть назойливым.

- Но потребовал аудиенции!

- Нижайше попросил.

- Ты его защищаешь? - Датос удивленно приподнял брови.

Ментор вздохнул и широко развел в стороны руки:

- Я вижу, вы настроены против Лашара, мой лорд, и пытаюсь сделать так, чтобы ваш гнев и неудовольствие ночными событиями не повлияли на политическую ситуацию.

Удивление Датоса сменилось неподдельным изумлением.

- Гридия отстоит от Кобрии настолько далеко, что говорить о каких-то общих интересах бессмысленно.

- На первый взгляд, - поспешил уточнить Ханс.

- А на второй?

- Леди Кобрин, как нам с вами хорошо известно, смотрит далеко вперед, - заметил ментор. - Ее интересы распространяются на всю империю, и кто знает...

- Я ничего не пропустил?

Наследник, разумеется, вошел без доклада, и бесцеремонно перебил Ханса на полуслове.

- Карлос!

- Молодой лорд. - Ментор опустил голову.
- Мы как раз говорили об этих кобрийцах, - сообщил сыну Датос.
- А что о них говорить? - Карлос плюхнулся в кресло и закинул ногу на ногу.

На маленьком резном столике, что притулился в углу кабинета, ждали своего часа пара бутылок красного, однако намекать на то, что следует промочить горло, юноша постеснялся, знал, что отец не одобрит столь раннее начало.

- Кобрийцы получили все, что хотели, и могут убираться. Не думаю, что мы должны им препятствовать.

- Слова настоящего лорда, - усмехнулся Датос.

- Они попросили аудиенцию, - напомнил Ханс.

- Ураган доложил мне. - Карлос покосился на ментора: - Для чего Лашару понадобилась еще одна встреча?

- Возможно, он хочет выразить лорду Датосу и вам, молодой господин, свое уважение и благодарность за помощь в поимке опасного преступника.

Ханс постарался, чтобы последние его слова прозвучали весьма внушительно, надеялся потешить самолюбие юноши, но добился прямо противоположного результата.

- Да уж, очень опасного, - презрительно скривился Карлос, чем вызвал у отца непонятное удивление.

- Преступник убил Егозу, - напомнил Датос. - А это весьма непросто.

- Преступнику повезло, - пожал плечами Карлос. - Фактически, я подставил Шахману под выстрел, распорядившись осветить переулок.

- Выстрел еще нужно произвести, - заметил ментор. - Прицелиться...

- Не надо рассказывать мне о бое, Ханс, мы достаточно обсуждали эти подробности во время обучения, - отмахнулся юноша. - Сейчас же я могу сказать одно: человек, которого я убил, не был бойцом.

- Он убил стражника и ранил двоих.

- Это говорит о том, что наши стражники набрали лишний вес и растеряли навыки. Нужно ими заняться, Ханс.

Никогда раньше Карлос не позволял себе подобных выпадов в адрес ментора, и Ханс не сдержался. Порозовевший ментор повернулся к владельцу и, с трудом сдерживая ярость, произнес:

- Мне кажется, молодой лорд все еще возбужден.

Ответить Датос не успел.

- Молодой лорд чувствует, что дело нечисто, - громко сообщил Карлос, и тоже повернулся к отцу: - Я не присутствовал на первой аудиенции, которую ты дал этому Лашару, а потому не знаю, о ком мы говорим. Как зовут преступника?

- Ян Стеклодув, - поспешил с ответом Ханс. - Он был учеником Безвариата Сотрапезника.

- Того самого Безвариата?

- Да, того самого, - подтвердил ментор. - Ян Стеклодув пользовался полным доверием Сотрапезника, вел все его дела, а несколько месяцев назад убил своего учителя, ограбил его...

- Подожди, подожди... - в очередной раз перебил Ханса Карлос. - Не так быстро и по порядку. Как это убил и ограбил? Сколько лет Стеклодув был учеником Безвариата?

- Я точно не знаю... - смутился ментор. - Кажется, десять.

- Десять лет Стеклодув верно служил Сотрапезнику, а потом вдруг взял и убил его? И ограбил? - Юноша с наигранным удивлением посмотрел на отца. - И ты поверил?

“А ведь действительно, - неожиданно подумал Датос. - С чего бы вдруг?”

Пару дней назад, разглядывая подписанные фихтерским прокурором документы, у гридийского владельца не возникло сомнений в том, как он должен поступить. Происходящее казалось предельно очевидным и ясным, но один-единственный вопрос, заданный едва оперившимся юнцом, ставит все с ног на голову. Для чего Стеклодуву убивать своего учителя? Ради денег? Но за годы службы у Безвариата Ян познал такие секреты мастерства, что мог бы открыть собственное дело и жить припеваючи. Не сходится, чтоб тебя Чудь сожрала, не сходится!

Однако выступить на стороне сына лорд не успел.

- Вы слишком молоды, Карлос, вы еще не знаете, что в этом мире возможно все, - поучительным тоном произнес ментор.

И мгновенно получил очередную плюху от разошедшегося Карлоса.

- Молодость быстро проходит, а вот ум - остается. И пусть опыта у меня мало, я все равно не верю, что верный ученик убил такого выдающегося ученого, как Безвариат, ради денег.

“Взрослеет, парень, - подумал Датос, с гордостью глядя на раскрасневшегося в споре Карлоса. - Горяч, конечно, не обзавелся еще семейным хладнокровием, но это дело наживное. Еще год-два, и я смогу без колебаний передать ему корону лорда”.

Что, в свою очередь, позволит Датосу отправиться на долгожданный и давно заслуженный покой.

- Обстоятельства смерти Сотрапезника были определены стражей вольного города Фихтер, где Безвариат жил последние годы, - хрипло произнес ментор. - После этого леди Кобрин, которая высоко ценила Сотрапезника, поклялась отомстить его убийце. И, как видите, сдержала слово.

Ханс выглядел растерянным, и потому старый лорд решил его поддержать. Сомнения сомнениями, но официальные бумаги это серьезно, они, Чудь их задери, имеют вес, а не взятые с потолка вопросы. Пусть сын поймет силу имперской бюрократии: чем раньше это случится, тем лучше.

- Все правильно, Карлос, - произнес Датос. - Лашар представил все бумаги, в том числе - письмо имперского прокурора Фихтера.

Но сдаваться юноша не собирался. Во-первых, он был упрям, а во-вторых, не желал оставлять последнее слово за ментором.

- Почему леди Кобрин решила мстить за Безвариата?

- Она высоко ценила Сотрапезника.

- Ну и что? Отец высоко ценит замки, поставленные Изотермом Любой-Ключ, но если завтра мастера убьют в пьяной драке, вряд ли мы отправим Героев мстить за его смерть.

И снова - в точку.

- Это так, - с улыбкой подтвердил Датос.

У Ханса широко раздулись ноздри, он сдерживался из последних сил, но все-таки сдерживался. Понимал, что нет у него прав ответить так, как щенок заслуживает, и понимание это было унижительным.

- Ходят слухи, что леди Кобрин была близко знакома с Безвариатом, - произнес, наконец, ментор, голосом выделив слово “близко”. - И еще говорят, что Сотрапезник уехал из столицы в Фихтер, чтобы быть ближе к Кобургу и леди Кобрин.

- Она спала с Сотрапезником? - изумился Карлос.

- Почему нет?

- Такая связь могла запятнать ее репутацию.

- Леди Кобрин может позволить себе многое, - пожал плечами Ханс. Он сумел

взять себя в руки, и продолжил разговор в своей обычной, спокойной и рассудительной манере. - К тому же Безвариат был не “кем-нибудь”, а выдающимся ученым, легендой доктов, которого привечал сам император. Безвариат Сотрапезник - почетный президент Ученого Совета...

- Отец? - Во время всех серьезных разговоров, которые пытался вести Карлос, всегда возникал этот момент: негромкое обращение “Отец?” и быстрый взгляд на лорда. Карлос еще не был готов к полной самостоятельности, ему требовались советы и поддержка. - Леди Кобрин действительно может позволить себе многое?

Из того, что говорил ментор, Карлос выделил главное. Догадался, что это главное, что говоря “многое”, Ханс имел в виду не только интрижку с ученым, и теперь хотел знать больше. Карлос еще не знал, для чего ему эта информация, но чувствовал, что вседозволенность леди Кобрин связана с последними словами Стеклодува. С тайной, которую скрывал ученик Безвариата Сотрапезника. С тайной, из-за которой он погиб. И, возможно, из-за которой погиб сам Сотрапезник.

“Праймашина...”

- Ты хочешь знать о леди Кобрин?

- Да.

“Растет мой мальчик, быстро растет! Кажется, он начал понимать, что решения необходимо принимать обладая полной информацией”.

Датос улыбнулся.

- Буквально перед твоим приходом, сын, мы с Хансом говорили о политической ситуации в стране.

- Мы сидим в самом центре Пущи, - хмыкнул юноша. - Какое нам дело до политической ситуации? Пусть у императора голова болит. - Покосился на ментора и добавил: - Чтоб его правление продлилось вечно.

Ханс важно кивнул, принимая обязательное выражение почтения. А вот Датоса пренебрежение сына покорило:

- Тебе все равно, что происходит в стране?

Этот вопрос Карлос слышал не в первый раз и давно придумал универсальный ответ:

- Разве мы можем повлиять на происходящее? Решения принимаются в столице, са-мим императором Паулем, да продлится его правление вечно, и безмозглыми придворными, которым кажется, что они ведут доктов.

- Каждый из нас способен повлиять на происходящее, Карлос, - жарко ответил Датос. - Особенно - лорды. В Пуще мы сидим, или в горах, большое у нас владение, или едва заметное, мы все несем ответственность за государство. Мы управляем людьми и должны заботиться о том, чтобы жизнь в империи с каждым днем становилась лучше. На нашу долю и так выпали тяжкие испытания: катаклизм, появление Чуди, война... Эра Прайма жестока к нам, подкидывает одну проблему за другой, и нужно понимать, что по одиночке мы не выживем, если о стране будет думать только император, адорнийцы возьмут нас голыми руками.

- Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь?

Карлос хотел послушать о леди Кобрин, а вместо этого влип в опостылевшие рассуждения об адорнийской угрозе. Тоже интересная тема, если вдуматься: рассказы о Войне за Туманную Рошу юноша слушал с огромным интересом, но к угрозе со стороны южан относился с большим скепсисом. Главным адорнийским образом для него была красавица Нафана, которая по определению могла предложить лишь удовольствия, и ничего более.

- Не понимаешь, так я тебе объясню.

Лорд Датос подошел к большой карте, что занимала южную стену кабинета, и глубоко вздохнул, обдумывая, с чего начать речь. Ментор Ханс прислонился к книжному шкафу, и в очередной раз вознес хвалу своей уникальной способности дремать, сохраняя на лице выражение глубочайшего интереса.

- Как ты знаешь, сын, из Войны за Туманную Рощу наша страна вышла мощной и единой. Имперская власть была главной силой победы, поражение адорнийцев во многом объяснялось разобщенностью южан...

- Я читал об этом, - сообщил Карлос.

- А я в этом участвовал, - напомнил Датос.

- Жаль, что я не успел.

- Война не такое уж веселое занятие, как может показаться, сын, - серьезно сказал лорд. - Поверь, я с гораздо большим удовольствием занимаюсь повседневными делами Гриди.

- А как же слава?

- Слава не способна накормить, не может вспахать поле, не создаст машину...

“Праймашина...”

- Но мы отвлеклись. - Датос потер подбородок. - После победы никто не оспаривал власть императора, однако время шло, жестокость адорнийцев стиралась из памяти, мы убедили себя в том, что южане нам больше не страшны, и потеряли бдительность. Тем более, пока на границе стоял Обелиск Перемирия... Мы стали спесивыми и самодовольными, а прайм и Герои, которые есть теперь у каждого лорда, только усилили эти мерзкие качества.

- Это еще почему?

- Потому что даже слабый Герой способен победить несколько десятков солдат. Роль обычной армии уменьшилась, а Герои подчиняются не столько императору, сколько лордам, и этот факт делает владетелей еще более спесивыми.

- Дураков делает.

- К сожалению - всех. Лорды видят, что их власть держится на прайме...

- Которого у нас полно!

- Пока полно, - уточнил Датос. - Но запасы Туманной Рощи оказались меньше, чем ожидали ученые, и скоро они начнут истощаться.

- И мы пойдем на юг! - Глаза Карлоса вспыхнули. - И заберем у адорнийцев наш прайм!

- Который они считают своим.

- Ты вообще за кого?

- Я могу быть только за доктов. - Лорд грустно улыбнулся и продолжил: - Адорнийцы уже не те, что во время Войны за Туманную Рощу. Они многому научились, многое поняли и надеются взять реванш.

- Мы сильнее!

- Потому что были едины, - громко и неожиданно жестко произнес Датос. - Я подводил тебя к этой мысли, сын: мы победили, потому что нас вел Ферраут, и среди лордов не было свар. Но прайм и Герои изменили лордов, и у некоторых из них появились честолюбивые замыслы.

- Они хотят выступить против императора? - удивился Карлос.

Благоговейного трепета перед короной молодой лорд не испытывал, однако относился к верховному правителю с огромным уважением. В конце концов, именно брат нынешнего императора привел доктов к победе в Войне за Туманную Рощу.

- Хочешь сказать, что готовится мятеж?

Вместо ответа Датос вернулся к карте.

- Вот здесь, на берегу пограничной Ильвы, находится вольный город Фихтер, единственный центр торговли с Адорнией. А здесь, чуть севернее, на полуострове Коб, расположена Кобрия. На первый взгляд она кажется далекой провинцией, лорды которой должны быть такими же спокойными и верными короне, как я и мои соседи из Пущи, но в действительности это не так. Кобрийцы столкнулись с адорнийцами раньше всех в империи, отражали набеги, и даже вытеснили южан за реку, проведя границу по Ильве задолго до того, как император подписал соответствующий договор. Во время войны кобрийцы приняли на себя основной удар, но выстояли, а после жестоко отомстили адорнийцам.

- Большинство героев Войны за Туманную Рошу - кобрийцы, - добавил вдруг Ханс.

- Они дрались отчаянно.

- Я восхищался лордом Фридрихом Кобрин, - кивнул Датос. - Он был смелым и решительным воином. А его дочь, Агата, унаследовала от отца самые лучшие качества.

Теперь, когда разговор вернулся к леди Кобрин, Карлос весь обратился в слух.

- После смерти отца Агата сумела сохранить при себе всех его Героев и помощников. Она правит Кобрией железной рукой. Она умна, хитра, целеустремленна, и никто не знает, что творится у нее в голове. Она уверенно идет вперед и с каждым днем наращивает свое могущество.

- Какое еще могущество?

- В двадцать лет Агата вышла замуж за своего соседа, лорда Мерта, который годился ей в деды. Через три года старик умер, и Мертирия исчезла с карты империи - теперь это часть Кобрии.

- Как это могло получиться? - удивился Карлос. - Ведь закон...

- В Смервии истощился источник прайма, и Агата получила высочайшее разрешение на присоединение земель к своему родному владению.

- Тогда все в порядке.

- Но Агата не остановилась.

- Будем называть вещи своими именами, лорд Датос, - неожиданно произнес ментор.

- Леди Кобрин не позволили остановиться.

- Никто не знает этого точно, Ханс.

- Но слухи ходили.

- Слухи есть слухи.

- Вы не могли бы говорить чуть более подробно? - язвительно поинтересовался Карлос.

- Через год после смерти лорда Мерта, Кобрию атаковал лорд Хурий. Он доводился внучатым племянником владельцу Мертирии, предлагал Агате разделить земли пополам, а после отказа - напал. - Датос помолчал. - Многие считают, что лорда Хурия подбил на эту авантюру сам Пауль.

- Чтобы придавить набирающую вес Агату, - уточнил ментор.

- Кажется, я догадываюсь, чем все закончилось, - усмехнулся юноша.

- Леди Кобрин наголову разбила армию вторжения, и посадила на хурийский трон своего двоюродного брата.

- Император Пауль не возражать, потому что Агата действовала в полном соответствии с законом.

- Гм...

Карлос неожиданно подумал, что внутренняя политика империи Доктов не такое

уж скучное занятие, как казалось ему раньше.

“Почему отец никогда не рассказывал мне об этой дамочке? Клянусь всеми шестеренками мира - она производит впечатление!”

- В дальнейшем леди Кобрин стала действовать тоньше: засылала дипломатов, договаривалась с правителями, подкупала, угрожала, говорят - убивала. В настоящий момент, как считается, ей подчиняется едва ли не весь юг империи, и останавливаться она не собирается.

- Почему же император не объявит против Кобрии поход?

- У него нет повода, поскольку леди Кобрин не нарушает законы и не устает подчеркивать, что абсолютно лояльна короне. Однако при этом леди не посещала столицу уже лет пять. - Лорд улыбнулся. - Агата осторожна.

- И умна, - добавил ментор.

Оспаривать это замечание никто не стал.

- Она никогда не пойдет на открытый мятеж, поскольку лорды зависят от прайма, а больше всего в империи прайма добывает принадлежащая Паулю Компания. Запасы, что есть во владениях, невелики, так что будем откровенны: в настоящий момент прайм - один из главных инструментов, с помощью которого император удерживает лордов в повиновении. Но если Агата сумеет изменить эту ситуацию, если заполучит источник прайма, доктов ждут “веселые” времена.

“Праймашина...”

Датос поерзал в кресле, в которое опустился, отойдя от карты, и спокойно продолжил:

- Именно эти аспекты имел в виду Ханс, когда говорил об изменении политической ситуации. Гридия далеко от Кобрии, но мы имеем большой вес в Пуще, а у леди Агаты, судя по всему, весьма серьезные планы. И аудиенция, которую выпросил Лашар, возможно, будет иметь далеко идущие последствия.

- Он предложит тебе союз?

- Не сможет предложить, потому что это будет акт против императора, - покачал головой лорд. - Предложение будет иным.

- Каким?

- Не знаю.

- И сейчас мы должны решить, что будем делать после того, как услышим его, - догадался Карлос. - Сообщать императору, или нет?

- Совершенно верно, сын.

Юноша перевел взгляд на ментора:

- Разве ты не должен был посоветовать отцу, сообщить о подозрениях прокурору?

Ханс тяжело вздохнул, словно говоря: “Ах, этот юношеский максимализм!”, после чего ответил:

- Гридия стала для меня родным домом, молодой лорд, и я хочу, чтобы она и дальше процветала под мудрым руководством вашего отца. Поэтому я рекомендовал не ссориться с леди Кобрин.

Весьма обтекаемый ответ, совершенно неподходящий для ментора, присланного в Гридвальд из столицы. Что заставило Ханса проявить подобную осторожность? Дружеские чувства к лорду Датосу, или...

- Ты ее боишься? - Карлос удивленно посмотрел на ментора.

- Умные люди не боятся, а здраво оценивают тех, с кем имеют дело, - пробурчал Датос. - Леди Кобрин крайне опасна. А еще у нее есть возможность взойти на престол.

- Каким образом?

- Год назад Пауль овдовел, и ходят слухи, что некоторые придворные склоняют его

к мысли жениться на Агате.

- Разве император не понимает, что она опасна? - растерялся Карлос.

- Понимает гораздо лучше нас, - серьезно ответил Датос. - Но он должен думать об империи, о том, чтобы докты оставались сильными и едиными, и ради этого способен пойти на политический брак.

- А как же принц? Именно он должен унаследовать трон.

- Жизнь, особенно в столице, непредсказуема.

- Я не стал бы приписывать леди Кобрин совсем уж кровожадных планов... - начал, было, Ханс, но его в очередной раз перебил Карлос.

- А я бы стал!

- Почему? - опешил ментор.

- Потому что перед смертью Стеклодув произнес следующее: "Праймашина. Кобрин строит Праймшину. Она все изменит. Весь мир".

Несколько долгих секунд лорд Датос и ментор Ханс молчали, глядя на Карлоса, затем переглянулись и Ханс осторожно спросил:

- Это все?

- Да.

- Что это значит?

- Я не знаю, - пожал плечами Карлос. - Ты когда-нибудь слышал такой термин: "Праймашина"?

- Прайм-машин много.

- Я уверен, что Стеклодув произнес слово слитно, как будто специально отсекая обычное его значение. Не прайм-машина, а Прайммашина. Нечто особенное.

- Нечто, что стоило ему жизни, - пробормотал лорд Грид.

- Верно, отец. Из того, что я услышал о леди Кобрин, можно сделать вывод, что она строит какое-то грандиозное устройство.

Ханс с сомнением покачал головой:

- Прайммашина? Грандиозное?

- Не забывай о Сотрапезнике, - протянул Датос. - Он был гением.

- Прайммашина... Что это может быть? Какое-то оружие?

- Прайм-оружием никого не удивишь, - криво усмехнулся лорд. - А сейчас, когда появились Герои, прайм-оружие играет важную, но не стратегическую роль. Должно быть что-то иное.

"Тайна..." - прошептал умирающий Ян.

"Да, - мысленно согласился Карлос. - Тайна. Жаль, что ты не успел ее раскрыть. И жаль, что я тебя убил".

- Целая башня с настоящей прайм-пушкой? - усмехнулся Том Исподлобья, разглядывая главные ворота замка Грид. - Как они здесь живут?

Чистильщик не приезжал на прошлую аудиенцию - у него нашлись дела в городе, и теперь с любопытством изучал дом лорда Датоса. С любопытством Героя, привыкшего не входить, а врываться, преодолевая упорное сопротивление защитников, или же проникать, обманывая стражу и прайм-защиту, нанося удары исподтишка.

- Полусонно они живут, - отозвался Максимилиан Раздаватель, что трусил на могучем жеребце вслед за Лашаром. - С соседями не воюют, Чудь стараются убивать подальше от города, крестьяне не бунтуют, вот и не нужно много пушек.

- Бери их голыми руками, - подал голос Улле Изморозь.

Голос прозвучал глухо, потому что лицо Улле, как это заведено у безликих, скрывала прочная маска. “Остроумные” щеголи болтали, что лица этих Героев пугают их самих, но болтали вполголоса, не рискуя открыто смеяться над безжалостными убийцами.

- Получится ли голыми руками, не знаю, но в случае правильно спланированного штурма эта помойка не продержится и часа, - хмыкнул Том.

- Ты не болтай насчет штурма, - недовольно проворчал Лашар. - Местные привыкли по лесам шастать, у них слух острый.

- Зато мечи тупые.

- Этого мы не знаем.

- Узнаем.

- Я же сказал: потише!

- Ладно, ладно...

Несмотря на высказанное неудовольствие Лашар был полностью согласен с мнением своих Героев: у любого нормального военного замок Грид мог вызвать лишь снисходительную усмешку. Стены недостаточно высоки, ров недостаточно глубок, одна-единственная башня с прайм-пушкой у ворот - что это за крепость? Как в ней держаться? Случись тут адорнийцы - взяли бы Гридвальд одним отрядом, даже не вспотев.

“До Адорнии далеко, - одернул себя Маркус. - А в Пуще Датосу угрожают лишь Чудь, да соседи, такие же неотесанные лорды, как он сам”.

Покрывшиеся мхом от безделья и давно растерявшие дух победителей.

“Обелиск Перемирия разрушен в прошлом году: война не за горами, придурки! Как вы будете ее встречать? Полусонно? Экономно?”

И снова, в какой уже раз, Лашар убедился в правоте величественного замысла леди Кобрин - единственной из владельцев, кто по-настоящему думает о будущем доктов.

“Вы называете мою леди дерзкой и своенравной? Пусть так. Зато она смотрит далеко вперед!”

Направляясь в замок Лашар еще не знал, как поступит с лордом Датосом: попытается договориться или воспользуется вторым, куда более жестким вариантом? Леди Агата хотела взять под контроль Гридию, главное владение Идмарской Пущи, лорд которого пользовался огромным авторитетом среди лесовиков, но способ оставила на усмотрение Маркуса.

“Ты будешь на месте, все увидишь и сам примешь решение. Я верю в твоё благоразумие”.

А благоразумие стало отступать под натиском отвращения к замшелому старику и его пьянице-сыну. Под натиском презрения, которое Маркус испытывал к лесовикам.

“Вы прячетесь от адорнийцев за нашими спинами, надеетесь, что в случае войны мы вновь умоемся кровью ради всех доктов. Вы - трусы!”

- Сколько у старика Героев? - вальяжно поинтересовался Исподлобья.

- Четверо, - буркнул Раздаватель.

- Значит, все в сборе.

Лашар стряхнул с себя задумчивость и огляделся.

Большой двор замка был практически пуст: пара стражников у ворот, пара крестьян, разгружающих у кухни подводку с дичью, да четверо Героев, болтающихся у крыльца Академии.

- Неужели Датос нас боится? - осклабился чистильщик.

- Если бы их здесь не было, ты сказал бы, что Датос идиот, - заметил Максимилиан.

- Я и так скажу, что он идиот, - пожал плечами Исподлобья. - Зачем показывать всех? Двое на виду вполне достаточно, остальным следовало спрятаться за зданиями и

ударить нам в спину.

- Кто будет валить толстую свинью? - осведомился Изморозь, едва заметно кивая на местного воеводу.

- Кто первым доберется, - хихикнул Том. - А поскольку я самый быстрый...

- Решение еще не принято, - осадил чистильщика воевода Максимилиан.

И это замечание окончательно решило судьбу старого лорда Датоса: Лашар не упустил возможность унижить Раздавителя.

- Решение принято, - твердо произнес Маркус. - Начинайте через полчаса.

Максимилиан открыл было рот, желая ответить, но не успел: Том ловко соскочил с жеребца, и дружелюбно подмигнул гридийским Героям:

- Как дела, братья?

- И ты будь здоров, - прогудел в ответ местный воевода и, намекая, что приличные люди, даже Герои, должны соблюдать манеры, представился: - Генрих Ураган.

Плечи Изморози шевельнулись, и Маркус понял, что безликий смеется под маской, потешаясь над громким прозвищем Генриха.

- Серьезное имя, - прокомментировал слова воеводы Исподлюбья. - Меня зовут Том. - И мгновенно перешел к делам: - Как гридийские дела текут? Тушканчики не досаждают? Удои не падают?

Лашар вздохнул: Тома не переделаешь, чинно спешился и приказал подбежавшему лакею:

- Доложи, что прибыл Маркус Лашар, рыцарь леди Кобрин.

Поскольку Лашар прибыл в Гридию не в качестве официального посланника, а, так сказать, по делу, это вызвало определенные трудности с этикетом. В первый раз повезло: кобрийцы появились, когда лорд Датос находился во дворе замка, рассуждая споры крестьян и купцов - в обязанности лорда входило и такое. Мероприятие, которое впоследствии стали гордо звать аудиенцией, провели там же, в окружении стражников и простолюдинов, и заняло оно предельно малое время: Лашар изложил просьбу, представил документы и получил разрешение охотиться за Стеклодувом. Вот, собственно, и все.

Теперь же, поскольку речь зашла об официально испрошенной аудиенции, все усложнилось. Принимать Лашара в тронном зале, в присутствии свиты, не представлялось возможным - не по чину, а от разговора в кабинете тоже пришлось отказаться, дабы не обидеть пославшую рыцаря леди. В конце концов, выход нашелся: кобрийца пригласили в тронный зал, но специально готовить его не стали, даже люстру главную не включили - полутемное помещение должно было намекнуть Лашару, что испрошенная им аудиенция гридийского владетеля не радует.

- Лорд Датос. - Вошедший кобриец низко склонил голову. - Рад видеть вас в добром здравии.

- За эти дни ничего не изменилось, рыцарь Лашар, - усмехнулся лорд. - О чем ты хотел поговорить?

Датос никак не ответил на почтительное приветствие кобрийца, не пожелал долгих лет его повелительнице, и этот факт не укрылся от стоящих рядом с тронном Карлоса и Ханса. Такое поведение балансировало на грани оскорбления, но Лашар предпочел его не заметить. Тон кобрийца остался спокоен и уважителен.

- В первую очередь я хочу поблагодарить вас за неоценимую помощь и поддержку в деле преследования опаснейшего бандита Яна Стеклодува. Как вы знаете, моя

повелительница, леди Кобрин, поклялась ему отомстить, и теперь...

- На могиле великого Безвариата?

- Что?

- Я вдруг подумал, что безутешная леди Агата поклялась отомстить Стеклодуву на могиле великого Безвариата, - махнул рукой Датос. - Я ошибся?

- Э-э... - Лашар нехорошо прищурился, но мгновенно взял себя в руки, и с прежней почтительностью подтвердил: - Совершенно верно: на могиле. Я присутствовал при этом скорбном событии.

- В таком случае, я рад, что смог оказать леди Агате эту услугу, - ровно произнес лорд. - Передай своей повелительнице мои теплые пожелания и соболезнования в связи с утратой.

- Соболезнования? - вновь растерялся Маркус.

- Мы говорили о Безвариате Сотрапезнике, - напомнил Датос. - Полагаю, он был дорог леди Кобрин, раз она поклялась отомстить убийце.

Карлос вдруг подумал, что никогда не видел отца таким холодным и высокомерным. Нет, лорд Грид никогда не общался с придворными и простолюдинами запанибрата, но в присутствии кобрийца Датос не просто преобразился - он стал совсем другим. Чужой человек сидел сейчас на троне, откровенно издеваясь над испросившим аудиенцию рыцарем.

- Да, безусловно, соболезнования... - протянул Лашар. - Просто Сотрапезник умер довольно давно, и я...

- У тебя были другие дела.

- Совершенно верно.

- Но теперь ты исполнил свой долг, настиг преступника и можешь с победой возвращаться к своей повелительнице. Уверен, тебя ждет награда.

- Леди Кобрин справедлива, - кивнул Маркус.

- Тебе виднее.

- А еще моя повелительница весьма придирчива к деталям, - добавил кобриец. - От ее светлого взора не ускользает ни одна мелочь.

- Это качество хорошего владыки.

- Тут я с вами согласен, лорд Грид.

- Так отправляйся в Кобург и поделись с леди Агатой всеми деталями.

Казалось, высказаться откровеннее было невозможно: Лашару ясно указали на дверь, однако рыцарь предпочел не услышать лорда.

- К сожалению, мне известны далеко не все подробности гибели мерзкого преступника, - с легкой улыбкой сообщил Маркус. - Когда я и мои Герои оказались на месте схватки, Стеклодув уже умер.

- Разве не это было целью вашего путешествия? Вы должны были убить Стеклодува, он мертв.

Однако Лашар уже полностью завладел нитью беседы и упрямо шел к своей цели.

- Прошу понять меня правильно, лорд Грид, я понимаю, что моя просьба может показаться вызывающей, но я хотел бы поговорить с вашим сыном о последних минутах жизни Яна Стеклодува.

Тон почтительный, однако в голосе едва заметно проскальзывают металлические нотки. Низенький кобриец демонстрировал, что обязательно добьется своего.

- Не переходишь ли ты границы дозволенного?

- Я заранее принес извинения, лорд Грид.

Атмосфера стала накаляться, и Карлос решил взять слово:

- Я думаю, отец, следует удовлетворить любопытство этого человека, - произнес юноша, глядя на лорда. - В конце концов, Лашар лишь преданный служака, который желает доставить своей повелительнице максимально полные сведения о выполненном поручении. Мы были бы счастливы, если бы каждый наш подданный столь же ревностно относился к своим обязанностям.

- Благодарю, молодой лорд, - склонился Маркус.

- О чем ты хотел спросить?

Кобриец окинул юношу внимательным взглядом, словно впитывая в себя каждую черточку лица, после чего вежливо осведомился:

- Говорил ли Ян Стеклодуд что-нибудь перед смертью?

- Нет, он умер молча.

- Совсем без звука?

- Зачем же? - рассмеялся Карлос. - Сначала он что-то кричал, как это бывает в запале схватки, еще, кажется, ругался, а потом умер. Когда мой кинжал пронзил его грудь.

- Что именно он кричал?

Карлос пожал плечами:

- Как я уже сказал, это были характерные для боя возгласы, больше похожие на рев, нежели на нормальные крики. Возможно, он обещал меня убить, но я не особенно прислушивался, поскольку у меня были важные дела.

- Могу я узнать какие?

- Не дать Стеклодуду убить себя. - Карлос неплохо изобразил удивление, показав Лашару глупость его вопроса. - Согласись, это серьезное занятие.

- Весьма и весьма серьезное, молодой лорд, - признал Маркус. - И я рад, что вам оно удалось.

- Я тоже. Это все?

- А перед самой смертью? - быстро спросил кобриец. - Вы пронзили грудь преступника, вы приблизились к нему, вы чувствовали его дыхание, возможно, чувствовали запах крови, вы были возбуждены, я понимаю, но в этот момент вы уже знали, что вам ничего не грозит, и все ваше внимание было направлено на умирающего врага. Он что-то шептал, как я понимаю, и вы слышали каждое слово.

- Он меня проклял.

- Вас это не смутило?

- Он не был магом, - отмахнулся Карлос.

- Тогда вы этого не знали.

Юноша на мгновение сбился, но уже через секунду уверенно ответил:

- Тогда я знал, что только что избежал гибели. И плевать я хотел на проклятия.

- Понимаю. - Лашар посмотрел на Датоса, затем на Ханса, затем вновь устремил взгляд на Карлоса и жестко произнес: - Я вам не верю.

- А ты и не должен! - издевательски заржал Исподлобья, глядя на стремительно мрачнющего Арчибальда. - К тому же мне плевать на твое доверие, горец, понял? Но на самом деле все было именно так, как я сказал: наш человек-гора Рудольф Рудник прижал трехглавую Чудь к земле, а я по очереди отсекал ей головы, понятно?

- Ни один Герой не сможет удержать трехглавую, - произнес Джейкоб, косясь на Урагана.

- Это ваши Герои не могут, - вызывающе бросил Том. - Ты просто не видел настоящих.

- Они все трепачи, вроде тебя? - поинтересовалась Егоза.

- Чтобы стать похожим на меня, Герою надо не только здесь иметь. - Исподлобья указал на бицепс. - Но и в голове тоже. Вам об этом не рассказывали?

Из-под маски безликого раздался короткий смешок. Шахмана не сдержала злого взгляда, Джейкоб порозовел, Рыжий Ус насупился еще больше, и лишь воеводы остались спокойны. Стояли друг напротив друга, молча смотрели друг другу в глаза, и молчали. Ураган и Раздаватель. Две закованные в броню глыбы. Похожие, и в тоже время - разные.

- Я слышал, тебя трехглавая Чудь неделю назад прихлопнула? - глухо спросил Максимилиан. - Не справился?

- А я слышал, вы напали на лорда Ирч во время охоты, - в тон Раздавателю произнес Генрих. - А потом вас леди Кобрин по кускам собирала.

- Лорд Ирч напал на нас, - уточнил Максимилиан.

- Конечно, - качнул головой Ураган.

Воеводы получались лишь из настоящих воинов, прямых и стойких, а потому замечание Генриха укололо Раздавателя.

- Мы не бьем в спину.

- Тогда почему ты путешествуешь с этими двумя уродами?

Воспитанный в рыцарских традициях воевода недолго любил чистильщиков и безликих, любящих нападать исподтишка, и Датос однажды пообещал Урагану, что в его команде этих Героев не будет.

- Мы выслеживали преступника.

- Любопытный ответ.

Одной-единственной фразой Генриху удалось продемонстрировать всю глубину презрения, что он испытывал к спутникам Максимилиана. Раздаватель помялся, гулко повторил:

- Мы не бьем в спину. - Помолчал, и закончил: - Мы выполняем приказы нашей повелительницы.

И взмахнул тяжелой булавой.

- Намекаешь, что я с тобой нечестен? - Карлос считал себя умелым обманщиком, а потому пронизательность Лашара его изрядно разозлила.

- Нет, не намекаю, я обвиняю тебя во лжи. - Не менее злой Маркус мгновенно отказался от почтительного тона. - Ты врешь.

- Это возмутительно!

- Ханс! - Датос бросил взгляд на ментора. - Пусть мерзавца выведут вон!

- Вы дали рыцарю Лашару аудиенцию, лорд Грид, и...

- Вы забыли, кого я здесь представляю, провинциальные олухи! - проревел Маркус. - Когда леди Кобрин требует ответа, он должен быть точным и полным! Моя повелительница не терпит лжи!

Его пальцы сомкнулись на рукояти меча.

- Да, я лично тебя выброшу вон! - Взбешенный Датос поднялся с трона.

- Отец, позволь мне!

Приличная, поначалу, аудиенция, на глазах скатывалась к банальному скандалу. Ослепленный яростью Датос, злой Карлос, дерзкий Лашар - они готовы были вцепиться друг в друга. Не хватало лишь сигнала.

Которым стала распахнувшаяся дверь.

- Измена!

Окровавленная Егоза влетела в тронный зал и сразу, не теряя времени, метнула в

Лашара огненную стрелу, но...

Лашар ждал атаки и увернулся. Молния ударила в каменную стену, вызвав облако веселых искр, а за мгновение до этого ментор Ханс вонзил в грудь лорда Грида кинжал.

Подлое нападение позволило кобрийцам сразу же уравнивать шансы, и даже получить преимущество. Все они, незадолго до атаки, незаметно взяли в свободные руки «искры прайма», которые и впитали перед нанесением первых ударов.

Ураган спасся, булава Раздавителя с грохотом обрушилась на телегу, возле которой стоял воевода, но сам Генрих успел шагнуть в сторону и незамедлительно толкнул кобрийца в бок. Раздавитель на мгновение потерял равновесие, едва удержался на ногах, и это позволило Урагану выхватить оружие. В следующий миг воеводы сошлись в суровой схватке, с грохотом обрушивая друг на друга тяжелые удары. Простые на первый взгляд: удар-блок, удар-блок, но настолько сильные, что устоять под ними могли лишь самые мощные Герои, каковыми и являлись воеводы. Ураган и Раздавитель оказались достойны друг друга, и предсказать исход боя не мог никто.

Арчибальд Рыжий Ус тоже не оплошал. Нападки Исподлобья разозлили горца, а ярость свою он выражал только одним способом: готовностью к бою. Арчибальд парировал коварный выпад безликого и тут же перешел в атаку, заставив Улле отступить.

А вот Джейкоб не справился. Он стоял ближе всех к кобрийцам, готовился язвительно ответить на издевательские подначки Тома, расслабился, и умер первым. Исподлобья ударил Самострела в живот, молниеносно выдернул клинок из тела ошарашенного, еще не почувствовавшего боли Героя, и следующим ударом отрубил Джейкобу голову, впитав прайм неудачливого дуэлянта.

- Кобрин и победа!

- Кобрин и победа! - рявкнули Максимилиан и Улле.

- Во славу Грида!

- Кобрин и победа!

Трое на троих, но длинный меч Арчибальда позволял отбиваться и от чистильщика, и от безликого, а потому Ураган выкрикнул:

- Егоза! Спасай лорда!

И Шахмана бросилась в тронный зал.

Лашар, мерзавец, даром что маленький, на поверку оказался шустрым, как мышь полевка и сильным, как чуданутый медведь. Атака, в которую самонадеянно бросился Карлос, захлебнулась почти сразу, и распаленный юноша понял две вещи: этот соперник превосходит всех, с кем ему доводилось биться до сих пор, а кинжал не выглядит убедительным оружием против меча. Но самое ужасное заключалось в том, что Лашар мгновенно перешел в наступление. Ужасное не только потому, что отбиваться становилось все труднее и труднее - нет. Карлос чувствовал себя хозяином замка, он был на своей территории, он подвергся подлому нападению и ожидал, что Маркус попытается улизнуть, а тот и не думал отступить!

Выпад.

Еще один.

“Где же Егоза?!”

Гордость? Какая, к собакам чудским гордость? Нужна помощь! Срочно нужна помощь! Нужно разобраться с подлым Лашаром и заняться Хансом!

Ханс!

Карлос едва увернулся от выпада ментора. Успел чиркнуть кинжалом по руке предателя, и тут же отскочил в сторону, спасаясь от меча Маркуса.

Блок.

Выпад.

Блок. Блок.

Отец мертв, стражники не спешат на помощь.

- Егоза!

Следующее движение позволило юноше бросить быстрый взгляд в нужную сторону, и он понял, почему Егоза не спешит на выручку: девушка удерживала дверь, в которую кто-то ломился.

“Проклятье!”

- Карлос Грид, я обвиняю тебя в убийстве собственного отца, Датоса, лорда Грида!
- громко провозгласил ментор Ханс.

Предатель добавил к окровавленному кинжалу меч и теперь готовился нанести последний удар, лично расправиться с наследником владения.

- Я обвиняю тебя в измене короне и заговоре с целью убийства Безвариата Сотрапезника!

“О чем он говорит?!”

Дверь с грохотом слетела с петель. Две огненные стрелы, чей-то вскрик, рев Урагана, ругательства, лязг железа, безумный хохот ментора Ханса и приближающийся меч Лашара...

“Мы проиграли!”

Егоза рядом, а это значит, что пала последняя линия обороны, что в тронный зал ворвались опытные, прекрасно обученные Герои леди Кобрин, которых не удалось задержать во дворе.

“Где стража? Где все?!”

Решение пришло внезапно.

- Дай мне время! - выкрикнул юноша. - Две минуты, а потом - во двор!

- Я поняла!

Шахмана заняла место молодого лорда, и Карлос бросился к потайной двери.

Они почти уравнили счет.

Почти.

Разыграли, как по нотам: Ураган ловким ударом отбросил Раздавителя, но следующий выпад получился корявым. С виду - корявым. Генрих открылся, безликий попытался его достать, увлекся, и подоспевший Рыжий Ус с громким: “Хрясь!” разрубил врага от плеча до пояса. Наискось, как положено, чтобы сразу.

- Грид! - заревел Ураган, с удвоенной силой бросаясь на Раздавителя.

Еще бы чуть-чуть, капельку, еще бы пару минут, до подхода стражников, но... Не оказалось у них этого “чуть”, потому что увлекшийся Арчибальд рискнул атаковать Раздавителя, а в этот самый миг Исподлобья заставил отступить Егозу, после чего ловко рассек Рыжему Усу бок. Горец захрипел, Том врезал Генриху, и освободившийся от опеки Раздавитель впечатал булаву прямо в голову Арчибальда.

Первая мысль - во двор. Там стражники, хоть какая-то помощь и поддержка. Карлос распахивает окно и слышит:

- Карлос убил отца!

“Проклятый Ханс!”

Ментор стоит на телеге и потрясает кулаками. Его лицо в крови, рука в крови, одежда разорвана, а в глазах пылает праведный гнев.

- Я свидетель! Я видел! Карлос как безумный набросился на лорда Грида!

Ему поверят? Проклятье, поверят! Стражники слишком давно подчиняются ментору, они привыкли доверять Хансу. Они видят в нем командира.

“Я должен был встать во главе стражи! Я!”

Топот ног, распахивается дверь...

“Все?!”

- Карлос, мы не справляемся!

Это Егоза. Ее «кадило», в котором тлели, дожидаясь своего часа маленькие угольки, почти опустело - запас превратился в огненные стрелы.

Ураган прикрывает отход, Самострел и Рыжий Ус мертвы. Отступают. Проигрывают! Не могут победить обученных кобрийцев.

- Надо уходить!

“Уходить!”

У Карлоса кружится голова. От горечи, гнева, злости и унижения.

Уходить из родного замка, из родного города. Бежать, словно преступник, слыша за спиной яростные вопли:

- Он убийца!

- Убийца!

- На его руках кровь лорда Грида! Нашего господина!

“Бежать в Пущу, от своих! От гридийцев! Бежать?! Уж лучше смерть!”

Словно во сне взмахивает он кинжалом и неразборчиво кричит:

- Я не уйду!

По его щекам текут слезы.

- Егоза! Скорее!

Это ревет Ураган.

Шахмана хватает Карлоса за плечо и тащит в окно, сопротивляться Героине юноша не в силах. Они прыгают на крышу и бегут к конюшне. За ними топает Генрих, а комната, которую они только что покинули, вспыхивает прощальным подарком Егозы - выигрывая время, лиса устраивает преследователям огненную завесу и отвлекает своей уникальной уловкой, заставляя кобрийцев рубиться с иллюзией Шахманы.

“Уходим... Отец мертв... Уходим...”

Черный дым валит из окон и подтверждает слова ментора Ханса:

- Карлос Грид - отцеубийца!

Ураган сбивает с ног зазевавшегося стражника и распахивает ворота.

- Отцеубийца!

Они вскакивают на жеребцов.

- Отцеубийца!!

Гридвальд безжалостно прощается с наследником.

* * *

Сны бывают разными, но тот, который видела Марида, оказался гораздо лучше реальности, в которой она оказалась после пробуждения. После того, как образ любимого Релеветара разлетелся бесплотной дымкой, и девушка открыла глаза.

Первая мысль оригинальностью не отличалась:

“Где я?”

Вокруг нее поднимался густой лес - влажный и темный. Кроны могучих деревьев закрывали небо, толстые ветви, сплетаясь, создавали над головой Марида настоящую крышу, а стенами импровизированного дома были кусты и молодая поросль, почти полностью закрывавшие обзор. Девушка стояла на небольшой просеке, через которую была проложена ухабистая дорожка - две грязные колеи, уходящие неизвестно куда. Стояла, и с удивлением озиралась, переводя взгляд то на лес, то на странный ящик, из которого она только что выбралась, то на валяющиеся вокруг осколки недавней битвы: целые и сломанные стрелы, куски окровавленной ткани, изрубленные металлические пластины, бывшие некогда доспехами, чья-то рука, чье-то ухо и трупы... А точнее - тушки. Посеченная Чудь валялась вокруг очнувшейся Марида.

“Как я здесь оказалась? - Не паника овладела девушкой, а искреннее недоумение. - Лес? Битва? Чудь? - Она ущипнула себя за руку. - Я все еще сплю? Я...”

А в следующий миг нахлынуло:

“Виталия! Я была в Виталии! Заснула на постоялом дворе. Я ужинала... Мне ужасно захотелось спать...”

- Меня похитили! Меня!!

Невероятный, но в тоже самое время - логичный, все объясняющий вывод.

- Меня опоили, но я... Я видела... Я помню...

Смутные видения, которые до сих пор казались невнятными обрывками, предварявшими настоящий сон.

В комнату входят мужчины в масках. Они настороже, они держат оружие наготове, но убедившись, что Марида не в силах оказать сопротивление, расслабляются...

Ее берут под мышки и волокут во внутренний двор постоялого двора...

Ноги бьются по ступенькам...

Ящик, чем-то похожий на гроб... Не простой ящик - в него подавалось сонное зелье на основе прайма...

- Дерьмо! - Марида злобно пнула ногой свою разломанную тюрьму. - Что все это значит? Кто за это ответит?

А в следующий миг похолодела. Вспомнила, что во дворе стояло несколько кибиток, и в каждой лежало по два ящика. Значит, ее друзья...

- Нас всех похитили!

Невероятно, однако лес, пустынная дорога и порубленная Чудь подтверждали: все правильно, вас всех похитили.

- Но зачем? Кому это надо? Кто посмел? Куда нас везли?

Марида окончательно пришла в себя, стряхнула праймовое оцепенение, и мысли, несмотря на охватившую девушку ярость, стали четкими и ясными.

- Нужно все это выяснить!

Она не знала, где находится, не знала, можно ли найти помощь, не знала, кому теперь можно доверять, а потому приняла решение, которое показалось ей единственно верным:

- Я знаю, куда направились похитители. - Следы на грязной дороге указывали на север. - Я догоню их, освобожу друзей, и мы получим ответы на все вопросы!

Сомнения оставили девушку, и она, плюнув на поломанный ящик, уверенно направилась вслед за кибитками.

Люди, знающие о полноводной Ильве понаслышке, а также не понимающие всех нюансов тяжелого труда честных контрабандистов, представляют Камышовый Остров весьма прямолинейно. Перед их внутренним взором, если таковой, конечно, имеется, возникает крутой утес, делящий бурные воды Ильвы на два примерно одинаковых потока. Утес, разумеется, скалистый, но местами покрыт густыми рощами, в тени которых удобно и приятно вести контрабандные дела. А главная гора острова изъедена многочисленными пещерами, в глубинах которых прячутся от постороннего взгляда толстые сундуки, набитые монетами, драгоценными камнями и другими элегантными предметами постоянной необходимости. Простые люди потому и называются простыми, что просты от макушки до подметок дешевых сапог, им трудно понять, что незаконные сделки принято совершать в местах укромных, а что может быть более выдающимся, чем торчащий посреди реки утес? Ну, разве что построенный в контрабандных целях каменный мост.

А потому в суровой своей действительности, Камышовый Остров не содержал ни единого клочка суши, какие уж там пещеры! В этом месте, аккурат на стыке леса Девяти Дятлов и болота Мертвых Опарышей, Ильва разливалась особенно широко. При этом левая ее сторона, прилегающая к землям доктов, оставалась глубокой, а вот правая, болотная, неприлично заросла тем самым камышом, который и дал название несуществующему Острову. Зеленые дебри растянулись на десять с лишним лиг, держать их под контролем у патрулей не было никакой возможности, и контрабандисты беззастенчиво крутили на Камышовом Острове свои делишки. Все, что требовалось от посредников - предельно точно обрисовать заинтересованным сторонам точку встречи: плыви, мол, от приметного ясеня, сначала прямо, а потом, где-то на середине, бери курс на гору Гнилой Зуб, что за Мертвыми Опарышами виднеется. Как в камыши войдешь, начинай селезнем крякать, крякай, да прислушивайся - тебе цаплей ответят, так и встретитесь.

Так и встречались.

И меж собой встречались, и с Чудью, что меж камышей скользила, добычу выискивая, и с патрулями военными - всяко на Острове бывало. На неглубоком в этом месте дне Ильвы вперемешку покоились ящики с товаром, сброшенные с лодок при появлении патруля и проржавевшие мечи, с помощью которых контрабандисты пытались отбиться от пограничников, если считали, что это возможно. Лежали там скелеты, которые в доспехах воинских, которые без них, продырявленные лодки и монеты, не успевшие перейти из рук в руки. На том же самом дне находили последний приют и другие мертвецы - с ранами в спинах, предательским образом нанесенными деловыми партнерами или собственными товарищами, порванные речной Чудью и простые утопленники - случалось и такое. И создавалось впечатление, что на костях незадачливых путешественников, камыш с каждым годом поднимался все гуще и гуще.

- Как он сказал - крякать?

- Угу.

- Крякай!

- Крякал уже.

- Крякай, сказал!

- Надоело!

Одноглазый Черепват со злобным удивлением вытаращился на осмелившегося перечить помощника:

- Я тебе дам "надоело", придурок! Я тебе сейчас такое "надоело" устрою, что ты костей не соберешь, жаба вонючая. Я тебе...

- Перережь ему глотку, да дело с концом, - предложил Безухий.
- А кричать кто будет? Ты?
- Я не умею.
- А он умеет.
- Тогда отрежь ему ухо.
- Кря-кря! - тут же выступил провинившийся контрабандист.
- Приятнее! - потребовал Одноглазый.
- А я не с девкой в кабаке, чтобы “приятнее”, - огрызнулся “крякальщик”.
- Опять пасть разинул? - осведомился Черепват, сжимая рукоять кинжала.
- Тихо! - Безухий поднял руку. - Кажись, цапля кашляет.
- Цапли не кашляют, - заметил “крякальщик”.
- А что делают? Курлычут?
- Журавли курлычут, а цапли кричат.

Спорить со слишком умным помощником у Черепвата не было ни времени, ни желания. Зарубку в памяти он сделал: “Выпендривается, гад”, и пообещал себе разобраться с нахальным после дела.

- В общем, я, кажется, цаплю слышал.
- Или Чудь какую, - кисло уточнил Одноглазый.
- Чудь шумит, когда рядом, на расстоянии удара...
- Типун тебе на язык.
- А это, значит, цапля.
- Тогда гребем, - решил Одноглазый, и сидящие в лодке парни заработали веслами.

Братья Черепваты стали удачливыми контрабандистами исключительно потому, что никогда не забывали о том, что они в первую очередь контрабандисты, а уже потом - удачливые. А еще они помнили, что приплывающие с той стороны Ильвы контрагенты - такие же, как и они сами, головорезы, и поэтому в передовой лодке, что рыскала сейчас по камышам в поисках точки встречи, товара не было - только вооруженные бойцы. На всякий, как говорится, случай.

- Крякай!
 - Кря-кря.
- Метрах в десяти зашумел камыш, и послышался скрипучий голос:
- Черепваты?
 - Они самые, - подтвердил Безухий. - Одноногий?
 - Ага.

Еще несколько гребков через заросли, и две низенькие лодки, похожие друг на друга, как две капли воды, едва не столкнулись носами.

- Привет, братья.
- Привет, Му.

Кобрийские пограничники всегда обходились с пойманными контрабандистами гораздо жестче адорнийских коллег, не глаза выкалывали, а отрубали, на первый раз, какую-нибудь конечность - на усмотрение господина командира. И поэтому рядом с пристроившимся на корме Му лежал не только взведенный арбалет, но и крепкий костыль. И еще сундучок стоял, частично укрытый куском парусины.

- Где товар? - осведомился Одноногий, быстро оглядев лодку адорнийцев.
- А где деньги? - в тон докту спросил Безухий.
- Со мной.
- Правда?
- Правда, правда. - Му похлопал по крышке сундучка. - Я, конечно, не самый

честный человек, но в наших обстоятельствах кидать партнеров - последнее дело.

- Почему? - растерялся Черепват, удачливость которого во многом строилась на умении вовремя нанести деловому партнеру удар в спину.

- А ты сам подумай, - предложил Одноногий.

- Я думаю, чем быстрее мы разбежимся, тем лучше, - хмуро заметил Одноглазый.

- Расплывемся, - уточнил Му.

- Можно и так.

- Но чтобы расплыться, мне нужен товар.

- А мне нужно увидеть деньги.

- Да, пожалуйста.

Лодки соприкоснулись бортами, Одноногий откинул крышку сундучка, и Черепваты с удовольствием утащились на стопки серебряных монет.

- Все на месте?

- Я ведь сказал: обстоятельства слишком серьезные, чтобы кидать по мелочи. - Му захлопнул сундук. - Ваша очередь.

- У нас тоже все в порядке. - Безухий оглушительно свистнул, и через несколько минут к месту встречи подошли пять лодок, в каждой из которых лежало по два длинных ящика. Точнее, в четырех первых - по два, последняя шла наполовину пустая.

- Мы договаривались на десять "скотов", - угрюмо заметил Одноногий.

- Помню, - не стал спорить Безухий. - Но в Девяти Дятлах мы столкнулись с Чудью и потеряли один ящик.

- Почему не подняли?

- Мы всю Чудь не посекли, - мрачно произнес второй Черепват. - Мы от нее еле ноги унесли. Там одних леших штук семь было, не меньше.

- Дорожный сбор, - хмыкнул Безухий.

- Ребят только жалко, - добавил Одноглазый. - Четверых потеряли.

Му покачал головой, внимательно разглядывая в унисон оправдывающихся Черепватов, после чего задумчиво почесал толстый подбородок, и негромко протянул:

- А знаете, братья, это даже хорошо, что вы одного "скота" посеяли. Теперь у меня есть веский повод вас отпустить.

- Что?!

Адорнийцы на передовой лодке пришли в движение: кто-то схватился за меч, кто-то выдернул из уключины весло, кто-то подался назад, однако Му остался спокоен, и даже не прикоснулся к лежащему рядом арбалету. И это обстоятельство вернуло Одноглазому хладнокровие:

- Что значит "отпустить"? - поинтересовался он, с подозрением глядя на докта. - Кинуть нас хотел?

- Нет, - качнул головой Одноногий. - Меня пытались заставить вас кинуть.

- Пытались! - Рывкнул Безухий. - Как же...

- Заткнись, - велел Одноглазый. - Му, мы слушаем.

- Спасибо. - Докт побарабанил пальцами по крышке сундучка. - Судя по всему, братья, мы с вами вляпались в прибыльное, но очень кривое дельце. Мне намекнули... Не приказали, а просто намекнули, что вы не должны уйти с Камышового Острова. Смекаете?

- Кто намекнул?

- Заказчик.

- Паскуда!

Безухий отпустил еще несколько ругательств - громких, но бессмысленных, и лишь

после этого стал прислушиваться к разговору, что продолжил его смысленный брат.

- Что ты знаешь о заказчике, Му? - поинтересовался Черепват.

- К сожалению, ничего, - вздохнул Одноногий. - Мне заплатили столько, что я не стал интересоваться. И, кажется, напрасно.

- Он дал нам “гробы” и щедрый аванс, - скривился Черепват. - Я полагаю, он весьма серьезная паскуда, затеявшая очень опасное дело.

- Я думаю, нас нанял какой-нибудь лорд, - кивнул Му. - И еще я думаю, что вашей смертью дело не ограничится.

- А чем оно ограничится? - осведомился Безухий.

- Му намекает, что его самого кончат, - хмуро пробасил Одноглазый.

- Я всегда говорил, что вы, Черепваты, живое воплощение поговорки “одна голова хорошо, а две лучше”, - ухмыльнулся Одноногий.

- Выбирай выражения.

- Чем тебе не понравился комплимент? - Му хохотнул, но тут же стал предельно серьезным: - Я скажу заказчику, что вы отправились заметать следы: искать пропавшего “скота” и его гроб. Потому, мол, и отпустил. Глядишь, он решит и меня не трогать.

- Почему он должен так решить?

- Потому что нужно убрать всех исполнителей, или никого не трогать, - объяснил брату Одноглазый. - А до нас заказчику не дотянуться.

- А если дотянется?

- Тогда и будем бояться. - Одноглазый решительно посмотрел на Одноногого. - Что с деньгами?

- Получите все, за вычетом одной доли.

- Честно, - согласился Черепват. - С этими деньгами мы спрячемся так, что нас не то, что заказчик - лучшие адорнийские маги не отыщут. А тебе, Му - удачи.

- Она мне пригодится, - не стал спорить докт.

Они разделились!

Разделились! Разделились!

Марида не знала, что делать. Еще несколько минут назад будущее казалось предельно ясным: выбрать подходящий момент, устранить охранявших “гробы” контрабандистов и освободить плененных друзей. После этого они перебьют остальных подонков и пытками вырвут из братьев Черепватов имя подлого заказчика. Марида не сомневалась, что трусливые работорговцы начнут говорить сразу, но была полна решимости мучить их как можно дольше. День или два, если Черепваты смогут столько протянуть. Сладкие мысли о пытках, которым она подвергнет работорговцев, поддерживали Марида во время преследования, но...

Но что делать сейчас?

Она догнала караван слишком поздно - кибитки уже разгрузили, к счастью, Марида успела заметить корму последней лодки, и сразу же бросилась следом. В воду. Без подготовки и без оружия. В какой-то момент решила осуществить свой план в густых камышах, но вовремя сообразила, что драка на неустойчивых лодках может привести к тому, что “гробы” опрокинутся и утонут. Решила подождать и, как выяснилось, осторожничала не зря: толстый одноногий докт привел с собой много воинов.

Последовавшие затем переговоры Марида слышала через слово, однако поняла, что ее друзей отдают, и именно этот факт расстроил девушку больше всего: в мыслях она уже поквиталась с Черепватами, считала их покойниками и не хотела отказываться

от мести. С другой стороны, одноногий докт и его приспешники вызывали у Маридаы не менее сильные чувства.

“Ладно, мерзавцы, мы еще увидимся...”

Девушка с ненавистью посмотрела на уплывающих к адорнийскому берегу Черепватов, прошептала проклятие, и бесшумно поплыла за доктами. За своими друзьями. За подонком, который заказал похищение.

* * *

Из Гридвальда они ушли на удивление легко.

Известие о событиях в замке не успело распространиться, городские ворота не захлопнулись, а потому никто не пытался остановить несущихся во весь опор всадников. Оказавшиеся на пути горожане разбегались, некоторые, узнав Карлоса, кланялись, другие качали головами, неодобрительно глядя на такую лихость, но все думали примерно одно: “По важному делу поскакал наследник. Видать, случилось что-то...”

Выскочив из Гридвальда, они поскакали по Имперскому тракту, торопясь уйти как можно дальше от города, а километра через два вырвавшийся вперед Ураган повернул в Пуцу. С ним не спорили: старый воевода знал местные леса лучше всех.

Узкая дорожка - две колеи меж деревьев, - скоро сменилась едва заметной тропинкой, а потом пропала и она. Прошло всего двадцать минут, как они свернули с тракта, а Карлос уже окончательно заплутал, но Ураган не останавливался, упрямо продолжал путь, заводя их все дальше и дальше в Пуцу. В какой-то момент воевода приказал спешиться - нужно было перевести лошадей через овраг, после чего вернулся в седло и неспешная дорога через лес продолжилась. Еще двадцать минут, еще час, еще два... И ближе к вечеру, когда измотанный юноша решил, что скачка продлится всю ночь, Генрих сделал знак остановиться.

- Здесь наш схрон.

Это были первые слова, которыми обменялись путники после бегства из замка.

Ураган спешил, очень медленно - он еще не до конца восстановился после схватки, прошел вперед, со вздохом присел у самого обыкновенного пенька и хитрым образом надавил на него: сначала сверху, затем сбоку и снова сверху. Послышалось гудение и небольшой холмик, что находился в десяти шагах от пня, вдруг приподнялся над землей, показал дверь и окошко, на глазах превратившись в небольшую землянку.

- Прайм-укрытие, - хмыкнул Карлос.

- Ага, - коротко подтвердил воевода. - Лошадь стреножь.

Приказывать лорду?! Шахмана замерла, ожидая реакции юноши. Возмутится или согласится? Поймет ли, что сейчас, в походе, прислуживать ему никто не будет, или устроит сцену? Каким воспитал сына старый Датос?

Как выяснилось - нормальным. Ни жестом, ни словом не показал Карлос, что предложение Урагана его оскорбило, кивнул: “Хорошо”, и тут же поинтересовался:

- Кто схрон строил? Городские мастера?

Другими словами: кто еще знает о тайном убежище? Не появится ли погоня?

Вопрос правильный и своевременный.

Генрих одобрительно улыбнулся и пророкотал:

- Мы сами схрон поставили. Спросили, что нужно делать, чертежи у мастеров взяли, готовые механизмы, а поставили сами. Чтобы не знал никто.

- Даже отец?

- Ваш отец был нашим повелителем, от него у нас секретов не было.

- А от Ханса?

- Ментор Ханс Героями не командовал, - заметила Егоза.

- Ах, да...

Карлос хотел спросить, что они будут делать дальше, определить, так сказать, ближайшие планы, но с легким удивлением обнаружил, что спутники занялись своими делами. Ураган вошел в землянку, через пару минут вышел, держа в руке банку с целебным бальзамом, все медленно, но достаточно ловко и без посторонней помощи, скинул доспех и принялся смазывать раны. Тем временем, Егоза, двигаясь тоже медленнее обычного, но больше никак не выказывая усталость после боя, расседлала стреноженных лошадей, собрала хворост и разожгла бездымный костер. Затем взяла у воеводы банку и занялась собой.

- Есть солонина и сухари, - сообщил Ураган.

- Вот и хорошо.

На молодого лорда Герои не обращали никакого внимания. Мол, не мешает - и ладно. Лошадь свою стреножил? Спасибо, хоть какая-то помощь, а под ногами путаться не надо. Зато комары местные благородную кровь оценили весьма высоко и накинулись на Карлоса так, словно он был первым и единственным объектом охоты за последнюю тысячу лет. Мерзкие насекомые ухитрялись жалить юношу во все доступные и даже недоступные места, заставляя постоянно дергаться и почесываться. В конце концов, молодой лорд не выдержал:

- Почему они кусают только меня?

- Прайм, - ухмыльнулся Генрих. - Наши тела защищены.

Прайм, опять этот прайм. Он повсюду и нигде. Он исцеляет, воскрешает и помогает убивать. Смертельный враг и надежный помощник. Прайм...

Ужинать сели в беспросветном мраке, который едва разгоняло пламя костра. Как и было обещано: солонина с сухарями. Вместо вина - вода. Спать же придется на земле, в лучшем случае - на узкой лавке в землянке, кутаясь в старое одеяло, - и прислушиваясь к каждому шороху.

Но что делать, такова горькая участь изгнанника.

Изгнанника...

Несмотря на то, что с момента их бегства прошло уже несколько часов, Карлос только сейчас по-настоящему задумался о происходящем, только сейчас ощутил тоску по отцу и понял, что потерял. Его жизнь не просто изменилась - перевернулась с ног на голову, более того, она висит на волоске, потому что император терпеть не мог неблагодарных отпрысков, и безжалостно наказывал тех, кто поднимал руку на родителей.

“Может, я зря бежал из Гридвальда, своими руками, точнее - ногами, подтвердив нелепые обвинения Ханса? Может, следовало остаться?”

И что бы это дало? Кобрийцы не позволили бы ему выступить перед гридийцами в свою защиту, продолжили бы бой, доведя его до логического конца. До смерти неудобного лорда, ставшего неудобным свидетелем.

“Они хотели Гридию - они ее получили. Мне же остается лишь... Сражаться!”

Слово прозвучало решением. Не спонтанным, но обдуманым. Решением настоящего лорда, не привыкшего сдаваться без боя. Решением владельца.

“Я буду сражаться, - пообещал себе Карлос. - За себя и за отца. За свое имя и за свою честь. Если потребуется - против всех. Если потребуется - до конца!”

Потому что ничего другого не остается.

Карлос стряхнул с колен крошки, перевел взгляд на сидящую напротив Шахману, кашлянул и негромко произнес:

- Твои раны быстро затягиваются.

Синяки, что были на обнаженных руках Егозы, уже сошли, а порезы выглядели старыми, не было сомнений, что к утру от них не останется и следа.

- Прайм, - пожала плечами Героиня.

Он не только делает их сильными и выносливыми - он исцеляет. Им пропитана каждая клеточка Героев, собственно, они и есть - прайм. Его дети. Его воины.

- Какой он? - неожиданно спросил Карлос.

- Кто?

- Прайм.

Ураган крикнул, но тут же замолчал, внимательно глядя на юношу. Егоза же, поколебавшись, тихо ответила:

- Он внутри меня.

И в этих словах было все.

Каков прайм для Героя? Точно такой же, как сам Герой: слиты воедино и навсегда.

Пора было переходить к делам насущным, обсуждать, что делать дальше, но Карлос не удержался от еще одного вопроса:

- А что осталось от тебя?

И буквально кожей ощутил сгустившееся вокруг недовольствие.

Датос предупреждал сына о болезненной реакции Героев на подобный интерес, убеждал ни в коем случае не затрагивать эту тему в разговорах, но Карлос решил иначе. Теперь он был лордом, а лорд имеет право спрашивать о чем угодно. И Герои обязаны ему отвечать.

Хотя бы потому, что он, Карлос, лорд Грид, собственноручно стреножил свою лошадь.

- Это плохой вопрос, - протянула Шахмана.

- Я знаю, - спокойно отозвался юноша. - Но хочу услышать ответ.

Они поняли? Следующая фраза показала, что да - поняли.

- Каждый из нас помнит, каким он был раньше, - задумчиво произнес Генрих. - Но каждому нравится, каким он стал теперь. Мы понимаем, что изменились, и принимаем этот факт.

- Хорошо ли вы помните себя прежних?

- Как и любой человек - с каждым годом, все хуже и хуже.

- Людей меняет время и обстоятельства, а нас - прайм, - подала голос Егоза. - И я не вижу ничего, кроме преимуществ.

- Отец говорил, что раньше, до того, как стать Героиней, ты не была агрессивной.

- Желание войны характерно для любого Героя, - буркнул Ураган.

Шахмана же ответила мягче:

- Я не агрессивна, я просто вижу только одно решение - силой. Прайм дал мне много силы, и трудно бороться с соблазном.

- Это не соблазн, это наша жизнь. Прайм говорит, что наш путь - война.

Карлос вздохнул и вдруг подумал, что многие люди идут по этой дороге и без всякого прайма. Война - их суть. Наша суть. Каждого из нас.

“Мы воевали с Адорнией, теперь грыземся друг с другом, а скоро снова сцепимся с южанами. Такова жизнь. Или таковы мы?”

А в следующий миг от невеселых размышлений юношу отвлекли слова Шахманы:

- Мне повезло, что рядом со мной был твой отец, - тихо произнесла девушка. - Я не знаю, кем стала бы без его поддержки.

- Что он сделал? - растерялся Карлос.

- Был моим лордом.

И давал своим Героям ответы. И каждый лорд дает - по-своему. Когда-то Карлос хотел серьезно поговорить с отцом о Героях, но всякий раз что-то мешало. "У нас еще много времени," - с улыбкой говорил Датос, заканчивая разговор. Теперь времени нет, отца нет, и приходится самому искать истину. Или же просто - правильный путь. Разбираться в хитростях и тонкостях взаимоотношений с детьми прайма, улавливать связь, которая возникает между лордом и Героями, нащупывать узелки, стягивающие их души в единую сеть. И теперь, кажется, нужный ответ найден: лорды не хозяева, а якорь, не позволяющий Героям отдаться разбуженным праймом страстям.

"Мы связываем вас с людьми, которыми вы почти перестали быть. Связываем с миром. Без нас вы станете чужаками".

- Отец был хорошим лордом?

- Да, - кивнул Ураган, всего на мгновение опередив Шахману.

- Я постараюсь стать таким же.

- Мы это видим.

- И мы тебе благодарны.

Карлос подбросил в костер несколько веток, помолчал, глядя на вспыхнувшее пламя, после чего уверенно произнес:

- Теперь обсудим, что делать дальше? - И не просто уверенно, а тоном главного в их компании человека. - Предложения?

- В схроне есть оружие, одежда, немного денег и немного прайма, - доложила Егоза.

- Для небольшого путешествия вполне достаточно.

- Вопрос в том, куда ехать?

- В столицу? - предположил Генрих, испытующе глядя на юношу.

- Зачем?

- Предстать перед имперским судом, - несколько удивленно ответил Ураган. - Ты расскажешь, как все было, а мы с Егозой станем свидетелями.

- Мое слово против слова Ханса.

- Ты - лорд.

- А Ханс сейчас в Гридвальде, - рассудительно заметил Карлос.

- Но почему он вас предал? - поинтересовалась Егоза. - Не понимаю.

Датос был хорошим лордом, и в глазах Героя этот факт перевешивал любые доводы.

- Ханс - безземельный рыцарь из хорошей семьи, третий сын, которому приходится служить ментором, - объяснил Карлос. - Я думаю, леди Кобрин предложила Хансу гридийское владение.

- Разве это возможно?

- Я - единственный наследник, если меня обвинят, Гридия останется без лорда, императору придется назначить нового. А кто справится с владением лучше, чем ментор, который знает Гридию, как свои пять пальцев?

- Все так просто?

- На самом деле сложно, но у леди Кобрин много друзей. А Ханс, по слухам, проходил обучение в Академии Лордов... - Карлос поморщился. - А в настоящее время, стряпает дополнительные доказательства моей вины, он весьма умен.

- Он подлец.

- Одно другому не мешает. - Юноша помолчал. - К тому же, путь в столицу неблизкий...

- И нас будут искать кобрийцы, - догадалась Шахмана. - Лашар наверняка подумает, что мы собрались в столицу.

- Совершенно верно.

- Пусть ищут, - резанул Ураган. - Я знаю Пушу, как свои пять пальцев.

- А на суде они скажут, что я был связан с Стеклодувом и потому его убил.

- Почему “потому”? - не понял Генрих.

- Потому что Стеклодуд стал ненужным свидетелем: за ним гнались честные кобрийцы, а он привел их прямо ко мне.

- При всем уважении, Карлос, ты слишком молод, чтобы плести подобные интриги.

- Значит, они выльют ушат помоев на отца. Или же докажут, что я не настолько не-опытен, как тебе кажется. Учитывая влияние леди Кобрин, судьи могут оказаться глухими, как топоры. Меня объявят преступником, отцеубийцей, сообщником жестокого Яна Стеклодува, предавшего великого Безвариата Сотрапезника. - Юноша выдержал паузу. - Теперь мне ясно, что Безвариата убила леди Кобрин.

- У нее был повод?

“Праймашина...”

- Есть тайна, - медленно произнес молодой лорд. - Перед смертью Стеклодуд сказал несколько слов, из которых я понял, что Безвариат построил для леди Кобрин нечто грандиозное. Сначала я не придавал этому значения, но теперь думаю, что следует разобраться с происходящим.

У Шахманы вспыхнули глаза.

- Лашар подумает, что я отправлюсь в столицу, это самое логичное, - произнес Карлос изо всех сил стараясь, чтобы его голос звучал предельно твердо. - А мы отправимся на восток, в Кобург.

- Да! - воскликнула Егоза.

- В Кобург?! - изумился Генрих.

- Нас будут искать где угодно, только не по дороге на восток. Мы выиграем время, подберемся к леди Кобрин и, возможно, сумеем понять, что происходит. - Карлос гордо вскинул голову: - Леди Кобрин напала на меня в моем замке. Следует отплатить ей той же монетой.

- Это невозможно!

- Именно поэтому предприятие способно увенчаться успехом: противник в него не поверит. Дело за нами.

- Я пойду, - кивнула Шахмана.

- Штурмовать Три Вершины? - саркастически поинтересовался Генрих.

- Сначала заедем в Фихтер, - уточнил Карлос.

- Это еще зачем? - простонал Ураган.

- Последние годы Безвариат Сотрапезник провел в Фихтере. Нужно выяснить, чем он занимался, и попытаться разобраться в обстоятельствах его смерти. Если я сумею доказать, что леди Кобрин убила Сотрапезника, я очищу свое имя.

- А если не докажете?

- Тогда отправимся дальше, в Три Вершины.

- Это смелый план, достойный настоящего лорда, - произнесла Шахмана.

- Это безрассудство.

- Но...

- Теперь буду говорить я, - жестко отрезал Ураган, и тяжело посмотрел на Карлоса.

- Вы рискуете нашими жизнями.

- И своей тоже.

- Ничего другого вам не остается.

Вот оно и прозвучало.

Бадьей холодной воды прозвучало справедливое замечание старого воеводы.

Нет у Карлоса другого пути - только безоглядная, самоубийственная попытка достать могущественную леди Кобрин. А вот Герои могут выбирать. Опытные, обученные Герои ценятся высоко, их с радостью возьмут на службу соседние лорды.

- Ханс не добрался до ваших каталистов, - негромко произнес Карлос. - Они хранились отдельно от прайм-индуктора, в тайнике, который могу вскрыть только я.

- Сейчас это не важно, - мягко усмехнулся Ураган. - Из Пущи ты до них все равно не дотянешься.

И чуть приподнял седую бровь, словно спрашивая: “Еще козыри есть?”

- Он готов рискнуть жизнью, - задумчиво произнесла Шахмана.

- А мы? - У их лорда нет прайм-индуктора, у их лорда нет их каталистов, а это означает, что умерев, Герой может и не воскреснуть. - Ты готова рискнуть, Егоза?

Шахмана отвела взгляд.

- Не ожидал, что именно ты предложишь отступить, Ураган, - угрюмо сказал Карлос. - Ты знал моего отца с детства.

- Его, а не тебя.

- Меня ты вообще знал с младенчества.

- И что?

Как это “что”? Разве это не важно? Разве тень Датоса не падает на его сына?

“Не падает, - понял Карлос. - Я должен сам выбраться из этой ямы. Или не выбраться”.

Странно, но страха юноша не почувствовал. Лишь злость на врагов и трусливого воеводу.

- Хочешь уйти, я тебя не держу, - твердо произнес Карлос, глядя Генриху в глаза. - Спасибо, что вывел к схрону.

Егоза ахнула. Ураган помялся, затем вновь кивнул и попытался оправдаться:

- Я любил твоего отца, Карлос, но его больше нет. Тебе я ничем не обязан.

- Я это понял, Генрих, до свидания.

- Мне пятьдесят шесть лет, всего на четыре года меньше, чем было твоему отцу, но став Героем я получил огромную силу. Я чувствую себя, как в молодости, я могу воскресать после смерти и хочу прожить весь отведенный мне срок. Но для этого я должен избегать ошибок, а идти за тобой - большая ошибка.

Ему было стыдно? Возможно. Однако душевные переживания Урагана юношу больше не волновали - своих проблем хватало, чтобы заниматься отговорками отступника. Воеводу Карлос выслушал невнимательно, а когда тот закончил, просто повторил:

- До свидания.

- Прощай. - Генрих неуверенно посмотрел на Шахману. - Ты со мной?

- Я давала клятву, - холодно ответила девушка.

- Лорд Грид мертв.

- А я - нет. И Карлос - мой господин, тоже жив.

- Твой выбор. - Ураган отошел к лошадям и принялся готовиться к походу. - Вам подсказать дорогу?

- Сами отыщем.

- Идите через Пущу как можно дальше, лучше вдоль зоны двигаться, чем по ихайским полям, там вы на виду окажетесь. А если пойдете так, как я сказал, то почти до самого Фихтера по лесу дойдете.

- Мы разберемся.

- Ну и ладно. - Воевода вскочил в седло. - Прощайте.

И скрылся в ночи.

ЧАСТЬ 2. ФИХТЕР

- Заброшенная, говоришь, дорога? - Карлос хлопнул себя по лбу, прикончив очередного комара, нахально возжелавшего испить благородной крови, и негромко выругался. - С живностью здесь точно все в порядке.

Чем дальше в Пущу, тем крупнее становились кровопийцы, и напоминали они теперь не насекомых, а маленьких летучих тварей, порожденных загадочной Чудью.

Впрочем, возможно так оно и было.

- Когда вернусь в Гридвальд, заставлю ученых придумать отгоняющую комаров прайм-смазку. Хотя какой-то прок будет от этих дармоедов.

- В Пуще много заброшенных дорог, - негромко произнесла Егоза.

Замечание насчет смазки Шахмана проигнорировала - нытье Карлоса, с большим трудом переносящего трудности похода, ей давно приелось. Слово “Гридвальд” пропустила мимо ушей, потому что душу травить не хотела: вернуться они домой или нет - большой вопрос. Вот и поддержала замечание насчет дорог, исключительно для того, чтобы хоть что-то сказать, чтобы не покачиваться на медленно бредущих лошадях в полной тишине.

- И куда они ведут? - немедленно поинтересовался Карлос.

- Никуда.
- Почему?
- Потому что заброшенные.

Ответ Шахманы прозвучал весомо и законченно. С точки зрения Героя, конечно, не привыкшего забивать голову всякой ерундой. Натыкаясь на мощные камни, но давно разбитые и поросшие травой тракты, внезапно начинающиеся и столь же внезапно заканчивающиеся, Герои не утруждали себя разведкой - зачем? Если дороги были расположены удобно - пользовались ими, если нет - просто проезжали мимо.

- Но они не могут никуда не вести!

Егоза неопределенно пожала плечами, всем своим видом показывая, что вопрос ее не особенно волнует, но юноша не унимался:

- Не знаешь, или не хочешь говорить?

- По большей части эти тракты никуда не ведут, в болото утыкаются или чащу глухую. - Героиня помолчала. - Ураган как-то говорил, что все заброшенные дороги сходятся в центре Пуши, но так это или нет, никто не знает.

- Никто не ездил?
- Из наших - никто.
- Из Героев?
- Да.

Отвечая, Шахмана подумала, что Карлос, как ни странно, сумел почувствовать ее фразу и сразу определил, что под “нашими” девушка имела в виду не гридийцев, а гридийских Героев. Они были для нее своими в первую очередь, и только они.

“На то он и лорд, чтобы все понимать”.

“Он слишком молод!”

“Но он уже лорд, иначе я ни за что не отправилась бы с ним в это безнадежное путешествие”.

- А люди по заброшенным дорогам ездили?
- Рассказывают, что да.
- И?
- Люди врут, - усмехнулась Егоза.
- Почему?
- Что им еще остается?

Маленьким, хрупким и слабым, не способным противостоять опасностям, что подстерегают в огромной Пуше.

- Искать правду. Проявлять любопытство. Просто - искать, - неожиданно резко ответил Карлос. - Врать? Да, иногда они врут, но вранье тех, кто побоялся дойти до конца дороги, лишь раззадоривает остальных. Раз дошли эти, значит, и у меня получится! Вот так думают люди, слушая лживые рассказы, а потом пускаются в путь и достигают цели. Да! Достигают цели, благодаря вракам, понимаешь? Узнают правду, потому что в какой-то момент им стало интересно пойти вперед. Потому что захотелось узнать, куда ведут неведомые дороги. Люди врут, Шахмана, это так, но потом поднимаются и отправляются в путь.

А вы, Герои, убаюканы своей силой.

Последнюю фразу юноша не произнес, но она прозвучала. И резанула Шахману острым клинком истины.

“Мы можем много, но никуда не стремимся, тратим силу только на войну. А они, маленькие, хрупкие, слабые и лживые людишки, не все, конечно, но многие, настырно лезут вперед, пытаясь узнать новое и достичь неведомого. Что толкает их вперед?”

Слабость? Попытка стать сильнее? Или же они идут, потому что - люди? Я позволяю себе высокомерные замечания, а сама, несмотря на свою силу, не знаю, куда ведут заброшенные дороги”.

- Извини, - тихо сказала Егоза.

- Ты была права, - угрюмо отозвался Карлос.

- Ты тоже.

После ухода Урагана юноша сразу предложил Шахмане называть его по имени и забыть о церемониях. Отказываться Егоза не стала, поняла, что после пережитого Карлосу нужен не телохранитель, а друг, и теперь подумала, что прошлые их взаимоотношения не позволили бы им завести этот разговор.

- Иногда мне кажется, что мы отличаемся от людей гораздо больше, чем адорнийцы от доктов, - тихо произнесла Героиня. - Мы совсем другие.

- Но вы люди.

- Прайм разделил нас.

- Но вы все равно люди, - упрямо повторил Карлос. - И до тех пор, пока мы все будем об этом помнить, мы будем жить в мире, будем вместе идти вперед.

- Ты в это веришь?

- Я просто не вижу другого выхода, - убежденно ответил юноша.

“Кажется, мне крупно повезло с лордом”.

С совсем молоденьким, изгнанным из своего владения лордом, зрелости суждений которого мог бы позавидовать иной убеленный сединами мудрец.

“Я буду служить тебе, Карлос, - беззвучно пообещала Шахмана. - Буду служить до последнего вздоха”.

- Прайм не разделил нас, он просто появился и внес изменения в привычную картину мира, он избрал некоторых людей и наделил их невиданными способностями, он словно поставил перед нами задачу: справитесь или нет? И теперь все зависит только от нас.

- Что зависит?

- Что будет дальше. Сумеют ли ужиться люди и Герои? Справимся ли мы с последствиями Катаклизма?

- Даже так?

- Да, так, - серьезно подтвердил Карлос. - Прайм, Чудь и Герои пришли после Катаклизма, изменили мир, а значит, построить что-то новое можно лишь вместе.

Егоза вновь помолчала, а затем неожиданно вернулась к оставленной, вроде, теме.

- Заброшенные дороги построили во времена старой империи, еще до Катаклизма.

- Это понятно.

- Я слышала, не только от Урагана слышала, но еще раньше, что все дороги сходятся в самом сердце Пуши у огромного храма старых богов. Когда-то в Пуще было много храмов, но тот, в центре, считался главным. Этим, как его, пантеоном.

- Его кто-нибудь видел?

- Нет.

- Но ты веришь?

- Я слышала эту историю от разных людей, - медленно ответила Егоза. - Я - верю.

Но ни разу не возникло у нее желания проехать по заброшенной дороге до самого конца.

- Старые боги мертвы, - обронил Карлос.

- Но когда-то они приходили в мир.

- В них верили, - уточнил юноша. - А были они на самом деле или нет - вопрос.

- Все знают, что магия существовала и до прайма.

- Значит, прайм сильнее богов.

- То есть? - опешила Егоза.

- Боги не пережили Катаклизм.

- А может, прайм - это то, что осталось от богов?

Неожиданное заявление заставило Карлоса вздрогнуть:

- В смысле?

- Мы знаем только то, что старые боги сгинули в катастрофе, - рассудительно произнесла Шахмана. - А вдруг они не умерли, как считается, а превратились в прайм?

- Невозможно.

- Почему?

- Потому что прайм - это вещество, с которым умеют работать ученые. Они используют его для освещения и создания бомб. Разве бога можно использовать для выплавки ме-талла?

Однако размышления Шахманы заставили юношу задуматься о другом:

“Не слишком ли сложно она излагает?”

Все Герои, с которыми доводилось общаться Карлосу, отличались некоторой ограниченностью, не позволяющей им делать сложные выводы, а потому юноша со все возрастающим удивлением слушал речь Егозы.

- Адорнийцы считают прайм силой мира, внезапно вырвавшейся наружу, а не веществом.

Рассуждения о старых богах, об адорнийских воззрениях... Шахмана с легкостью го-ворила о вещах, доступных лишь образованным людям. Понимает ли она, что говорит? Да, понимает. Но...

“Откуда в ней это?”

- Сила мира это слишком общее понятие, но что взять с адорнийцев? - произнес Карлос. - Прайм же, повторяю, можно изучить: наши ученые этим занимаются. Прайм можно заставить работать, использовать в машине или оружии. Но самое главное - с праймом нельзя поговорить.

- А как же Зов?

Знаменитый Зов Прайма, слышимый всеми, кому суждено стать Героем. Именно он указывал некоторым людям, что им выпало стать избранными.

- Ты лучше меня знаешь, что Зов не голос и не складывается в слова, - махнул рукой Карлос. - Он лишь создает настроение, понимание того, что предстоит сделать. И вообще: пьяница тоже тянется к бутылке, слышит ее зов.

- Мы не пьяницы, - оскорбилась Егоза.

- Я и не говорил, - взял назад юноша.

- Но сравнил.

- Извини, если обидел.

Шахмана покачала головой, выдержала паузу, обдумывая слова молодого лорда, после чего осведомилась:

- А как объяснить появление Героев? Нас создали ученые? Или все-таки прайм?

- Тебе проще поверить в богов? - иронично поинтересовался Карлос.

- Адорнийцы верят, что старые боги не умерли.

- Пусть верят, это ничего не значит.

- Адорнийцы предпочитают верить в то, что мы пытаемся изучить. Они считают, что прайм выше нашего понимания.

- Твои слова доказывают их дикость.

- Но магию адорнийцев никто не отрицает.

- Магию на основе прайма, - подчеркнул юноша. - А мы не отрицаем его силу.
- Но не знаем ее суть.

Поскольку ни у Карлоса, ни у Шахманы не было доказательств, спор зашел в тупик, и юноша решился на далекий от академического прием.

- Вот уж не ожидал, что ты настолько хорошо разбираешься в тонких материях.
- Если Егоза и была уязвлена, то виду она не показала.

Передернула плечами, словно пытаюсь стряхнуть неприятный вопрос, но ответила спокойно:

- Это важно для меня, Карлос, и для всех нас важно. Своей фразой ты намекнул на то, что Герои... гм... просты. Это так и спорить не буду. Но прайм стал нашей сутью и мы не можем не думать о нем. Мы общаемся с другими Героями, задаем вопросы ученым, запоминаем ответы и делаем выводы. Мы хотим знать, кто мы?

“И какой ответ вам понравится? Что будет, если Герои, если все Герои на свете, осознают себя высшими? Решат, что изменения в их организмы сделало не вещество, а некая, как говорят адорнийцы, “сила”? Как, в таком случае, станут они смотреть на обычных людей?”

А они смотрят, постоянно смотрят. Сравнивают, прикидывают, оценивают и делают выводы. Называют нас маленькими, хрупкими и слабыми. И очень скоро задумаются над тем, что Героям можно больше. Гораздо больше.

- Но мне очень понравилось, как ты сказал, - продолжила Шахмана. - Мы должны оставаться людьми, несмотря на прайм.

Отвечать на это замечание Карлос не стал. Егоза, обдумывая свою реплику, опустила глаза, и юноша первым заметил появившиеся из-за поворота строения.

- Хутор! - И резко осадил коня. - Заброшенный?

- Скорее, зажиточный. - Зрение у Егозы было гораздо острее, видела и дальше и четче, а потому без труда определила, что хутор обитаем. - Амбар, свинарник, конюшня... Здесь есть люди.

Опасаясь возможного преследования, Карлос и Егоза проложили маршрут через самые дальние уголки Пуци, старательно избегали обжитых территорий, и не ожидали встретить по дороге селение.

- Как здесь они выживают? - удивился юноша.

- Охота, рыбалка, огород.

- Ты так говоришь, будто им нужно думать только о хлебе.

- В такую глухомань Чудь редко забредает.

- Но люди здесь суровые... - протянул Карлос.

- С чего ты взял?

- Сама смотри. - Справа от дороги в землю был воткнут шест с насаженным на него черепом. Человеческим черепом. - Мне не нравится это место.

- Зато у него рачительный хозяин, - хмыкнула Егоза.

- То есть?

- Неужели ты не слышал о жиздарбазарских присвистах?

Героиня подъехала к шесту, и щелкнула пальцем по гладкому, отполированному дождями и ветром черепу.

- А должен был? - мрачно осведомился Карлос, которого покоробил жест Шахманы.

- Во время Войны за Туманную Рошу стало известно, что в адорнийцах накапливается гораздо больше прайма, чем в доктах...

- И поэтому среди них есть маги, - перебил девушку Карлос. - Я все это знаю.

- Ты лорд, ты знаешь об адорнийских магах, потому что тебе еще предстоит с ними

сражаться. А простые люди... Простые люди делают свои выводы. В Жиздарбазаре, к примеру, заметили, что черепа адорнийцев, особенно, сильных магов, продолжают притягивать свободный прайм и после смерти... гм... смерти их обладателя, в смысле. Не так сильно, как при жизни, разумеется, но вполне достаточно для применения в хозяйстве. Если вставить внутрь черепа пару проволок из особого сплава, то под влиянием прайма они начинают светиться.

- Так это фонарь, - догадался Карлос.

- В Жиздарбазаре живут большие выдумщики, - усмехнулась Шахмана. - Правда, применение они нашли только черепам: кости прайм не тянут, наверное, форма не подходящая.

- Омерзительно. - Юношу одолевало отвращение, но он не смог удержаться от вопроса: - А почему их называют присвистами?

- Потому что присвистывают на ветру, - хмыкнула девушка. - Словно плачут.

- Дерьмо.

Карлос почувствовал желание расколотить ублюдочный “фонарь”, но благоразумие возобладало: ссориться с местными юноше не хотелось.

- После заключения договора о перемирии жиздарбазарские присвисты запретили, но кое-где они еще встречаются.

- У рачительных хозяев.

- Ага.

“Которые тоже считают себя людьми, - неожиданно подумал Карлос. - Герои должны быть похожи на них? На тех, кто использует черепа в качестве светильников? Вот уж не хотелось бы”.

- Давай уедем, - предложил юноша.

- Нас заметили, - вздохнула Шахмана, указав на вышедшего из дома мужчину. - И я не стала бы привлекать внимание бегством. Поздороваемся, спросим дорогу, напоим лошадей, и отправимся дальше.

Добротная, но очень простая походная одежда, которую они взяли в схроне, скрывала истинное положение путников. Грубая куртка и штаны превратили Карлоса в обычного юнца, а Егоза повязала на голову платок, прикрывший лисьи ушки, а и спрятала пышный рыжий хвост под длинной юбкой. Легенду тоже придумали: приказчики богатого купца, отставшие от каравана во время схватки с Чудью и пытающиеся добраться до Фихтера.

- Может, не будем говорить, куда направляемся?

- Спросят обязательно.

- Скажем - в Звиятинск.

- Договорились.

Жиздарбазарские присвисты рачительный хозяин установил повсюду: вдоль дороги, через каждые двадцать шагов, у ворот, на ограде и во дворе. Плевать он, судя по всему, хотел на запреты. Оскаленные черепа выглядели жутковато, однако во всем остальном хутор оказался самым, что ни на есть, обыкновенным. Четыре больших, но приземистых, сложенных из толстых бревен дома - Карлос прикинул, что в каждом из них могли поместиться три, а то и четыре семьи. Такие же крепкие постройки: амбар, сарай, конюшня. Тын, способный выдержать даже натиск лешего, а перед ним - хоть и не глубокий, но расчищенный ров, на дне которого торчали заостренные колья. Хуторянам, судя по всему, приходилось сталкиваться с Чудью, однако насиженное место они, почему то, не покидали.

- Мир вам, - громко произнес Карлос, едва проехав ворота.

- И вам здравствовать, - кивнул в ответ стоящий у колодца мужчина.

Выглядел он под стать хутору: приземистый и крепкий. Светлые волосы перехвачены кожаным ремешком, простая льняная рубаша перепоясана веревочкой, грубые штаны заправлены в не менее грубые сапоги.

- Заплутали?

- Вроде того.

- В наших краях это легко, - махнул рукой мужчина. - Куда собирались-то?

На путников он смотрел хоть и настороженно, но без агрессии, спокойно. Словно говоря: "От меня подвоха не ждите, но и сами не бедокурьте, а то..."

Что именно "а то" объяснять не требовалось: к колодцу был прислонен тяжелый боевой топор, а рядом, под рукой, лежал взведенный арбалет.

- В Звиятинск путь держим, - сообщил, спешившись, Карлос. - Не думали, что здесь хутор найдем.

- О нас все забыли, - хмыкнул мужчина.

- Даже Чудь? - пошутил юноша.

Неудачно пошутил, потому что ответил хуторянин серьезно:

- Чудь приходит.

И погладил короткую бороду.

- Лошадей напоить позволите? - Шахмана тоже спешила и подошла к мужчинам.

- Отчего же нет? Поите. Воды не жалко.

- А дорогу на Звиятинск покажете?

- Одна она здесь, не ошибетесь. - Хуторянин зачерпнул из ведра воды и подал ковш Карлосу. - На здоровье.

- Спасибо. - Холодная колодезная вода сводила зубы, но показалась юноше необычайно вкусной. - То, что надо.

Карлос передал ковш Егозе.

- А вы, стало быть, в Звиятинск?

- Приказчики мы, от каравана отстали, - выдал заготовленный ответ юноша.

- Караван здесь не проходил.

- Караван по дороге шел, а как Чудь напала мы в сторону, - пояснил Карлос. - Вот и заплутали. Второй день через Пушу идем.

- Бывает.

- Согласен.

- Еды у вас купить можно? - осведомилась Шахмана. - А то с охотой у нас не задалось.

- Можно и еды купить, - не стал отказывать хуторянин. И неожиданно добавил: - А можно и так уйти.

Со злобой добавил. С прорвавшейся изнутри злобой.

- Что...

Удивленный Карлос хотел спросить, чем вызвана столь разительная перемена в поведении мужчины, но понял, что язык не слушается. И руки. И ноги. А голова стремительно наливается расплавленным свинцом, становясь тяжелой и горячей.

"Нас опоили! - Карлос понял, что падает. - Егоза!!"

Но прийти на помощь верная Шахмана не могла при всем желании - она рухнула на землю чуть позже, но все равно рухнула, подкошенная огромной дозой дурмана.

- Приказчики, значит... Ну, ну... - Довольный собой хуторянин сплюнул, после чего принялся расседлывать лошадей - он и в самом деле был рачительным хозяином.

На первый взгляд могло показаться, что лорды безраздельно владели Героями, поскольку в их руках находился идеальный инструмент управления - каталисты, уникальные артефакты, необходимые для воскрешения павшего в бою воина. К тому же никто, кроме лордов, не владел Прайм-индукторами, но... Но всегда и во всех делах есть небольшое "но", нивелирующее, а то и вовсе сводящее на нет любые преимущества. В случаях с лордами таковым "но" была способность Героев создавать новые каталисты. То есть, теоретически, любой из них мог отправиться искать счастья у другого владельца, и этот факт делал положение лордов несколько двусмысленным: от них зависела жизнь Героев, но и рабами те не являлись, а потому - владельцы не позволяли себе относиться к Героям, как к скотам. Они сохраняли дистанцию, демонстрируя, что стоят выше, но в тоже время не забывали демонстрировать детям прайма свое уважение.

И еще не забывали о том, что Герои не любят оставаться мертвыми слишком долго.

И именно поэтому леди Агата спустилась к Прайм-индуктору всего через час после того, как почувствовала смерть Улле Изморози - если обстоятельства позволяли, кобрийская владетельница охотно подчеркивала свою заботу о Героях.

Тьма.

Беспросветная тьма...

Многие Герои болтали, что видели при воскрешении цветные картины. Некоторые сравнивали их с цветными облаками, с яркими красками карнавала, приходящего на излете длинной зимы, и даже с адорнийской одеждой сравнивали, напоминающей вызывающую птичью окраску. Многие Герои говорили, что нет под луной ничего восхитительнее причудливого смещения прайма, из которого выходит новая жизнь. И к картине этой они были готовы возвращаться снова и снова, даже несмотря на то, что цена возвращения - смерть.

Многие Герои.

Но только не безликие. Только не те, кого побаивался сам прайм. Только не они.

Тьма - вот, что видел Улле Изморозь во время воскрешения, тьму и только ее. Без оттенков серого, без полутеней и намеков на отблески света, без надежды. И не облаком казалась она безликому, а липкой черной слякотью, болотной жижей, что сковывает движения перед тем, как задушить, вонючей мерзостью. И потому ничего, кроме отвращения, не испытывал Изморозь при воспоминании о том дерьме, что раз за разом дарило ему жизнь. О том образе, что принимал для безликих прайм, о той гадости, через которую приходилось идти.

Идти, напиваясь злобой и ненавистью.

- Рада, что ты вернулся, Улле, - громко произнесла Агата, бездумно листая толстую книгу "Наставлений".

- Моя леди... - Изморозь с достоинством поклонился. - Простите, что вам пришлось потратить на меня время и прайм.

- Не говори ерунду, Улле.

- Меня убили, - виновато напомнил Изморозь. Не муки очередной смерти волновали Героя - Улле, как и остальные безликие, воспринимал страдания стоически, научился получать удовольствие от путешествия по личному аду, - нет. Изморозь чувствовал стыд. - Я проиграл бой.

- Такое случается, - ровно произнесла леди, захлопывая книгу. - Ты проиграл, но держался смело и храбро... Ты ведь смело держался, Улле?

- Вы сомневаетесь?

- И за это я тебя ценю: за твою неукротимость. А прайм... - Агата махнула рукой. - Прайм не важен, Улле, важно, что ты вернулся.

- Спасибо, моя леди.

Безликие были чуть ли не единственными Героями, которые воскресали не полностью обнаженными - на их лицах оставалась маска. Как шутили лорды, прайм отказывался смотреть на самых безжалостных из своих детей, то ли противно ему было, то ли боялся, вот и считал маску частью их тел. Ее, разумеется, можно было снять, но делали это безликие крайне редко.

- Где тебя убили? - поинтересовалась леди Агата. Она расположилась в кресле и, равнодушно наблюдала за тем, как Улле натягивает на себя одежду.

- В Гридвальде.

- Стоит ли ждать остальных?

- Нет, моя леди, у нас все шло хорошо. Потери не превысят допустимых пределов.

- Улле помолчал, внимательно разглядывая рубашку, и уточнил: - То есть, одного меня.

Противно, конечно, произносить такое, противно и унижительно считать себя "допустимой потерей", но что делать? В общении с леди Кобрин Изморозь предпочитал оставаться честным - она была единственным на свете человеком, которого безликий искренне уважал.

- Почему Маркус решил сменить в Гридии власть?

- У меня сложилось впечатление, что Датос и Карлос ему опротивели. Но, возможно, у рыцаря Лашара были и другие причины.

- Опротивели? - леди Кобрин тонко улыбнулась - ей понравилось данное Героем определение. - Продолжай.

- Рыцарь Лашар отправился на аудиенцию, мы, согласно полученным указаниям, пробыли во дворе замка полчаса и, поскольку рыцарь Лашар не вышел, начали действовать.

- Ударили гридийцам в спину.

- Совершенно верно, моя леди. - Такие подробности Улле не смущали. - К сожалению, быстро справиться с гридийскими Героями не получилось, они оказались готовы к нападению и втянули нас в бой. - Изморозь рывком затянул пояс. - Меня убили, когда мы прорвались в тронный зал. К этому времени Датос был уже мертв.

- Ты уверен?

- Абсолютно.

- А его сын? - Агата свела брови, припоминая имя. - Карлос, кажется?

- Я видел, как он смылся из тронного зала.

- Отступил или бежал, собираясь покинуть замок?

- Не могу знать, моя леди.

Впрочем, особенной разницы Агата не видела: если Карлосу удастся бежать, он будет пойман в другом владении и повешен, потому что...

- Лашар подготовил компрометирующие юношу улики?

- Да, моя леди, - кивнул безликий. - Карлос Грид обвинен в убийстве отца и соучастии в убийстве Безвариата Сотрапезника. Ему не отмыться.

Еще одна улыбка: Лашар, лучший из помощников, как всегда на высоте. Неплохо, конечно, было бы узнать, почему Маркус решил сменить в Гридии власть, но Агата верила в здравомыслие рыцаря и уже забыла замечание Улле насчет "опротивели":

Лашар никогда не позволял чувствам взять верх над разумом. Если он решил избавиться от старого Датоса, у него были на то основания.

- Теперь поговорим о Стеклодуве, Улле. Как он умер?

- Его убил Карлос Грид.

А вот это неприятно.

- Карлос? - прищурилась Агата. - Почему не вы?

А вот теперь, поскольку речь зашла о настоящей оплошности, безликий смутился. Отвел взгляд, вздохнул и угрюмо ответил:

- Мальчишка возвращался с вечеринки, увидел, что идет охота, и пожелал присоединиться. К несчастью, вышло так, что именно он наткнулся на Стеклодува. Мы опоздали.

- Перед смертью Стеклодув что-нибудь сказал?

- Лашар хотел выяснить это во время аудиенции.

А раз дело закончилось свержением Датоса, получается, что проклятый Стеклодув не сдох молча, о чем-то поведал Карлосу, Маркус решил почистить следы, но... Но удалось это или нет - неизвестно. Как и то, что Ян рассказал гридийскому щенку.

Агата поняла, что придется дожидаться гонца или голубиной почты, и глубоко вздохнула, в очередной раз обругав себя за непредусмотрительность.

Несколько лет назад в Три Вершины прибыл ищущий покровительства ученый, предлагавший смелый проект создания механического прайм-устройства дальней связи, с помощью которого можно было бы разговаривать со столицей так же легко, как перекикиваться с друзьями в соседней комнате. Агата мгновенно поняла опасность изобретения - возможность свободно говорить с любой провинцией, укрепила бы власть короны, - и, подивившись тупости императора, который отказал ученому в деньгах и прайме, распорядилась уничтожить опасного умника. И только потом сообразила, что следовало посадить ученого под замок и заставить разрабатывать устройство. Глядишь, сейчас можно было бы без труда поговорить с Лашаром...

“Как жаль, что иногда у меня не хватает терпения тщательно продумывать последствия решений, которые на первый взгляд кажутся не важными”.

- Вернемся к Стеклодуву, Улле, - предложила Агата. - Вы нашли в его вещах какие-нибудь записи? Тетради? Книжки? Дневники?

- Нет, моя леди, ничего из перечисленного.

“Возможно, Ян рассказал Карлосу, где спрятал записи Безвариата... Потому Маркус и начал действовать жестко”.

- Но рыцарь Лашар счел вещи Стеклодува необычными, - продолжил безликий, припоминая рассказ Раздавителя. - Среди них был амулет невидимости, очень дорогие прайм-отмычки и дурманящее зелье. Рыцарь Лашар счел, что этот набор напоминает вещи вора.

- Вора? Очень странно.

- Рыцарь Лашар сказал тоже самое, моя леди.

- А был ли в вещах Стеклодува прайм?

- Рыцарь Лашар сказал, что прайма было много, но Стеклодув его использовал.

Невидимость, отмычки, дурманящее зелье... Ян решил начать карьеру вора? С одной стороны логично: за ним гонятся, его обвиняют в убийстве Сотрапезника, так почему бы не воспользоваться богатым набором артефактов, раз он все равно вне закона? С другой стороны, Стеклодув хоть и простолудин, но щепетилен, Агате трудно было представить его в роли уголовного. Вот и получается, что отмычки и артефакт невидимости потребовались Яну для чего-то другого.

- Мы что-то упустили.

- Извините, моя леди?

Герой в любой ситуации остается Героем. Изморозь сказал “странно”, и тут же забыл об этом определении, не стал его обдумывать, не заинтересовался деталями.

“И это хорошо, - улыбнулась про себя Агата. - До тех пор, пока Герои не научатся думать по-настоящему, мы будем указывать им, что делать”.

- Улле, ты должен немедленно отправиться в Фихтер.

- Да, моя леди.

- Во-первых, поможешь капитану Гучеру принять идущий из Адорнии груз и проследишь, чтобы все следы были почищены.

- Понимаю, моя леди.

Изморозь знал, о каком грузе идет речь.

- Во-вторых. - Агата побарабанила пальцами по подлокотнику кресла. - Свое бегство Стеклодув начал с Фихтера, но вы с Лашаром не позволили ему задержаться в городе, сели на хвост и заставили уехать на запад. Я предполагаю, что у Стеклодува осталось в Фихтере незаконченное дело. Попытайся узнать - какое?

- Да, моя леди.

* * *

“Чем пахнет козье дерьмо?”

Никогда раньше Карлос не задавался столь дурацким и неприличным вопросом - повода не было. Наследник гридийского владения и результаты жизнедеятельности домашних животных жили в разных, абсолютно непересекающихся вселенных. Нет, разумеется, иногда, по недосмотру, они пересекались на подошвах вычищенных до блеска сапог молодого лорда, но и только. И нельзя сказать, что Карлоса такое положение дел не устраивало - как раз наоборот! Юноша многое бы отдал, чтобы никогда в жизни не задаваться этим вопросом, не узнавать пикантных тонкостей современного животноводства, но... увы. Первое, что он сделал, придя в сознание - скривился от тяжелого, вызывающего рвотные позывы, запаха, и сразу же задался неуместным вопросом.

“Чем пахнет козье дерьмо? Это оно?”

Почему козье, а не коровье или, скажем, свиное, Карлос не знал. В памяти всплыла именно коза - рогатая, лохматая, блеющая, наглая, - и полностью заслонила собой остальных претендентов.

- Дерьмо...

- Карлос!

- Шахмана!

Со рвотой юноша кое-как справился, сглотнул слюну, пару раз глубоко вздохнул, заставляя себя не реагировать на вонь, и справился. Голова, изначально тяжелая, как чугунный шар, тоже постепенно прояснялась, и Карлос задался следующим вопросом:

- Где я?

- В плену.

- Спасибо, Шахмана, ты нашла предельно понятный ответ.

- Пожалуйста, Карлос, - хихикнула Героиня. - Пожалуйста.

Пункт первый: он сидит у бревенчатой стены на куче мокрой... кажется, соломы. Собственно, она, проклятая, и воняла. И сделала влажными штаны, создавая впечатление, что он обмочился.

“Как противно!”

Ноги свободны, а вот руки скованы. Запястья перехватывают металлические “манжеты”, от которых к вделанным в стену ушкам идут тонкие, но прочные цепи. Темно, хоть глаз выколи, не понятно, день или ночь, и запах...

“Интересно, это правда козье дерьмо?”

Юноша приподнялся, откинул в сторону вонючую подстилку, предпочтя сидеть на сырой земле, и вновь позвал спутницу:

- Шахмана!

- Да, Карлос?

Судя по звуку, Егоза сидела справа, шагах в пяти.

- С тобой все в порядке?

- Кроме того, что я связана.

- Цепи?

- Увы, Карлос, они поняли, что я Героиня, и постарались на славу. Меня привязали к столбу и всю обмотали веревками.

Обычные кандалы, вроде тех, какими был скован юноша, Егозу не остановили бы, но разорвать плотные и прочные путы она не могла: чтобы набрать такую силу Шахмане требовалось получить изрядную дозу прайма.

- Дерьмо!

- Совершенно с тобой согласна.

А в следующий миг юноша услышал ехидный вопрос:

- Тоже попили водички из колодца, лорд Карлос? - За которым последовал не менее ехидный смешок. - Сочувствую, конечно, но нет худа без добра: теперь вы полноправный член клуба любителей маленьких хуторов.

- Кто это?

- Тебе лучше знать, - отозвалась Шахмана. - Он говорит, что вы знакомы.

Героиня пришла в себя гораздо раньше лорда, и уже знала, что они делят темницу с еще одним узником.

- Мы встречались всего лишь один раз...

Голос изначально показался Карлосу знакомым, но теперь, когда в нем появились почтительные нотки, юноша окончательно узнал его обладателя:

- Акакий?!

- Я польщен, лорд Карлос. Вы узнали скромного праймолога, с которым перекинулись от силы парой слов, а это значит, что наша встреча произвела на вас неизгладимое впечатление. И я уверен...

- Он болтает, не переставая, - фыркнула Егоза.

- Заставь его заткнуться.

- У меня руки связаны.

- В буквальном смысле, лорд Карлос, в буквальном. Не будь этой мелочи, уважаемая Шахмана не постеснялась бы обрушить на несчастного ученого свой гнев, но...

- Это невозможно, - простонал юноша.

Словесный поток праймолога заставил отступить даже омерзительный запах, и теперь Карлос думал только о том, как бы заткнуть Бенефита. Который, в свою очередь, заливался соловьем.

- Вы не знаете, что такое невозможно, лорд Карлос, действительно не знаете и, поверьте, вам не нужно этого знать. Я провел в этом сарае целую ночь, в совершеннейшем одиночестве, смею заметить, в полнейшем одиночестве! Не с кем было поговорить, обсудить свое печальное положение или новые замыслы, что неожиданно посетили

меня в минуту страшной опасности...

- Шахмана, нас убьют?

- Надеюсь, - процедила девушка.

- И это станет невыразимо печальным событием для всего мира, друзья мои, - провозгласил Акакий. - Потому что в этом случае я не смогу обнародовать свое очередное, такое же гениальное, как и прочие, открытие. Скажите, лорд Карлос, в Гридиин есть горы?

- Невысокие, - машинально ответил юноша. - Скорее, холмы. - И опомнился: - А какое тебе дело?

- Бенефит, заткнись! - прорычала Егоза.

Но Акакий и не думал униматься:

- Добычу ведете?

В голосе ученого было столько неподдельного интереса, что Карлос решил ответить:

- Отец отыскал железную руду.

- Породу доставляют на поверхность вагонетками?

- Угу.

“В конце концов, почему бы не потрепаться? - грустно подумал юноша. - Иначе придется размышлять о том, что нас скоро убьют”.

- А теперь представьте, молодой человек, что эта вагонетка увеличится в пять... Нет! В десять раз! - провозгласил Бенефит.

- В шахту не пролезет, - проворчала Егоза.

- При чем тут шахта? - не понял Акакий. - Девушка, не перебивайте! Я собираюсь построить гигантскую вагонетку не для породы. Совсем не для породы! Хотя для породы тоже, почему нет? И вагонетка моя будет не вагонеткой, а... Она будет вагоном! Гигантской вагонеткой - вагоном! В котором поместится много людей. Или породы. В грузовой вагон - порода, в не грузовой - люди. Как-то так.

- Кажется, мы уже умерли, - выдохнула Шахмана.

- Но за что нам вечные муки? - осведомился Карлос. - Что мы натворили?

- Вагон! Я придумал и патентую название: вагон! “Грандиозный вагон Бенефита”! - заявил Акакий. - Вы будете свидетелями. Предварительное техническое описание, для протокола: крытая металлическая телега с кузовом или сиденьями для пассажиров, движущаяся по рельсам...

- Сама движущаяся? - с иронией поинтересовался юноша.

- Сама? Лорд Карлос, вы меня огорчаете. Кто вас учил? Где вы видели вагонетку, которая движется сама?

Юноша припомнил визит на гридийские шахты, в которых активно использовался труд несчастной скотины, и покачал головой:

- Один осел большую вагонетку не утащит, а несколько ослов...

- Несколько ослов? Так следует назвать преподавателей, которые учили вас наукам, - оборвал Карлоса разгорячившийся Акакий. - Большой вагон, даже несколько больших вагонов, соединенных между собой в цепочку, будут двигаться без помощи ослов.

- Лошади? - предположила Шахмана.

- Верблюды? - добавил развеселившийся юноша.

- Драконы?

- Было бы неплохо впрягать в тележку трехглавую Чудь, вместо того, чтобы убивать ее, - хихикнул Карлос. - Но сначала нужно запатентовать способ дрессировки этих тварей.

- Двое леших, к примеру, запросто утащат один большой вагон. - Егоза поняла, что молодой лорд смеется над ученым, и охотно его поддержала: - Только не быстро, они,

мерзавцы, медлительные.

- Нужно запатентовать специальный кнут, - предложил Карлос. - “Особый ускоряющий кнут Бенефит”.

- Примитивные! Примитивные людишки, неспособные осознать величие моего гения! - Появившаяся в голосе ярость не оставляла сомнений в том, что Акакий изрядно разозлился. - Разве я изобрел большую вагонетку? Ха! Будучи прикованным к этой проклятой стене, я придумал самоходную тележку, которая потащит за собой вагоны. Я назову ее праймовоз! “Гениальный праймовоз Бенефита для преодоления гигантских расстояний”. Запомнили? Для протокола: вы станете свидетелями. Название, как вы понимаете, придется запатентовать, как и само устройство. В наши дни...

- Кстати о наших днях! - бесцеремонно перебил ученого Карлос. - Как долго нам осталось?

Резкая смена темы ввергла Бенефита в растерянность:

- Почему вы решили, что я знаю?

- Потому что ты сидишь здесь дольше нас.

- И как получилось, что ты попал сюда первым? - поинтересовалась Егоза. - Мы ехали довольно быстро.

- И почему ты вообще сюда попал?

- Потому что заблудился, - признался Акакий.

- Я помню, ты собирался в столицу, а она, как ни крути, в другом направлении.

- Вы запомнили, лорд Карлос! Я польщен. Вы не представляете, что ваше признание значит для меня! - Воодушевленный Акакий буквально захлебывался словами. - Вы, конечно, станете отрицать, но я вижу, что общение со мной оставило неизгладимый след в вашей душе. Впервые в жизни увидели вы по-настоящему образованного человека, и потянулись к нему... то есть, ко мне...

- Шахмана, можешь плюнуть в него огнем?

- Увы.

- Жаль.

- Вовсе даже не жаль, - хихикнул ученый. - Я действительно собирался в столицу, лорд Карлос, в этом вы правы, но едва я выехал за ворота Гридвальда, как мне в голову пришла гениальная идея праймовоза...

- Ты говорил, что придумал его в застенках.

- Вы, обычные, и в чем-то примитивные люди, даже представить себе не можете, насколько сложны мои мысли, - гордо ответил Бенефит. - И поэтому они приходят ко мне частями. Сначала одно, потом другое... Не всегда следующее, к сожалению, но обыкновенно очень умное... Выезжая из Гридвальда я неожиданно подумал, что гужевой транспорт изрядно устарел. Все эти лошади, ослы, верблюды... Они медлительны и... едят. И спать им надо. И гадят тоже, пачкая дороги. “Как славно, - подумал я. - Если бы между всеми городами империи были проложены не обычные дороги, а железные”. Два ровных бруска, по которым катились бы с огромной скоростью самоходные тележки...

- Тем более нужно было в столицу ехать, - хохотнул Карлос. - Император спит и видит, что бы такое грандиозное построить.

- Какой же вы все-таки молодой, - вздохнул Акакий. - Помимо императора, чтоб ему прожить дольше, чем он хочет, в столице полно лизоблюдов, холуев, лакеев и прочих казнокрадов, вести дела с которыми мне совершенно не хочется.

- Почему? - не поняла Шахмана.

- Чем тебе не понравилась мысль о небольшом казнокрадстве? - поинтересовался Карлос. - Большинство бродячих знатоков, что приходили в Гридвальд, только об этом

и мечтали.

- Потому что проект устройства потрясающей скорости железной дороги необычайно интересен и выгоден для государства и всего мира, - с гордостью заявил Акакий. - За ним - будущее. И если я, скромный ученый и странствующий праймолог, просто приеду с ним в столицу, то очень скоро его отберут у меня завистники и казнокрады, мечтающие погреть руки на грандиозном строительстве. И поэтому я решил отправиться в Фихтер... О-о, это была блестящая мысль! Я соскочил с козел и принялся бегать вокруг тележки...

- Самоходной?

- Нет, лошадной, к сожалению. Я бегал вокруг нее и повторял: “Фихтер! Мне нужен Фихтер! Там есть богатые купцы, которые знают толк в скорости!” Железная дорога - это будущее торговли, и в Фихтере это поймут. Я собирался представить купцам свой проект, и приехать в столицу обладая начальным капиталом акционерного общества, но...

Акакий неожиданно всхлипнул.

- Он плачет? - удивился Карлос.

- Похоже, - подтвердила Егоза.

- До него наконец-то дошло, что мы в плену?

- Кто теперь построит железную дорогу? - прорыдал Бенефит. - Идея ведь лежит на поверхности: два железных бруска, по которым катится в сияющую даль самоходная тележка... Рано или поздно до нее додумается какой-нибудь мелкий, бесталанный ученый и вся слава достанется ему. Ему, а не мне!

Рыдания усилились.

- Полагаю, Акакию очень хотелось побыть казнокрадом, но судьба-злодейка распорядилась иначе, - равнодушно произнесла Шахмана. - Не повезло.

- Я мог бы изменить уклад Доктской империи!

- Не все так плохо, Акакий, в конце концов, ты жив, - вздохнул Карлос.

- Пока жив, - уточнил Бенефит. И громко высморкался.

Приступ печали, судя по всему, прошел.

- Кстати, у кого-нибудь есть идеи, почему нас пленили? - продолжил юноша. - Места здесь, конечно, дикие, но набрасываться на прохожих просто так - дурной тон.

- Чтобы съесть? - предположила Егоза. - В дебрях Пуци с едой бывают проблемы.

Героиня решила начать с наименее оптимистичного варианта.

- А как же охота?

- Чудь могла разогнать зверье.

- Допустим, - кивнул Карлос, безрадостно представляя себя на разделочном столе.

- В твоих словах есть резон, но мне грустно думать, что из меня сделают паштет.

- Сегодня утром, пока вы спали, меня покормили, - самодовольно сообщил Акакий.

- Так что каннибализм отпадает.

- Или тебя хотели откормить, - презрительно бросила Шахмана.

- Завтрак был весьма скуден, - молниеносно уточнил Бенефит.

- Я уверена, что среди построек была коптильня.

- Это естественно для хутора.

- Другие мысли есть? - осведомился Карлос.

Окажись они с Шахманой одни, юноша решил бы, что хуторянин польстился на награду, которую наверняка объявили за его голову гнусные кобрийцы, но присутствие Акакия сводило эту версию на нет. Похоже, местные хватали всех путников, без разбору. Банальный грабеж? Возможно. Лошади, скарб, оружие, деньги - все это наверняка пригодится “рачительному” хозяину. Но в этом случае их должны были сразу убить.

Или хуторяне надеются получить выкуп?

- Мысль есть, но она вам не понравится, - неожиданно серьезно произнес Бенефит.
- Говори, - потребовал Карлос.
- Вы обратили внимание, что хутор стоит на заброшенной дороге?

* * *

Все утро лил сильный дождь и, несмотря на то, что был он теплым, по-настоящему летним, сумел доставить путникам массу неудобств. Лошади скользили на размокшей дороге, скорость снизилась до шага, к тому же налетел ветер и промокшая, враз потяжелевшая одежда заставляла дрожать от холода. Лашар мечтал о постоянном дворе, о большом зале с камином, у которого так приятно посидеть с кружкой горячего глинтвейна, о мягком кресле, пледе на ногах, но... Но в этой части Пуши трактиров не строили, опасаясь шныряющей вокруг Чуди, и мечты Маркуса оставались мечтами. Не камин его ожидал, а дымный костер из мокрых веток, согреться у которого можно было с большим трудом.

- Ты уверен, что все пройдет, как надо?

С тяготами путешествия Лашар мирился, но бесконечное нытье ментора Ханса - бывшего ментора, а ныне исполняющего обязанности лорда, - рыцаря безумно раздражало. Предатель беспокоился о своем будущем, и постоянно приставал к Маркусу с дурацкими вопросами.

- Ты не хуже меня знаешь закон, Ханс. Если лорд умирает, не оставив наследников, или же наследник не достоин править владением, а в нашем случае все именно так, император вправе назначить нового лорда. Выбирает Ферраут не сам, а по совету придворных, ну... мы и сделали так, чтобы тебя посоветовали. - Маркусу было противно общаться с ментором, но дело есть дело - теперь предатель в кобрийской команде, и вести себя с ним следует вежливо. До тех пор, разумеется, пока он не разочарует леди Агату. - Бумаги мы подготовили, кого надо подмазали, и в течение недели император подпишет грамоту... Так что станешь ты лордом, станешь.

- Спасибо.

- Только за следующим ментором приглядывай внимательно.

- На этот счет не волнуйся, - самодовольно отозвался Ханс. - Такой ошибки, как Датос, я не допущу. Не дурак.

Все подлецы, которых встречал на своем пути Маркус, а видел он их немало, считали себя умнее всех на свете. Конечно, они ведь успели: вовремя приняли другую сторону, изловчились нанести удар в спину или просто отвернулись, делая вид, что не замечают гибели друзей или союзников. Они выжили. Они получили награду. Но Лашар был убежден, что к уму их поведение не имеет никакого отношения: инстинкт самосохранения и трусость - вот путеводные звезды таких людей, как Ханс. А по-настоящему умные люди просчитывают комбинации, в которых есть место подлецам и предателям, используют их, награждают, но в случае необходимости без раздумий истребляют, поскольку тому, кто предал один раз, веры нет.

Маркус надеялся, что бывший ментор заткнется, но тот продолжал искать проблемы, способные помешать ему сесть на гридийский трон:

- А если у Датоса какой-нибудь племянник объявится? И захочет лапу на мое владение наложить?

“Тогда мы его убьем...”

Но отвечать так Лашар не стал, не желая радовать предателя больше необходимого.

Поморщился - упавшие с ветки капли попали за воротник, тихонько выругался и проворчал:

- Прямых родственников у Датоса и Карлоса нет, так, пятая вода на киселе, но если кто решится выступить, можешь для начала намекнуть о своей дружбе с леди Кобрин. Это их успокоит.

- Я позабочусь, чтобы о нашей дружбе знали все соседи.

“Они не дураки, и все уже поняли”.

Однако вслух Лашар сказал другое:

- Это правильно. Но не болтай лишнего.

- Как можно? - Бывший ментор помолчал. - Она и правда красавица?

- Ослепительная, - с улыбкой подтвердил Маркус. - Никто в империи не способен сравниться с моей леди красотой и обаянием.

Ханс никогда в жизни не видел леди Агату, но это ничего не значило: политическая дружба не обязательно сопровождается поездками в гости. Тайный договор заключен, и это сейчас самое главное.

- Меня беспокоит допрос у главного имперского прокурора.

- Пустая формальность, - протянул Маркус. - Джебзайя Свит стар и давно не проводит расследований лично. Расспрашивать тебя будет человек, которому мы полностью доверяем.

- Ты уверен?

- Абсолютно. Не пройдет и месяца, как на твоей голове окажется корона...

- Здорово! - Не сдержался Ханс.

- Ты не советую забывать, кто именно надел ее на тебя.

- Как можно?

Ментор давно понял, что никто и ничто на свете не способно уберечь от гнева леди Кобрин: ни император, ни стражники, ни Герои. С кобрийской владычицей можно было договориться, она могла исполнить несбыточную мечту, вознести на вершину власти, но... Но эта вершина все равно была ниже той, на которой находилась сама Агата.

Ханс хотел продолжить разговор, но, к счастью для Лашара из-за деревьев - в этом месте дорога изгибалась к востоку, - показались всадники.

- Кто это?

Насторожившиеся Герои выехали вперед, прикрывая Маркуса, Ханса и сопровождавших ментора стражников, но уже через пару мгновений Раздаватель глухо пробасил:

- Прокурор.

И они с Исподлюбья остановились, пропуская Лашара и Ханса.

- Быстро он, - проворчал Маркус.

Гонца за имперским прокурором Гриди, который отлучался в одно из соседних владений, Лашар отправил еще до аудиенции, но не ожидал, что тот вернется настолько быстро.

- Лашар!

- Эмиль.

- Рад видеть.

- Взаимно.

Спутники прокурора - пятеро стражников в промокших плащах, остались позади, давая возможность начальнику спокойно поговорить с Лашаром и Хансом.

- Ментор... Точнее, будущий лорд Грид... - Эмиль тонко улыбнулся. - Здравствуйте.

- Добрый день.

Обычно Ханс приветствовал прокурора весьма почтительно, но сейчас в его тоне появились едва различимые высокомерные нотки: предатель уже примерил на себя корону, и привыкал держаться “как лорд”.

Понявший это прокурор добавил в улыбочку яду и вновь повернулся к Маркусу:

- Ты нашел щенка?

- Нет.

- И не знаешь, где он?

- Нет.

- В таком случае, у меня для тебя не очень хорошее известие. - Эмиль подъехал вплотную и негромко сообщил: - Сегодня утром я получил голубиную почту: подходящего под наше описание молодого паренька видели в окрестностях Тышдела. Его сопровождала симпатичная рыжая девица.

- Егоза? - уточнил Ханс.

- По описанию - похожа.

- А где же Ураган?

- Возможно, отправился на разведку.

- Они едут на юг, - вздрогнул Маркус.

- Да, - кивнул прокурор. - А кордоны мы выставили на севере, рассчитывая, что щенок направится в столицу.

Но Лашар не слушал:

- Проклятье! Что он забыл на юге?

- Может, он хочет лично поквитаться с леди? - хохотнул Эмиль.

Однако Маркус веселости прокурора не разделял.

- Карлос не идиот, он понимает, что не сможет добраться до леди.

- У него есть два Героя.

- Воевода и огненная лиса, - добавил Ханс.

- Да, у него есть два Героя, - помолчав, признал Маркус.

Но чем воевода и лиса способны помочь беглому лорду? Ничем. Разве что умереть с достоинством. Понимает это мальчишка? Понимает. Почему, в таком случае, направился в Кобрию? И ответ, который первым пришел в голову, Лашару не понравился.

- Я должен ехать в Фихтер, - произнес он решенным тоном. - Попробую перехватить щенка, пока он не добрался до Кобурга.

- Ты его испугался? - удивился прокурор.

- Я реагирую на изменившиеся обстоятельства, - объяснил кобриец. - К тому же я должен довести дело до конца.

- Согласен.

- А как же я? - растерялся Ханс. - Маркус, ты ведь должен был свидетельствовать в мою пользу.

- Уже засвидетельствовал, - хмыкнул прокурор. - Показания рыцаря Лашара приобщены к делу, а сам он...

- Был ранен в схватке с Чудью, - хмуро подсказал Маркус.

- Вот именно. Был ранен и в настоящий момент находится на лечении, а потому не может лично прибыть в столицу.

- Эмиль, выпиши мне имперскую подорожную, я хочу менять лошадей как можно чаще.

На всех имперских станциях, что располагались вдоль больших дорог. С таким документом Лашар мог добраться до Фихтера в предельно короткие сроки, хватило бы, как говорится, сил.

- Сейчас сделаю.

Прокурор спешился и достал из седельной сумки канцелярский набор.

- Но почему мальчишка так важен? - поинтересовался расстроенный Ханс. Предатель не мог поверить, что кобриец бросает его - его, лорда Грида! - посреди дороги. Было в этом поступке нечто подлое. А еще - унижительное.

- Карлос действует нестандартно, - объяснил Маркус. - Он должен был бежать в столицу в надежде пожаловаться императору, а вместо этого едет на юг, в Кобрию. А это значит, что либо он идиот, либо Стеклодув успел рассказать ему гораздо больше, чем мальчишка поведал вам с Датосом.

- О чем поведал? - переспросил сбитый с толку Ханс. - О Праймашине?

И услышал в ответ еще более унижительное:

- Тебе лучше не знать. А слово "Праймашина" - забыть.

Лашар кивнул разозленному предателю и направил лошадь к Героям:

- Планы меняются, парни, мы возвращаемся на юг.

- Что случилось? - поинтересовался Раздаватель.

- Карлос едет в Кобрию.

- Пусть едет, - осклабился Исподлобья. - Его там хорошо встретят.

- Не уверен. В Кобрии мальчишку никто не ищет, не ждет, а значит, и не встретит, - объяснил Маркус. - У него будет преимущество.

- Преимущество в чем?

- Эффект неожиданности.

- Как только он проявится, его тут же прихлопнут.

- А если он проявится очень мощно?

Исподлобья почесал в затылке, после чего пожал плечами:

- Ну... как скажешь.

По большому счету Героям было абсолютно все равно, куда ехать, но воевода решил показать, что тоже смыслит в разработке планов.

- Отправь сообщение, - предложил он Маркусу.

- Голубей у нас нет, а гонец может и не добраться.

- А если мальчишка решил удрать в Адорнию? - предположил Максимилиан.

- А если он хочет убить леди Кобрин?

- Лашар, это смешно.

- Хочешь рискнуть?

И Раздаватель умолк - рисковать в таком деле воевода не собирался.

- Ханс рассказал, что Карлос знает о Праймашине, - спокойно продолжил Маркус.

- Но вдруг мальчишка выложил отцу не все козыри? Вдруг Стеклодув добавил какие-нибудь подробности?

- В таком случае, щенок должен был мчаться в столицу.

- Или же Стеклодув рассказал Карлосу нечто, способное нарушить планы леди Кобрин. - Лашар вздохнул. - Мы допустили ошибку и мы должны ее исправлять. Возвращаемся на юг, будем скакать и днем, и ночью, прокурор выпишет нам имперскую подорожную.

- Мы-то выдержим, а ты?

- Привяжете меня к седлу. - Маркус жестко посмотрел на Раздавателя. - Но ты, Максимилиан, станешь "сороходом", доставишь леди Кобрин сообщение.

В редчайших, самых важных случаях, когда требовалось отправить срочное послание, Герои превращались в "сороходов" - добровольно, или, как в случае с воеводой по приказу, - шли на смерть, чтобы как можно скорее оказаться в замке. Владетели не

любили тратить драгоценный прайм на такую связь, но у Маркуса было разрешение леди, и он решил, что дело того стоит.

- Почему я? - возмутился могучий Максимилиан.

- Потому что Исподлобья легче, нас с ним лошади понесут быстро, а ты будешь нас задерживать.

- Хе-хе-хе... - не удержался ехидный чистильщик, и Раздаватель впервые в жизни пожалел, что уродился здоровяком.

Насупись, но продолжать спор не стал. Спросил только:

- Что я должен буду передать леди Кобрин?

И пообещал себе обязательно отомстить Лашару.

* * *

- Я не хочу умирать!

- Заткнись! - нервно бросил Карлос.

- Никто не хочет, - вздохнула лежащая в телеге Шахмана.

- Я не хочу больше всех! - завопил несчастный Бенефит, и заискивающе посмотрел на одного из охранников. - Послушайте, любезный, а нельзя ли...

- Нельзя!

- Но ведь я...

- Заткнись!

- Почему?!

- Не глупи, заморыш, - добродушно произнес подошедший к телеге хуторянин. Тот самый, рачительный хозяин, любящий втыкать на столбы черепа. В начале пути он шел во главе небольшой процессии, но услышав шум, вернулся к пленникам. - Тебе оказана великая честь!

- А можно я останусь бесчестным?

- Заткнись!

- Акакий, хватит паниковать!

- А что еще делать?

И действительно - что? Ведь сбылись самые худшие опасения - не грабители засели на хуторе, которых можно было бы задобрить обещанием выкупа, совсем нет. Хуторяна деньги не интересовали, и понятно это стало сразу, как только они появились в сарае.

Под вечер. Нет, ближе к полуночи - сидящие в темноте пленники потеряли счет времени и только на улице поняли, что ночь уже вступила в свои права. Ближе к полуночи... Заскрипела дверь, в глаза ударил свет факелов, и внутрь вошли трое крепких мужчин, в одном из которых Карлос узнал "рачительного".

- Сегодня большой день, придурки, - произнес хуторянин, с ухмылкой разглядывая пленников. - Сегодня исполнится то, что было предначертано вам при рождении.

Прозвучало, мягко говоря, угрожающе, но в тот момент вопросов никто не задавал: Карлос, Шахмана и Акакий с удивлением разглядывали облачение мужчин.

Весьма необычное облачение.

До сих пор никто из пленников не думал над тем, в каком виде заявятся к ним похитители. Этот вопрос казался неуместным, не имеющим смысла. Как могут одеваться обитатели Пущи? Армяк, рубаха, штаны и сапоги. Все из простой ткани, пошито, скорее всего, здесь же, на хуторе, женами и сестрами. Обитатели темницы не ждали странностей, а потому явление похитителей повергло их в удивление.

"Рачительный" предстал перед пленниками в белой набедренной повязке, украшенной

серебряным шитьем, изящных кожаных сандалиях и шелковом плаще, перехваченным серебряной цепочкой. Хуторянин был чисто вымыт и умащен благовониями, аромат которых причудливо сплетался с царящей в сарае вонью. Его спутники, наряженные в длинные зеленые балахоны с капюшонами, больше походили на лесовиков... какими их изображают бродячие комедианты.

- Мы попали на праздник? - попытался пошутить Карлос.

И услышал неприятное:

- И вы на нем главные гости.

Продолжать разговор хуторяне не стали. По очереди выволокли на улицу Акакия и Карлоса, приковав их к стоящей во дворе телеге, затем, позвав на помощь трех крепких мужиков, вынесли связанную Шахману.

- Куда вы нас?

- Ты ведь догадался: на праздник.

- Но куда?

- Недалеко.

Дальше по заброшенной дороге, в глубь Пуши.

Выйдя из хутора, они прошагали примерно километр на запад, после чего резко повернули, направляясь в самую чащу. Сначала Карлос решил, что их ведут тайными тропами, но вскоре догадался, что они по-прежнему на старой дороге, изгиб которой хитрые хуторяне старательно замаскировали.

- Тайное убежище?

- Люди перестали верить, - серьезно ответил оставшийся рядом с пленниками "рачительный". - Они смеются над старыми богами и преследуют тех, кто сохранил им верность. Поэтому мы скрываем святилище от чужаков.

И вскоре, подтверждая слова хуторянин, дорога вывела процессию на большую поляну, в центре которой горделиво стоял сложенный из черного камня храм. Не очень высокий, но выстроенный с поражающим воображением мастерством, он высился на небольшом - в три ступеньки, - фундаменте и был окружен до блеска отполированными колоннами. Две из них обрушились, но этот недостаток не умалял храм, а лишь подчеркивал его величие, его силу, позволившую древнему строению выдержать беспощадные удары катаклизма.

Перед главным входом в храм был установлен алтарь - большой белый камень, украшенный полустершимися письменами, - а возле него неподвижно стоял высокий жрец, облаченный в роскошную красную мантию. Длинные волосы жреца были зачесаны назад и перехвачены серебряной тиарой, на обнаженных мускулистых руках виднелись толстые браслеты, а на широкой груди висел кривой ритуальный нож в вышитых жемчугом ножнах.

- Их трое! - громко провозгласил жрец, увидев процессию. - Богиня будет довольна!

Чем именно будет довольна неизвестная богиня, можно было не уточнять.

- Все, - всхлипнул Бенефит. - Вот и все.

Карлоса стала бить крупная дрожь, но он держался.

- Не хнычь.

- Мы все урем. И Героиня нам не поможет.

Поляну и храм освещали воткнутые в землю факелы - они давали больше света, чем присвисты, и пленники увидели, что их прибытия ожидало около тридцати человек разного возраста, от подростков, до стариков: мужчины щеголяли в легких зеленых плащах, а тела женщин, даже самых пожилых, были едва прикрыты фривольными накидками. На расстеленных по траве покрывалах ожидали своего часа яства: блюда с

жареным мясом, овощами, сырами и кувшины с вином.

Слова жреца собравшиеся встретили радостными криками. Судя по всему, им не терпелось начать праздник.

- Я ведь говорил, что вы главные гости, - хмыкнул хуторянин.

- Нас принесут в жертву, - простонал Акакий. - А потом, искупавшись в нашей крови, они станут до рассвета предаваться блуду. Свальный грех и все такое... Я читал об этих церемониях. В Ландайских горах существовал целый культ, но император...

- Не блуду, а богоугодному занятию, - строго поправил ученого "рачительный". - В честь нашей великой матери - Богини плодородия.

- Она не принимала человеческих жертвоприношений! - выкрикнул Карлос. Алтарь становился все ближе, и юношу одолевал страх. Он мало чего знал о древних богах, но ужас не позволял ему молчать. - Богиня плодородия была мудрой и доброй!

- Но она разгневалась на людей, покинула мир и нужно ее задобрить.

Проклятый Катаклизм наложил серьезный отпечаток на мозги местных фанатиков, и они сумели сделать единственный вывод, который, по их мнению, все объяснял.

- Скольких вы уже убили?

- Принесли в жертву, - поправил юношу "рачительный".

- Скольких?

- Недостаточно, чтобы богиня вернулась.

Спорить с хуторянином не имело смысла - он все для себя решил, и останавливаться не собирался.

- Вам будет оказана великая честь, голодранцы. Вы встретитесь с богиней лицом к лицу...

- Поменяться не хочешь? - процедила Шахмана.

- А кто принесет следующую жертву?

Логичный ответ смутил Героиню.

- Богиня плодородия не принимала кровь, - стуча зубами, поведал Акакий. - Ваши жертвоприношения ее ослабляют. Вы своими руками губите ее.

- Не святотатствуй.

- А то что? - храбрясь, выкрикнул Карлос. - Не сможешь принести нас в жертву? Боишься, что я обижу богиню?

- Не ее, а нас, - уточнил "рачительный". - Если разозлишь жреца, твоя смерть станет мучительной: не сердце тебе вырвем, а посадим на кол. И будем водить вокруг хоровод.

- Долго-долго, - добавил один из охранников.

- Кажется, мы влипли, - пробормотала Егоза.

- Еще как, - уныло подтвердил юноша.

- Вы пока попрощайтесь, - предложил хуторянин, - а я поговорю со жрецом и вернусь.

И деловито поднялся к алтарю.

Фанатики столпились у ступенек храма, стараясь не упустить ни единого слова из речи жреца, охранники тоже заслушались, лишь изредка поглядывая на пленников, и у тех появилась возможность обсудить свое печальное положение.

- Мысли есть? - уныло осведомился Карлос.

Дрожь отпустила, но внутри у юноши царствовал омерзительный холод.

- Я не хочу умирать!

- Акакий, держись с достоинством.

- Вы лорд, вам положено. А я простой человек! Я не хочу умирать! Как думаете, я могу принять их веру?

- Вряд ли это что-то изменит, - философски заметила лежащая на дне телеги Шахмана. - Убийство истинно верующего усиливает жертву.

- С чего ты взяла?

- Мне так кажется.

- Нельзя убивать своих.

- Егоза, пообещай мне кое-что, - попросил юноша.

- Все, что угодно, лорд.

Шахмана оценила мужество, с которым держался Карлос, и ответила предельно уважительно.

- Возможно, чтобы убить тебя, им придется ослабить веревки и ты сможешь вырваться.

- Возможно.

- Если же я буду первым, а потом тебе удастся освободиться... - Карлос сглотнул подступивший комок и продолжил: - Если тебе удастся - отомсти за меня. Отомсти как следует.

- Даю слово, лорд, - тихо ответила Шахмана. - Но я надеюсь, что сначала они примутся за меня.

- Больше нам надеяться не на что.

- Лишь бы не с меня... - простонал Бенефит.

- Вы закончили? - поинтересовался вернувшийся хуторянин. Выглядел он весьма довольным. - Если да, то нам пора приступать. Великий жрец считает... - В этот момент верующие разразились радостными воплями, и “рачительному” пришлось переждать шум. - Так вот, великий жрец считает, что начать следует с задохлика. Потом принесем в жертву щенка, а главным блюдом, станешь ты, маленькая Героиня.

- Я не хочу умирать!

- Проклятье!

- Скотина!

- Берите придурка!

Стражники отцепили Акакия от телеги, подхватили под руки и быстро поволокли к алтарю. На Карлоса накатила дурнота.

- Отомщу, - сквозь зубы пообещала Шахмана. - Достану и в Загробном мире!

- Первая жертва! - провозгласил жрец.

- Я не хочу умирать!!

- Да будет так! - рявкнули фанатики, отвечая словам жреца.

Сверкнул ритуальный клинок, острый, как бритва и жаждущий крови. Шахмана разразилась ругательствами, Карлос похолодел, распластаный на алтаре Акакий завизжал, жрец захохотал...

А в следующий миг его лицо исказила гримаса - в плечо вонзился арбалетный болт.

- Нет!

Кровь брызнула на стоящих рядом людей, но распаленные фанатики не сразу сообразили, что происходит.

- Да будет так!!

И только тут их слаженный хор нарушил пронзительный, полный ужаса визг из задних рядов.

Выскочивший на поляну воевода начал именно с них - с задних рядов, круша черепа и кости ударами тяжелой булавы.

- Во славу Гридиин!

- Ураган!

- Генрих!
- Спасите меня!

Фанатики наконец-то поняли, что их убивают, попытались организовать отпор - даже отправляясь на оргию мужчины прихватили с собой копья и топоры, но достойно противостоять разъяренному Герою обычные люди не могли при всем желании.

Рисковать жеребцом воевода не хотел, бросился в атаку пешим, однако разницы для несчастных фанатиков не было никакой: скоростью и натиском Генрих напоминал самый настоящий ураган. Широкий взмах булавой и на землю падают сразу двое мужчин, щит принимает копейный выпад, ответный удар вбивает фанатика в землю. И все это - мгновения. Неимоверно коротенькие секунды, бегущие со скоростью лесного пожара. Удары, удары, удары... Бросившихся к лесу людей Генрих не преследовал, не желал превращать спасение друзей в убийство, но тех, кто осмеливался сопротивляться, истреблял безжалостно.

Удар, удар, удар...

Кровь, переломанные кости, вопли разбегающихся людей... Ими усеял Ураган свой путь к древнему храму. Кровавый путь. Пять или шесть полновесных секунд прошло с начала боя, но облик поляны разительно изменился: трупы, кровь, оружие на земле, растоптанные яства и опрокинутые факелы. Жалобный вой из леса и снова трупы.

Раненый жрец пытался укрыться внутри, но дверь не удержала Генриха, воевода вынес ее, едва заметив, и мощный удар в голову стал жирной точкой, обозначив окончание побоища.

- Да возблагодарят тебя все прайм-устройства мира, - пробормотал прячущийся за алтарем Акакий. - Ты и представить не можешь, насколько вовремя явился.

Поскольку освободить его от цепей никто не торопился, Бенефит, надеясь отыскать ключ, принялся обыскивать карманы стражников. А воевода подошел к телеге и разрезал удерживавшие Шахману веревки.

- Ты как?
- Теперь отлично.

Егоза взяла нож, подошла к хрипящему на земле "рачительному" - тяжелая булава Урагана переломала хуторянину несколько ребер, - и одним движением перерезала подлещу горло.

После чего повторила:

- Теперь отлично. - Вытерла клинок об одежду мертвеца, выпрямилась и прищурилась: - Надо вернуться на хутор.

- Там лошади и вещи, - добавил Карлос, с которого снимал цепи успевший освободиться Акакий.

- И мои тоже, - встрял в разговор Бенефит. - Не помню, говорил я вам, или нет, но я путешествовал на бричке. На замечательной, удивительной бричке, которую я подверг ученому усовершенствованию...

- На хуторе все в порядке, - произнес Ураган, бросив на Бенефита недоуменный взгляд. - Всех, кто там оставался, я запер в сарае. Вещи они не тронут.

- Вот и чудненько.

Чудненько и получилось.

К некоторому сожалению для путников, возвращение на хутор не сопровождалось приключениями - счастливое освобождение окрылило и Карлоса, и Героев, и даже Акакия, и от хорошей драки с Чудью или вернувшимися фанатиками, путники не отказались бы, но она не случилась. Хуторяне, пережившие радость общения с разъяренным Героем, к следующей встрече не стремились, а Чудь то ли не рисковала связываться с познавшими

сладость победы гридийцами, то ли ее попросту не оказалось поблизости.

Как бы там ни было, до хутора добрались спокойно. Тщательно обыскали дома, вернув украденные вещи. Подумав, прихватили немного продуктов - только чтобы хватило до Фихтера, а после собрались у конюшни. Выезжать решили на рассвете, до которого оставалось часа два, не больше, спать никому не хотелось, а потому болтали, неспешно готовясь к дороге.

Шахмана рассказывала Генриху подробности их с юношей путешествия, а Карлос, улучив момент, когда Акакий отправился к колодцу, последовал за ним.

- Уже решил, что будешь делать дальше?

- Я... - Судя по всему, Бенефит ждал этого разговора, и отвечать собрался по обыкновению развернуто. - В тот самый миг, когда...

- Обойдемся без словоблудия, - холодно предупредил юноша. - Мы не в сарае, мы не связаны, и ничто не заставит меня выслушивать твои длинные речи.

- Совсем?

- Абсолютно.

Спорить Акакий не рискнул. Вздыхнул, пожал плечами, мгновенно превратившись в растерянного и слабого старика, после чего жалобно произнес:

- Мне в Фихтер надо. Я говорил.

- Рискнешь один ехать, или к нам присоединишься?

- Если возьмете - буду рад, одному путешествовать опасно. Опять же, бричка у меня видная, по научному усовершенствованная, ее всякий отнять пожелает...

- Я ведь сказал: без словоблудия.

- Слушаюсь.

Карлос потер шею.

Мнения насчет говорливого Бенефита разделились. Егоза, утомленная совместным пребыванием в темнице, предложила ученого оставить. В смысле, не брать с собой, потому что достал, трепло неумолкаемое. Благодушный Ураган против Акакия ничего не имел, указав, что бросать человека посреди Пущи неприлично, а бричку можно использовать для груза, облегчив, тем самым, жизнь лошадям. Кроме того, добавил Генрих, лучше Бенефита держать под присмотром, потому что куда ученый побежит, оставшись один: по своим делам или к стражникам за наградой, сказать трудно.

Таким образом, последнее слово оставалось за юношей, и он испытывал вполне понятные сомнения.

- Ты знаешь, что меня обвиняют в убийстве отца?

- Да, лорд Карлос, знаю, - не стал скрывать Акакий.

Юноша ответил ему тяжелым взглядом, помолчал, после чего продолжил:

- И?

- Это не мое дело, лорд Карлос, - твердо произнес ученый. - Но если вы спросите, сдам ли я вас стражникам, то нет, не сдам. Вы спасли мне жизнь, а Акакий Бенефит знает, что такое честь.

Оставалось решить: верить заявлению, или нет? А поскольку сделать правильный вывод о незнакомом человеке почти невозможно, Карлос решил принять сторону Генриха и оставить Бенефита под присмотром.

- Хорошо, пойдешь с нами, - кивнул юноша. - Но твоя говорливость...

- Поверьте, лорд Карлос, я страдаю от нее не меньше вас, - горячо произнес Бенефит. - Я действительно говорю много, но виной тому выдающееся образование, а так же годы, проведенные преподавателем швов и соединений на кафедре механизированной праймологии Стыробухарского университета прикладных наук и философии. Преподавая

тупым студиязусам сложнейшую науку, я обрел навык говорить много, поскольку только в этом случае хоть какие-то знания имели шанс попасть в замшелые головы учеников.

- Заткнись и собирайся, - приказал юноша.

Торопливо развернулся и отправился к конюшне, где его ждали Ураган и Егоза.

- Я не хочу его бросать.

- Хорошее решение, лорд Карлос, - прогудел воевода. - Верное оно или нет, покажет время, но хорошее. Нельзя оставлять людей в беде.

- Да... наверное... - Юноша посмотрел на Урагана и понял, что нужно немедленно прояснить их с воеводой отношения. - Мы с Егозой поверили, что ты ушел.

- И правильно сделали, лорд Карлос я действительно ушел, - с улыбкой подтвердил Ураган. - Но все это время следовал за вами.

- Почему не с нами?

Генрих ответил пристальным взглядом, после чего осведомился:

- Вы не обидитесь?

- Ты только что спас мне жизнь, - ответил Карлос, поймав себя на том, что повторил слова Акакия. - Ты - старый друг моего отца, наверное, единственный его друг, как я могу обижаться?

- В таком случае... - Ураган вновь улыбнулся: - Не обижайтесь, лорд Карлос, но я должен был вас проверить. Я должен был понять, действительно ли вы настолько смелы, каким хотите казаться. Действительно ли вы достойны своего отца.

Нечто подобное Карлос и ожидал услышать. С одной стороны сам факт проверки молодого лорда покорибл, однако поразмыслив, юноша понял, что на месте Урагана он поступил бы так же: безоглядно можно идти только за тем, кому полностью доверяешь.

- И что?

- Вы не побоялись отправиться в путь с одним Героем, с верной Егозой. Лорд Датос гордился бы вами.

- Я поступил глупо.

- Вы поступили смело, лорд Карлос.

- Но я угодил в ловушку.

- Опыт придет, - уверенно пообещал Ураган. - Главное, что в вас есть железный стержень. Вы не просто приняли вызов - вы перешли в наступление, решили атаковать врага, и тем проявили свою истинную суть.

- Я всегда говорила, что Карлос храбр, - добавила довольная Егоза.

- Ты женщина, ты чувствовала. А мне требовались доказательства. - Генрих склонил голову. - Для меня будет честью служить вам, лорд Карлос.

- Просто Карлос.

Их взаимоотношения с Шахманой стали более доверительными и глупо держать на расстоянии второго из оставшихся в его распоряжении Героев.

- Хорошо, Карлос.

Воевода в очередной раз улыбнулся, показывая, что принимает новые правила. Настроение его было замечательным.

- Мы будем служить тебе, лорд, - добавила Егоза.

Герои выбрали его! Признали вожаком! Они готовы идти за ним, хоть на край света! Против леди Кобрин или адорнийцев - не важно. Они встали под его знамя!

Радость, гордость... Чувства переполняли юношу.

“Главное - не потерять голову!”

- Я еще ничего не сделал, друзья, - твердо произнес Карлос, глядя на Героев. - Но я клянусь, что постараюсь... - Слова не приходили. Юноша не знал, что следует говорить

в таких случаях, как передать нахлынувшие ощущения, и потому постоянно сбивался. - Я клянусь, что вам не будет за меня стыдно.

А может, это и есть настоящие слова? Те, которые приходят не гладко, заученно, а с трудом выбираются из души, полностью отражая то, что в ней творится?

- Нам уже не стыдно, - тихо ответила Шахмана.

- И ты не сможешь ничего испортить, потому что обрел себя.

- И еще вы должны знать, что...

“Говорить или нет? - Но уже в следующее мгновение Карлос устыдился проявленной слабости: - Мы вместе. Отныне и навсегда мы вместе. Я их лорд, и должен быть честным”.

- Что мы должны знать, Карлос?

- Я успел забрать каталисты из замка Грид.

Пару секунд ошеломленные Герои смотрели на юношу, после чего...

- Что?

- Наши каталисты?

- Как ты сумел?!

- Они все время были у тебя?

- Все каталисты?

- Ты шутишь?

- Нет, не шучу, - довольный произведенным эффектом, ответил Карлос. - Да, все время были у меня. Да, все каталисты: Самострела и Арчибальда в том числе.

- Мы сможем их воскресить?

- Если доберемся до прайм-индуктора.

- Ты умеешь с ним обращаться?

- Вообще-то я прошел обучение в Академии Лордов, - напомнил слегка обиженный Карлос. - И если в последнее время я вел себя несколько... свободно, это еще не значит, что я ничего не умею.

- Нужно вернуться в Шторию, - решительно произнес Генрих. - До него всего два дня пути, а лорд Шторхолд - старинный друг твоего отца. Он наверняка допустит тебя к своему Прайм-индуктору.

- У лордов не бывает друзей, - холодно бросил юноша.

Резкая фраза ошеломила Героев - они приняли ее на свой счет.

- Неужели?

- Среди других лордов, - пояснил Карлос. - Власть меняет людей, заставляет совершать подлости, которые они называют компромиссами. На меня объявила охоту леди Кобрин. Она сильна, умна, ее щупальца опутали всю империю, и она наверняка знает, к кому я могу обратиться за помощью. Поэтому - никакой Штории.

- Согласна, - вздохнула Егоза.

- Мы можем проникнуть к Прайм-индуктору тайно, - не сдавался Ураган.

- У тебя есть воровские навыки? Или снаряжение? Что ты знаешь о воровстве?

- Ничего.

- Вот и ответ. - Этот диалог понравился Карлосу не меньше, чем принесенная Героями клятва верности: он показал, кто здесь принимает решения. Продуманные решения. - Мы должны действовать по плану: едем в Фихтер, узнаем, как на самом деле погиб Безвариат Сотрапезник, а затем... Затем навестим леди Кобрин.

* * *

- Все-таки надо было убить адорнийцев, - в третий уже раз проворчал Джон

Сучкоруб, и шумно высморкался в ладонь. - Раз договорились, значит, надо было, а то нехорошо может получиться.

До сих пор Одноногий Му выступления помощника игнорировал. Трясся неспешно на козлах первой кибитки, да помалкивал, прокручивая в голове возможные варианты переговоров с заказчиками, но сейчас не удержался - ответил, потому как достал его бубнящий без остановки Джон, окончательно достал.

Му широко зевнул, демонстрируя Сучкорубу, что замечание его - полная ерунда, и протянул:

- Страховка, Джон, страховка.

- Если заказчик решит нас кончить, отпущенные адорнийцы его не остановят, разозлят только, - немедленно отозвался Сучкоруб. - Все равно кончит.

- Остановят, - пообещал Одноногий.

- Как?

- Я ведь не просто так этих придурочных братьев отпустил, - хихикнул Му. - Повод был серьезный: они “скота” одного посеяли. А “скоты” у нас не простые.

- И что?

- Цепочка выстраивается, Джон, цепочка, которая нас из этого дерьма вытянет, - объяснил Одноногий. - Мы адорнийцев отпустили, которые след серьезный оставили, получается, и нас трогать смысла нет.

- Притянута, - не согласился Сучкоруб.

- А другого способа от смерти спастись я не вижу, - вздохнул Му.

Это замечание Джону совсем не понравилось и потому, поразмыслив над ним, как следует, Сучкоруб вновь подал голос:

- На кой ляд мы тогда на встречу едем? Если все так плохо, нужно товар бросить, да на дно ложиться.

- От них не скроешься, - печально ответил Му.

- Почему? Ты ведь даже не знаешь, кто заказчик.

- Догадываюсь.

- Поделишься?

- Не стану, а то спать не сможешь, - хмыкнул Одноногий. - Но если тебе интересно, то скажу: жадность меня подвела, на деньги большие повелся и осторожность потерял. Сейчас бы ни за что не согласился.

- А если сдать? - угрюмо спросил Сучкоруб.

- Кому?

- Прокурору имперскому. Говорят, что новый, только присланный, еще честный, закон действительно блюдет.

- Да, ну?

- Серьезно. Я перед отъездом слышал, к нему содержатели игорных домов с подношениями подкатили, так он их два дня в карцере продержал, а на следующий раз пригрозил руки отрубить.

- Он честный не потому, что только присланный, а потому что служака, - поморщился Одноногий. - Я слышал, деньги ему без надобности, ему карьера важнее.

- Тем более. Если честный, заказчику не сдаст.

В сущности, Сучкоруб был парнем толковым, обязанности свои знал досконально и выполнял их прилежно, Му даже поручал Джону караваны водить, когда у самого не получалось, и деньги ему доверял большие. Но в некоторых вещах Сучкоруб демонстрировал такую наивность, что хоть стой, хоть падай.

- На рудники захотелось? - с горькой насмешкой осведомился Одноногий. - Или

прайм из Туманной Рощи черпать, пока язвы не сожрут? Честный прокурор тебя выслушает, спасибо скажет, а потом срок выпишет за контрабанду, понял? Так что и не думай сдаваться, лучше в честной драке погибнуть, чем на каторге издохнуть, я так считаю.

- С прокурором договориться можно.

- Пустой разговор, Джон. Если моя догадка верна, то даже прокурор нас не выручит. Так что одна у нас надежда: на ту цепочку, что сейчас вырисовывается.

Му тяжело вздохнул и отвернулся, продолжив размышлять над предстоящим разговором.

“Проклятье, проклятье, проклятье... - Выбравшись из воды, Марида проползла по песчаному берегу несколько метров, и застыла в изнеможении. - Проклятье!”

Вера в собственные силы вещь хорошая, а вот самоуверенность грозит бедой, и Марида испытала эту нехитрую истину на собственной шкуре. Входя в Ильву, Марида не сомневалась, что сумеет переплыть реку вслед за работоторговцами и останется при этом незамеченной. Была уверена, что ей придется ждать, пока контрабандисты разгрузят лодки, но подумала, что это к лучшему - успеет высушить одежду под жарким летним солнцем.

В действительности же все оказалась гораздо сложнее.

Сначала подвели работоторговцы. Они так долго обсуждали свои дела в Камышовом острове, что сидящая по горло в воде Марида успела основательно продрогнуть, и когда работоторговцы, наконец, расстались, девушка с ужасом поняла, что не сможет плыть с той же скоростью, что и лодки. В камыше Марида еще справлялась, но едва оказалась на чистой воде, как течение стремительно понесло ее прочь. Река, казалось, решила поиздеваться над несчастной, жестоко карая за проявленную самоуверенность. Девушка прикладывала героические усилия, старалась изо всех сил, но каждый новый гребок давался ей все с большим и большим трудом. Работоторговцы давно пристали к доктскому берегу и принялись разгружать лодки, а Марида все еще болталась на середине Ильвы, пытаясь не утонуть и проклиная свою самонадеянность. Руки не слушались, ноги не слушались, в рот то и дело попадала вода, намокшая одежда тянула вниз и то, что представлялось веселой прогулкой, превратилось в пытку. И только злость не позволяла Мариде признать поражение. Злость на себя.

Она знала, что должна... что обязана перебраться на другой берег. Знала, что никто, кроме нее не сможет помочь друзьям и презирала себя за слабость. Она ненавидела себя, шептала себе самые грязные, самые унижительные оскорбления, и... и боролась.

Она сосредоточилась на том, чтобы просто держаться на плаву, и лишь изредка позволяла себе резкие взмахи, постепенно направляясь к спасительному берегу. Она давно потеряла из виду работоторговцев, но была уверена, что сможет их отыскать. Чуть позже. После того, как закончится кошмарная переправа.

“Проклятье...”

Марида перевернулась на спину и закрыла глаза, с наслаждением чувствуя, как теплые солнечные лучи ласкают кожу.

Сколько времени потеряно?

Много, очень-очень много.

Сумеет ли она отыскать работоторговцев?

Наверное. Может быть. Не сейчас...

Сейчас ей хотелось просто лежать и дышать. И знать, что убийственное испытание

закончилось. Впереди трудная дорога, ей придется пробираться через земли доктов, опасаясь не только Чуди, но и патрулей, ей предстоит сразиться с работоторговцами, но это впереди.

Не сейчас...

- У меня все получится, - пообещала себе девушка. - Просто, нужно немножко отдохнуть... Чуть-чуть отдохнуть...

* * *

- То есть, Маркус сделал тебя “сорокоходом” только для того, чтобы сообщить о Карлосе? - озадаченно спросила леди Кобрин.

- Да, моя леди, - почтительно подтвердил Раздаватель. - Голуби закончились, гонец добирался бы до Трех Вершин слишком долго, и Лашар счел возможным пожертвовать мной.

Агата уловила обиду, и поспешила сгладить ее:

- Извини, что так получилось.

- Я готов исполнить долг любым способом, - пробасил воевода.

- За это я тебя и ценю.

Однако последнюю фразу Агата произнесла рассеянно, напряженно обдумывая принесенное Раздавателем сообщение.

Карлос Грид.

Леди Кобрин давно выбросила мальчишку из головы. Жив он или нет, болтается на виселице или блуждает по Пуще - какая разница? Лашар - мастер создавать улики, имперский прокурор подкуплен, а значит, нет у Карлоса шансов - он умрет. Должен был умереть, но мальчик борется, и не просто борется, а ухитрился совершить непредсказуемый поступок, заставивший Маркуса бросить все и отправиться в Фихтер.

Лашар ошибся? Но возникает вопрос: когда? Не убив Карлоса или сейчас, отправившись за ним в погоню? Насколько опасен юный Грид?

Людам свойственно ошибаться, даже таким умным, как Лашар, но рыцарь отличался потрясающим нюхом, предчувствуя неприятности задолго до их наступления, и леди никогда не забывала об этой способности Маркуса. И потому сообщение, а так же способ, которым оно было доставлено, произвели на Агату сильное впечатление.

“А если ошиблась я? Если против меня ведется игра, которую я не разглядела? Если меня специально заманили в Гридию, готовя обвинение в измене? Или мальчишка Карлос лишь случайная фигура, порожденная небрежностью Лашара? Сможет ли гридийский щенок помешать моим планам?”

Сомнения... что может быть естественнее? Кто способен их избежать?

Некоторых людей сомнения посещают часто, можно сказать - не уходят, можно сказать, что вся их жизнь состоит из проявлений слабости. У человека нормального “просто бывают такие моменты”, а вот люди сильные сомневаются крайне редко. Люди сильные, а главное - умные, сломя голову не бегут, они планы строят, помощников подбирают, действия рассчитывают. Они понимают, что лучше сегодня получить половину, а завтра - все, чем разбить голову в безумной попытке откусить слишком большой кусок. Умные люди знают не только свои ходы, но и ответы противника, и сомнения у них могут появиться только в том случае, если враг сумел их удивить.

- Я не думаю, что мальчишка Грид способен нам помешать, - негромко произнес воевода.

- Он уже не мальчишка, Максимилиан, - грустно улыбнулась Агата. - Карлос принял

бой, отправился в Кобрию, а это значит, он стал мужчиной. Лордом.

- Я говорил Лашару и повторяю вам, моя леди: пусть приходит, мы его убьем.

Герой не видел проблем, не хотел видеть, пытаясь разрешить возникающие трудности простой силой. Но на то он и Герой, чтобы крушить все вокруг во славу своей повелительницы.

- Карлос понимает, что его ждет, - негромко сказала Агата.

Не Раздавителью сказала - себе, но воевода ответил:

- И что?

- А то, что он все равно идет, Максимилиан, Карлос все равно идет на восток, хотя в его колоде лишь два Героя и обвинение в отцеубийстве.

- Он идиот, моя леди, в этом нет никаких сомнений. Я думаю, мальчишка Грид воспылил жадой мести, и не понимает, что творит. Нам нужно лишь дожидаться, когда он прибудет в Кобрию и отвернуть ему голову.

И тогда станет понятно, что этот кретин Лашар зря прокатался на восток и зря превратил его в "скорохода". Леди увидит это и показательно накажет Лашара... например, посадит на кол. Потому что никто не смеет хамить такому сильному и уважаемому Герою, как Максимилиан Раздавитель.

"Я стану приходить к месту казни и плевать на тебя, Лашар, - пообещал себе воевода. - Я..."

- Ты едешь в Фихтер, - твердо произнесла Агата.

"Что?"

- Да, моя леди, - поклонился Раздавитель, и тут же поинтересовался: - Зачем?

- Если Карлос действительно такой идиот, каким ты его представляешь, и хочет меня убить, то он придет сюда, в Три Вершины, и здесь найдет свою смерть. - Агата помолчала. - Но я думаю, что дела обстоят хуже. Я думаю, что Стеклодур направил молодого Грида в Фихтер с каким-то поручением, которое не смог выполнить сам, и ты немедленно отправляешься туда. Воссоединишься с Лашаром, и вместе вы завершите дело.

"Ублюдок снова станет главным!"

- Слушаюсь, моя леди, - пробормотал Максимилиан, едва сдерживая злость.

Сомнения, смутные, не до конца оформившиеся подозрения, слабость... Решения нет, и даже у прагматичных, доверяющих только науке доктов иногда появляется желание посмотреть вперед, приоткрыть еще не сотканное покрывало грядущего, и узнать, чем все закончится? Обмануть судьбу...

Казалось бы - что может быть лучше? Строй планы, сверяй их с мнением провидца, и станешь непобедим, но... Но всегда существует проклятое "но". Предсказания редко бывают точными и двоякие их толкования, приводят к тому, что казавшиеся стройными планы начинают вызывать удивление своей очевидной глупостью. А потом выясняется, что на самом деле они были просчитаны до мелочей, а неверным оказалось толкование будущего. И кто оказывается виноват в том, что все пошло не так? Провидец? Или ты сам, поддавшийся ненужным сомнениям? Кто? Вторая проблема - излишняя самоуверенность, что появляется, когда заглядываешь вперед. Тебе кажется, что будущее не изменить, а время, посмеиваясь, рисует на покрывале совсем иной, неожиданный узор, и ты понимаешь, что следовало работать, а не плыть по течению.

Отец учил Агату пользоваться услугами прорицателей с осторожностью, не доверяться безоглядно даже такой сильной предсказательнице, как Иоланда, и леди на

собственном опыте убедилась в его правоте. Вперед Агата заглядывала крайне редко, предпочитая опираться на логику и ум, но сейчас ей казалось, что другого выхода нет: Лашар чувствовал угрозу, сама она ничего не видела, не знала, какую опасность несет Карлос, не понимала, как ей противостоять, а значит нужно навестить старую Иоланду, читавшую будущее задолго до того, как появился прайм. Провидицу, которой отец леди Кобрин подарил одну из трех вершин своего замка.

- Агата. - При появлении владетельницы Иоланда живо вскочила с кресла и, опираясь на клюку, зашагала навстречу. - Агата!

Маленькая и горбатая обладательница трех крупных желтых зубов, она производила отталкивающее впечатление даже на выдавших виды Героев, и потому не часто покидала свои покои. Лицо старухи напоминало скомканный пергаментный лист, длинный нос украшала внушительных размеров бородавка, на подбородке колосилась редкая поросль седых волос и лишь глаза хоть как-то сглаживали омерзительную внешность - глаза у старухи были большими, ярко-зелеными и блестели так же, как в дни ее молодости.

- Я ждала тебя.

- Ты ведь провидица.

- Да... я такая... - Иоланда ухватила Агату за руку и заглянула в глаза: - Давно не виделись.

Она соскучилась. Леди Кобрин знала, что старуха ее любит, сама относилась к ней, как к бабушке, но навещала Иоланду редко. Сознательно избегала общения, чтобы не поддаваться искушению заглядывать в будущее почаще.

И потому ответила прохладно:

- Накопилось много видений?

- Не без этого.

- Хороших?

- Разных.

Иоланда была стара, чудовищно стара для мира, пережившего катаклизм и ужасы, что обрушились следом. Она помнила империю, не Доктскую, а ту, что была раньше, на ее глазах появились прайм и Чудь, возникли новые государства и началась Война за Туманную Рошу. Она все видела и все помнила, и даже сейчас, прожив невозможные для этого мира сто с лишним лет, Иоланда сохраняла ясный ум и здравость рассудка.

- Только не говори, что не видишь меня в короне.

- Я давно вижу тебя в короне, Агата.

Леди Кобрин машинально прикоснулась к золотому обручу, но тут же опомнилась:

- Ты прекрасно поняла, какую корону я имела в виду, Иоланда.

- Конечно, поняла. - Старуха доковыляла до кресла, опустилась в него - привилегию сидеть в присутствии кобрийских лордов Иоланде пожаловал Фридрих, - и взяла со стола коробочку с пилюлями. - Старость... не знаю, как долго я еще протяну... - Сделала глоток воды и откинулась на спинку кресла. - Я быстро устаю, и начинаю хотеть спать. Я совсем как дитя.

- Порой мне кажется, что ты вечная, Иоланда, - улыбнулась Агата.

За здоровьем древней провидицы присматривали лучшие лекари: два докта, и три адорнийца, и все они в один голос твердили, что старуха исключительно бодра для своего возраста.

- Что толку в жизни, если я лишена ее радостей? - вздохнула Иоланда. - Смотри на меня, Агата, смотри: я ем, сплю, говорю, думаю и предсказываю будущее, но разве я живу? Разве горит во мне огонь? Разве наслаждаюсь я своим существованием? Не повторяй моих ошибок, девочка, ни в коем случае не повторяй.

- Не жить слишком долго?

- Не оставайся одна, Агата, - серьезно произнесла Иоланда. - Тебе давно пора завести ребенка.

- У меня есть цель.

- Я тоже так думала, а потом поняла, что ни одна на свете цель, даже самая великая, не способна подарить настоящее человеческое счастье. Простое человеческое счастье. К сожалению, я это поняла слишком поздно.

Леди Кобрин собралась ответить, резко ответить, сказать, что еще не нашла мужчину, от которого ей бы захотелось родить и не нужно травить ей душу, но старуха неожиданно перешла к делу:

- Будущее не всегда открыто, Агата, я предупреждала, что ты встала на трудный путь, и теперь, к глубокому своему сожалению вижу, что не ошиблась.

- Чем ценнее приз, тем сложнее дорога, - медленно ответила насторожившаяся леди. "Что ты увидела, Иоланда?"

- Главное, чтобы ты не сворачивала, тогда и будущее будет благосклонным.

- Тогда я сама его создам.

- В этом смысл, Агата - только ты. И будущее станет таким, каким ты его сотворишь. Разве не этому учил тебя отец?

- Этому.

- И никогда не забывай о том, что действительно важно, чтобы не разочароваться, оказавшись в своем будущем.

Никто не смел говорить так с леди Кобрин, никто, кроме Иоланды. Мудрость старухи, смешанная с талантом видеть будущее, заставляли и Агату, и, чуть раньше, Фридриха, забывать о гордости и внимать. Самим решать, принимать услышанное, или нет, но внимать, не перебивая.

- Ты ждала меня, - хрипло произнесла леди Кобрин. - Значит, ты знаешь, о чем пойдет речь.

- На твоём пути возник молодой и гордый рыцарь.

- Карлос Грид.

- Я не знаю имени. Я вижу лишь его смелость.

- Которая свойственна идиотам?

- Нет, которая свойственна разъяренным умникам, - вздохнула Иоланда. - Молодой рыцарь действительно еще не опытен, он и в самом деле горячится, но его ходы достаточно обдуманно и смелы. Его ведет сердце, но разум помогает юноше не наделать слишком много ошибок.

"Получается, Лашар не ошибся - мальчишка и впрямь таит угрозу".

- Карлос очень опасен?

- Да.

Леди Кобрин не удержалась, и в ответ на короткое, как арбалетный щелчок, "да", хрустнула пальцами.

- Примерно неделю назад мне не понравились закатные облака, - мягко продолжила старуха, отворачиваясь к окну. - Ты ведь знаешь, облака могут многое сказать, особенно в полнолуние, которое как раз и случилось в ту ночь. Облака говорили о серьезном препятствии на твоём пути и были окрашены кровью.

- Закатные облака всегда окрашены кровью.

- Поэтому я часто смотрю на них, - улыбнулась Иоланда. - Грандиозные планы всегда связаны с кровью.

- Почему ты не предупредила меня?

- Потому что облака обманчивы. Гадать по ним трудно, а я стара и слаба. Через два дня появился удобный случай посмотреть на бараньей лопатке, но знаки оказались расплывчатыми, а ты не любишь туманных намеков. И я опять промолчала.

“А могла бы сказать и тогда, возможно, я не стала бы торопиться с Гридией”.

- Поэтому я дождалась сегодняшнего утра, и заглянула в хрустальный шар.

Старуха вновь замолчала. И продолжила смотреть в окно, словно боясь встретиться с леди Кобрин взглядом, словно не желая приносить плохую весть.

Будущее расплывчато, всегда туманно и не ясно до конца, и знание намеков способно помочь вышить на полотне грядущего правильный узор. А может и помешать. Так что выбирай, леди Кобрин, выбирай сама, хочешь узнать то, о чем молчит старая предсказательница или нет? Готова положиться только на себя, или нужна подсказка?

“Нужна подсказка, - решила Агата. - Слишком много поставлено на карту, и потому я должна знать, что скрывает провидица”.

- Что ты увидела?

- Очень мало, - грустно ответила Иоланда. - Шар был окрашен кровью и сталью.

- Будет бой?

- Ты можешь победить, ты можешь проиграть, ничего определенного нет. Но сейчас, Агата, ты должна сосредоточиться на этом мальчике, он - главная угроза. Вы столкнулись не случайно, ваша встреча была предопределена, и Карлос Грид не так прост, как кажется, его возможное будущее столь же грандиозно, как и твое.

И в этот момент Агата поняла, почему Иоланда начала разговор с набившей оскомину темы ребенка.

- У нас может быть общее будущее?

- Этот узор получается самым красивым, - прошептала старуха. - Когда я увидела его, то не смогла сдержать слез.

* * *

- Он больше, чем я думал, - задумчиво произнес Карлос. Он остановил коня на пригорке, и теперь внимательно изучал появившийся на горизонте Фихтер. - Гораздо больше.

- Да уж, поболее Гридвальда будет, - усмехнулся Акакий.

- Поболее.

- А люди говорят, что Фихтер даже самой столицы больше, вот. Только я не верю, конечно, потому что столица наша, где сам император Пауль живет, пусть ему только хорошее снится, не может быть меньше какого-то там города, пусть даже и вольного. Купцы ведь тоже не дураки, понимают, что злить самого императора великого, чтоб его мысли всегда светлыми оставались, не надо. Купцы сами говорят, что Фихтер меньше, но я думаю, что...

- Заткнись, - прорычал Ураган. - Быстро!

Два дня, наполненные бесконечным трепом Бенефита заставили воеводу раскаяться в проявленном человеколюбии. Сначала Генрих тихо сопел, периодически отделяясь от спутников якобы на разведку, затем принялся бурчать, а на исходе второго дня уже без всякого стеснения затыкал говорливого ученого, и вслух признался, что Акакия следовало оставить у фанатиков. Откровенная угроза успокоила Бенефита всего на час, после чего натура взяла свое и речь его полилась бурной горной рекой.

А вот Карлос и Егоза, напротив, начали привыкать к спутнику, голос которого стал для них таким же естественным фоном, как шум деревьев. К тому же ученый бывал в

Фихтере, что делало его источником нужной информации.

- Я всякий раз, когда здесь оказываюсь, людей хочу пересчитать, но все время что-то мешает. То дела какие-то, то голова болит... И люди тоже мешают: ходят повсюду, смешиваются, сразу и не поймешь, посчитал его уже или нет... Да и город, конечно, велик, пока все улицы обойдешь...

- Размер не имеет значения, - рассудительно произнесла Шахмана. - Люди в Фихтере живут такие же, как и везде.

- Тоже докты, - поддакнул Ураган.

- Только живут они иначе, - немедленно влез с уточнениями Акакий. - Не так, как в Гридвальде.

- Это понятно.

- А раз иначе живут, получается, иначе думают, - развил мысль ученый. - А раз иначе думают, получается, они другие, не такие, как гридийцы.

- Как это другие?

- Обмануть могут, - объяснил Бенефит. - Это в городах сплошь и рядом.

- Все обманывают.

- Порядки у них свои, а за чужаками городские очень внимательно смотрят, со всех сторон. Если чего нарушил - тут же стражников зовут. Городские чужаков не любят.

- Почему?

- Они никого не любят, - охотно поведал ученый. - Я так думаю, потому что живут тесно. В большом городе как? Дома рядышком стоят, впритык, улочки узкие, как тропинки через шиповник, идешь по ним и обязательно с кем-нибудь столкнешься. Вот городские людей и не любят: надоели они им.

- Прямо, как адорнийцы, - хмыкнул Карлос.

- В Фихтере их полно.

- Разве адорнийцы в городах живут? - удивилась Егоза.

- В городах, в лесах - какая разница? - пожал плечами юноша. - Они людей не любят.

- Адорнийцы тоже люди, - буркнул Генрих. - Они доктов не любят.

- Да какие адорнийцы люди? - презрительно скривилась Шахмана.

- А кто? - живо поинтересовался Акакий.

- Маги.

- Магами адорнийцы после катаклизма стали, под воздействием прайма. Прайм у них отовсюду сочился: в воде был, в пище, вот и пропитались. А раньше мы от адорнийцев даже названием не отличались. Да и жили в одной Империи.

- В Доктской?

- Нет, в другой, в старой.

Карлос читал книги о прежнем, существовавшем еще до катаклизма, государстве, знал о нем, но мешать ученому не стал, промолчал, слушая его разговор с Героями с внезапно появившимся интересом.

- Зачем они тогда воевать с нами полезли? - удивилась Шахмана.

- Вообще-то это мы к ним полезли - за праймом. Прайма у нас мало было, а у адорнийцев - много, вот мы и пошли войной.

- Я адорнийцам не доверяю, - перебил ученого Генрих. - А теперь, получается, и городским тоже, раз они такие же уроды.

Акакий вздохнул, но, к удивлению спутников, промолчал. Передернул плечами и обратил взор к Фихтеру.

К единственному во всей Прае вольному городу.

Располагался Фихтер очень удобно: в этом месте широченная Ильва слегка сужалась,

а посреди потока возвышался каменистый остров Ильвес, существенно упрощая строителям задачу возведения моста. Собственно, когда-то еще при старой империи, на месте города стоял небольшой поселок, название которого стерлось из памяти, и главной его достопримечательностью как раз и был мост через Ильву. Не самый большой мост, не самый оживленный - в те времена недостатка в переправах не было, - зато крепкий, выстроенный весьма и весьма надежно.

Но по-настоящему качество моста Ильвеса люди оценили много позже.

Во время катаклизма Ильва разбушевалась грандиозным наводнением, которое полностью разрушило все, что было воздвигнуто на ее берегах. Мосты, дома, порты - от них не осталось даже следа. Частично канули на дно, частично, превращенные в груды мусора, были унесены в океан, и только мост Ильвеса устоял. Не полностью, конечно, но устоял. Потеряв абсолютно все пролеты, он умудрился сохранить мощные каменные опоры, и вернувшиеся к Ильве люди положили на них деревянные переходы. Мост Ильвеса возродился, и надолго стал единственной пуповиной, связывающей бывшие провинции империи. А вокруг него поднялся новый поселок.

Первоначально поселение населяли стражники - и докты, и адорнийцы зорко следили за тем, чтобы чужаки не пересекали границу, но постепенно, по мере того, как пережившие катаклизм люди возвращались к нормальной жизни, к стражникам стали присоединяться купцы. На юг везли простейшую бытовую утварь, которую чванливые адорнийцы делать не любили, веревки, мед, меха и металлы. В обмен из Адорнии шли цветастые ткани, самоцветы, несложные магические артефакты и прайм. Торговля шла ни шатко, ни валко - власти едва появившихся государств не доверяли друг другу, а во время Войны за Туманную Рощу мост и вовсе был сожжен, однако разросшийся к тому времени Фихтер уже обрел славу крупного центра, и хитроумный Фридрих Кобрин решил поддержать купцов. Сразу после победы лорд Кобрин убедил Ферраута предоставить Фихтеру статус вольного города, доказав, что честная торговля, исправно приносящая казне крупный доход, гораздо лучше контрабандных сделок, которые обязательно расцветут при наглухо закрытых границах. Император, к большому удивлению придворных, согласился, и Фихтер расцвел.

Воодушевленные купцы за четыре месяца отстроили сожженный мост - теперь из камня, - и превратили остров Ильвес в крупнейшую под луной ярмарочную площадь. При этом на левом берегу селились докты, и выстроенные здесь дома до боли напомнили Карлосу любимый Гридвальд. Каменные стены, черепичные крыши, ратуша, крепостные стены - с холма открывался превосходный вид на доктскую часть вольного города, а хорошая погода превращала открывавшийся вид в подробную картину, на которой была четко вырисована каждая деталь. Правый, адорнийский берег, едва виднелся, Карлос приметил лишь странные крыши высоких, словно парящих над землей башен, и пообещал себе обязательно прогуляться через Ильву и поглазеть на странные постройки южан.

- Ночевать-то в городе будем? - с улыбкой поинтересовался Ураган, и юноша понял, что пора возвращаться к делам.

- Акакий!

- К вашим услугам, лорд Карлос.

- Я видел в твоей бричке мешок с чем-то мягким.

- Вы на нем спали, лорд Карлос, - услужливо напомнил ученый.

- Не важно. Что в нем?

- Одежда всякая.

- Я так и думал. - Юноша потер подбородок.

- Одежда? - удивилась Егоза. - Зачем ученому мешок одежды?

- Бричка у меня вместительная, лошадка крепкая, много чего можно увезти, - рассудительно объяснил Бенефит. - А одежда приличная, завсегда пригодиться может. Вот, допустим, не захочет человек у меня патент приобрести на устройство хитроумное, так я к нему с другого боку захожу...

- Ты еще и старьевщик?

- Иногда.

- Покажи, - велел юноша.

- Э-э... - Было видно, что Акакию очень хочется завести разговор о деньгах, но в итоге осторожность победила, и ученый вздохнул: - Конечно, лорд Карлос, как вам угодно. - Он спрыгнул с козел, вытащил мешок и вытряхнул его содержимое в бричку. - Пожалуйста. Ничего примечательного, конечно, но зато все чистое и крепкое. А то, что одежду уже носили раньше, так это, само собой, естественно. Со мной ведь, случалось, не только деньгами расплачивались, бывало, тулуп какой предложат, или рубашку чистую...

- Я понял, понял, - отмахнулся спешившийся Карлос. - В рухляди мы сами разберемся, а ты... Ты иди, прогуляйся до ветру, к примеру, нам поговорить надо.

Бесцеремонные слова и холодный тон сделали свое дело: Бенефит вздохнул и послушно направился к кустам.

Гридийцы же столпились у брички.

- Неразумно ехать в Фихтер вместе, - спокойно произнес юноша, разглядывая Героев.

- Это еще почему? - нахмурилась Егоза.

- Потому что меня ищут. Несмотря на то, что Фихтер город вольный, он расположен в Кобрии и слово леди Агаты звучит здесь весомо.

- Мы наверняка опередили гонцов.

- Возможно все, - покачал головой юноша. - И в любом случае следует принять меры предосторожности.

- Я согласен, - кивнул воевода.

- Ну, хорошо, давайте примем меры, - согласилась Шахмана, которой не терпелось приступить к активной деятельности. - Какие?

- Сначала обсудим план действий.

- Прайм! Раз у нас нет прайм-индуктора, нужно добыть как можно больше прайма и с его помощью оживить Арчибальда и Самострела.

- Это займет слишком много времени, - заметил Карлос. И вы прекрасно знаете, что без индуктора мы запросто можем получить не Самострела с Рыжим Усом, а странных уро-дов с лишней парой ног.

У него были мысли насчет действий в Фихтере, однако юноша намеренно устроил совещание, желая, чтобы Герои почувствовали себя полноправными членами команды. Пусть выскажутся, пусть примут участие, так им будет проще согласиться с приказами, замаскированными под "принятое сообща решение".

- Здесь полно контрабандистов, у них наверняка есть прайм.

- Извини, Егоза, но контрабандисты любят деньги, - прогудел Ураган.

- Мы прихватили немного из схрона, и в хуторе нашли...

- Не хватит.

- У меня есть восемь сталегорских алмазов, - улыбнулся Карлос. - Они лежали в том же тайнике, что и каталисты.

Сколько именно стоят камни, никто из гридийцев не знал, однако сталегорские

алмазы давно превратились в синоним кучи денег, что позволяло юноше чувствовать себя достаточно уверенно. Тем не менее, молодой лорд сомневался, что станет тратить деньги на прайм.

- Алмазы - это хорошо, но их еще нужно продать, - продолжил Генрих.

- Этим займется Егоза, - произнес Карлос.

- Я?!

- Ты въедешь в Фихтер одна, и найдешь нужных людей.

- Я?!

- Ты не сможешь долго скрывать свою суть. - Юноша кивнул на ушки и роскошный рыжий хвост Героини. - Рано или поздно тебя раскроют, и у нас возникнут проблемы. Поэтому ты въедешь открыто, как посланница северного лорда.

- А вы?

- Мы с Ураганом переоденемся обычными людьми...

- Нет, - отрезал Генрих.

- Да. - Совещание закончилось, теперь Карлос отдавал приказы. Жестким, не терпящим возражений тоном. - Мы с тобой будем играть роль обычных людей. И попробуем разузнать, что случилось с Безвариатом Сотрапезником.

- Вот так возьмем и разузнаем?

- Начнем расследование, - поправился юноша. - Узнаем, что сможем, а потом обдумаем информацию.

- А мое оружие? Доспехи?

- Спрячем в бричке, Акакий ввезет их в город.

- Ты ему доверяешь?

- Да, - колебавшись, ответил Карлос. - Он трепло и слабак, но он поможет.

- Почему?

- Потому что должен.

- Ты ему доверяешь? - повторил вопрос воевода.

- Я говорил с Акакием на хуторе, я ему поверил.

Герои переглянулись.

- Ладно, - нехотя протянул Генрих. - Ты - лорд. Тебе и решать.

- Всех коней возьмет Егоза, а мы с тобой, Ураган, пойдем пешком.

- Пешком?

Еще одно неприятное известие едва не добило воеводу.

- Посмотри на это тряпье. Неужели ты думаешь, что людям в такой одежде по карману племенные жеребцы?

Шахмана рассмеялась. Растерянность воеводы, а так же испытание, через которое ему предстояло пройти, подняли девушке настроение и заставили позабыть о собственном, не вызвавшем никакого восторга задании.

- Мы пойдем без оружия?

- Разве ты не Герой?

- Герой, - вздохнул Генрих.

- В таком случае, ничего не бойся. - И Карлос, показывая пример, принялся снимать плащ.

- Где встретимся? - осведомилась Шахмана.

- Акакий рекомендовал постоянный двор "Лед и пламя", который держит какой-то Мартин на Линейной улице. Сказал, приличное заведение. - Вспомнив о Бенефите юноша повернулся к кустам и помахал рукой: - Акакий, иди сюда! - После чего вновь вернулся к Героям и закончил: - Вечером собираемся в нем.

Марида и в самом деле потеряла много времени. Чудовищно много. До места, где работоторговцы сошли на берег, девушка добралась лишь к ночи, и отыскивала его с большим трудом. Не узнала - борясь с течением, она не запомнила примет, - а просто поняла, что пришла: слишком уж удобной выглядела тихая заводь для контрабандных дел благодаря твердому, каменистому берегу и густому кустарнику, скрывающему ее от посторонних глаз. Но проверить свою догадку Марида могла лишь утром.

Этого рассвета девушка ждала, как никакого другого. Измотанная, голодная, одетая лишь в легонькое платье, она дрожала от холода, периодически впадала в забытие, а приходя в себя упрямо шептала:

- Я справлюсь... я справлюсь... я справлюсь...

Потому что только от ее стойкости зависели жизни друзей, и не было у Марида права на слабость.

- Я справлюсь...

И она справилась.

Едва ночная тьма уступила место предутренней серости, Марида заставила себя подняться, намереваясь приступить к поискам, и почти сразу наткнулась на куст белого ореха, плодам которого как раз настало время созревать - судьба, словно устыдившись собственной жестокости, подкинула девушке подарок.

Подкрепившись и хоть немного восстановив силы, Марида отыскивала следы повозок, на которые работоторговцы погрузили ящики с ее друзьями, и пошла по ним, все дальше и дальше углубляясь в земли доктов. Пошатываясь и ругаясь. Внимательно прислушиваясь к каждому шороху, и проклиная себя за то, что позволила работоторговцам так далеко уйти.

Девушка не останавливалась ни на секунду, периодически сбивалась на бег, и в ее голове билась одна-единственная мысль:

“Я должна успеть!”

- Здесь, что ли?

- Получается, да, - буркнул Сучкоруб.

- Получается или ты уверен? - недовольно уточнил Му.

Джон еще раз огляделся, после чего принялся перечислять:

- Скала с двумя вершинами и три сосны в седле, это раз. Большой камень у дуба это два, а густой орешник к западу - три. - И посмотрел на босса: - Уверен, Му, уверен.

Приметы места встречи Одноногий знал не хуже Сучкоруба, а капризничал, потому нервничал. А нервничал контрабандист по той причине, что караван слегка опоздал - пропускали разъезд пограничников, укрывшись в кустах митуции, - а заказчика у скал не оказалось.

- Явится, - успокоил босса Джон. - Никуда не денется.

- Тоже правильно, - согласился Му. - Ему товар нужен.

- И мы, наверное, - протянул помощник, чем вызвал неудовольствие босса.

- Помолчал бы, а?

- Я молчу.

- Вот и молчи.

Подозрениями своими Сучкоруб и Одноногий с остальными членами банды не

делились, понимали прекрасно, что прознавшие о возможных проблемах наемники мгновенно разбегутся, вот и помалкивали. Му вообще гнал плохие мысли подальше, стараясь больше о деньгах думать, что обещал заказчик за эту ходку, и замечание Джона вывело его из хрупкого равновесия.

- Без тебя тошно.

- Только тошно? - хмуро осведомился Сучкоруб.

- Нет, не только, - помолчав, ответил Му.

Но и признаваться в том, что ему страшно, не стал.

Место встречи Одноногому не нравилось. Даже в темных переулках Фихтера, даже в Камышовом острове, если уж на то пошло, контрабандист чувствовал себя куда увереннее, чем здесь, на затерянной в глухом лесу полянке у подножия безжизненных Задранных Пальцев. С одной стороны, место для контрабандных дел удачное, патрули в такую даль не часто забредают, но сейчас Му был бы не против оказаться поближе к родному Фихтеру. Как ни крути, а прибегающие на звуки боя патрули спасли жизнь не одному десятку контрабандистов, поссорившимся с клиентами или конкурентами. Цена спасения, безусловно, не маленькая: тюрьма или каторга, но все лучше, чем смерть.

- Ребята осмотрелись?

- Конечно, - кивнул Сучкоруб.

- И что?

- Все спокойно.

- Дозорных выставили?

- Конечно.

“Заладил, как попугай: “Конечно, конечно”, другие слова позабыл, что ли?”

Но делать помощнику замечание Му не стал, покачал головой, принимая ответ, и отвернулся, уставившись на мрачные скалы.

“Вот ведь местечко, чтоб тебя...”

Загадочные Задранные Пальцы - множество длинных и тонких скал, - торчали посреди густых лесов примерно в тридцати километрах к северо-востоку от Фихтера. Откуда они взялись, почему оказались тут, вдали от ближайших гор, сказать никто не мог. Стояли и все. Одно время поговаривали, что в Задранных водится серебро, но многочисленные старатели доказали - вымысел. Потом пытались найти медь, потом железо, да все без толку - скалы оказались пусты, как крестьянские кладовки по весне. И зверье в Задранных не водилось, и птицы пролетали редко. Как в Зоне, другими словами. Впрочем, в Зоне Му не бывал, но был уверен, что там пусто и безжизненно.

Как в Задранных Пальцах.

Будь они прокляты.

- День добрый!

- Вот, дерьмо!

Дозорные смотрели во все глаза, понимали, что от внимания жизни зависят, но гостя все-таки пропустили. Однако вины их в том не было, поскольку явился заказчик не из лесу, как ожидалось, а с Задранных Пальцев.

- Чего ругаетесь? - Высокий, плечистый мужчина, он был одет в безликие походные шмотки: грубые штаны, грубые башмаки, рубаха, да кожаный колет, а лицо скрывал под черной полумаской. - Напугал, что ли?

И, положив руку на кинжал, уверенно прошел к первой кибитке, показывая, что не забыл, как выглядит Му.

- А чего нам бояться? - осторожно поинтересовался тот, расторопно соскочив с козел.

- Правильно: бояться нечего, здесь все свои.

Заказчик появился в одиночестве, продемонстрировав, так сказать, личную смелость и дружеский настрой, но Му понимал, что поляну окружили его помощники. Десяток, если не меньше, помощников, потому как должен кто-то “гробы” перегружать да повозками управлять, на которых товар дальше повезут. И прячутся эти самые помощники не из стеснения, а потому что держат контрабандистов на арбалетных прицелах, да рукояти мечей поглаживают, ожидая сигнала к атаке.

Одноногий хотел даже спросить заказчика насчет его людей, но не успел - мужчина поднял руку, привлекая внимание контрабандистов, и громко произнес:

- Не нервничайте! Сейчас появятся мои люди.

И из лесу выехали десять всадников. Такая же безликая одежда, такие же полумаски - заказчик и его люди делали все, чтобы сохранить инкогнито, и Одноногий приободрился: хотели бы убить - не принимали бы мер предосторожности.

- Если ты не против, Му, я куплю твои кибитки, - спокойно произнес мужчина.

- Своих не нашел?

- Не люблю привлекать внимание: уехали-приехали... зачем лишние вопросы? Тысяча серебряных за лошадь с телегой, сойдет?

- Щедро.

- Я знаю.

У четверых из подъехавших всадников к седлам были приторочены прочные кожаные мешки, и Одноногий наметанным взглядом определил, что в них упаковано серебро. Много серебра.

И недавние подозрения стали казаться ему необычайно глупыми.

- Пусть будет тысяча, раз предложил.

- Вот и договорились, - спокойно улыбнулся заказчик. - А теперь покажи товар.

Му облизнул губы и негромко произнес:

- Как раз хотел сообщить, что не хватает одного “скота”.

И кожей почувствовал, как напрягся стоящий позади Сучкоруб.

- Как это получилось? - невозмутимо поинтересовался заказчик.

- В лесу Девяти Дятлов Черепваты напоролись на Чудь, и потеряли один “гроб”.

- Это плохо. Я предупреждал, что все должно быть сделано идеально.

- И я обещал, - поддакнул Одноногий. - А потому позволил себе вольность: отпустил Черепватов, приказав им обязательно отыскать и уничтожить “гроб”. - И осторожно улыбнулся: - Я поступил правильно?

Полумаска не скрывала глаз заказчика, однако прочесть хоть что-то в его взгляде работороговец не мог. Непроницаемо черные глаза мужчины остались равнодушными, но Му прекрасно понимал, взгляд заказчика всего лишь завеса, за которой сейчас решается его судьба. И почувствовал, как по спине побежала струйка холодного пота.

- Ты нарушил договоренность, - медленно произнес заказчик. Одноногий судорожно вздохнул. Сучкоруб сжал рукоять меча. - Но у тебя была на то веская причина.

“Спасен?”

- Спасибо, - пробормотал Му.

- Не за что.

Заказчик подошел к первой кибитке откинул полог и посмотрел на “гроб”.

- Только честно: поврежденные ящики есть?

- Нет. Клянусь.

- Хорошо.

“Неужели я оказался прав? Я отпустил адорнийцев, и потому заказчик отпустил

меня? Какой же я умный!”

Легкое, а самое главное - предельно удачное разрешение мучившего его вопроса, ввергло Одноногого в состояние эйфории. Он думал, что придется унижаться, доказывать свое право на жизнь, возможно - драться, но просчитавший все возможные варианты заказчик решил не затягивать дело, за что Му был ему бесконечно признателен.

“Черепваты сами по себе следы, не зависимо от того, уничтожат ли они потерянный “гроб”. А раз остались адорнийцы, значит, и нас трогать смысла нет”.

- Если я правильно помню, к товару должна прилагаться посылка.

- Конечно, конечно. - Одноногий покопался на дне кибитки и услужливо протянул заказчику рюкзак: - Пожалуйста.

Мужчина расстегнул клапан, заглянул внутрь, хмыкнул: “Все в порядке”, отдал рюкзак подъехавшему всаднику, и продолжил:

- Теперь поговорим о деньгах за девять “скотов”.

Му заулыбался.

- И о твоём молчании.

- Вот об этом вы точно можете не беспокоиться, - торопливо произнес работорговец.

- Я уже обо всем забыл.

- Один раз ты меня уже подвел, - припомнил заказчик, с улыбкой глядя на Му. С добродушной улыбкой: мужчина просто дразнил Одноногого.

- Но ведь была серьезная причина, вы сами так сказали. - А следующей фразой работорговец решил усилить ответ: - Я не такой идиот, чтобы ссориться с вами, я понимаю, с кем имею дело.

- Неужели? - легко осведомился все еще улыбающийся заказчик.

- Я хочу сказать, что мне можно верить, - заговорщицким шепотом продолжил Му.

- Я видел татуировку на вашем предплечье, вы - “черный орел”, гвардеец леди Кобрин, и поэтому я буду молчать, как рыба...

И лишь договаривая последние слова Му сообразил, какую глупость только что совершил. Какую невероятную, невиданную, дику глупость.

“Пожалуйста! Не надо!”

- У тебя очень длинный язык, - вздохнул капитан Гучер, вонзая в живот Одноногого кинжал.

Тренированные адорнийцы, посвятившие себя искусству войны, умеют двигаться очень быстро. Во время Войны за Туманную Рощу они поражали доктов невиданной скоростью, но были побеждены выучкой и тактикой закованных в броню имперских солдат. Очень быстра Чудь, не вся, конечно, но некоторые твари стремительны настолько, что могут обогнать стрелу, о чем любят рассказывать профессиональные на нее охотники. Но никто: ни Чудь, ни тренирующиеся до изнеможения адорнийцы, не способны сравниться со скоростью с Героями.

И силой.

И яростью.

С тех пор, как первый воин принял прайм и стал Героем, поля сражений стали принадлежать им и только им: непобедимым, смертоносным.

Одноногий еще не понял, что убит, не почувствовал боль, продолжал стоять у кибитки, таращась на заказчика. Арбалетные болты, что выпустили сидевшие в засаде “орлы”, еще не долетели до работорговцев, еще не вонзились в тела и головы. Всадники не успели обнажить оружие, а соскучившийся по хорошей драке Изморозь уже кромсал

врагов. Он таился в Заданных Пальцах, пришел туда вместе с капитаном Гучером, весь разговор нетерпеливо переминался, искренне надеясь, что Му допустит роковую ошибку, и теперь, счастливый, метался меж кибиток, уклоняясь от арбалетных болтов, и кромсал, кромсал, кромсал... Не убивал с одного удара, а оставлял ужасные раны, желая продлить мучения несчастных. Резал, отскакивал к другим противникам, резал, возвращался и добивал. Забрызганный кровью, ревел от ярости и восторга, наводя ужас не только на врагов, но и на “орлов”, что не полезли в драку, давая возможность безликому сполна насладиться убийством. Топтался на трупах, бил бездыханных контрабандистов, снова резал и снова ревел.

Страшен был Герой в этот момент. Страшен и противен.

- Я опоздала! Опоздала!

Марида ошеломленно бродила по поляне, на которую привели ее следы кибиток, по поляне, трава которой пропиталась кровью и была усеяна кусками костей и ошметками мяса, по поляне, где на каждом шагу валялись трупы.

- Я опоздала...

Работорговцы сопротивлялись... Нет - пытались сопротивляться, но силы были неравны. Их заманили в засаду и перебили? Вряд ли, следы указывали, что работорговцы спокойно выехали на поляну и остановились. Они ждали тех, кому предназначался товар, и дождались.

Смерти своей дождались, потому что те, кому предназначался товар, решили избавиться от ненужных свидетелей. Но как они смогли легко и быстро расправиться с вооруженными работорговцами? Наемники, конечно, не лучшие воины в мире, но за шкуры свои они должны были драться отчаянно...

- Герой. - Марида потрогала траву, потрогала труп и окончательно убедилась в своей правоте: - Герой.

Только эти воины не просто убивают, а забирают себе частицы прайма, что есть в каждом человеке. В доктах прайма немного, но все равно есть, и уходит он из мертвых не сразу, вьется незримой дымкой над телами, словно оплакивая погибшего. А в трупах работорговцев его совсем не осталось.

Но если здесь был Герой, получается, что за похищением адорнийцев стоит доктский лорд, и это обстоятельство способно сорвать ее планы.

Девушка покусала губу, обдумывая неприятную догадку, и только собралась заняться следами кибиток, как услышала едва различимый хрип.

- Помоги...

“Кто-то выжил?”

- Помоги...

Марида медленно подошла к распластавшемуся в луже крови работорговцу, прищурилась - это был широкоплечий воин, которого она заметила в лодке Одноногого, и только хотела задать вопрос, как услышала:

- Дай пить...

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: жить плечистому осталось недолго. Клинок Героя рассек работорговцу живот и несколько нижних ребер, но прошел не глубоко, и тем не позволил несчастному умереть сразу. Поработавший на поляне Герой наслаждался мучениями своих жертв.

- Дай пить...

- Дам, если ты скажешь, что здесь произошло?

Марида думала, что придется вытягивать из работорговца информацию, но умирающий уже позабыл о просьбе и продолжил раньше, чем девушка закончила фразу:

- Я умею прикидываться мертвым... Ха! Я их обманул! Обманул! Дай пить! Я прикинулся мертвым! А эти сволочи...

- Кто они?

Работорговец схватил Мариду за руку:

- Отомсти им! Дай пить и отомсти!

- Кому?

- Я прикинулся мертвым. Он вспорол мне пузо, а я сделал вид, что сдох... Больно было, дико больно, но я обманул вонючего Героя, чтоб его... Отомсти! Дай пить... Му понял, что ребята из "черных орлов", и они его... Нас... Кроме меня... Я умный... Обманул...

"Черные орлы"! Это название Марида слышала не один раз. "Черные орлы" - отборные воины, составляющие личную гвардию кобрийской владычицы.

- Леди Кобрин?!

- Откуда ты здесь взялась, адорнийская сука? - К работорговцу вернулась ясность ума, и Марида поняла, что истекают его последние секунды. - Откуда ты?

- Выпала из вашей кибитки, - честно ответила девушка, снимая с пояса умирающего нож.

Ожидала поток ругательств, а вместо этого услышала неожиданное:

- Хочешь спасти друзей?

- Да.

- Тогда тебе в Три Вершины, крашенная дрянь. Иди к леди Кобрин, адорнийская сука, и выпусти ей кишки так же, как ее поганый Герой выпустил мне. Обещаешь?

- Да.

Но в ответе не было смысла - работорговец испустил дух.

Марида выпрямилась, сожалея о том, что ублюдок умер до того, как она перерезала ему горло, и вдруг услышала:

- Стоять!

- Ни с места!

Просвистело лассо, опытный ловец дернул веревку, и девушка покатила по земле.

* * *

"Я из Морадии, я из Морадии, я из Морадии... Откуда я? Из Морадии, конечно же! Неужели не видно?"

Через городские ворота Шахмана проехала без проблем, главным двигателем вольного города, его, как образно выразился Акакий, праймом, была торговля, и стражники не чинили путешественникам особенных препятствий: для проформы поинтересовались, откуда Егоза прибыла, покосились на двух оседланных жеребцов, решили, что они сменные, требовали за проезд серебряную монету, да отвернулись к следующему прохожему. Вот, собственно, и все. Но девушка продолжала повторять про себя название владения, из которого она якобы приехала. Понимала, что малейшая оплошность привлечет к ней ненужное внимание, и продолжала повторять:

"Я из Морадии. Лорд Эллиот Мор отправил меня в Фихтер по важному делу..."

По сторонам погруженная в ментальные упражнения Шахмана почти не смотрела, а потому не сразу сообразила, что улица, по которой она ехала от самых ворот, закончилась, влившись в большую площадь, а путь преграждает шлагбаум. Умный

жеребец остановился перед преградой, и Егоза услышала голос стражника:

- Дальше проезда нет! Только пешком.

“Я из Морадии...”

- Почему?

Стражник скривился: “Опять провинциалы!”, но объяснил:

- Торговая площадь, госпожа. Только купцы с товаром проезжают.

И махнул рукой, мол, отъезжай! Но ошарашенная Шахмана не двигалась с места, изумленно изучая открывшийся перед ней картину.

Огромная площадь, тянущаяся вдоль реки на несколько кварталов, была густо уставлена лавками, лотками, палатками и телегами, превращенными в импровизированные магазины, между которыми сновали сотни, нет - тысячи людей. Купцы, приказчики, грузчики, покупатели, водоносы, пирожники, попрошайки, воры и стражники. Бурлящее варево увидела Шахмана перед собой, пестрое, как адорнийская одежда и шумное, как птичий базар. Торговцы нахваливают товар, покупатели спорят о цене, у кого-то увели лошадь, бродяги дерутся за брошенный в пыль медяк... Смех и ругань, крепкие рукопожатия и злые взгляды, и люди, люди на каждом шагу, люди, от которых не скрыться.

И Гридвальдские торжища, на которые собиралась едва ли не вся Пуца, мгновенно показались Егозе жалким сельским рынком, недостойным упоминания здесь, в настоящей торговой столице.

- Проезжайте, пожалуйста, госпожа, - попросил стражник, не смея грубить Героине.

- Сейчас... Сейчас уеду...

Но больше всего Шахману поразила не площадь, а начинавшийся за ней Ярмарочный мост. Новый мост, отстроенный местными купцами после войны. Он был широк, во всю длину острова Ильвес, и в прямом смысле продолжал Торговую площадь, уставленный лавками, палатками и телегами. Свободными для прохода оставались лишь узкие дорожки по бокам.

- В первый раз, что ли?

- Да.

- Провинция...

Добавлять что-то еще стражник поостерегся, и так все ясно. А около Егозы уже вертелся шустрый мальчишка, на серой рубашке которого виднелась корявая надпись: “Сдаю стойла”.

- Вам ведь на площадь, госпожа, я правильно понял?

- Да, - кивнула еще не пришедшая в себя Героиня.

- Тогда лошадок надобно тута оставить, по распоряжению городских властей. Тута у нас местечко есть специальное, лошадам вашим тама хорошо будет, даже сена положим, по распоряжению городских властей. Один медяк в час, два медяка в три часа, восемь за полдня...

В памяти всплыли слова Акакия: “Обманут!”, и Егоза собралась.

- А если я не хочу лошадей оставлять?

- Не бойтесь, госпожа, - хмыкнул стражник, обрадованный тем, что приезжая дура наконец-то освободит дорогу. - У Ёхана все честно, без обмана. Да и кто станет связываться с Героиней?

И добавил про себя:

“Пусть даже из глухой провинции”.

- За лошадами лично пригляжу, никуда не денутся. - Паренек уже взял всех трех жеребцов под уздцы. - Вон там они постоят, в десяти шагах отсюда.

- Ну, ладно. - Шахмана спрыгнула на землю и отсчитала Ёхану шесть медяков: - За три часа.

Остров Ильвес, Ярмарочный мост и примыкающие к нему Торговые площади (по одной на каждом берегу) считались сердцем Фихтера, естественным центром его притяжения. О них рассказывали в дальних своих провинциях счастливчики, которым повезло побывать в вольном городе и вернуться назад, о них складывали легенды, и порой казалось, что кроме них в Фихтере ничего и нет.

Что, разумеется, не соответствовало действительности.

Вольный город был красив с доктской стороны и необычен своей адорнийской половиной (южане, как легко догадаться, придерживались обратного взгляда), а потому немало зевак отправлялось поглазеть на странные постройки, что возвели на правом берегу Ильвы адорнийцы. Отправлялись с опаской - южане почитались людьми ненадежными, но любопытство заставляло позабыть об осторожности. Возвращались, как правило, удивленными, в затылках чесали, не понимая, как можно строить столь странные дома, и позже, за кружкой пива, признавались друг другу, что доктский стиль все-таки лучше. Во всяком случае - в Фихтере. Красивейшая ратуша, роскошные палаты цехов и гильдий, многочисленные особняки, подчеркивающие богатства своих обладателей - все построено лучшими архитекторами империи, и поражало воображение провинциалов. А поскольку большинством доходных домов Фихтера владели те же негоцианты, то можно сказать, что весь вольный город был выстроен с желанием покрасоваться.

Но не только богатством славился Фихтер. Вслед за купцами в городе обосновались мастера: сначала обычные кузнецы, занимавшиеся мелким ремонтом, затем подтянулись опытные механики, умеющие собирать работающие на прайме устройства, алхимики, изобретатели, ученые... так и появилась в вольном Фихтере знаменитая теперь Мозговитая улица, на которой несколько лет жил сам Безвариат Сотрапезник.

- Продаете?

- Покупаете?

- Изобретаете? Могу обеспечить признание патента столичным Университетом.

- Подлинные грамоты Ученого Совета! Только тс-с... никто не должен слышать.

- Биржа Изобретателей! Внимание! Впервые в империи открылась Биржа Изобретателей! Расскажите нам о своем открытии, и мы отыщем тех, кому оно пригодится! Взимается процент за услуги!

- Механизмы! Для дома и для строительства!

- Любые праймсветильники! Элитные и бюджетные!

Акакий шел и улыбался. Только сейчас он понял, как сильно соскучился по Мозговитой улице, по ее крикам и ее предложениям. По прохиндеям, шарлатанам, мошенникам и настоящим ученым. По степенным мастерам, умеющим создавать самые сложные механизмы и шустрым подмастерьям, копящим деньги на собственное дело. По аромату споров, поиска и великих открытий.

- Инструмент! Лучший инструмент!

- Самые точные приборы!

Повсюду сновали дельцы, мечтающие вцепиться мертвой хваткой в толкового изобретателя, важно оглядывали потенциальных клиентов механики, постукивали по раскаленному металлу кузнецы и грелись на солнышке ученые, одни с фолиантами, другие с тетрадками для умных мыслей. А по самой улице, толкаясь и озираясь, бродили

покупатели. Попадались среди них селяне, присматривающие нужные в хозяйстве устройства, но в основном на Мозговитую приходили ушлые докты-перекупщики, подбирающие подходящий товар для перепродажи в Адорнию, поскольку сами южане в технике разбирались плохо.

- Штамповочная машина!

- Стратегический гвоздезабиватель! Простой, как дубовая бочка, им может управлять даже адорниец!

- Наилучший в мире механический топор для обтесывания бревен!

И лишь в одном-единственном месте Мозговитой улицы было довольно тихо - рядом с большим и красивым домом, окруженным высокой каменной стеной. Здесь не кричали и не зазывали, в соседних постройках располагались не мастерские и лавки, а тихие научные студии и гостиницы, здесь можно было присесть на лавочку и спокойно отдохнуть, оставив уличный шум в пятидесяти шагах к северу и югу. Здесь некогда жил Безвариат Сотрапезник, и обитатели Мозговитой до сих пор с уважением относились к его просьбе не шуметь под окнами.

- Пришел почтить память?

- Что? Ах... да. - Акакий кивнул и подслеповато посмотрел на нежданного собеседника - местного изобретателя, уютно устроившегося в кресле под сенью раскидистого каштана. - Заметно?

- Ты закончил университет в Придрыкинске... - с оттенком превосходства произнес изобретатель.

- Жоходальскую механическую академию, - поправил его Бенефит.

- Не важно, - махнул рукой изобретатель. - Не найдя подходящего места, ты отправился странствовать, убежденный, что острый ум и несомненный талант помогут тебе пробиться на самый верх и стать членом имперского Ученого Совета.

- Я до сих пор не сомневаюсь, что у меня получится.

- И теперь ты, одинокий, нищий и усталый, пришел в Фихтер, надеясь разжиться деньгами или соблазнить богатого купца на идиотский прожект, - закончил всезнайка. - Но перед этим ты притащился на Мозговитую, дабы поглазеть на дом человека, который осуществил все твои мечты. - Изобретатель попытлел трубкой. - Я сижу здесь каждый день и наблюдаю. Я видел тысячи таких, как ты бродяг, и знаю о тебе все. А вот ты ничего не знаешь о Безвариате Сотрапезнике.

- Вы были знакомы?

- Знакомы, - презрительно вздохнул изобретатель. - Мы вместе работали!

И бросил на Акакия быстрый взгляд. Так смотрит рыбак на поплавок, убеждаясь, что рыба проглотила наживку.

В шести из десяти случаев ошарашенные откровением провинциалы сами предлагали сбегать за кувшином вина, мечтая приобщиться к легенде и послушать продолжение истории. Трех из десяти приходилось подталкивать к этой мысли следующей фразой:

- Мы часто беседовали здесь, под этим самым каштаном, делились творческими планами, помогали друг другу, увлеченно споря о новых механизмах. - Идеально выверенная пауза. - Мы были друзьями.

Но лысый коротышка оказался тем редким типом, на которого слова изобретателя не произвели впечатления.

- Тебе повезло, - хмыкнул Бенефит. - Бывай, братец, я тут свои дела закончил.

Повернулся, и зашагал к северным воротам.

- Баран провинциальный, - пробормотал "изобретатель", прикрывая глаза. Солнце почти добралось до зенита, и мошеннику требовалось срочно промочить горло. -

Надеюсь, следующий пентюх окажется более доверчивым.

Акакий же, пройдя два квартала, свернул в узенький тупичок, огляделся, убедился, что за ним никто не смотрит, приподнял решетку сточной канавы и прыгнул вниз, в большую трубу, сеть которых выводила из Фихтера накопившуюся грязь. Благодаря продуманной системе водоотвода - ее разработчиков консультировал сам Безвариат, трубы никогда не переполнялись, и зловонная жижа доходила Бенефиту лишь до колен. Другими словами, если вспомнить остальные приключения Акакия на пути в Фихтер, поход по канализационной трубе выглядел весьма простым занятием.

- Лучшие ткани!
- Артефакты и амулеты!
- Кольца и браслеты! Серьги лучших мастеров Адорнии!!
- Самые крупные камни!

Поразмыслив над приказом Карлоса, Егоза предложила обратиться к какому-нибудь известному ювелиру - только богатый купец мог заплатить за сталегорские алмазы настоящую цену. Но после короткого совещания идея была отвергнута: Шахмана играла роль Героя, посланного в Фихтер неким северным лордом, и никто не поверит, что столь далекое путешествие было предпринято ради честной сделки. Увидев дорогушие алмазы, нормальный ювелир сразу заподозрит неладное и обратится к стражникам, а привлекать к себе внимание гридийцы не хотели. Именно поэтому Егоза старательно обходила стороной большие лавки, пытаясь отыскать торговца “с гибкими моральными принципами” - так выразился Карлос. А Ураган сказал проще: “Нам нужен крупный барыга”.

Оставался вопрос: как его найти?

Заниматься криминальными делами Шахмане еще не доводилось, и она понятия не имела, как отыскать нужного человека в столпотворении Ярмарочного моста? Как завести разговор? С чего начать? Брякнуть: “Хочу продать сталегорские алмазы”? Так сразу слетятся воры и бандиты, убивай их потом...

Голова шла кругом, задача казалась невыполнимой, однако Шахмана недооценивала возможности сложного, но прекрасно отлаженного механизма под названием “Ярмарочный мост”. Если ты хочешь что-то продать или что-то купить, у тебя обязательно получится: помогут и подскажут. Царицей Фихтера была Прибыль, и опытные дельцы делали все, чтобы она, прекрасная, оставалась довольной.

- Что-то ищите, госпожа?

Возникший на дороге человечек Героине не показался: вертлявый, тощий, с цепким взглядом, он был похож на базарного вора, отвлекающего внимание лоха от действий напарника, но утомленная Шахмана обрадовалась возможности поговорить.

- Ищу надежного человека при деньгах.

- Звучит двусмысленно, госпожа. - На тонких губах вертлявого заиграла блудливая улыбочка. - Желаете его ограбить?

- Ограбить? - нахмурилась Егоза. - Нет, конечно же, желаю договориться.

- Дело серьезное?

“Он явно вор, но тем лучше: мне ведь нужен барыга, а не судья”.

- Сведешь, с кем надо - получишь десять серебряных, - внушительно произнесла Шахмана.

Однако щедрое предложение, к некоторому удивлению Героини, бури восторга не вызвало.

- А с кем надо?
- С тем, кто мало болтает.

Егозе казалось, что она все делает правильно: держится уверенно, требует соблюдать конспирацию, и она не сразу поняла, почему на лице вертлявого появилось кислое выражение. И, кстати, Егоза так и не узнала, что именно этим выражением в Фихтере было принято приветствовать неисправимых провинциальных кретинов.

- Не болтать - это правильно. Но милая...

- Я - Героиня.

- Но милая моя Героиня, как я сведу тебя с нужным человеком, если ты не говоришь, какое у тебя дело?

Говорить о деле здесь? Посреди толпы? Где каждый может подслушать? Но уже в следующий момент Шахмана поняла, что снующие вокруг люди слишком заняты своими делами. Одни продают, другие покупают, каждый стремится перекричать остальных, и никто не обращает внимания на занятых своими делами собеседников. Именно здесь, посреди толпы, они оказались в полном одиночестве.

- Камни, - едва слышно прошептала Егоза.

- Дорогие?

- Да.

- Я знаю, с кем тебе следует пообщаться. - Вертлявый протянул руку. - Вилли Задохлик, меня здесь знают. - И потянул девушку за собой. - Нам нужно вернуться на левый берег.

На левый, так на левый - все равно. Однако прежде Шахмана хотела кое-что прояснить:

- Ты вор?

Девушке очень хотелось продемонстрировать свою проницательность, показать, что обмануть ее не просто.

- Если что вынуть надо или достать, допустим, то лучше никто не справится, - уклончиво ответил Вилли. - Такой уж у меня бизнес.

Ответ был понятен, но прозвучал он весьма необычно: обыденно. Так прозвучал, словно в Фихтере воровство считалось занятием не особенно уважаемым, но и не преступным. И потому Шахмана не удержалась от еще одного вопроса:

- Опасный бизнес?

- Если не попадаться, то вполне себе прибыльный.

- А если попадешься?

Учитывая, что Героиня искала встречи с барыгой, ее любопытство было оправданным, а потому Задохлик ответил честно:

- В Фихтере законы злые.

- Сильно злые?

- Здесь много денежных купцов, которым хочется жить в безопасности. К тому же дурная слава способна помешать торговле. - Вилли помолчал. - Стражники, конечно, тоже люди, им кушать хочется, вот и договариваемся, как можем.

- То есть стражники отворачиваются? - догадалась Егоза.

- Частенько, - не стал скрывать Задохлик. - Но сейчас трудно стало. После того, как Безвариата Сотрапезника убили, император, чтоб ему всю жизнь в радости проспать, нового прокурора прислал. У него здесь власти немного, меньше, чем во владениях, но результаты от городской стражи он требует. А что такое результат? Результат - это я.

- Не боишься со мной о таких вещах говорить?

- Так ведь ты к честным купцам не пошла, - хмыкнул Вилли. - Значит, с законом не

в ладах.

- А если я прикидываюсь, чтобы в доверие втереться?

- От тебя, милая, провинцией за версту разит, ты уж извини. И сыграть ты можешь только одну роль: Героини из глухой провинции... - Паренек вдруг задумался. - Слушай, а у тебя лишь одно дело в Фихтере, а? Может, тебе вынуть у кого чего надо? Я за долю малую согласен, детей кормить нужно.

- Откуда у тебя дети?

- Ты не смотри, что я молодой, я, знаешь, по женской части ого-го! А ты о моем предложении подумай, сама ведь не справишься, точно тебе говорю. В Фихтере куча мастеров, которые умеют прайм-защиту ставить. Знаешь, какие сейчас штуки делают? Ходишь себе спокойненько по дому какому-нибудь, вещи вынимаешь, в мешок складываешь, а стражникам уже сигнал пришел: вот, мол, в таком-то доме чужой человек разгуливает. Ты на улицу выходишь, а там уже с веревками наготове... - Задыхлик вздохнул. - Фусю Быстрого как раз так и замели.

- И что с ним сделали? - осведомилась Шахмана.

- В Фихтере все просто: на первый раз присуждают огромный штраф - три года отбывать придется. А на второй - рубят руку.

- А на третий?

- После второго раза мало кто промышляет: без лапы товар вынимать несподручно. Но если на чем другом попадешься, то без головы останешься.

- Как Фуся?

- Фуся во второй раз загремел.

За разговором они успели покинуть Мост, пересекли Торговую, и оказались у небольшой лавочки, что притулилась на самом краю площади. Окна грязные, дверь слегка перекошена, колокольчик заржавел, а коряво написанную вывеску: "Покупаю и продаю. Ваш Пека", давно следовало подкрасить. Егоза вдруг подумала, что на ее памяти это первая фихтерская лавка, хозяин которой совершенно не заботился о внешнем виде.

Сомнения отразились на лице Героини, и Задыхлик поспешил с объяснениями:

- Внутри сидит Тухлый Пека, он дорогой товар покупает, не беспокойся, и в своем деле честен.

- Неужели?

- Иначе бы Пека не работал днем, да еще и на площади.

Тщательно обдумав слова Вилли, Егоза сочла аргумент весомым, и уверенно вошла в лавку.

И сразу поняла, почему Пеку прозвали тухлым.

В "Продаю и покупаю" царил плотный, давно устоявшийся запах чего-то несвежего, и в памяти Егозы молниеносно всплыл сарай, в котором их держали фанатики.

"Они что, сговорились?"

А еще через мгновение, когда глаза привыкли к полумраку внутреннего помещения лавки, Шахмана увидела ее хозяина - вертлявого, под стать Задыхлику, высокого старика с белой, как лунь, но удивительно густой шевелюрой.

- Желаете продать? Купить? Обмен? Залог?

- Выгодное дело, - пробубнил из-за спины Героини Вилли. - Струнка выхляя, замазка не свистела .

- У тебя никогда ничего не свистит, - недовольно бросил Пека. - А потом с проблемами разбираться приходится.

- Не в этот раз, Тухлый, я отвечаю.

Егоза поняла, что Вилли сполна отбывает обещанный гонорар, и приободрилась:

- Я приехала в Фихтер из Морадии.

- Как поживает лорд Самуэль?

- Ты хотел сказать: лорд Эллиот?

Пека дружелюбно улыбнулся и постучал по лбу костлявым пальцем:

- Я стар, многое забыл. Да и Морадия далеко, неделя пути...

- Месяц, Пека, целый месяц, - уточнила Героиня. - И прекрати проверку: нет времени на игры.

- А на что есть?

- На дело. На выгодное и безопасное дело. Почти законное.

- Если оно чистое, почему не обратилась к известным ювелирам?

- Не хочу, чтобы по Фихтеру поползли ненужные слухи.

- О чем?

Теперь улыбнулась Шахмана:

- Получилось так, что лорд, чьего имени мы больше называть не будем, стал обладателем небольшой коллекции сталегорских алмазов.

- Добыл в гостях?

- Получил по наследству.

- Я хочу поздравить неизвестного лорда с прекрасным приобретением, - с чувством произнес Пека. - Сталегорские алмазы, особенно крупные, особенно хорошей огранки, высоко ценятся в Адорнии. Собственно, это единственные камни, которые есть только на севере. Насколько велика коллекция?

- Мне об этом неизвестно.

- То есть, ты приехала просто поговорить?

- Совершенно верно.

- В таком случае, Вилли подыскал тебе нужного собеседника.

- И сейчас он уйдет, - произнесла Егоза, протягивая Задохлику обещанный гонорар. - И не будет трепаться.

- Вилли - хороший мальчик, - пробормотал Пека. - Он знает правила игры.

- Подумай над моим предложением, милая Героиня, - попросил повеселевший Задохлик. - Если нужно что вынуть...

- Проваливай.

- Увидимся!

Вилли выскочил на улицу, а Тухлый, к которому вновь повернулась Шахмана, соорудил на физиономии услужливую гримасу:

- Продолжим?

Слухи, которые ходили о Фихтере и на которые ориентировался Карлос, придумывая Егозе легенду, оказались правдивыми. Некоторые лорды действительно не брезговали продавать через местных барыг неправомерно нажитые богатства, захваченные во время междоусобиц или при "исчезновении" каравана. Чудь ведь повсюду, свалить на нее можно что угодно. А став счастливыми обладателями компактных предметов высокой ценности, лорды переправляли их в Адорнию, что гарантировало сокрытие следов.

- Надеюсь, наша беседа будет продуктивной, - протянула Егоза.

- То есть, нам придется обменяться кое-какими продуктами? - уточнил смущенный Тухлый.

- Верно.

- Образец с собой? - деловито поинтересовался барыга.

- Разумеется.

Пека извлек из ящика стола увеличительное стекло и предложил:

- Показывай.

- Да не на что тут смотреть!

- Мы не зеваки, - строго произнес Карлос. - Мы по делу.

И тут же повернулся, уставившись на прогрохотавший по улице фургон независимого вербовщика: “Прими Прайм!”

Прими Прайм.

Не каждый человек способен понять, что слышит Зов Прайма, не каждый придет к лорду и скажет: “Кажется, я - будущий Герой”. Не у всякого хватит решимости рискнуть в надежде возродиться и стать другим: сильным, быстрым, почти неуязвимым.

И многие потенциальные Герои, несмотря на призывы лордов, таились, предпочитая не рисковать. И тогда появлялись свободные вербовщики. Опытные делеги, они по выражению лиц, глаз, разговорам и поведению умели определять тех, кого коснулся прайм, заводили длинные разговоры о жизни и жизненных перспективах, если надо - подпаивали незадачливых рекрутов, а потом предлагали хлебнуть прайма. Рискнуть, в надежде стать Ге-роем. С людьми вербовщики обращаться умели, почти все выбранные ими кандидаты подносили к губам чашу с праймом, но от осечек ведь никто не застрахован, а потому некоторые невезучие докты умирали и отправлись в ближайшую канаву. Если же человек превращался в Героя, то лорд, к которому он решал поступить на службу, выплачивал вербовщику оговоренную в специальном имперском законе премию.

- Прими Прайм, - пробормотал Карлос, провожая фургон взглядом.

- Ты это о чем?

- Да, так, накатило...

Ураган пристально посмотрел на юношу, посопел, после чего осведомился:

- Долго будем здесь бродить?

- Столько, сколько нужно. А что?

Как ответить на этот вопрос? “А что”? Да, ничего! Надоело! Можно сказать “надоело”, но будет ли это правдой? В общем, нет, признался себе Генрих. Часами таскаться по пыльным улочкам Фихтера, безусловно, не самое веселое на свете занятие, но воевода понимал, что другого выхода у них нет, а потому в зародыше давил нарастающее раздражение. Тогда почему спросил? Скучно стало? А как, скажите на милость, может стать скучно, если каждую минуту ожидаешь нападения? Если в каждом стражнике видишь потенциального противника? Если каждый прохожий кажется шпионом леди Кобрин? Не было у Генриха возможности скучать. Но откуда же взялся вопрос? Дурацкий вопрос, больше подходящий какому-нибудь нытику? Потому что устал сильно? Нет, разумеется, о какой усталости идет речь? Настоящего Героя пешей прогулкой не проймешь...

Наверное, все дело в том, что происходящее было для воеводы предельно непривычным занятием, к тому же - в предельно неудобных обстоятельствах. За долгие годы службы доспех стал неотъемлемой частью Урагана, и неловко ему было без тяжелой брони на плечах, без верного щита и тяжелой булавы. Без дополнительного ощущения силы, что давало оружие.

- Непривычно, - нашелся, наконец, Генрих. - Серьезного дела хочется.

- Башку кому-нибудь снести? - поинтересовался Карлос.

- Например, - угрюмо кивнул Герой.

- Так ведь надо знать - кому.

- Ты - лорд, ты и знай.

- Пытаюсь.
- Долго и нудно.
- Потерпи.

Они уже дважды прошли по Мозговитой улице из конца в конец, от Ратуши до северных ворот, и обратно. Постояли у разных лавочек, делая вид, что прицениваются к товару, поглазели на высокий забор, окружающий дом Сотрапезника, хотели послушать ученого, близко знавшего Безвариата, то три провинциальных мастера, с которыми изобретатель пил вино, с такой злобой посмотрели на непрошенных гостей, что Карлос почел за благо удалиться. Но пообещал себе обязательно вернуться к знающему человеку.

А в тот самый момент, когда Ураган затянул свою волынку, молодой лорд как раз сделал выбор, остановившись у механической мастерской “Шмульц и сыновья. Машины для дома и работы”.

- Пожалуй, сюда.
- Чем это заведение лучше других? - осведомился Генрих.
- Не заведение, а его владелец, - объяснил Карлос. - Нам нужен не товар, а информация, и уважаемый Шмульц кажется мне подходящим кандидатом: он работающий, старательный, но любит поговорить. То, что надо.

- Откуда ты знаешь?
- “Откуда? Я ведь лорд, помнишь?”

И Карлос вдруг понял, что в этом нахальном ответе была доля истины. Или же просто - истина. Потому что не может настоящий лорд не разбираться в людях, ибо в этом - залог его успешного, а самое главное - долгого правления. И его несчастный отец наглядно это продемонстрировал, не сумев распознать предателя в проклятом Хансе.

- Мастерская богатая, это видно по новым и дорогим инструментам, а значит, Шмульц работающий. Вон там, под навесом, стоят сделанные им машины, по их виду мы понимаем, что он старательный. Что же касается говорливости...

- Да! Как ты узнал об этом?
 - Понаблюдав за тем, как Шмульц ведет себя с клиентами.
- Генрих покачал головой, но спорить не стал: лорду виднее.
- Свою роль помнишь? - строго спросил юноша.
 - Мою что?
 - Роль, Ураган, роль. Ты кто?
 - Твой дедушка, - заученно ответил воевода.
 - Правильно, - одобрительно кивнул Карлос. - И, пожалуйста, води себя соответственно. Ты впервые оказался в большом городе, тебя все смущает и беспокоит, ты опасаешься карманников и никому не веришь. Ты боишься, что меня обманут и вообще не-много пуглив.

- Я помню, помню!

Роль провинциального дедушки с самого начала показалась Генриху унижительной, он даже пытался отказаться, хотел прикинуться могучим телохранителем, но Карлос настоял, и пришлось смириться.

- А самое главное, Ураган: ты не мешаешь. Все понятно?
- Да.
- Без моего знака даже в затылке не чеши, понятно?
- Да.
- Вот и хорошо.

Карлос поправил переброшенную через плечо суму и уверенно направился к лавке. За информацией. Желая разговорить совершенно незнакомого человека. Простолюдина,

если уж на то пошло.

Юноша и сам не ожидал от себя такого спокойствия. Думал, что его одолеет смущение или робость, что необычная задача и непривычная обстановка заставят его нервничать, а получилось наоборот. Понимание того, что он теперь главный, наполнило Карлоса непоколебимой уверенностью. Он чувствовал, что готов на все: что сможет сыграть свою роль... сможет сыграть любую роль! Сможет обмануть кого угодно и уговорить кого угодно. Юноша вдруг понял, что стал другим Карлосом. Новым. Сильным. И этот парень нравился Карлосу гораздо больше прежнего.

Он подошел к стоящему у выставленных на продажу машин Шмульцу, снял картуз и вежливо поздоровался:

- Здравствуйте, добрый господин.

И услышал безразличное:

- Ничего не покупаю. Никого не нанимаю. Проваливай, мальчик, не мешай.

Ураган, позабывший о том, что Карлос наряжен в дешевую одежду, едва не задохнулся от такого хамства. "Назвать молодого лорда мальчиком?! Да что он себе позволяет! Пороть, ублюдка! Немедленно пороть!"

Но Карлос, к безмерному изумлению воеводы, на оскорбление не среагировал. Более того, юноша повел себя так, словно услышал ожидаемое: потупился, помял в руках картуз и робко продолжил:

- У меня и в мыслях не было мешать столь значимому господину, как вы, уважаемый мастер Шмулец. Мы люди не местные, из далеких краев в дивный Фихтер прибывшие, но даже в нашем владении машинах о ваших рассказывают с почтением. Если клеймо Шмульца на машине стоит, так она сто лет проработает и еще столько же.

- Это верно. - Механик расплылся в улыбке.

Лесть прозвучала грубовато, но юноша не ошибся в оценке Шмульца - мастер повелся на доброе слово, как слепой за поводырем.

- Судя по одежке, вы и в самом деле издалека.

- Четыре долгих месяца шли мы по дорогам великой империи. Тяготы преодолели невозможные, какие не каждому выпадают.

- Ладно, ладно, я понял. - Честный Шмулец решил отблагодарить незнакомцев за доброе слово, и протянул Карлосу медную монетку. - Бери и проваливай.

- Спасибо, добрый господин, только я не по этому делу. - Юноша покачал головой. - Мы в Фихтер с целью серьезной пришли, а не побираться. У нас денежек есть немножко...

- С целью? - прищурился механик.

- Просто я говорить по-городскому не умею, вот и получилось, что вы меня за нищего приняли, добрый господин.

- Так что же тебе надо? - осведомился Шмулец, возвращая монетку в карман. - И говоришь ты действительно... витиевато. У нас так не принято.

- Простите, господин, - вновь поклонился Карлос.

- Да что ты заладил: прости, да прости. Будь проще. Не стесняйся.

- Дошло до нас, добрый господин, что живет в славном Фихтере мастер великий по имени Безвариат, которого еще Сотрапезником величают...

- А тебе он зачем?

- Я - молодой талантливый ученый Ровель Рот, - с провинциальной важностью сообщил Карлос. - А это мой немой дедушка Бушель, единственный мой кровный родственник оставшийся после того, как родители мои во время морозов лютых сгинули.

- Крепок дедуля твой, - заметил Шмулец, с уважением изучая мышцы Генриха.

- Все так говорят, - улыбнулся юноша. - С дедушкой Бушелем не всякий разбойник

совладеет. Он даром что с клюкой, отходит так, что мало не покажется.

- Оно и видно, - кивнул механик. - Так зачем, говоришь, пожаловал?

- В Фихтер мы с дедушкой пришли, чтобы смог я поступить в ученики к великому Безвариату. Чтобы образование мое, за которое серебром плачено, даром не пропало.

- Образование? - поперхнулся Шмульц. - Откуда, говоришь, ты взялся?

- Из славного, но очень северного Замороченска, что в богатой и процветающей Ухдии.

- Откуда?!

География, по всей видимости, никогда не входила в число любимых наук механика. Впрочем, если вспомнить Акакия, можно было сделать вывод, что это у них общая болезнь. Но Акакия юноша вспомнил и еще по одной причине: именно общение с Бенефитом помогло молодому лорду поднабраться нужных словечек и оборотов.

- Ухдия в самых горах почти, - немедленно поведал Карлос. - Это, ежели, допустим, по Имперскому тракту из столицы ехать, но не по тому Имперскому, что через Пуцу, на запад от столицы, а по северному Имперскому, в горы, который, то через две недели надо будет повернуть к востоку...

- Оставь подробности. Я понял, что вы из глухомани.

- У нас в Замороченске, добрый господин, даже Университет имеется, - гордо поведал Карлос. - В котором целых три науки разрешают учить бесплатно: поднятие тяжестей, бег наперегонки и прославление великого императора.

- А науки какие? - не понял Шмульц.

- Так я и говорю: поднятие тяжестей, бег наперегонки и прославление великого императора, - объяснил юноша. - Три науки целых забесплатно. К нам даже господин Фурсенидиус приезжал, самолично имперский надзиратель по воспитанию и обучению, и остался весьма доволен уровнем знаний замороченских студентов.

Последние слова потонули в громком хохоте, что не сдержал механик.

- Три науки, - простонал он, утирая слезы. - Целых три.

- Господин Фурсенидиус считает, что этого очень даже достаточно, - сообщил Карлос. - А господин Фурсенидиус, между прочим - брат того самого Фурсенидиуса, что ведает при императоре организацией кулачных боев и прочих увеселений, он зря не скажет.

- Я понимаю, - прохрюкал Шмульц, отчаянно пытаюсь успокоиться. - Я с большим уважением отношусь к подвижкам господина Фурсенидиуса в области имперского обучения. - Механик перевел дыхание и поинтересовался: - Так для чего ты пришел в Фихтер?

- Желаю поступить в ученики к Безвариату Сотрапезнику.

- С дипломом о поднятии тяжестей?

- У меня хороший диплом: он сделан на козлином пергаменте, а дедушка Бушель смастерил для него футляр из дерева.

- Гениально!

Шмульц присел на лавочку, набил трубку и улыбнулся.

“А ведь я хотел выгнать этих олухов! Великая шестеренка, кто бы мог подумать, что они расскажут такие вещи! Два года так не смеялся”.

Но вслух произнес другое:

- Разве ты не знаешь, что Безвариат умер?

- Умер? - Карлос великолепно сыграл растерянность. - Когда?

- Пару месяцев как, - ответил Шмульц, радуясь, что отыскал благодарного слушателя для устаревшей новости.

- Быть того не может.

- И не просто умер, а убит, - продолжил механик. Раскурил трубку и веско закончил:

- И убил его, между прочим, собственный ученик.

- Ах!

- Точно говорю, молодой ты мой и талантливый: убил! И сбежал из Фихтера. Стеклодувом его звали, десять лет с Безвариатом работал... А теперь говорят, что самого Стеклодува тоже убили... - Шмульц пристально посмотрел на присевшего рядом Карлоса: - Смекаешь?

- Да, - кивнул молодой лорд. - То есть нет.

Несообразительность юного собеседника порадовала механика даже больше, чем лесть.

- Эх, деревня, деревня... - Шмульц наклонился к юноше и понизил голос: - Люди говорят, что вовсе даже не Стеклодув Безвариата убил, а другой кто-то.

- Кто? - жадно спросил Карлос.

- Поди, догадайся, - вздохнул механик. - Тут, сынок, большая политика замешана, потому что Фихтер, а не Задрочинск твой.

- Замороченск.

- Тем более. В нашем городе такие интересы пересекаются, что голова идет кругом.

- Как и все пожилые мужики, Шмульц очень любил разговоры о вещах глобальных, ко всей империи отношение имеющих. - И Безвариат, конечно, не простым ученым был - не того полета птица, чтобы просто так здесь сидеть.

- А какого он полета? Был.

- Высокого. И потому тебя, охламона с поднятием тяжестей в зачетке, он бы даже на порог не пустил, сечешь?

- Ну, это мы еще... - Однако спорить Карлос не стал, увидел, что механика понесло, и весь обратился в слух.

- Тута, деревня, все не так просто, как со стороны кажется. Люди говорят, измена в Фихтере зрела, сечешь?

- Измена? Откуда же ей взяться?

- Известно откуда - из Адорнии. Она тут рядом, только через реку перейди, и разноцветные эти шастанут, словно попугаи ряженные. Я их, честно говоря, недолюбливаю, но бизнес есть бизнес. А люди говорят, что Безвариат с адорнийцами снюхался, и чуть ли не на императорскую власть посягнул, сечешь?

- Он же ученый, - недоверчиво прищурился Карлос. - Зачем ему?

- Ученые тоже люди, и если возможность есть - все под себя гребут. Я на Мозговитой с самого ее основания живу, такого насмотрелся... Знаешь, как они друг у друга идеи воруют? Местным жуликам такое и не снилось даже: подслушивают, подглядывают, тетради прихватывают. Научатся в своих академиях... - Шмульц пососал трубку. - А измена была, наверное, потому что как Безвариата убили, так старого имперского прокурора хлоп - и в столицу вызвали, на доклад вроде. А на его место тут же другой примчался, да еще с Героем имперским в компании, сечешь, деревня? Новый прокурор, да еще с Героем! Не все так просто у нас, не все... Тут тебе не Занюхинск.

- Замороченск.

- Не важно, - отмахнулся механик, торопливо припоминая остальные подробности старой истории. - А еще люди говорят, что Безвариат леди Кобрин убить хотел.

- Да, ладно!

- А почему нет? Она ведь за границу перед императором отвечает, стережет, стало быть, страну. Кобрийцы, конечно, не сахар, заносчивые очень, но дело свое знают, спуску

адорнийцам не дают, контрабандистов ловят, порядок вокруг Фихтера поддерживают. А Безвариату эти подвиги как ножом по сердцу.

- Почему?

- Потому что родину он не любил, деревня, сечешь? Такие пироги. И когда Безвариата убили, дом его кобрийцы обыскивали. Да не стражники обычные, или там пограничники, а “черные орлы” - гвардейцы леди Кобрин, сечешь? Все обыскали, а дом заперли потом, так и стоит.

- Измену искали?

- Конечно, искали, но не измену, а доказательства, - хмыкнул Шмульц. Разговор постепенно к закономерному финалу. Механик выбил трубку, почесал бороду и дружелюбно произнес: - А ты, я смотрю, парень не глупый.

- Спасибо на добром слове, - рассеянно отозвался Карлос.

- Я вот, что думаю. Раз уж с Безвариатом так вышло, попробую я тебя в ученики взять.

- Вы шутите? - Юноша удивленно посмотрел на Шмульца. - Без рекомендаций?

- У тебя ведь диплом есть.

- Из козлиной кожи.

- Наперегонки бегать умеешь?

- Первый в выпуске!

- Вот и здорово, умение бегать тебе пригодится. - Шмульц вновь понизил голос. - Я кого попало в ученики не беру, деревня, сначала срок испытательный ставлю, чтобы присмотреться, значит, познакомиться.

- А как это - срок испытательный?

- Да ничего сложного. Я придумал удивительную машину, уникальную и необходимую в каждом хозяйстве, даже в замке. Называется она сдвоенная прайм-ловушка Шмульца для мышей и грызунов, сечешь? Сдвоенная! Да еще с прайм-приводом, шестеро повышающим характеристики! Кто откажется?

- Ну...

- Вот тут тебе диплом и пригодится: будешь ходить по домам, и предлагать мое замечательное изобретение. Стоит оно недорого, но я человек щедрый, и с каждой проданной машины буду платить тебе пять медяков.

- Целых пять?!

- Да!

- И я смогу у вас учиться?

Настолько далеко щедрость мастера не простиралась, но закрывать перед провинциалом перспективы Шмульц не стал.

- По вечерам. Если захочешь. И деда твоего куда-нибудь пристроим, будет по хозяйству помогать. А то, что он молчаливый, это хорошо, я говорливых не люблю. - Шмульц похлопал Карлоса по плечу. - Согласен?

- Поверить не могу, - восторженно произнес юноша. - Я в Фихтере всего один день, а меня уже приглашает в ученики известный на всю империю мастер!

- Лови удачу за хвост, сынок.

- Постараюсь, - пообещал Карлос, и поднялся с лавочки. - Мы вещи на постоялом дворе оставили, можно их к вам перенести?

- Конечно, - не стал отказывать механик. - У меня комната во флигеле свободная есть, сдам ее тебе, не обижу.

- Замечательно! - Карлос поклонился. - Мы скоро.

И зашагал вверх по улице.

- Много узнал? - саркастически осведомился Ураган.
- Только то, что Безвариата убили не здесь.
- Откуда? - поперхнулся Генрих. - Шмульц ничего об этом не рассказывал.
- Вот именно: никаких подробностей. А значит, местным просто показали тело.
- Ерунда. Ты просто хочешь в это верить.
- Может и так... Вторая новость: леди Кобрин ведет дела с адорнийцами.
- Прочитал ее мысли?
- Исхожу из того, что Безвариата убила леди Кобрин, и обвинила его в собственных прегрешениях.
- Зачем вообще упоминать об этом?
- Абсолютная тайна недостижима, кто-то что-то увидел, кто-то о чем-то подумал, кто-то сделал вывод, и поползли слухи. Я не знаю, почему леди Кобрин решила избавиться от Безвариата, но она использовала его смерть, чтобы отвести от себя подозрения.

- Ну, наконец-то!

Несмотря на то, что Акакий сильно торопился, перебороть брезгливость он не сумел: оказавшись в особняке Безвариата, Бенефит сразу же отправился в кладовую, и переоделся в чистую одежду и обувь - вонь, что распространяли побывавшие в канализации штаны, била в голову и не позволяла сосредоточиться. Будь у него больше времени, Акакий еще и помылся бы - прайм-насосы исправно качали в пустой дом воду из колодца, но поразмыслив, ученый решил отказаться от заманчивой мысли.

- На постоялом дворе помоюсь.

Грязную одежду Бенефит бросил у сундука, затем прошел на кухонную кладовую, отыскал пару сухарей, и хрустя ими вернулся в главный холл первого этажа.

Прежний хозяин особняка жил уединенно: ученик, да кухарка, вот и все люди, в обществе которых Безвариат Сотрапезник проводил большую часть времени. Теперь хозяин мертв, обвиненный в его убийстве ученик мертв, а кухарка, надо думать, нашла себе другое место. Если через год не объявятся наследники, дом станет городской собственностью, и будет продан с аукциона. Большой и красивый дом, в котором были сделаны десятки открытий.

- Но прежде, я здесь поковыряюсь.

Пробормотав эти слова, Акакий поднялся на второй этаж и уверенно прошел в кабинет Сотрапезника, в большую светлую комнату, уставленную книжными шкафами и причудливыми механизмами, большинство которых было сделано лично Безвариатом. Обыскивавшие дом кобрийцы уделили кабинету особое внимание: самые интересные приборы исчезли, эта же участь постигла наиболее ценные фолианты, а остальные валялись на полу, напоминая Акакию брошенных детей.

- Надеюсь, следующий владелец осознает их ценность.

Бенефит не удержался - поднял пару книг и вернул их на полку. Потянулся, было, за следующими, но сообразил, что времени на уборку нет. Вздохнул: "Вы уж меня извините..." Остановился в центре комнаты и внимательно огляделся.

- Надеюсь, братцы, вы ничего не нашли, - протянул ученый, обращаясь к отсутствующим кобрийцам.

А если и нашли, то вряд ли поняли, что оказалось в их руках, повертели недоуменно, да бросили, как поступили с большинством книг.

Вещь, за которой Акакий влез в дом Сотрапезника, выглядела обыкновенно, если не сказать - обыденно, и потому хранилась на самом виду, на полке у письменного стола.

Люди, знавшие истинную ее ценность, не принимали участия в обыске, и этот факт позволял надеяться, что вещь по-прежнему в доме.

- Вопрос в том, куда вы ее швырнули после того, как осмотрели и признали ненужной?

Письменный стол был выпотрошен на славу, вокруг него валялись пустые ящики, но при этом - ни единой бумажки. Все записи Безвариата, даже самые безобидные, кобрийцы увезли с собой. Тут же валялись безделушки и поделки, некогда украшавшие полки и стены кабинета. Некоторые из них были поломаны, раздавлены кобрийскими сапогами, некоторые оказались далеко от своего законного места - пару статуэток Бенефит обнаружил еще в коридоре, - но главную безделушку, ту, за которой он пришел, Акакий отыскал под перевернутым ящиком.

- Ура!

Это была небольшая, размером с ладонь, адорнийская маска, вырезанная из дерева и раскрашенная в яркие цвета. Обыкновенная поделка, предназначенная для доктских провинциалов, случайно оказавшихся в Фихтере. Маску украшали четыре крупные стекляшки, призванные обозначить драгоценности, и дешевые перья адорнийского голубя, а потому она не привлекла внимания кобрийцев. Во время обыска, они лишь убедились, что в маске отсутствуют скрытые полости и отшвырнули безделушку прочь. Не поняли, что держат в руках одну из тайн великого Сотрапезника.

- Вы не виноваты, братцы, на этом и строился расчет.

Акакий осмотрел маску, убедился, что твердое дерево не повреждено, после чего аккуратно отсоединил перья, завернул находку в чистую тряпочку и спрятал в сумку.

- Можно уходить... - И замер, уловив едва слышный скрип открывающейся двери.
- Какой же я идиот!

Недооценил леди Кобрин, распорядившуюся установить в доме новейшую сигнальную систему. Уж очень ей было интересно знать, кто захочет забраться в опустевший дом.

- Дерьмо! - Бенефит опрометью выскочил из кабинета, и побежал к ведущей на чердак лестнице.

Стражники, буквально выросшие из-под земли, мгновенно окружили особняк Безвариата, перекрыв, заодно, и Мозговитую улицу. Действовали они четко, слаженно и невероятно быстро, гораздо энергичнее гридийских блюстителей порядка. Еще секунду назад Мозговитая мирно переваривала очередной день, предвкушая приближающийся вечер. Хозяева лавок начали собираться группками, раскуривали трубки и доставали кувшины с вином. Приказчики неспешно прятали выставленные на продажу устройства, а суетились лишь припозднившиеся покупатели, внезапно сообразившие, что лавки на Мозговитой улице имеют привычку закрываться на ночь.

Жизнь текла своим чередом, обосновавшийся у дома Сотрапезника ученый наконец-то расстался с провинциалами, Карлос подхватил заготовленный кувшин с вином, толкнул задремавшего Урагана, и только собрался отправиться на разговор, как вдруг вокруг появились стражники. Они полезли из переулков, тупичков, быстро перекрыли улицу, грубо толкая оказавшихся внутри оцепления людей, и ничего не объясняли, кроме того, что:

- Не разбегаться! Не паниковать! Любой, кто попытается вырваться, будет объявлен преступником!

Это гудел взбравшийся на телегу десятник, а обосновавшиеся рядом арбалетчики

хмуро подтверждали: “Будет!” И каждый, кто побежит, получит болт в спину.

- Что происходит? - поинтересовался ошарашенный Карлос.

- К Безвариату снова залезли, - угрюмо сообщил мнущийся рядом приказчик. - Слух по империи ползет, будто Сотрапезник в своем доме сокровища несметные спрятал, вот и лезут, почем зря. А нам страдай.

- Не в первый раз, что ли?

- Да, почитай, каждую неделю кто-нибудь лезет. Местные-то все знают, что внутри прайм-защита стоит, так что пришлые балуют. А улицу перегораживают, чтобы подельники не смылись.

- А-а... - Карлос покосился на готового к драке Генриха, и едва заметно подмигнул.

- Когда нас выпустят?

- Минут через тридцать.

Перспектива провести ближайшие полчаса в окружении стражников юношу не обрадовала, но выхода не было, не драться же с этой толпой, в самом-то деле? А улизнуть незаметно не получится: он не местный, лазеек и тайных проходов не знает.

- Ждем, - прошептал Карлос Урагану.

- Чего?

- Когда нас отпустят.

- А если нет?

- Ты же слышал: облавы регулярно устраивают. Так что отпустят.

- Всякое может случиться...

И случилось.

Безликого Героя в кобрийских цветах Карлос заметил не сразу, отвлекся на шум, устроенный на углу каким-то пьяницей, и прозевал, а когда увидел - безликий был совсем рядом, медленно проезжал на лошади, внимательно изучая толпу.

- Проклятье.

Нужно уходить.

Но поздно, поздно, поздно...

Карлос замер, не в силах пошевелиться, не в силах оторвать взгляд от страшного Героя, лицо которого скрывала маска.

- Проклятье...

Говорят, что никто и никогда не видел глаза безликих. Ну, разве что перед самой смертью, когда безжалостные эти Герои оказываются совсем рядом, желая насладиться последними секундами жертвы. Еще говорят, что увидеть их глаза мешает маска, но Карлос мог бы поклясться, что в досужих этих домыслах нет ни капли правды. Потому что он встречается взглядом с безликим, потому что они смотрят друг на друга, и в глазах Героя читается УЗНАВАНИЕ!

- Убийца!

И время замирает, потому что ни один обычный человек не способен уследить за действиями быстрых, как молния Героев, и следующие секунды представляются Карлосу набором неестественных, статичных изображений.

Кинжал безликого летит юноше в грудь. Не специальный, метательный, а обычный, довольно длинный кинжал, которым удобно пользоваться в бою, но глупо метать в противника. Карлос видит кинжал во всех подробностях, и знает, что через секунду умрет. Но ему не страшно, он не успевает испугаться, потому что...

Ураган бьет безликого в бедро. Его же собственным кинжалом бьет - довольно длинным, которым удобно пользоваться в бою. И Ураган пользуется. Он перехватил кинжал в воздухе и наносит врагу страшную рану. Брызжет кровь, безликий, видимо,

кричит от боли, но его меч обнажен, и Ураган...

Два стражника уже мертвы, в левой руке Генриха откуда-то взялась секира, но плечи Героя пронзены арбалетными болтами, и рубаха окрасилась красным. Безликий прячется за лошадью, зажимая рукой кровоточащую рану.

- Карлос! Уходи!

“Лошадь!”

И юноша понимает, что с начала боя прошло не больше трех секунд. А может и меньше.

- Уходи!!

Безликий не дерется, только стражники, а значит, они побеждают: даже раненый, даже без доспехов и оружия, Ураган способен перебить не меньше трех десятков обычных людей. Люди разбегаются, несколько стражников валяются в пыли, арбалетчики уже мертвы, десятник пытается отбиться мечом... Воевода убивает, и становится сильнее, прайм питает его тело, прайм зовет в бой, прайм требует убивать.

“Мы победим!”

Но Генрих видит больше, видит еще одного Героя, и повторяет в третий раз:

- Уходи!!!

Следующая картинка: молниеносный в цветах императора. Налетает на Урагана сбоку, но воевода успевает развернуться и встретить противника лицом к лицу. И даже отбивает первый удар.

Но кинжал с хрустом ломается, а секира не успевает ответить на выпад.

Три болта вгрызаются в незащищенную спину воеводы.

“Ураган...” - беззвучно шепчет Карлос.

Безликий, хромая, выходит из-за лошади, и бьет Генриха в бок. Доспеха нет, и меч убийцы входит в тело Героя почти на треть.

- Остановитесь!

Нужно уходить, но Карлос не может. Смотрит, как умирает Ураган, и не может уйти. Или не хочет, потому что лорд. И пусть на его глазах выступили слезы, он все равно лорд. И человек, который вот-вот умрет - его человек. И Карлос не уходит.

- Нет!!

Молот молниеносного тяжело бьет воеводе в голову и Герой поворачивается к юноше. За его спиной медленно оседает массивное тело Урагана.

“Конец...”

* * *

- Закрываемся! Куда прешь?

- Я тебе покажу “куда прешь”, скотина! - рявкнул Исподлобья так, что стражник аж присел от испуга. - Грамоту имперскую не видишь, тварь?!

Несчастный не сразу сообразил, что к воротам Фихтера подъехал кобрийский Герой - одежда Тома Исподлобья была грязна до последнего предела, и теперь гадал, останется ли он в живых?

- Не заметил, милостивый господин... Тут многие шастают... - Трясущимися руками стражник раздвинул створки, и вытянулся во фрунт. - Проезжайте, господин Герой, господин... Милости просим... Добро пожалова...

- Пасть захлопни.

Исподлобья бросил на фихтерца еще один, очень злой взгляд, и вновь повернулся к едва сидящему в седле Лашару.

- Держись, приятель, чуть-чуть осталось.

- Я в порядке...

- Я вижу.

Падать с лошади измотанный Маркус начал еще утром, а ближе к вечеру перестали помогать и ремни, которыми Том привязал спутника к седлу - Лашар совсем выдохся, и чистильщику пришлось поддерживать его рукой.

- Мы должны отправиться в ратушу... в цитадель... поднять стражу... вызвать наших...

- Да, да, конечно.

Тем не менее, мужество Маркуса произвело на Исподлобья настолько сильное впечатление, что он машинально стал использовать в разговоре словечко "приятель", которое приберегал лишь для Героев.

- Куда... ты меня везешь?

Лашару было плохо, перед глазами плыло, но он понял, что они, наконец-то, добрались до Фихтера, и теперь пытался определить маршрут.

- К врачевателю.

- Зачем? В ратушу...

- Чтобы он тебя подлатал, приятель. А я пока найду наших.

- Я должен... стража...

- В первую очередь ты должен привести себя в порядок, приятель. Сейчас от тебя проку мало.

Лашар что-то пробормотал, и вновь накренился в сторону. Похоже, очередной обморок.

- Держись, приятель, держись, - хмыкнул Том. Но хмыкнул по-доброму, как настоящему другу, доказавшему свою стойкость. - Скоро приедем.

Дорогу на улицу Костоправов, где стоял дом лекаря Мешаля, Исподлобья знал хорошо, ему не раз приходилось привозить сюда раненых спутников - и Героев, и обычных людей, - а потому, несмотря на сгустившуюся тьму, ехал Том уверенно. У ворот спешился, отвязал ремни, взвалил бесчувственного Лашара на плечо, и постучал в калитку.

- Кто?

- Хозяин дома?

- Кто спрашивает?

- Исподлобья.

Слуги Мешаля знали Героев леди Кобрин поименно, и калитка немедленно отворилась:

- Вам помочь?

- Справлюсь, - буркнул Том, проходя в маленький сад.

А врачеватель уже спешил навстречу.

- Что случилось? Рана? Болезнь?

- Три дня непрерывной скачки.

- Горячка, значит... - Мешаль машинально принял заученную позу: "Великий врач глубокомысленно осматривает несчастного", но вспомнил, что кобрийцы терпеть не могут показухи, и перешел на деловой тон: - За пару дней справлюсь.

- Лашар должен быть на ногах через пару часов, - веско произнес Том.

- Но...

- Не обсуждается.

- Современная медицина...

- Мешаль, не морочь мне голову. Зови своего приятеля, адорнийского шамана, вспоминайте все, что знаете, засучивайте рукава и за работу. - Исподлобья протянул лекарю туго набитый монетами кошелек. - И не надо меня злить.

- И в мыслях не было, - радостно осклабился Мешаль, взвешивая в руке полученный мешочек. - Сделаем все, что сможем.

* * *

“Все получилось?!”

“ДА!! Клянусь Прайм-индуктором, все получилось! Я сделала это! Я справилась! Я - молодец!”

Только сейчас, после того, как задание Карлоса было выполнено, и она отправилась на постоянный двор, Шахмана призналась себе, что волновалась... Да что там волновалась - нервничала! По-настоящему нервничала, потому что выполнение приказа потребовало особенных усилий. Не в Пуцу ее отправили на бой с Чудью, не на границу владения, разбираться с Героями соседнего лорда, одним словом - не драться. Карлос поручил дело тонкое, требующее хитрости, сноровки и артистических способностей, и она, Шахмана Егоза, справилась с ним блестяще! Она отыскивала нужных людей, правильно построила беседу и обо всем договорилась. И эта победа, не потребовавшая ни боя, ни сражения, вызвала у Егозы гордость.

“У меня все получилось!”

Сделка с Тухлым Пекой завершилась удачно. Егоза не только продала барыге один из восьми алмазов - остальные по-прежнему прятались в ее поясе, - но выручила за него на сто серебряных больше, чем рассчитывал взять Карлос. И это не все! Получив деньги, Шахмана завела разговор о прайме, и Тухлый, после четверти часа ужимок и сомнений, признался, что сможет добыть для Егозы кристаллы концентрированного прайма. Поскольку в продажу, даже на черный рынок, этот товар попадал не часто - лорды не имели права торговать кристаллами, цену барыга выставил колоссальную, но общая стоимость алмазов ее покрывала, и воскрешение Арчибальда и Самострела стало казаться делом ближайшего будущего.

“Мы скоро встретимся, ребята, мы скоро встретимся!”

Егоза была так весела, что не удержалась, и принялась фальшиво насвистывать один из тех мотивчиков, что исполняли на ярмарках бродячие скоморохи. И даже постукивала рукой по бедру, изображая то ли бубен, то ли барабан. Жизнь казалась прекрасной, а перспективы - самыми радужными. Въезжая в ворота “Льда и пламени”, Шахмана уже не насвистывала, а негромко напевала фривольные куплеты, чем вызвала понятное удивление молодого конюшего - в присутствии обычных людей Герои редко демонстрировали подобную беззаботность.

- Расседлать, почистить, накормить, - приказала Егоза, ловко спрыгивая на землю.

Конюший оглядел трех жеребцов и поинтересовался:

- Госпожа остается на ночь?

- Госпожа останется настолько, насколько сочтет нужным.

И бросила мальчишке три медяка.

- Все будет исполнено в лучшем виде!

- Не сомневаюсь.

Шахмана прошла в главный зал, постояла у дверей, внимательно рассматривая выпивающих за грубыми столами простолюдинов, послушала сальные шутки, что отпускали они в адрес снующих повсюду девок, поджала губы: “Что еще мог выбрать

Акакий”, и, не увидев ни Карлоса, ни Урагана, заняла угловой столик.

- Чего желает восхитительная Героиня?

Половой полностью соответствовал заведению: плотный круглолицый малый с крестьянским выговором. Пальцы толстые, глазки масляные... неприятный тип.

- Это кабан на огне?

Запах жареного мяса насильно обаяние Шахманы с того самого момента, как она переступила порог заведения.

- Кабан, - подтвердил круглолицый.

- Порцию окорока и пиво.

- Сию минуту.

- Сначала пиво!

- Сию минуту.

Половой умчался, а Егоза, убедившись, что за ней никто не наблюдает, широко улыбнулась: плевать на простоту кабака - происходящее девушке решительно нравилось.

Шахмана без труда перенесла тяготы путешествия через Пушу: утомительную дорогу, ночевки под открытым небом и плохую пищу, но это не значило, что походная жизнь ей нравилась. Да, она была Героиней и привыкла к лишениям, но привычка и любовь - вещи разные, и Егоза никогда не отказывалась от возможности переночевать в замке, на кровати, а не у костра, сытно и вкусно поесть, а не закидать в желудок солонину с сухарями, потянуть пиво, а не набранную в ручье воду. И потому сейчас, добравшись, наконец, до постоянного двора и предвкушая заслуженный отдых, Шахмана улыбалась.

- Ваше пиво, госпожа. - Половой оказался необычайно расторопен.

- Ага.

- И ваш окорок.

Вопреки ожиданиям, кормили в заведении вкусно. Пиво оказалось свежим, в меру плотным, душистым. Толстый ломоть окорока был хорошо прожарен, соус замечательно пах чесноком, а от прилагавшейся к жаркому гороховой каши поднимался восхитительный аромат - судя по всему, в нее добавили какие-то специи.

- Еще пива, - распорядилась Шахмана, залпом выпив кружку.

- Сию минуту.

Но вернулся половой гораздо быстрее, получил за расторопность медяк, вновь исчез, а Егоза приступила к еде. Неспешно приступила, наслаждаясь каждым куском, словно чувствуя, что закончить ужин в том благодушном настроении, что овладело девушкой после встречи с Пекой, не удастся.

И не удалось: в тот самый миг, когда Шахмана доедала мясо, к столику подсел Акакий.

- Приятного аппетита.

- Чего тебе?

Говорливый коротышка изрядно утомил Егозу во время путешествия, и встретила она его грубовато.

- Пришел тебя предупредить.

- О чем?

Бенефит перегнулся через стол и заговорщицки прошептал:

- Твои друзья в беде.

Прозвучало весьма внушительно.

- Что-то серьезное?

- Очень.

Егоза отложила ложку, сделала глоток пива и, постукивая по столешнице рукоятью

ножа, велела:

- Продолжай.

Она прекрасно понимала, что шутить такими вещами Акакий не станет.

- Я был сегодня на Мозговитой улице, - прежним шепотом сообщил ученый. - Заходил по делам к старому приятелю насчет проекта праймовоза поговорить, без подробностей, конечно, ты ведь знаешь эту публику...

- Не тяни!

Восклицание получилось не громким, но таким устрашающим, что ойкнувший Бенефит мгновенно выложил карты на стол.

- Твоих друзей стражники взяли.

И стало вдруг холодно-холодно.

“Твоих друзей стражники взяли”. План сорвался. Карлос в тюрьме, из которой у него есть только одна дорога - в петлю.

- Врешь, - прорычала Егоза.

- Карлоса Герой кобрийский опознал, тот, в маске, Ураган драку затеял, но... - Акакий неловко дернул плечом. - В общем, Урагана убили. А Карлоса в тюрьму отвезли.

- Ранили? - глухо спросила Шахмана, и сделала еще один глоток пива.

Отвратительного на вкус пива, горького и кислого.

“Когда они успели подменить кружку?”

- Нет, с Карлосом все в порядке. Побили немного, но ничего серьезного. А вот Ураган...

Следующий вопрос Егоза задала почти сразу, и прозвучал он очень жестко:

- Ты их сдал?

Глаза Бенефит не отвел и страха в его взгляде Шахмана не увидела.

- Нет.

Врет? Нет, не врет. Будь Акакий предателем, сам бы в “Лед и пламя” не пошел, стражников послал бы, или Героев. Одному Акакию с Героиней не совладать, а сообщать об аресте, желая отвлечь внимание - глупо. Вот и получается, что не врет.

- Как это произошло?

- Стражники облаву устроили, вора какого-то ловили, а Карлос с Ураганом оказались не в том месте и не в то время. - Ученый тяжело вздохнул. - Мне жаль.

При чем тут жалость? Жалеют о разбитой чашке, жалеют захромавшую лошадь, пропитые деньги жалеют, наутро, а жалеть об аресте друга и смерти Урагана глупо, это полное дерьмо.

- Спасибо, что предупредил, - ровно произнесла Шахмана, отставляя в сторону ставшее невкусным пиво.

- Я вам должен.

- Какая теперь разница?

Ураган ушел к Шпалере и Тишине, Карлос у кобрийцев, она одна, совсем одна, и нет никакого понимания, что делать дальше. Нет рядом лорда, больше нет.

- Я так думаю, бежать тебе надо, - негромко произнес Бенефит, пристально глядя на Героиню.

“Бежать? А это мысль... Покинуть Фихтер, пока Карлос не рассказал, где искать последнего члена команды, уехать подальше на север и наняться к какому-нибудь владельцу. Героев мало, и любой лорд будет счастлив заполучить на службу опытную лису. И чувства вины никакого, потому что все пошло наперекосяк”.

Мысль хорошая, но...

- Не могу, - качнула головой Шахмана.

- Почему? - живо поинтересовался Бенефит.

- Карлос - мой лорд. Он невиновен, и я обязана ему помочь.

Разум кричал: “Не глупи!”, но губы шептали слова и громко стучащее сердце подтверждало: “Да, все правильно, Карлос - твой лорд. А значит, ты обязана ему помочь”.

- Каким образом?

Первая мысль, что пришла Егозе в голову, была о доброй схватке. Ошеломление постепенно проходило, и Героине овладевали ярость и жажда крови, привычное желание решить проблему силой, порубить в капусту стражников и вытащить Карлоса из тюрьмы. Избавиться от этой мысли было крайне трудно, но Шахмана смогла перебороть себя. Сжала рукоять ножа так, что побелели костяшки пальцев, стиснула зубы, почти минуту тяжело сопела, не отводя взор от миски с остатками каши, после чего угрюмо произнесла:

- В Фихтер приехал новый имперский прокурор, местные считают его честным человеком. Я пойду к нему и дам показания. Я видела, что лорда Датоса убил Лашар. Я - свидетель.

Акакий прекрасно понял, какую борьбу с собой пришлось выдержать Героине, и в его взгляде появилось искреннее уважение.

- Ты молодец. - Но с предложением девушки не согласился: - Фихтер - вольный город, и прокурор не имеет здесь той власти, что в других владениях. Зато местные очень хорошо относятся к леди Кобрин, и если она скажет, что Карлос виновен... А она скажет, ты уж мне поверь, то спорить с ней не станут. А тебя назовут не свидетелем, а соучастницей.

Так будет? Шахмана тщательно обдумала слова Бенефита, припомнила, что слышала о кобрийцах, и признала: “Да, так будет”.

Но это ничего не меняло.

- Я услышала твои слова, Акакий, теперь проваливай.

Он тоже все услышал, и предупредил:

- В одиночку ты не справишься.

- Выхода нет, Акакий, мои друзья...

И только тут до Бенефита дошло:

- У Карлоса ваши каталисты!

- Не ори. - Егоза бросила на ученого злой взгляд, помолчала, после чего подтвердила:

- Да, у Карлоса наши каталисты. Для себя я могу сделать другой, а вот Ураган, Рыжий Ус и Самострел попали. Если я не вытащу лорда, мои друзья не вернуться.

Не смогут воскреснуть, и уйдут навсегда. Так что не одна жизнь на кону, а целых четыре, и Шахмана поняла, что не сможет жить с таким грузом. Ни на западе ни на востоке - нигде.

- Какая неожиданность, - пробормотал, тем временем, Акакий. - Просто невероятно... Я даже надеяться не мог...

- Иди бубнить в другое место, мне нужно кое-что обдумать, - мрачно предложила Егоза.

- Как веселее погибнуть?

- Не твое дело.

- Я ведь сказал, что в одиночку тебе не справиться.

Героиня прищурилась:

- Хочешь помочь?

“Ты посмотри на этого задохлика! Он ничего не стоит в бою... - А в следующий миг Шахмана вспомнила: - Акакий ученый! Вдруг он сможет сделать военную машину?”

- Хочу предложить сделку, - уверенно произнес Бенефит.
- Лично мне?
- Твоему лорду. Но поскольку он сейчас занят, придется говорить с тобой.
- Какая сделка?
- Помогу освободить Карлоса.
“Ученый он, или нет, но против всей фихтерской стражи ему ничего не светит!”
- Кажется, я спятила. - Шахмана зло усмехнулась. - Все, Акакий, заканчивай.
- Я не боец, - не стал спорить Бенефит. Казалось, он прочел мысли Егозы. - Но я ученый и знаю несколько подходящих случаю фокусов. Кроме того, я жил в Фихтере, и попадал в разные истории...
- Ты бывал в местной тюрьме, - сообразила Героиня.
- Неделя за нарушение общественного порядка и пять монет серебром штрафа. - Ученый стыдливо потупился. - Когда выпью, я становлюсь немного буйным.
- Не смеши меня.
- И в мыслях не было. Я только с виду слабый, а внутри пылает настоящее пламя, и горе тому, кто посмеет перебить Акакия Бенефита...
- Я поняла, поняла, - выставила ладони Егоза. Поскольку ученый вызвался помочь, Героиня решила не использовать привычное “заткнись”. - Допустим, ты поможешь вытащить Карлоса из тюрьмы. Что взамен?
- У меня есть дело для умного лорда и четырех Героев, - негромко и очень серьезно ответил Бенефит. - Оно касается леди Кобрин и потому, как мне кажется, Карлос охотно примет в нем участие.
- Что за дело?
- Извини, Шахмана, но подробности я расскажу только твоему лорду.

* * *

С наступлением ночи вольный Фихтер терял изрядную долю привлекательности, на глазах превращаясь из респектабельного купеческого города в опасное поселение, наполненное страстями, грехами и пороком. Приносимая торговлей с адорнийцами прибыль была по мозгам не хуже крепкой настойки, и многие удачливые негоцианты охотно тратили легкие деньги на всевозможные удовольствия, как законные, так и не очень. Впрочем, грань между “законным” и “не очень” в ночном Фихтере истончалась до едва различимой линии. В кабаках и тавернах, количество которых не поддавалось учету, рекой лилось вино. Падали на игорные столы кости и карты, вызывая крики радости и вопли отчаяния. Битком наполнялись курильни, посетители которых предпочитали расслабляться с помощью дурманящего оппура. Хихикали на тротуарах размалеванные проститутки - и девушки, и мальчики. И запах денег, окутывающий город весь день, плавно трансформировался в аромат разврата.

Естественно, с наступлением темноты, на улицы выходили и громилы, терпеливо поджидавшие в переулках и тупиках заплутавших гуляк, но было их не так много, как могло показаться на первый взгляд. Услугами ночного Фихтера пользовались все: и залетные перекупщики из дальних провинций, и местные, привыкшие к порядку богатеи, а потому владельцы кабаков, курилен, игорных и публичных домов давно договорились с бандитам о поддержании порядка, и те не позволяли разбойникам особенно шалить.

- Омерзительно, - проворчал имперский прокурор, наблюдая, как стражники старательно “не замечают” столпившихся у фонаря проституток. - Они ведь узнали

меня, но продолжают делать вид, что все в порядке.

Демонстративно нарушая принятый в империи Билль о нравственности.

Ричард Бейл Петерсен провел в Фихтере уже несколько недель, но его по-прежнему раздражали местные “понятия”. Не привык.

- Образ жизни вольного города, - философски заметил едущий рядом с прокурором Герой -, плотный молниеносный в имперских цветах. - А проституток и в столице полно.

- Там хоть вид делают, что борются с пороком.

- Вас это устраивает?

- То, что столичные стражники лишь обозначают свою работу?

- Да.

- Не устраивает, - буркнул Петерсен и поджал губы.

Никогда не устраивало и, в отличие от фихтерской стражи, Ричард Бейл никогда не отворачивался. Он служил закону с истовостью фанатика, обличал преступников, невзирая на происхождение, и нажил множество врагов среди нечистых на руку царедворцев. Трижды прокурора Петерсена пытались убить - в последний раз его спасло чудо. Доносы на него поступали в имперскую канцелярию каждую неделю, против Петерсена свидетельствовали люди столь высокого ранга, что любая другая карьера давно была бы разрушена, но... Но император благоволил Ричарду, небезосновательно считал его лучшим псом в своре, и оставлял без внимания происки врагов. Взамен же Петерсону приходилось браться за самые трудные дела. К примеру - ехать в далекий Фихтер, в надежде раскопать в этой клоаке истинные причины убийства Безвариата Сотрапезника. И арестованный на Мозговитой улице Грид казался Ричарду Бейлу важным звеном в этом расследовании.

- Почему меня не позвали сразу? Грида задержали несколько часов назад.

- Мы вас не нашли, господин прокурор, - вежливо ответил молниеносный. - Я отправил пятерых посыльных, но все вернулись ни с чем.

Повелителем Эдди Грома был император, именно он, Пауль, глава всех доктов, лично воскрешал Эдди в случае необходимости, и этот факт позволял Грому держаться с прокурором почти на равных. И он совершенно не ощущал себя телохранителем Петерсена, каковым, на самом деле, являлся, скорее - заместителем.

- Ах, да, не нашли... - Прокурор потянул за узду, придерживая чересчур разогнавшуюся лошадь, и объяснил: - Я инспектировал строительство западной стены, ее реконструируют на деньги короны, и я считаю, что размах воровства там давно вышел за рамки приличий. Скажу честно: при Феррауте такой бардак был невозможен, а вот наш ны-нешний повелитель, да продлится его правление как можно дольше, немного распустил под-данных... - Петерсен умолк, после чего продолжил другим тоном: - А потом я решил немного прогуляться. Здесь замечательные места, Эдди, очень красивые. Леса совсем не похожи на северные, даже шумят иначе, а Ильва на закате просто великолепна... Ты уверен, что Карлоса не убьют до нашего возвращения?

Резкий переход от мягкого, романтического тона к деловому и жесткому вопросу мог сбить с толку кого угодно, но только не Грома - он давно привык к манере разговора Петерсена.

- Я предупредил начальника городской стражи о личной ответственности за жизнь Карлоса Грида, - размеренно ответил Герой. - Если с мальчишкой что-то случится, голову там разобьет или понос его до смерти замучает, мне придется кое-кого убить.

- Слово надо держать, - кивнул прокурор. - Но я хочу обязательно переговорить с Карлосом.

- Для этого нам надо как можно быстрее оказаться в тюрьме.

- Звучит забавно.

- Спасибо. - Эдди Гром выдержал паузу, демонстрируя, что добавлять “господин прокурор” не намерен, после чего поинтересовался: - Чем Карлос Грид так важен?

- Еще не знаю.

- Тоже смешно.

- Только на первый взгляд. - Петерсен помолчал. - Ты веришь, что мальчишка убил отца?

Ответ на этот вопрос Герой сопровождал пожатием плеч:

- В жизни всякое случается, насмотрелся. Не каждый наследник согласен терпеливо ждать, когда надоевшего папашу свалит старость, болячка или соседний лорд. Дети торопятся урвать свое, глотнуть власти, а туманит она почище крепкого вина.

В словах Эдди был смысл, и прокурору пришлось уточнить:

- Хорошо, поставлю вопрос иначе: если Карлос Грид действительно убил отца, пошли бы за ним Герои?

- Гм... - Гром поправил ремень, после чего негромко повторил: - Всякое случается, но... - Герои привязаны к лорду, а цена их верности - каталист. Казалось бы, веревка более чем прочная, но уникальным этот артефакт делает не лорд, а Герой, и если между ним и повелителем пробежит черная кошка, Герой сможет создать другой каталист и вручить его более подходящему владыке. - Датос был хорошим лордом?

- Насколько я знаю - да.

- В таком случае, его Герои вряд ли пошли бы за убийцей.

- И это косвенно обеляет Карлоса, - улыбнулся прокурор. - Против молодого Грида свидетельствуют ментор, пара стражников и кобрийцы во главе с Лашаром. Первая троица наверняка куплена, тем более, ментор Ханс вот-вот заполучит гридийскую корону. И я хочу знать, чем Карлос досадил кобрийцам?

- Он последний законный претендент на гридийское владение, и кобрийцы помогают своему ставленнику, Хансу.

- Или же Стеклодув что-то сказал Карлосу перед смертью. Что-то такое, что переполошило кобрийцев. - Петерсен помолчал. - Или, даже, напугало их.

Три часа. Три часа понадобилось врачам, чтобы привести Лашара в чувство. Рыцарь оставался слаб, едва ходил, тяжело опираясь на трость и руку Героя, но ясность ума вернулась, и как только это случилось, Лашар велел везти себя в ратушу.

Безумие? Сила? Страх перед леди Кобрин? Или все-таки неукротимость?

Исподлобья не знал, что думать. Невысокий и плешивый Маркус перевернул его представление о людях, об обычных людях, к которым Том давно не испытывал ничего, кроме презрения. Слабый и совсем не выносливый Лашар оказался настолько крепким духом, что сумел потрясти Героя, и это оказалось для Тома полной неожиданностью. И он, наконец, понял, почему леди Кобрин выделяла Маркуса среди помощников и поручала ему самые важные дела.

- Я слышал, вы добились успеха. Поздравляю. - Лашар не поздоровался, не стал тратить время на ненужные разговоры. Поддерживаемый Томом, он медленно вошел в кабинет городского головы, выплюнул фразу, больше похожую на оскорбление, и тяжело опустился в кресло. - Молодцы.

Толстый Статон - голова, и болезненно-бледный Жубер - начальник фихтерской стражи, переглянулись, но отвечать не стали. Лашара они знали давно и смирились с мерзким характером рыцаря.

- Вам повезло?

- Не важно, - холодно бросил Статон. - Мы захватили Карлоса Грида, и...

- Вы должны были его убить, а не арестовать, - отчеканил Маркус. Он был слаб, но голосом своим владел идеально, и по сравнению с морозом, которым Лашар обдал фихтерцев, холодность Статона показалась легким дуновением северного ветра. - Убить, что не ясно? Отсечь голову, истыкать арбалетными болтами, перерезать глотку, раскроить череп алебардой - убить. Вам, чтоб из вас черви полезли, знакомо определение слова "убить"?

Дерзость Лашара переходила все допустимые границы, но фихтерцы лишь отводили взгляды - леди Кобрин крепко держала их за горло.

- Знакомо, - буркнул Жубер. - Мы почти убили щенка, но с ним был Герой.

- Вас об этом предупреждали.

- А что мне предупреждения? В Фихтере нет лорда, а значит, нет и Героев. Ваш хваленый Изморозь пропустил удар в первую же секунду боя, и я вел своих людей на верную смерть.

- Как же вы справились? - издевательски осведомился Лашар.

- Эдди Гром помог, имперский молниеносный, - нехотя ответил начальник стражи. - Собственно, поэтому Карлос выжил - мы не могли убить щенка на глазах прокурорского телохранителя.

- А сейчас?

- Что "сейчас"? - не понял Жубер.

- Сейчас Карлос Грид мертв?

Безапелляционность кобрийца наконец-то возмутила фихтерцев, и голова решился на резкий выпад:

- Чтобы вы там себе не думали, Лашар, у нас приличный город, а не бандитский притон, - хмуро произнес Статон. - Мы не можем взять и убить находящегося под стражей человека, тем более - лорда.

- Личная ответственность, да? - криво улыбнулся Маркус. - Эдди Гром пообещал отрезать вам головы? Понимаю... сам бы так поступил...

Фихтерцы почли за благо не комментировать догадку рыцаря.

- Допрос уже состоялся?

- Нет.

- Хорошо. До утра мы что-нибудь придумаем.

- Прокурор едет в цитадель, допрос состоится сегодня, и помешать мы не успеем.

- Плохо, - тем же самым тоном, которым было брошено "хорошо", произнес Лашар.

- Какие будут предложения?

Статон и Жубер прекрасно понимали, на что намекает кобриец, но отвечать на вопрос им не хотелось. Не хотелось и все. Пусть скажет Лашар: его проблема - его идея - его ответственность. Отвечать, конечно, придется всем, но пусть скажет Лашар. Пусть скажет.

- Ричард Бейл Петерсен должен умереть, - веско произнес Маркус. - Мы, в Кобрии, не любим любопытных и наглых прокуроров.

- С ним Герой, - осторожно напомнил Жубер.

- А со мной трое.

- Прокурор квартирует в цитадели...

- Тем лучше, - хмыкнул Маркус. - Сразу всех прихлопнем: императорских нюхачей и нашего щенка. Я слишком устал, чтобы разъезжать по всему городу.

Исподлобья усмехнулся: "Он еще шутит!" И вновь подумал, что Лашар заслуживает

уважения.

Статон поднялся, достал из шкафчика кувшин с вином, не стесняясь, налил себе полный кубок и жадно выпил. Перспектива убийства имперского прокурора пугала городского голову, обычно он чиновников покупал.

- На кон поставлено наше будущее, - громко, серьезно и без всякой издевки произнес Лашар. - Карлос Грид знает важную тайну, и если она дойдет до императора, полетят головы.

“В первую очередь кобрийские”, - одновременно подумали Статон и Жубер.

- Все головы, которые участвовали в наших маленьких затеях, - уточнил Маркус.

“Он что, читает мысли?!”

- Не надейтесь отсидеться в стороне, друзья, не получится. Император давно точит зуб на Фихтер, и если появится повод, старикашка обязательно лишит вас вольностей. А повод у него будет очень серьезный.

- Мы не делали ничего, что способно разозлить императора.

- Вы дружите с леди Кобрин, этого будет достаточно.

- Мы маленькие люди: сегодня дружим, завтра нет, - промямлил Статон.

И немедленно услышал неприятный ответ.

- Вы маленькие люди с большими деньгами, вряд ли император об этом забудет, и размер штрафа вас не обрадует. Но только нет никакой гарантии, что штрафом дело ограничится. И не забывайте, что вас двоих купцы сдадут мгновенно. - Лашар подался вперед: - Не глупите, друзья, всем будет проще, если мы почистим следы и обо всем забудем.

Фихтерцы неуверенно переглянулись:

- Ну... наверное.

Останется город вольным или нет - неизвестно, но их карьерам точно придет конец. И хорошо, если только карьерам.

- Вот и славно. - Маркус вновь откинулся на спинку кресла. - Карлоса сопровождали два Героя: воевода и лиса. Кого убили на Мозговитой?

- Воеводу.

- А что насчет лисы?

- Мои шпионы засекли ее, - с достоинством ответил Жубер. Мол, мы тоже не лаптем щи хлебаем, кое на что способны. - На постоялом дворе “Лед и пламя” поселилась огненная лиса, сказавшая, что она из Морадии.

- Я не верю в совпадения.

- Я тоже. Поэтому и сказал, что мы засекли гридийку.

- Съездить? - мрачно спросил Исполдобья.

Фихтерцы, не ожидавшие, что Герой подаст голос, дружно вздрогнули.

- Не нужно, - задумчиво протянул Маркус, не отрывая взор от начальника стражи.

- Гридийка знает, что Карлос арестован?

- Я позаботился о том, чтобы за соседним столиком оказалась говорливая компания,

- усмехнулся Жубер. - Хотел посмотреть, что она будет делать.

- Очень хорошо, - одобрил Лашар. - Что сделала гридийка?

- Ушла в свою комнату.

- Следите за ней, - приказал Маркус. - Если попытается сбежать - убейте, если соберется к тюрьме - не мешайте, убьем там. - И весело, по-настоящему весело, улыбнулся: - Кто-то должен ответить за смерть имперского прокурора.

Воняло в фихтерской тюрьме гораздо меньше, чем в сарае фанатиков, но все равно воняло. А источником запаха, как и тогда, выступала солома, только не мокрая куча, а влажный тюфяк, который обозначал в клетке Карлоса постель. Именно в клетке - камеры в фихтерской тюрьме располагались ниже, в подвале, и выше, на втором и третьем этажах. А вот на первом, в знаменитой среди бандитов вольного города “приемной”, стояли клетки. Здесь держали “свеженьких”, только-только задержанных арестантов, ожидающих суда или допроса.

- Эй, красавчик, за что замели?

В клетке справа сидела адорнейшая, хрупкая девушка с короткими черными волосами. Одета она была в цветастое, но очень грязное платье, подол которого едва доходил до колен, и облегающую кофту. Девушка сидела на тюфяке, прислонившись спиной к стене и положив голову на колени, а потому лица ее Карлос, к большому для себя сожалению, не увидел. А в клетке слева скучал облезлый паренек с наглыми глазами, который, не дождавшись ответа, повторил:

- Я спрашиваю: за что замели?

- По недоразумению.

- Ох, ты! - рассмеялся облезлый. - Судя по одежде - пентюх пентюхом, а слова какие знаешь: недоразумение... Грамотный, что ли?

- Не без этого, - хмыкнул Карлос.

- Давно в Фихтере?

- Сегодня приехал.

- И сразу в тюрьму? Поздравляю. Чего откладывать-то? - Облезлый широко зевнул, демонстрируя свое отношение к нерасторопным провинциалам, и представился: - Меня Вилли Задохликом зовут. Слышал?

- Не успел.

- Ничего, услышишь еще, - пообещал Вилли. - Посидишь пару месяцев “за недоразумение”, от ребят всякого наслушаешься.

- За что сидеть-то?

“Недоразумение” не показалось Карлосу поводом для столь длительного срока. То есть, свои перспективы юноша понимал ясно, но ему вдруг стали интересны особенности фихтерского законодательства - не получится ли так, что его ожидает не петля, а беспристрастное расследование? К сожалению, ответ Вилли оказался безрадостным.

- За что сидеть будешь - тебе лучше знать. - Задохлик снова зевнул. - Стражники наши любят новеньких ловить, типа, показывают, что на износ работают. А наши иногда специально пришлых сдают, чтобы не мешали. Фихтер город богатый, вот и съезжаются сюда разные... Только поляну портят.

- А ты, стало быть, местный?

- Ага.

- Как же в тюрьму залетел?

- По недоразумению.

- В какой раз?

- Не твое дело. - Задохлик насупился, словно припомнил что-то очень неприятное, но все-таки бросил угрюмо: - Во второй.

И сплюнул.

- В наших краях за вторую кражу на год сажают, - сообщил Карлос, сообразивший, что нащупал больную для незваного собеседника тему. - А здесь?

- Здесь руки рубят.

- Поздравляю.

- Да, пошел ты.

- С удовольствием.

Карлос отвернулся - ему и в самом деле надоела болтовня с расстроенным безрадостной перспективой уголовником, - и отошел к противоположной клетке, надеясь разговорить хрупкую адорнийку.

- Все слышала?

Молчание.

- Как тебя зовут?

Молчание.

Девушка продолжала сидеть, как сидела - уткнувшись лицом в колени, и никак не реагировала на Карлоса.

- Только не притворяйся, что не понимаешь, - невозмутимо продолжил юноша. - У меня была подружка-адорнийка, и я знаю, что наши диалекты очень похожи.

Замечание насчет подружки девушку явно задело. Она подняла голову, несколько секунд презрительно изучала Карлоса, после чего процедила:

- Ни одна сестра не стала бы тратить время на докта. Вы такие... - Помолчала, подбирая наиболее обидное определение, нашла и усмехнулась: - Вы такие блеклые, что противно даже думать о близости с вами.

У нее было тонкое, по-птичье узкое лицо с очень резкими чертами. Острый подбородок, полоска тонких губ, нос с горбинкой, маленькие черные глаза - по меркам доктов девушка была замухрышкой, однако Карлосу она показалась необычайно привлекательной, и сердце молодого человека учащенно забилося.

- Я не всегда сидел в тюрьме и носил такую паршивую одежду, красавица. Я - лорд.

- А я - принцесса.

- Значит, мы равны, красавица, и можем говорить свободно. - Юноша, стараясь оказаться как можно ближе к адорнийке, уселся на пол у самой клетки. - Меня обвиняют в убийстве отца, но это происки врагов, которые хотят завладеть моим владением. Гридия, слышала? Это в Идмарской Пуще. Хорошее владение, провинциальное, конечно, но там я был счастлив... До тех пор, пока одна могущественная леди, которую я никогда в жизни не видел, не убила моего отца. Не сама, конечно, убила, Героев подослала. А обвинили во всем меня, так что завтра, скорее всего, я останусь без головы. - Слова лились рекой, вылетали, на ходу выстраиваясь в гладкие, словно зазубренные фразы, а вместе с ними выходил страх. Противный страх, поселившийся в Карлосе с самого ареста. Всю дорогу до тюрьмы юноша едва сдерживался, разговор с воришкой дался ему с огромным трудом, однако вид красивой девушки заставил молодого лорда взять себя в руки. - Но не будем о грустном... Поверь, красавица, я был довольно ярким парнем, пока не попал в эту заварушку, и не соврал тебе: у меня действительно была знакомая адорнийка. Близкая знакомая.

О том, что его девушка была полукровкой и его служанкой, Карлос благоразумно умолчал.

- Ты говоришь, как образованный, - протянула слегка ошарашенная услышанной исповедью адорнийка.

- У меня нет никаких причин врать, красавица. Я не шутил, когда говорил, что завтра меня казнят, а значит, я ничего не смогу от тебя добиться - нам ведь мешает клетка. - Карлос был уверен в каждом своем слове. Его поймали, у него осталась только Егоза, которая ничем не сможет помочь, а значит, он проиграл. Завтра его казнят. И флирт с привлекательной девушкой помогал юноше отвлекаться от мрачных мыслей. Он рисовался? Да, рисовался, но только для того, чтобы не расплакаться. - Наша встреча

останется мимолетным видением, и лишь поцелуй, если он, конечно, состоится, может составить мою награду.

Нахальная откровенность заставила девушку улыбнуться. Возможно, услышь она такие слова при других обстоятельствах, говорливый докт получил бы пощечину, но здесь, в тюрьме, они прозвучали... мило.

- А чего бы ты хотел от меня добиться?

- Мне нравятся адорнийки, в вас есть огонь.

- А в доктах?

- Тоже хороши, но адорнийки мне нравятся больше.

Искренность. Все дело в искренности. Девушка видела, что парень в неряшливой одежде не лжет, что он действительно образован и, главное - она ему нравится.

- Как тебя зовут?

- Карлос Грид. А тебя?

- Марида.

- Красивое имя.

Фраза пошлая, до невозможности, но прозвучала изысканным комплиментом.

- Кто твой враг, Карлос?

- Леди Кобрин.

Девушка едва заметно вздрогнула.

- Тебе не повезло.

- Дважды не повезло, Марида, - улыбнулся юноша. - Сначала она захотела Гридию, а потом я узнал ее тайну.

- Какую тайну?

- Из-за которой я скоро умру.

Еще одного шанса не будет, его не воскресят, как Героя, но теперь, слегка успокоившись благодаря разговору с адорнийкой, Карлос больше беспокоился не о себе, а о Героях, о Рыжем Усе, Самостреле и Урагане. Особенно - об Урагане. Старый воевода доверился ему, рискнул отправиться в Фихтер, а он, Карлос, его подвел.

“Пожалуй, следует рассказать кобрийцам, что за безделушки лежат в моей сумке. Хуже не будет, а ребят, возможно, спасу. В конце концов, леди Агата не такая дура, чтобы разбрасываться опытными Героями”.

“Ребят...” Много ли лордов говорят так о своих Героях? Даже перед смертью.

- О чем задумался, Карлос?

- Да так, вспоминал кое-что, - улыбнулся юноша, потирая подбородок. Во время скитаний борода отросла, и едва напоминала ту аккуратную, словно нарисованную бородку, которой он привык гордиться. - А тебя за что в тюрьму определили? За контрабанду?

“Откуда он знает?”

Мелькнула предательская мысль - подсадной! Мелькнула, но тут же пропала. Не чувствовала Марида лжи в словах Карлоса, совсем не чувствовала, а потому ответила честно:

- Меня арестовали около больших скал, что к востоку от города. Я следила за контрабандистами.

- Следила? - удивился юноша. - Зачем? В смысле, для чего тебе? Ты тоже из них?

- Нет, совсем наоборот, - покачала головой Марида. - Меня похитили и привезли на этот берег, наверное, на продажу. Но мне удалось бежать и я решила проследить, куда повезут моих друзей.

- Очень смело, - с уважением произнес Карлос.

- Не могла их бросить... А может, я просто не знала, что делать дальше. - Девушка легонько развела руками. - И еще я очень хотела отомстить, понимаешь? Они называли нас "скотами". Скотами!

- Они сами скоты.

- Да, наверное. Они все скоты: и докты, и адорнийцы. Ведь похитили нас адорнийцы. "Вот так у лордов и появляются красивые невольницы, умеющие петь, танцевать и ублажать..." Карлосу стало противно.

- О чем шепчетесь? - громко осведомился соскучившийся по обществу Задохлик.

- Не твое дело, - отрезал юноша, даже не повернувшись к вору.

- Исхитрился уболтать бабенку? Молодец, красавчик, со мной поделишься?

- Заткнись.

- Будешь грубить, скажу стражникам, что вы побег замышляете.

А этот вопль Карлос оставил без внимания.

- Так за что тебя арестовали, Марида? За то, что наблюдала?

- Все не так просто. - Девушка тоже под села к клетке и понизила голос. - Контрабандистов кто-то убил.

- Ого!

- Я сильно ослабла, отстала, не видела, с кем они встретились, не видела бой и не знаю, кто их перебил. - Воспоминание о неудаче ножом резануло по сердцу. Там, у скал, за-хваченная врасплох Марида окончательно растерялась. Драться с представителями закона не рискнула - ссора с доктами в ее планы не входила, говорить правду тоже не хотела, поскольку прекрасно понимала, какую власть имеет в Кобрии и Фихтере леди Агата. Вот и решила прикинуться несчастной жертвой, что было недалеко от истины, в надежде, что фихтерские стражники отпустят ее в Адорнию. - Я отстала, мне было очень трудно...

- Ты не должна себя винить.

Но девушка не услышала слова Карлоса.

- Я нашла на поляне раненого, и перед смертью он сказал, что нас везли в Три Вершины.

- К леди Кобрин?

- Да.

Карлос изумленно посмотрел на Мариду:

- Зачем ей адорнийцы?

- Не знаю.

- Леди Кобрин занимается работоторговлей? - Это известие совершенно не вязалось с тем, что знал Карлос о кобрийской владычице. - Не верю.

- Он умирал, - угрюмо произнесла Марида. - Зачем ему врать?

"И я не врал десять минут назад, тоже был искренним, и я тоже умираю... Но для чего леди Кобрин адорнийские невольники? И почему она соблюдает такие меры предосторожности? Почему приказала убить контрабандистов?"

"Праймашина..."

- Я сказала стражникам, что ничего не видела, - продолжила девушка. - Но они хотят, чтобы меня допросил большой начальник. Сказали, что отпустят после допроса.

- Кобрийцы держат фихтерскую стражу за горло, - негромко сказал Карлос. - Если они догадаются, что ты из того каравана, прикажут тебя убить.

- Я тоже так думаю.

Юноша протянул через решетку руку и мягко сжал ладонь Марида.

- Добро пожаловать в клуб мертвых врагов леди Кобрин.

Она не вздрогнула и не отстранилась.

- Мы еще живы.

- Это ненадолго.

- Я слышал, вы добились успеха. Поздравляю. - громко произнес Ричард Бейл Петерсен и удивленно посмотрел на вздрогнувшего Жубера: - Что-то не так?

- Все в порядке, - выдавил начальник стражи. - Благодарю.

Но природная его бледность стала еще более очевидной, и теперь лицо фихтерца напоминало вылепленную из снега маску.

- Это я вас благодарю, Жубер: поймать за один день столько опасных преступников дорогого стоит. Поверьте, я восхищен.

- Благодарю.

- Оставьте. - Прокурор перевел взгляд на записи. - Кто такой Вилли Задохлик, поимкой которого так гордится ваш заместитель?

- Известный вор и мошенник, - доложил начальник стражи. - Взят с поличным при попытке ограбить дом купца Свенса. Повторный арест, а значит, завтра он лишится руки.

- Очень хорошие законы, - одобрительно пробормотал Петерсен. - Если я правильно понял, Задохлик из местных бандитов? Он фихтерец?

- Совершенно верно.

- И этот факт радует меня больше всего, Жубер: вы наконец-то взялись за доморощенную преступность, ибо до сих пор вашим стражникам попадались исключительно залетные гости, чужаки, прибывшие в вольный город в надежде пожить.

- Не только.

- Как правило.

- Вам виднее, - сдался начальник стражи.

- Вот именно - виднее, - веско произнес Петерсен. Помолчал, обдумывая диалог, и решил слегка подсластить пилюлю: - Зато теперь у меня есть повод сообщить его величеству, что в Фихтере начали всерьез бороться с преступностью.

- Благодарю.

Это слово удавалось начальнику стражи лучше всего.

- Не за что, Жубер, не за что: успехи последних дней целиком и полностью ваша заслуга.

Если, конечно, позабыть о неподкупном прокуроре, который пристально следит за каждым шагом начальника стражи. Официально фихтерские блюстители порядка Петерсену не подчинялись, но были обязаны поддерживать законность, согласно принятым в империи нормам, и неблагоприятный отзыв прокурора мог иметь далеко идущие последствия, вплоть до отзыва дарованных городу вольностей. До сих пор Жубер улаживал все возникающие недоразумения с помощью звонких монет, но проклятый Петерсен требовал результатов, а не денег, вот и приходилось работать по-настоящему.

“Ну, ничего, скотина, скоро ты перестанешь быть занозой в заднице”.

- Теперь расскажите мне о девушке, которую ваши люди арестовали у Задранных Пальцев.

“Она-то чем тебе интересна? Зачем я вообще доложил об адорнийской сучке? Надо было вышвырнуть ее на тот берег, да забыть!”

Пару месяцев назад так и случилось бы, но бурная деятельность нового прокурора

дала результаты: обалдевшие от постоянных придинок стражники принялись рьяно исполнять свои обязанности, не оставляя без внимания даже такие мелочи.

- Обычное дело, - махнул рукой Жубер. - Контрабандисты не поделили товар или не сошлись в цене, устроили драку...

- Драку? - поднял брови Петерсен. - В отчете сказано о десятке с лишним трупов.

- Одна банда перебила другую.

- За что?

- Я ведь сказал: не поделили товар или не сошлись в цене, других причин для боя у бандитов нет. У Заданных Пальцев мы нашли только убитых преступников, и спрашивать было не у кого.

Не хватало еще расследовать бандитские разборки. Порезали друг дружку, и ладно, меньше головной боли.

- Почему ваши люди не пошли по следу?

- Стражников было всего пятеро, и они...

- Побоялись отправляться в лес.

Всякое рвение имеет пределы.

- Проявили разумную осторожность, - защитил своих людей Жубер. - К тому же арестованная адорнийка наверняка расскажет, из-за чего случилась драка, и кто принимал в ней участие.

- Полагаете, она входила в одну из банд?

- Такое случается, - не стал скрывать Жубер. - Здесь, на границе, люди и адорнийцы уже начали смотреть друг на друга, как на... Как...

Начальник стражи вдруг подумал, что следующая фраза идет в разрез с официальной позицией империи, и прикусил язык.

- Как на обычных соседей? - подсказал прокурор.

“Он вообще ничего не боится? Или проверяет меня?”

- Да, как на обычных соседей, - кивнул Жубер. - Насколько я понимаю, такие новости императора не обрадуют.

Время для народа и власти течет по-разному. Десять лет для повелителя доктов - мелочь, сущая ерунда, на фоне стратегических задач по развитию империи. Для него война была вчера, и завтра, вполне возможно, повторится. А для простых людей десять лет - изрядный кусок жизни, наполненный многими событиями. Простые люди, и докты, и адорнийцы, саму войну помнят не очень хорошо, ее заслонили повседневные дела, но повторения ее не желают.

- Адорнийка, значит? Гм... любопытно. Я допрошу ее завтра. - Петерсен отложил в сторону доклад о контрабандистах. - Теперь поговорим о главном, о Карлосе Гриде. Как вам удалось его поймать?

- Карлоса опознал Улле Изморозь, Герой леди Кобрин, который...

- Который был в Гридвальде, я помню. Они столкнулись на улице?

- Можно сказать и так. - Жубер позволил себе короткий смешок. - После смерти Безвариата Сотрапезника мы установили в его особняке новейшую прайм-защиту, не хотели, чтобы воришки и бродяги превратили дом великого человека в помойку. Сегодня она сработала, стражники прибыли, оцепили Мозговитую улицу, и Улле заметил в толпе Карлоса Грида.

- Карлос был в доме?

- Нет. Побывавшему там преступнику удалось скрыться.

- Понятно. - Петерсен побарабанил пальцами по столешнице. - Есть основания думать, что в дом Безвариата пробрался сообщник Карлоса Грида?

- Откуда взяться основаниям, если Грида еще не допрашивали? - удивился Жубер.
- И правильно. - Прокурор поднялся на ноги. - Распорядитесь, чтобы Карлоса немедленно доставили в допросную.

- Тюрьма находится в городской цитадели...
- Проклятье, - выдохнула Шахмана. - В цитадели!
- Одно название, - махнул рукой Акакий. - Купцы прекрасно понимают, что в случае войны Фихтер и дня не продержится, но должны были выполнить приказ императора об укреплении города, вот и построили нечто, названное цитаделью.

- А на самом деле? - поинтересовалась приободрившаяся Егоза.
- На самом деле это унылый трехэтажный четырехугольник, занимающий один из центральных кварталов Фихтера. - Бенефит расстелил на столе пергаментный лист и быстро набросал несложную схему. - Воротное крыло выходит на улицу Имперских побед, в нем расположены штаб городской стражи, кухня и прочая ерунда. На противоположной стороне цитадели, примыкающей к Мозговитой, находятся конюшни, псарня, арсенал и склады. Правое крыло, идущее вдоль Деловой, занято казармами, а левое, выходящее на Прибыльную улицу, отдано под тюрьму. На первом этаже "приемная" и допросные комнаты, все остальное - камеры.

- То есть, Карлос, скорее всего, на первом этаже?

- Ага.

- Это упрощает дело.

Ученый кивнул и продолжил:

- Единственная проблема заключается в том, что в цитадели нет выходящих на улицу окон. - Акакий усмехнулся: - Специально так сделали, чтобы она хоть немного напоминала настоящую крепость.

- А ворота охраняются?

- Не считай фихтерцев идиотами - конечно, охраняются. И на крышах стражники стоят, ворон пугают.

- Как же мы пройдем внутрь?

- Взорвем стену.

- Крепостную?

- Повторяю: фихтерская цитадель только похожа на крепость. Две трети денег на ее постройку дал император, из них половину украли - вот тебе и Вольный Город как он есть!. Ту треть, что должны были внести местные купцы, вообще никто не видел, вот и получается, что на сооружение этого сооружения потрачено меньше половины положенного. Будь с нами воевода, он бы "крепостную" эту стену одним пинком снес.

- Правда?

- У тебя деньги есть?

- А зачем тебе? - Неожиданный переход заставил Егозу насторожиться.

- Нам с тобой до воеводы далеко, а значит, придется стену взрывать, - объяснил Бенефит. - Я знаю людей, у которых можно купить прайм-бомбы.

- Дорого?

- Приемлемо. Ты хочешь спасти своего лорда?

- Хочу.

- В таком случае, не жадничай. Есть деньги?

- Есть.

- Другой разговор, - повеселел Акакий. - С бомбами мы легко управимся.

- Неужели? - недоверчиво прищурилась Героиня. - Кто это сказал?

- Я.

- И много крепостей ты взял?

Шахмана прекрасно понимала, что ей самой разработать план операции не по зубам. До сих пор за нее думал старый Датос, потом его обязанности взял на себя заслуживший доверие Карлос, но Бенефит... Это уж слишком.

- Нам не нужно захватывать цитадель. - Понявший, что к чему, Акакий принялся медленно и ласково, как маленькому ребенку, объяснять Героине свой замысел. - Нам нужно организовать побег, то есть: быстрый налет и еще более быстрый отход. А что для этого нужно?

- Э-э...

- Правильно: отвлечь внимание основных сил противника! Ты умница, Егоза!

Оспаривать последнее замечание у Шахманы не было никакого желания.

- У меня есть на примете ребята, которые за небольшое вознаграждение устроят знатную бузу на углу Побед и Деловой. - На схеме появился жирный крест. - Стражники бегут туда, бряцая мечами и алебардами... - Их путь ученый обозначил стрелочкой. - Мы взрываем стену со стороны Прибыльной и врываемся в тюрьму.

Бенефит победоносно посмотрел на Егозу. Но вместо восхищенного восклицания услышал небрежное:

- И что?

- И все.

Героиня поморщилась.

- Не хочу тебя расстраивать, Акакий, но нам не нужно врывать в тюрьму. Нам нужно вытащить из нее Карлоса.

- А-а...

- Твой план это предусматривает?

- А ты на что? - произнес, после секундной заминки, ученый. - Ты ворвешься внутрь, найдешь Карлоса...

- Перебьешь всю стражу, - продолжила Егоза и покачала головой. - Акакий, не смей меня. Твой план - полное дерьмо.

Бенефит помялся, растерянно глядя на схему цитадели, пожал узкими плечами, словно говоря: "Согласен", после чего перевел взгляд на Героиню и робко ответил:

- Другого у нас нет.

Допрос проходил здесь же, на первом этаже тюрьмы, но не в клетке, а в большой, аккуратно побеленной комнате без окон и с двойными дверями, через которые в коридор не проникало ни единого звука. Мебель в комнате стояла грубая, дерево потемнело от старости и сырости... во всяком случае, Карлос пытался убедить себя в том, что подозрительные пятна на столешнице не имеют никакого отношения к крови. Но верилось плохо, поскольку украшали стены не картины в рамах, а разнообразные пыточные инструменты разной степени изношенности. Вниманию молодого человека были представлены три вида кандалов, четыре разнообразные плетки, удавка, железный кляп, молитвенный крест и ручная пила. В углу стояло шипастое пыточное кресло самого, что ни на есть зловещего вида, а рядом с ним притулился пресс для черепа. Выглядели инструменты настолько ужасно, что юноша не сразу услышал мягкий вопрос:

- Карлос, лорд Грид, я полагаю?

- Что?

- Вы - Карлос Грид?

- Да.

- Садитесь, пожалуйста. Садитесь на лавку... пока.

Карлос хотел ответить что-нибудь дерзкое, или отказаться от приглашения, заявив, что достаточно насиделся, но поразмыслив, решил не раздражать без нужды человека, способного превратить его последние часы в томительно долгий кошмар, и послушно уселся напротив.

- Меня зовут Ричард Бейл Петерсен, имперский прокурор вольного города Фихтер.

- Очень приятно.

- Мне тоже.

Чем-чем, а внешностью имперский прокурор не удался. Долговязый, тощий, он напоминал цаплю, которую какой-то весельчак засунул в дорогой черный камзол. Длиннющий нос и острый, как наконечник копья, подбородок, усиливали это впечатление, однако жесткие серые глаза Петерсена предупреждали, что шуток он не потерпит. От прокурорского взгляда по коже шел такой же мороз, как и от вида пыточных инструментов.

- Я сам из столицы, - дружелюбно поведал Петерсен. - Закончил Университет, и уже восемнадцать лет честно служу короне... Вы ведь бывали в столице, Карлос Грид?

- Я обучался в Академии Лордов.

- И все?

- А что там еще делать?

Вообще-то дел для молодого повесы в столице полно, но отец велел возвращаться в Пуцу, и Карлос подчинился.

- Так я и думал... А в Фихтере?

- До сих пор ни разу.

- В Кобурге?

- Никогда.

- В Адорнии? Хотя, мог бы и не спрашивать...

- Я не бывал в Адорнии.

- Простой провинциальный мальчик... Почему леди Кобрин хочет вас убить, Карлос Грид?

Неожиданно брошенный вопрос слегка смутил юношу, но ответил он довольно быстро:

- Она убила моего отца.

- И что? - равнодушно поинтересовался Петерсен.

Настолько равнодушно, что Карлос едва не выругался.

- Теперь леди Кобрин хочет добраться до меня.

Казалось бы: что непонятного, однако у прокурора объяснения юноши вызвали скепсис.

- Ваши объяснения смехотворны, Карлос Грид - вы уже вне закона. Вас вздернут в любом городе, и кобрийцам нет никакой необходимости гоняться за вами, но они это делают... Почему?

Резкие вопросы в конце тягучих, расслабленных фраз, сбивали с толку, но юноша держался.

- Хотят довести дело до конца?

- Никто не любит работать больше, чем это необходимо. - Петерсен неожиданно поднялся и медленно прошелся вдоль стола. - Меня назначили имперским прокурором Фихтера месяц назад, и поверьте, Карлос Грид, я сюда не рвался. Мне было хорошо

в столице, очень хорошо. Меня там все ненавидят, кроме императора, разумеется, да продлится его правление вечно, и меня все боятся. Я честный... Вам знакомо это слово: "честный"? Нянька о нем рассказывала? Я заставляю людей соблюдать законы, и за это меня ненавидят воры и ценит император. Именно он послал меня в Фихтер. Прежний прокурор потерял доверие, точнее, его величеству не понравился ход расследования убийства Безвариата Сотрапезника, и он прислал меня. Я хороший прокурор, Карлос Грид.

- Надеюсь.

- Но я не обладаю здесь всей полнотой власти. Его величество даровал Фихтеру вольности, а потому я вынужден действовать с оглядкой на местные власти. Но и они, в свою очередь, не могут игнорировать представителя короны... Вы меня понимаете, Карлос Грид?

- Нет.

Петерсен неожиданно склонился к юноше, так, что его длинный нос едва не уперся в глаз Карлоса, и отчеканил:

- В настоящий момент между вами и петлей стою только я.

- Что мешает вам отойти в сторону?

Общение с Маридой прибавило Карлосу сил, и он достойно выдерживал давление Петерсена.

- Я - хороший прокурор, - повторил Ричард Бейл. - И я не могу понять, что может связывать вас, провинциального олуха, с Безвариатом Сотрапезником... Вы когда-нибудь встречались?

- Нет.

- Вели общие дела?

- Нет.

- Ваш отец?

- Нет.

- А у меня полно свидетельских показаний, из которых следует, что вы оплатили убийство Безвариата, а затем лично устранили исполнителя - Яна Стеклодува.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, после чего юноша облизнул губы и негромко, но твердо произнес:

- Если вы поверите свидетелям, то здорово облегчите себе жизнь, господин имперский прокурор.

Петерсен улыбнулся:

- Не теряете присутствия духа, Карлос Грид? Мне это нравится.

- Все остальное я уже потерял.

- Не все. - Ричард Бейл вернулся в кресло, покопался в ящике стола, вытащил замшевый мешочек и аккуратно высыпал из него каталисты. - Ваши?

Глиняная свистулька, туз пик, золотой знак и дешевая заколка. Мелочи... Такие важные и такие бесполезные сейчас мелочи.

- Каталисты моих Героев.

- Которые отправились с вами в Фихтер, - провозгласил прокурор. - Этот факт косвенно свидетельствует о том, что вы не отцеубийца, Карлос Грид.

- Так и есть.

- Допустим. - Петерсен повертел в руке глиняную свистульку Арчибальда. - Безвариат Сотрапезник был гением, одним из величайших умов Доктской империи, его изобретения помогли нам победить в Войне за Туманную Рощу и его высоко ценили при дворе. Но Безвариат был эксцентричен, несколько лет назад он неожиданно покинул

столицу и переехал в Фихтер. Сказал, что здесь ему лучше думается.

- Почему его отпустили?

- Император не может бегать за изобретателями, в голове которых больше тараканов, чем на крестьянской кухне. Он распорядился приглядывать за Безвариатом, но, насколько я понимаю, ответственные за это люди были подкуплены. В настоящий момент они или умерли или исчезли, и мы ничего не знаем о том, чем занимался Сотрапезник последние годы. Согласитесь - весьма подозрительно.

- Согласен, - пробормотал юноша, понимая, что прокурора его ответ не интересует.

- Потом Безвариата убивают, а при расследовании всплываете вы, Карлос Грид, мальчик из Идмарской Пуши, якобы заказавший убийства гения... Я думаю, вас подставили.

- Вы - хороший прокурор.

- А вы должны мне доверять, Карлос Грид, потому что лишь в этом случае я смогу вам помочь... Зачем вы приехали в Фихтер?

- Я собирался в Кобург, а в Фихтер заехал, чтобы узнать, что случилось с Безвариатом.

- Чтобы узнать! Смешно. - Прокурора и в самом деле позабавила самонадеянность юноши. - Лучшие следователи империи не понимают, а он "заехал, чтобы узнать". Между делом. По дороге в Кобург.

- Может, лучшие следователи не там ищут?

- Может, - неожиданно легко согласился Петерсен. - Но мы стараемся, Карлос Грид, мы не сидим сложа руки. Во всяком случае - я не сижу. - И посмотрел на пергаментный лист. - Тут написано, что вы лично убили Яна Стеклодува.

- Теперь я понимаю, что это было ошибкой.

- Ошибкой? - поднял брови прокурор.

Этим движением он ясно дал понять, что требует ответа, и Карлосу пришлось объяснять:

- Рыцарь Лашар прибыл в Гридвальд с официальными документами от ваших "лучших следователей", в них Ян Стеклодув обвинялся в убийстве Сотрапезника, и мой отец не имел права мешать Лашару. Я случайно принял участие в облаве и, так уж получилось, убил Яна. Мне жаль. На следующий день Лашар испросил аудиенцию... - Карлос сглотнул. - Явился в замок с Героями и... И убил отца.

- Вы присутствовали на аудиенции?

- Да.

- Лашар пытался переманить лорда Датоса на сторону леди Кобрин?

- Нет.

- Он намекал, что имеет смысл прислушиваться к приказам леди Кобрин?

- Нет.

- В таком случае, Карлос Грид, вашего отца убили не из-за гридийского владения. Или: не только из-за него. - Пауза, пристальный взгляд, и жесткие вопросы: - Что напугало кобрийцев? Почему они гонятся за вами по всей империи?

"Поверить или нет?"

Последние слова Стеклодува были единственным оставшимся у Карлоса козырем, и оставалось решить, когда его разыграть? Сейчас? Почему нет? Что он теряет, если вдуматься? Он в тюрьме, он приговорен к смерти и палачи не остановятся, даже поверив, что он ничего не знает. Его судьба predetermined, и нет лучшего момента, чтобы выложить козырь на стол.

Карлос посмотрел Петерсену в глаза, и негромко произнес:

- Дело в том, что перед смертью Стеклодув мне кое-что сказал...

- Ничего я им не говорил, - окрысился Акакий.

- Предложил побуйнить возле цитадели и ничего не объяснил? - Егоза выразительно посмотрела на ученого. - Ври больше.

- Я им твоих денег дал.

- Только из-за денег они не полезли бы.

- Ладно, ладно, сообразительная моя, - сдался Бенефит, и пустился в объяснения: - Вчера вечером стражники поймали Вилли Задохлика, любимца местных бандитов, а поскольку попался он во второй раз, то завтра лишится руки. Ребята Вилли сочувствуют, и я посоветовал нескольким сорвиголовам выразить несогласие с жестокими законами возле цитадели. Так что повод у них есть, и шуметь бандиты будут активно.

- Ты так хорошо знаешь местных уголовников?

- Я умею общаться с людьми, Шахмана. Я слушаю, что они говорят и вникаю в их проблемы. Взять, к примеру, тебя...

- Заткнись.

- Понял.

Респектабельная Прибыльная улица, примыкавшая к тюремному крылу цитадели, была застроена доходными домами и, поскольку стрелки ратушных часов указывали на два ночи, давно пребывала во сне. Люди на Прибыльной жили достойные, на ерунду всякую, вроде ночных приключений с девицами без комплексов, не разменивались, прохожих не было и заговорщикам никто не мешал.

- Будем надеяться, что уголовники не подведут. - Егоза в последний раз проверила снаряжение, после чего вновь посмотрела на ученого: - Все готово?

- До самого последнего винтика, - подтвердил тот. - Прайм-бомбы я выбирал лично, бабахнут так, что весь Фихтер вздрогнет. А дальше все зависит от тебя.

- Речь не обо мне. Ты свою задачу помнишь?

- Я обеспечиваю отступление, - важно ответил Бенефит. - Без меня ничего не получится.

Три жеребца Шахманы и бричка ученого стояли в маленьком темном тупичке, образованном двумя трехэтажными домами, и не были видны с улицы. За их сохранность и отвечал Акакий.

- На тот случай, если нам придется расстаться, запомни: в седельных сумках лежат бомбы, их мощности хватит, чтобы снести городские ворота.

- Мы не расстанемся, - хмыкнула Егоза. - Ты к нам надолго прилип.

- И то верно, - улыбнулся в ответ Бенефит, и поднял вверх указательный палец: - Слышала? Кажется, начинается.

- Чего они ждут? - угрюмо спросил Маркус.

- Не решаются, - хмыкнул Статон. - На их месте я тоже сомневался бы атаковать цитадель это... это очень смело. И безрассудно.

- Конечно, конечно, - пробормотал Лашар. - Цитадель - это серьезно.

- Вот именно.

Они заняли позицию у трактира "Рыбак и рыбака", примерно в квартале от огненной лисы и ее спутника, а о том, что происходило возле цитадели, узнавали от разведчиков. Группа была небольшой, всего пять человек, помимо Маркуса и городского головы у трактира мялись трое Героев: Том Исподлобья, Улле Изморозь и Максимилиан Раздаватель, вновь собравшиеся вместе после недолгой разлуки. Фихтерцев, кроме Статона, среди заговорщиков не было, даже разведчики были кобрийцами, и это

обстоятельство городского голову полностью устраивало: меньше людей, меньше разговоров.

- Вы проверили заморыша, что помогает лисе?

- Этим занимался Жубер.

- Проверили или нет?

Статон угрюмо вздохнул: его бесило высокомерное обращение Лашара, но ответил:

- Бродячий изобретатель Акакий Бенефит. Полагаю, он познакомился с гридийцами по дороге в Фихтер.

- И сразу же согласился принять участие в нападении на цитадель? Не смешите меня, Статон.

Маркус прекрасно понимал, что информацию голове дал начальник стражи, но поскольку Жубера рядом не было, давил несчастного Статона.

- Почему сразу? - не понял голова.

- А как, по-вашему, это произошло? Бродячий ученый встречается в Пуще лорда и Героев, вместе добираются до Фихтера, ненадолго расстаются, вечером встречаются на постоялом дворе и лиса говорит: "Послушай, заморыш, воеводу убили, а Карлоса арестовали стражники, помоги вытащить его из тюрьмы". "Конечно, помогу, - отвечает бродячий ученый. - Почему нет?"

Они стояли в тени, вдали от фонаря, и потому никто не заметил, как густо покраснел городской голова.

"Жубер, придурок, не мог разузнать подробности".

- Вы не проверили заморыша, и это плохо. - Лашар покосился на Героев. - Том, лысого нужно убить. Убить обязательно, во что бы то ни стало.

- С него и начну, - пообещал Исподлобья.

- Но почему? - набрался храбрости Жубер. - Чем бродяга заслужил такое внимание?

Поскольку в глазах Тома Маркус тоже увидел недоумение, пришлось отвечать:

- Я не понимаю его мотивы, и это делает лысого непредсказуемым и опасным.

Фихтерец хотел, было, возразить, но в этот момент на углу Имперских побед и Деловой с грохотом вспыхнул ослепительно-белый шар.

- Освободите Вилли!

- Долой произвол!

- Он ничего не сделал!

- Да здравствуют гражданские свободы!

- Освободите Вилли!!

Изрядно поддавшие уголовники - не крутые, конечно, а так, шпана, - шумиху устроили знатную. И хотя многие из них вообще не понимали, для чего притащились к цитадели, участие в драке они приняли самое деятельное.

Точнее, сначала ребята ничего такого не планировали.

Все началось в популярном среди воря кабаке "Закон и порядок", посетители которого два часа радостно пили за счет Акакия. Постепенно заговорили о невезучем Задохлике, шумно соглашаясь с тем, что "на его месте мог оказаться каждый" и распаляясь при мысли о несовершенных законах. Чем больше выпивалось вина, тем обиднее становилось бандитам, и в какой-то момент был брошен клич высказать городским властям несогласие с происходящим. Клич был поддержан, и заслуга в этом целиком и полностью принадлежала говорливому Бенефиту, сумевшему вложить в нехитрые мозги фихтерских бандитов план действий. Действуя энергично, но аккуратно, контролируя

происходящее, но не вылезая на первый план, Акакий привел толпу к цитадели, и заложил неподалеку прайм-бомбу, взрыв которой упившиеся уголовники приняли за фейерверк.

- Освободите Вилли!

Ба-бах!

- Пацаны, гляньте, какой приколы!

- Праздник!

- Принесите вина!

Но выскочившие из цитадели стражники восхищения не разделили, и на перекрестке завязалась драка.

- Что это за шум? - Карлос с тревогой посмотрел на Петерсена.

- Полагаю, сейчас в цитадели начнется заварушка, - хладнокровно ответил прокурор, и протянул юноше мешочек. - Соберите каталисты и не потеряйте их.

- Шахмана хочет меня спасти?

- Или же за вами пришли кобрийцы. Поскольку я здесь, они не могут действовать с привычной наглостью.

Карлос торопливо сгреб со стола амулеты Героев и сунул мешочек в карман. Он видел, что Петерсен поверил в его историю, но не понял, насколько далеко прокурор решил зайти.

- Вы должны воспользоваться ситуацией для побега.

- Вы серьезно?

- Я не могу вас отпустить, Карлос Грид, но не собираюсь казнить, - быстро ответил Ричард Бейл, нервно поглядывая на дверь. - И не вижу смысла затягивать дело, держа вас в тюрьме. Вы готовы идти до конца, вы пугаете кобрийцев, а значит, вы должны быть свободны.

- Вы отпускаете меня только поэтому?

Юноша никак не мог поверить в происходящее.

- Еще потому, что вы верите в Империю, Карлос Грид, я понял это из нашего разговора. - Прокурор подался вперед, к юноше. - Каким бы слабаком не был наш нынешний повелитель, центральная власть - единственное, что спасает доктов от порабощения. Запасы прайма в Туманной Роще истощаются, Обелиск Перемирия разрушен, впереди нас ждет еще одна война, мы это понимаем, и адорнийцы это понимают. И победить в этой войне мы сможем, лишь сплотившись вокруг короны. Я не знаю, что затеяла леди Кобрин, но убежден, что она покушается на власть императора, а значит, ее необходимо остановить. Любой ценой.

Петерсен говорил быстро, но очень убежденно, и Карлос понял, что видит перед собой настоящего патриота. Такого, каким был его отец.

- Я...

- Вы - лорд, Карлос Грид. Настало время вспомнить об этом. Делайте то, что обязаны - расправьтесь с врагами империи.

- Если меня спросят, я скажу, что не встречал человека, преданного короне больше вас, - тихо произнес юноша.

Дверь камеры распахнулась, и на пороге вырос Эдди Гром.

- На цитадель напали. Кто-то взорвал стену.

Прокурор вытащил из ящика стола кинжал и внимательно посмотрел на молниеносного:

- Ты должен помочь Карлосу бежать.
- Что? - Герой растеряно посмотрел на Петерсена. - Вы уверены?
- Абсолютно.

Из коридора донеслись предсмертные крики стражников.

Акакий взорвал прайм-бомбы минут через пять после того, как уголовники начали бузу. К этому времени большая часть стражников уже покинула цитадель, и работы у ворвавшейся в пролом Шахманы оказалось немного.

- Карлос!

Левая рука свободна, в ее ладони зарождаются огненные стрелы, которыми лиса поражает стражников. А в правой зажато «кадило», из которого вылетают в левую руку угольки для магического огня. ,

- Карлос!

Кровь и смерть несла разъяренная Героиня попадавшимися на дороге фихтерцам. Кровь и смерть. Жестокие удары, свист раскаленных стрел, крики, неуклюжие попытки сопротивления... У стражников не было шансов, и те, кто поумнее, бросились наутек, еще больше упростив Егозе работу.

- Карлос! - Она забежала в “приемную”, быстро оглядела клетки: адорнийка, смутно знакомый докт, и бросилась по коридору, пинками вышибая запертые двери: - Карлос!!

- Скорее, скорее же! - бормотал Акакий, приплясывая у лошадей.

Взрыв напугал животных, и ученому едва удалось их успокоить, но теперь внимание Бенефита было сосредоточено на цитадели, на проломе, из которого доносились лязг железа и вопли умирающих стражников. Акакий догадывался, что у Егозы все в порядке, но целью атаки было спасение Карлоса, а не победа над фихтерцами, и потому ученый шептал:

- Скорее, скорее!

И не заметил Героя.

Исподлобья подкрался незаметно, чистильщики умели это делать лучше кого бы то ни было. Бесшумные движения, черная одежда, густая ночная тьма... В последний момент почуявший неладное Бенефит повернулся, но было слишком поздно - кинжал уже погрузился в его бок.

- А... - Ученый недоуменно посмотрел на Тома. - А...

Рубаха быстро пропитывалась кровью.

- Все в порядке, - усмехнулся чистильщик, вытирая клинок о рукав Акакия. - Не шуми, ладно?

И быстрым шагом направился к пролому. Он знал, что жить лысому коротышке осталось не больше минуты.

- Куда?!

- Я обещал!

- Что?! - Но было поздно - Карлос уже скрылся за дверью “приемной”, и Петерсен, ругаясь, последовал за ним. - Идиот!

- Я обещал! - Юноша схватил висящие на стене ключи и распахнул клетку. - Марида, ты идешь со мной!

- Куда?

- Отрежем голову одной суке.

В черных глазах адорнийки вспыхнул яростный огонь.

- Я иду с тобой!

- Эй, красавчик, а я? - засуетился Вилли. - Меня выпусти! Открой клетку!

- Да пошел ты!

- Что?

- Я презираю воров. - Карлос швырнул ключи в дальний угол “приемной” и потянул Марииду за собой. - Скорее!

- Выпусти меня, сволочь! - взвыл уголовник.

- Зачем тебе девчонка?

- Мы...

- Карлос!

- Шахмана!

Рыжая лиса застыла в дверях. Напряженная, готовая к бою, в левой руке трепещет сгусток огня, грозящий вот-вот обернуться смертоносной огненной стрелой.

Гром резко развернулся.

- Эдди, стой!

- Шахмана, все свои!

Секундная пауза, Егоза оценивает ситуацию и понимает, что Карлос не врет.

- Нужно уходить.

- Лошади?

- На улице.

“Все! Вот и все!”

Так просто и так легко. Верная Шахмана, на помощь которой он никак не рассчитывал, совершила невозможное. Страхи последних часов растворились, словно утренний туман, Карлос улыбнулся и...

И в этот миг Егоза вскрикнула.

Нет на свете ничего более быстрого, мощного и устрашающего, чем почуявший запах крови Герой. Чем несокрушимый, переполненный силой прайма воин, идущий в прямую атаку. И не было под луной преграды, способной его остановить.

Булава Раздавителя вынесла кусок стены не хуже, чем прайм-бомба. Острый осколок рассек Карлосу щеку, но боли юноша не почувствовал.

- Назад!

Пронзенная мечом Изморози Шахмана отлетела в сторону, и между людьми и Героями остался только Эдди Гром. Последний их защитник, без колебаний бросившийся в бой. Вот он отразил выпад Улле, уклонился от могучего удара воеводы, взмахнул молотом, не позволяя безликому оказаться за спиной и тут же атаковал Раздавителя молнией, заставив воеводу закрыться щитом. Паря чуть над землёй на своём прайм-борде Эдди вертелся, как уж на сковородке, не пропускал кобрийцев в “приемную”, но Петерсен и Карлос прекрасно понимали, что молниеносному не устоять...

- Есть другой выход?!

- Нет!

А Эдди совершил невозможное: уклонившись от очередного удара воеводы - тяжелой булавы лишь просвистела в воздухе и смяла ближайшую клетку, - Гром исхитрился достать замешкавшегося Улле. Разряд молний прошёлся по животу безликого,

разделив Героя на две половины, и последний вопль Улле смешался с победным криком Карлоса.

В следующий миг на Эдди налетел Исподлобья.

- Нет!

Петерсен рванул на помощь, ударил Тома сбоку, достал, но совершенно позабыл о Раздавители, и булава воеводы вмяла прокурора в пол.

“Конец?”

Эдди хрипит у стены, пытается зажать рукой рану. Исподлобья выдергивает кинжал Петерсена и бросает его на пол. Раздаватель поднимает булаву. Карлос крепко сжимает руку Марида. Страх нет, лишь разочарование. И грустное понимание, что спасти их может только чудо...

Которым стала Шахмана.

Кобрийцы списали девушку со счетов, решили - и правильно решили! - что удар Улле стал для Героини смертельным, но умирающая Егоза продолжает бой.

- Беги!

Егоза бьет изо всех сил, из всех сил, что еще оставались. Могла бы сосредоточиться на ране, попытаться исцелить себя, но вместо этого бьет, и бьет крепко. Девять хвостов огненной лисы разрывают помещение. Пламя вспыхивает всюду: бегут по стенам языки, раскаляется решетка, визжит опаленный Вилли, но самое главное - кобрийцы. Из всех хвостов лисы летят в них огненные шары, разрывают плоть, причиняя невыносимую боль. Орут кобрийцы, окутанные пламенным торнадо, и у Карлоса появляется шанс.

- Беги!!

Юноша дергает Марида за руку, и они выскакивают из наполненной огнем комнаты. Мимо сползающего на пол Грома, мертвого прокурора и воющих кобрийцев.

- К пролому!

- Я знаю!

Карлос подхватывает валявшийся на полу меч, но драться не с кем: стражники разбежались, на улице пусто.

- Где лошади?

- Сюда... - доносится слабый голос из темного тупичка. На козлах брички ссутулился Бенефит. - Где остальные?

- Только мы.

Акакий хлещет лошадь, и бричка летит вверх по улице.

- Бомба! В сумке прайм-бомба... Снесешь ворота!

Карлос достает круглый шар, готовит его к бою и нехорошо улыбается. Марида закусывает губу.

- Как это произошло?

- Я...

Несчастный Статон хочет пролепетать какую-то чушь, но Лашар не слушает. Плевать Лашару на объяснения городского головы, тем более что объяснений никаких Статон дать не может.

- Как они вырвались? Почему мы здесь, а не там?!

Почему? Да потому что никто не ожидал, что гридийцам удастся выбраться из цитадели, и поэтому Лашар со Статоном находятся ближе к Имперским Победам, на которой несколько минут назад закончилась драка, а не у Мозговитой, к которой направились беглецы. Ошиблись, и не сумели перекрыть дорогу. Да и не сразу они

сообразили, что происходит. Шум, цоканье копыт... Кто выскочил? Куда? Пока поняли, что птички ускользнули, пока ругались, пока пришпорили коней - беглецы уже скрылись.

Поздно.

И Маркус раздражается ругательствами.

О том, что Акакий ранен, Карлос и Марида узнают лишь вырвавшись из города. Ворота проскочили без труда: юноша метнул прайм-бомбу, превратив препятствие в груды обломков, стражники благоразумно остались в дежурке, и беглецы, сопровождаемые лишь проклятиями, покинули Фихтер. Какое-то время гнали по дороге, затем свернули в лес - в этот момент Карлос с горечью вспомнил бегство из Гридвальда, - и только тут Бенефит прошептал:

- Смените меня.

И едва не сваливается с козел.

- Он весь в крови, - угрюмо замечает Марида.

- Чистильщик приходил, - слабо улыбается Акакий. - Но не добил...

И закашливается. И беглецы понимают, что ученый умирает.

- Выкарабкаешься?

- Нет.

- Тебе нужен врач.

- Не поможет... - Снова кашель. - Езжайте... Не останавливайтесь... Иначе вам тоже понадобится врач...

Марида занимает место кучера и направляет бричку вглубь леса, а Карлос остается сзади, держа Бенефита на руках.

- Поганая у тебя рана.

- Знаю...

Только сейчас, после того, как он осторожно ощупал растерзанный бок ученого и оценил, сколько крови тот потерял, до Карлоса доходит, что Акакий должен был давным-давно умереть.

- Я думаю...

- Ты не думай, ты слушай... У нас общий враг, так что слушай... - Бенефит ухватывает юношу за ворот рубахи и притягивает к себе. - По этой дороге... К северо-востоку... Скоро скалы... Задранные Пальцы...

- На восток надо, - не оборачиваясь, цедит Марида. - Через лес. В лесу не найдут.

“Какая разница на восток или на северо-восток? - обреченно думает Карлос, удивляясь оптимизму спутников. - Герои мертвы, кобрийцы на хвосте, и жить нам до встречи с ними”.

- Каталисты сберег? - спрашивает Акакий.

- Толку-то от них? - грустно улыбается юноша.

- Поможешь мне - помогу тебе... общий враг... В Пальцах лаборатория тайная... Никому о ней не говорил... - из последних сил хрипит ученый. - Маска в сумке - ключ... Въедешь в Пальцы - достань, она приведет...

- Какая еще лаборатория? О чем ты?

- Там есть все...

- Чтобы отсидеться?

- Там есть все... - На губах Бенефита пузырится кровь. - Увидишь... Сам... - Последнее движение: умирающий указывает на свой медальон, на висящую на груди латунную шестеренку, и шепчет: - Индуктор... Ты умный, ты поймешь...

И Карлос понимает. Смотрит на шестеренку, и понимает. Все понимает.

Информации мало, ее почти нет, не на чем строить выводы, но нескольких обрывистых фраз позволяют Карлосу догадаться, что происходит.

И он все понимает.

И осторожно закрывает глаза знаменитому ученому, первому профессору Доктского Университета, почетному президенту Имперского Ученого Совета, человеку, которого даже враги называли гением - великому Безвариату Сотрапезнику.

ЧАСТЬ 3. ТРИ ВЕРШИНЫ

Высокие, однообразно серые, гладкие, словно отесанные, без выступов и площадок, но главное, неимоверно высокие, уходящие едва ли не к самым облакам - таковы были Задранные Пальцы, загадочные скалы, торчащие неподалеку от Фихтера. Разные у основания: некоторые - лишь три-четыре метра в диаметре, некоторые - массивные, напоминающие могучие замковые башни, они напоминали причудливый серый лес, устремленный ввысь, но лишенный какой бы то ни было жизни. Лес каменных стволов, пугающий угрюмой, неестественной неподвижностью.

- Не надо было сюда ехать, - процедила Марида, мрачно разглядывая скалы, мимо которых медленно катилась кибитка.

- Повсюду кобрийцы, - отозвался Карлос. - Патрули, пограничники, посты на дорогах...

- Здесь нас тоже будут искать. Как только поймут, что в лесу нас нет, придут сюда.

- Но не сразу.

- Но придут.

- Не сразу.

Девушка удивленно посмотрела на широко улыбающегося Карлоса, помолчала,

хмуря брови, а потом вдруг рассмеялась:

- Прекрати.

И легонько шлепнула юношу ладонью по плечу.

- Я должен был тебя развеселить.

- Зачем?

Молодой лорд чуть наклонил голову, прищурился и, глядя прямо в черные глаза адорнийки, негромко ответил:

- Чтобы увидеть твою улыбку. Не люблю, когда красивые женщины хмурятся.

Когда-то давно такая откровенность заставила бы Марииду смущенно заливаться краской, несколько лет... даже несколько месяцев назад она приняла бы комплимент, как должное, сейчас же девушка лишь поинтересовалась тихо:

- Я красивая?

И услышала теплое:

- Очень.

Теплое, и очень искреннее.

Он хотел прикоснуться к ней, к ее худенькой руке, к плечу, накрыть широкой ладонью тонкие пальчики южанки, почувствовать нежность ее бархатистой кожи, возможно - стук ее сердца, но... Но юноша понимал, что еще рано, и не торопился, не стал портить момент.

“Ты хороший мальчик, Карлос. Совсем молоденький и еще хороший. Зачем ты лезешь ко мне?”

Юный докт нравился Марииде все больше и больше, и именно поэтому она старалась сохранять дистанцию.

- Не подходящее время для неуклюжих комплиментов, - произнесла Марида, отворачиваясь к опостылевшим скалам. К серым громадинам, у которых было только одно достоинство - они не бросали на нее ласковые взгляды.

- Не согласен, - мгновенно ответил Карлос. - Мы путешествуем по романтическим уголкам империи, можно сказать, отправились на пикник...

- А вокруг - вся кобрийская армия.

- Рассматривай преследователей как свиту защитников, - легко предложил юноша.

- В какой-то мере это действительно так: чем больше вокруг солдатни, тем дальше будет держаться Чудь.

“Он снова рисуется, как тогда, в тюрьме? Похоже на то”.

Но такое поведение Карлоса, его умение сбрасывать напряжение незатейливым трепом, вызывало симпатию. Марида устала от мрачных мыслей и была не прочь расслабиться.

- Свита?

- Ага.

- Ты говоришь, как лорд.

- Я и есть лорд, Марида, я ведь говорил.

И девушка, неожиданно для самой себя, поддела Карлоса:

- А я не слушала: мало ли что болтает попавший в тюрьму уголовник?

- Меня взяли, как государственного преступника!

- Судя по одежке, ты пытался увести осла у зазевавшегося селянина.

- А ты в это время шарил по его карманам!

- А я не прикидывалась знатной леди.

- И я не прикидывался! Перед вами, сударыня, лорд Карлос, наследный владелец Гриди. - Юноша отвесил шутливый поклон. - Моя родословная, между прочим, восходит

к временам старой империи.

- Гридия? - Марида сморщила носик. - Где это?

- В Идмарской Пуще, - машинально ответил юноша.

- Далеко отсюда?

- Очень.

- Как это правильно у вас называется... - Девушка помолчала, делая вид, что подбирает нужное слово: - Задворки?

- Медвежий угол, - поддержал игру Карлос.

- Для провинциала ты держишься весьма прилично.

- Вот уж не думал, что в Адорнии известно такое слово, как “провинция”, - не остался в долгу юноша. - Мне говорили, вы редко слезаете с деревьев.

- Только для того, чтобы съесть зазевавшегося докта.

- Вы уже научились пользоваться огнем?

- Самые умные из нас.

- Ты веришь в их существование?

И тут Марида не выдержала - потянула за поводья, заставив лошадей резко остановиться, и залилась громким смехом. Карлос не отставал, и несколько минут серые скалы с удивлением прислушивались к незнакомым звукам.

- Ты большой нахал, - произнесла девушка, утирая выступившие слезы.

- Ты первая начала.

- Мог бы уступить.

- Хотел, но потом передумал.

- Стало обидно за доктов?

- Решил дать тебе понять, что я большой нахал.

- У тебя получилось.

- Я старался.

Удивительно, но пикировка совсем не разозлила Мариду, не показались ей обидными высокомерные высказывания докта об адорнийцах, и не только потому, что она отвечала Карлосу тем же. Нет. Просто в устах молодого лорда слова звучали не оскорблением смертельного врага, а дружеской подначкой.

“Осторожнее! Ты ничего о нем не знаешь!”

“Нет, Марида, это Карлос ничего не знает о тебе, и неизвестно, как он поведет себя, когда откроется правда?”

“Если откроется правда”.

“Когда, Марида - когда. Не ври себе...”

Неизвестно, как он себя поведет, неизвестно, как среагирует, неизвестно, как будет к ней относиться после того, как откроется правда. Как станет относиться... Как ни странно, но именно последнее “как” беспокоило адорнийку больше всего. Ей не хотелось, чтобы в темных глазах Карлоса, которые вспыхивали, когда он смотрел на нее, появились злоба и ненависть.

“Когда откроется правда...”

Неприятная мысль заставила адорнийку сменить тему:

- Давай вернемся к насущным вопросам, а?

- Например? - Карлос тоже стал серьезным.

- Я хочу уйти из скал.

Мрачные серые громадины давили почти физически, сжимая грудь невидимыми тисками.

- В настоящий момент это самое безопасное место в окрестностях Фихтера.

Кобрийцы придут сюда через полдня, до этого они будут искать нас в лесу.

- Мы беглецы, а беглецы используют время, чтобы бежать, а не прятаться.

- Мы не прячемся.

- А что?

Карлос промолчал, но Марида не отставала:

- Зачем нам это время?

Она не сказала, но в голосе слышалось: мы в одной лодке и чтобы выгрести, должны доверять друг другу.

- Акакий сказал, что в Заданных Пальцах мы найдем все, что нужно.

- А что нам нужно?

- Хороший вопрос...

Красивая южанка возбуждала Карлоса, он готов был часами флиртовать с Маридой, и не только флиртовать... Он вскипал при одном лишь взгляде на ее тонкое, изящное лицо, на нежную линию губ и тоненькую шею, плавно переходящую в узкие плечи. Дрожал, глядя на неприкрытые платьем колени. Переполюблился томлением слыша чарующий, с легкой хрипотцой голос, но... Но только сейчас задумался, можно ли доверять случайной попутнице? Та ли она, за кого себя выдает? А если та, совпадают ли их цели?

Но как проверить? Никак. Остается лишь искать ответы в черных глазах девушки, да прислушиваться к сердцу.

- Я бы с удовольствием отыскал среди Пальцев Прайм-индуктор, - честно произнес Карлос. - Но боюсь, его там нет.

- Прайм-индуктор? - Марида округлила глаза. - Зачем он тебе?

И сердце подсказало юноше ответ. Честный ответ.

- У меня с собой каталисты Героев.

- Твоих Героев?

Сказать, что адорнийка была ошарашена - не сказать ничего.

- Елки-палки, Марида, я ведь не шутил, когда говорил, что лорд! Я действительно наследный владелец Гридии, действительно бежал, обвиненный в убийстве отца, и действительно собираюсь драться с кобрийцами. Мы с Героями шли в Три Вершины, чтобы отомстить леди Кобрин, или ты думала, что я надеялся достать ее в одиночку? Что я должен сделать, чтобы ты мне, наконец, поверила?

- Тебе нужно, чтобы я поверила? - тихо спросила девушка.

- Мы идем рядом, а я хочу, чтобы мы шли вместе, - так же негромко ответил Карлос после короткой паузы.

- Плечом к плечу?

- Рука об руку.

“Может, сейчас?”

Искренность докта подкупала и, одновременно, терзала душу, напоминая Мариде, что сама она не спешит делиться тайнами...

- Не думаю, что Прайм-машина стоит около скалы, - помолчав, произнесла адорнийка. - По всей видимости, твой друг оборудовал где-то здесь тайное убежище. Как мы его найдем?

- Акакий сказал, что это ключ. - Карлос достал из рюкзака маску и повертел ее в руке. - Но я понятия не имею, как ею пользоваться.

Простая, если не сказать - примитивная, маска, вырезанная из дерева, была аляповато, на взгляд докта, раскрашена, и совсем не походила на могущественный артефакт, способный привести беглецов в потайное убежище. Четыре стекляшки, бездарно играющие роль драгоценных камней, отверстия для перьев, маленькие дырочки

для глаз... Кому они нужны эти дырочки? Маска мала, с широкую ладонь, кто ее сможет надеть? Ребенок?

- Ты разбираешься в магии? - поинтересовался Карлос.

- Немного.

Скрывать не имело смысла: тела адорнийцев, в отличие от доктов, были пропитаны праймом, и каждый южанин в той или иной степени мог считаться магом.

- Может, маске нужен прайм?

Марида прикоснулась к дереву, на секунду прикрыла глаза, после чего покачала головой:

- Прайм есть, я его чувствую.

А значит, маска заряжена и готова к работе.

- Какое-нибудь заклинание? Как приводятся в действие ваши артефакты?

- Если бы маска требовала заклинания, твой друг об этом сказал бы, - рассудительно ответила девушка. - Что же касается артефактов вообще, то некоторые из них всегда готовы к работе и не требуют включения.

- Как же мы заставим маску работать? - растерянно осведомился Карлос.

- Приложи ее к лицу, - посоветовала Марида.

- Смеешься?

- Мой опыт подсказывает, что самое простое решение часто оказывается правильным, - пожала плечами девушка. - У нас есть маска, их носят на лицах, так что давай, действуй.

- Ну, если ты так считаешь...

- Считаю.

- Хорошо. - Карлос вздохнул - судя по всему, он с недоверием относился к магии, - и осторожно приложил маску к лицу. - Так?

- Глаза открой, - рассмеялась девушка.

- Ох!

- Получилось?

- Еще как!

Через узкие прорези деревянной маски мир показался юноше не таким неприглядным, как в действительности. Стало ощутимо светлее, словно внутри потрепанной деревяшки прятался мощный прайм-фонарь, изображение скал и камней обрело странную резкость, четкость, но самое главное - в воздухе нетерпеливо, словно застоявшаяся гончая, затрепетала зеленая стрелка.

“Ну, что, сообразил? Много же тебе потребовалось времени!”

- Нам туда! - Карлос вытянул руку.

- Ты уверен?

- Ага.

Задранные Пальцы торчали довольно густо, особенно мелкие, “мизинцы”, так сказать, но между ними хватало места для проезда, и Марида направила бричку в указанном направлении.

- Далеко?

- Понятия не имею... Поворачивай направо. - Бричка подпрыгнула на булыжнике, и Карлос едва не свалился с козел. - Осторожнее!

- Предупреждай раньше.

Юноша хотел возмутиться, но понял, что Марида его поддела, и улыбнулся.

- Ты готова?

- К чему?

- Сейчас я тебя предупрежу.

- Карлос!
- Марида!
- Что?
- Налево.
- Слушаю и повинуюсь.

На этот раз поворот получился спокойным, но Карлос все равно отклонился в сторону и прикоснулся к плечу девушки - ему было приятно чувствовать ее тепло. А Марида, к некоторому удивлению юноши, не отстранилась.

- Сейчас?
- Пока прямо... До следующей скалы...

Дорога петляла, словно маска специально выбирала удобный для брички путь, и постепенно заводила путников в самое сердце Задранных Пальцев, где скалы становились все толще и торчали уже не по одиночке, как с края, а образуя ряды “частоколов” и “кусты” - пучки Пальцев, выходящие из общего, массивного основания.

- Здесь есть пещеры, - заметила Марида.
- Маленькие, скорее - гроты.
- А мы ищем большую?
- Понятия не имею.
- Или заброшенную шахту?
- Не знаю... - Карлос прищурился. - На самом деле мы уже нашли.

Стрелка замерла у подножия одного из “кустов”, состоящего из высоченного, метров сорока, основания и девяти поднимающихся из него Пальцев. Огромный “куст” выделялся среди остальных скал, притягивал взгляды, и юноша не удивился тому, что маска привела их к нему. Стрелка повертелась, давая возможность точно определить нужное место, и свернулась в зеленый круг.

- Что дальше?
- Кажется, я знаю, что.

Разобравшись, как работает маска, Карлос без труда сообразил, как следует поступить теперь. Он спрыгнул с козел, медленно подошел к скале, левой рукой зафиксировал положение зеленого круга, правой отнял от лица маску и приложил ее к камню. Несколько секунд ничего не происходило, юноша даже решил, что ошибся, но затем скала едва заметно задрожала, послышалось басовитое гудение, и справа от Карлоса стал медленно открываться проход.

- Чтоб меня на шестеренку намотало!
- Уйма прайма, - пробормотала изумленная Марида. - Вот уж не думала, что такое возможно...

Огромный кусок основания медленно, ужасно скрипя, выдвинулся вперед, показав, что на самом деле был массивной, с руку толщиной плитой, гладкой с внутренней стороны и повторяющей рельеф скалы снаружи, а затем неторопливо пополз вверх.

- Это пещера?
- Когда-то была пещерой, - прокричал Карлос, продолжая прижимать маску к камню. - А потом над ней серьезно поработали.

Скрип напоминал визжание придавленной Чуди. Подъемный механизм, судя по всему, не смазывали очень давно, и пронзительный скрежет металла врезался в уши, отдаваясь зубной болью.

- Когда это закончится?
- Когда откроется! - прокричал в ответ юноша.
- Доктские...

Последнее слово потонуло в скрипе открывающихся врат, а потому Карлос не услышал отпущенное ругательство.

Адорнийка, привыкшая к элегантным магическим приспособлениям южан, работающим аккуратно и бесшумно, ладонями закрыла уши.

- Пусть это прекратится!

- Уже!

- Что?!

- Уже!!

Южанка не сразу сообразила, что наступила долгожданная тишина. Поддерживаемая толстенными металлическими направляющими плита замерла на пятиметровой высоте, открыв взору путников ведущий в глубь скалы тоннель. Пол выложен крупной плиткой, стены гладко, можно сказать - идеально, отесаны, а с потолка свешиваются лампы прайм-фонарей.

- Кажется, нашли, - пробормотал Карлос. Внушительный вид убежища, которое он представлял себе слегка переделанной шахтой, произвело на молодого лорда сильное впечатление.

- Чтобы построить такое укрытие, требуется много рабочих. - Марида помолчала, после чего продолжила: - Еще больше денег и уйма прайма.

- Да, наверное. - Протянул Карлос и бросил взгляд на запряженную в бричку лошадь: как он и ожидал, животное восприняло раскрывшуюся скалу весьма спокойно - видело ее не в первый раз. - Но насчет прайма я не уверен.

- Почему?

Молодой лорд осторожно отнял маску от камня, подождал, убедился, что опускаться плита не собирается, вошел внутрь и указал на стену.

- Потому что я уже видел вот этот символ. - Изрядно стершийся, но еще читаемый: трехглавый дракон. - Это знак старой империи. - Карлос поднял голову и с почтением оглядел высокие потолки тоннеля: - Это укрытие было построено до появления прайма.

* * *

Могучие Кобрийские горы, венчающие восток одноименного полуострова, никогда не спали. Густой лес, что начинался от самого Фихтера, а точнее - от Ильвы, плавно накатывал на их величавые склоны - а иногда его зеленая волна добиралась до самых вершин, - и под его ветвями кипела бурная жизнь. Косули и олени, медведи и рыси, зайцы, лисы, белки, множество птиц - горы давали приют огромному количеству живности, и круглые сутки были наполнены повседневым гомоном. Щебетание сменялось вечерними трелями, те уступали место уханью сов, после которых начинались трели утренние. И лишь на самом востоке, там, где каменная макушка полуострова втыкалась в великий океан, горы теряли зеленый покров, представая миром безжизненных скал, и редкие чахлые деревца лишь подчеркивали царствующую в них пустоту.

И тишину, поскольку сюда, на самый восток Кобрийского полуострова, звери не забредали.

Однако Эдуард Гучер, капитан “Черных орлов”, личной гвардии леди Агаты, ничего не имел против тишины. Опытный, привыкший всегда быть настороже воин, Гучер терпеть не мог шума, прекрасно умел, но не любил вычленять из лесного гомона несущие опасность звуки, а потому всегда расслаблялся в тихих Кобрийских скалах, где даже стук сорвавшегося камушка был ясно слышен за несколько сот метров.

- Еще два поворота.

- Я знаю.
- Здесь на нас вряд ли кто нападет.
- Я знаю.

Едущий рядом с командиром лейтенант Малино кивнул и отвернулся. Он заметил, что Гучер машинально сжимает рукоять меча, и ошибочно предположил, что капитан, как и в лесу, ожидает атаки Чуди. Брякнул дурацкую фразу и лишь потом сообразил, что прозвучала она предельно глупо.

“Но ведь он явно нервничает!”

Малино считал, что полученный приказ исполнен в точности, вот и не сообразил, что беспокойство Гучера вызывает не Чудь, которую в эти края не подпускали кобрийские воины, а предстоящая встреча с леди Агатой.

- Замок! - негромко сообщил едущий впереди разведчик.
- Замок, - повторил Малино, вновь посмотрев на капитана. - Приехали.

Тот угрюмо вздохнул.

Конвой въехал в Три Вершины глубоким вечером, настолько поздно, что пришлось специально опускать главный мост, но, несмотря на это отряд ждали. Первый, большой двор замка был ярко освещен мощными прайм-фонарями, а помимо двух десятков солдат отряд встречала сама Агата. К ней-то и подошел Гучер, бросив поводья подбежавшему конюшему.

- Леди Кобрин. - Капитан почтительно поклонился. - Задание выполнено.
- В точности?
- Не совсем.

Агата чуть приподняла левую бровь, однако во всем остальном ее лицо осталось спокойным.

- Возникли проблемы?
- К сожалению, леди, без них не обошлось.
- Докладывайте.

Гучер едва заметно вздохнул, и негромко сообщил:

- Адорнийские перевозчики потеряли в лесу Девяти Дятлов один ящик. Сказали, что напала Чудь.

В произошедшем не было его вины, однако выглядел Гучер предельно угрюмым.

- Плохо, - протянула Агата.
- Доктские перевозчики воспользовались этим обстоятельством в качестве повода для нарушения договоренности, и отпустили адорнийцев якобы на поиски ящика.
- Еще хуже.
- Учитывая все это, я хотел изменить план и не трогать доктских перевозчиков.
- В данном решении был смысл.
- Но их предводитель сумел определить, что я из “черных орлов”, - мрачно закончил капитан. - И был настолько глуп, что рассказал об этом.

Гучер ждал бури. Он прекрасно понимал, что первые два известия должны были разозлить леди Кобрин, а последнее - привести в бешенство, и готовился к худшему. Главная опасность заключалась в том, что владычица никогда, даже пребывая в дикой ярости, не теряла хладнокровия, не позволяла гневу овладеть собой полностью, и из-за этого кара оказывалась гораздо неприятнее ожидаемой.

Капитан склонил голову, но бури, к огромному его удивлению, не случилось.

- Предводитель поделился своими знаниями с кем-нибудь, кроме вас? - медленно поинтересовалась Агата.

- Уверен, что нет, моя леди, - глухо ответил Гучер. - Он мнил себя умным.

- Мнил?

- Наш деловой партнер скоропостижно скончался.

- Понимаю, - с улыбкой протянула Агата. - Длинный язык плохой товарищ внимательному глазу.

- Совершенно с вами согласен, моя леди.

- Надеюсь, плохие новости закончились? - поинтересовалась Агата, наблюдая, как солдаты затаскивают ящики в подвал Морской башни.

- Наши переговоры с доктскими перевозчиками прошли гладко, - подтвердил гвардеец. - Улле Изморозь повеселился от души и никого не отпустил.

- Вот и хорошо.

Ругать Гучера Агате не хотелось: капитан не был виноват в том, что перевозчики оказались смышленными, в конце концов, она сама велела подобрать лучших контрабандистов Фихтера. А в то, что перевозчик разболтал кому-нибудь о своих нанимателях, Агата не верила - в таких делах трепать не принято. Оставалось лишь два "хвоста": потерянный ящик и адорнийские контрабандисты, но ими займется Эларио.

- Я довольна вами, капитан, отдыхайте.

- Рад служить, моя леди.

Гучер вновь склонил голову.

Агата прошла вдоль кибитки, которую еще не успели разгрузить, заглянула под полог и прищурилась на ящики.

- Все целы?

- Ни единой царапины.

- Кибитки сжечь, лошадей забить и сжечь.

- Да, моя леди.

Кобрийская владетельница была уверена, что Праймашина начнет работать в самое ближайшее время, но привычка не оставлять следов взяла верх. Или же не привычка. Или так подействовали на Агату слова старой Иоланды, не увидевшей победителя в их с Карлосом противостоянии.

"Его будущее не менее грандиозно, чем твое..."

А ее будущее зависит от ученых, которые пытаются восстановить Праймашину.

А Карлос Грид, как следовало из присланного с голубем донесения, сидит в фихтерской тюрьме и будет убит этой ночью.

Будет убит. Будет. Не "уже убит", а только будет. Если у Лашара получится. Вот и получается, что ее будущее зависит не от нее, а от помощников. И до тех пор, пока Карлос Грид не будет "уже убит", следует принимать самые строгие меры предосторожности.

- Гучер!

- Да, моя леди. - Капитан "орлов" подобрался.

Он понял, что отдохнуть ему не позволят: раз вернулся, значит, пора приступать к непосредственным обязанностям, к охране замка.

- Распорядитесь удвоить патрули и выставьте дополнительные посты в горах.

- Мы ждем гостей? - осмелился поинтересоваться Гучер.

Судя по донесению, Лашар не сомневается в успехе, но однажды Карлос Грид уже ускользнул от Маркуса, и потому леди Кобрин ответила утвердительно:

- Они могут появиться, капитан. Так что будьте настороже.

- Да, моя леди.

* * *

- Ты уверен насчет империи? - осторожно спросила Марида.

- Абсолютно, - подтвердил Карлос, не сводя глаз с символа. - Трехглавый дракон. -... Я как-то увидел этот знак в старой книге, и спросил отца, что он означает. Тоннель, в который вывел их проход, был не очень длинным, шагов тридцать, после чего его перекрывали следующие ворота, едва различимые в полумраке. Дойти до них можно было очень быстро, однако Карлос и Марида не торопились: постояли внимательно оглядывая тщательно отесанные стены в поисках возможных ловушек, перебросились несколькими фразами, и лишь потом медленно направились вглубь тайного укрытия.

- Каков был ответ? - поинтересовалась недовольная затянувшимся молчанием адорнийка.

- Это знак старой империи.

- И что?

- Ничего, - протянул Карлос. - Ты знаешь что-нибудь о старой империи?

- У нас, в Адорнии бережно относятся к преданиям, - с достоинством ответила южанка.

Разговор коснулся важной темы, и ответила девушка предельно серьезно, давая понять, что шутки сейчас не уместны. Но Карлос намек проигнорировал.

- Правдивые среди них есть?

- Все.

- Почему же ты не узнала символ?

- Потому что... - Сходу отыскать ответ на этот вопрос Марида не смогла. - Потому что мы отrekliсь от старой империи.

- И напрасно.

- Почему?

- Потому что прошлое влияет на будущее.

- Откуда ты знаешь?

- Из книг, - ответил молодой лорд, и тут же насмешливо осведомился: - В Адорнии знают о существовании книг?

- Разумеется, - фыркнула девушка.

- А я их читал.

- Очень смешно.

Бричку они оставили у самых “ворот”, там была устроена коновязь, но распрягать лошадь не стали - не до того. Отыскали место для маски - уложенная на небольшую, отмеченную красной краской выпуклость, она заставила плиту вернуться на место, и, включив найденные у входа прайм-фонари, отправились исследовать таинственное укрытие.

- Как думаешь, для чего его строили? - помолчав, спросила Марида.

- Трехглавый дракон говорит сам за себя - здесь работали ученые Империи, - ответил юноша.

- Но почему здесь? Почему в глуши?

Молодой лорд пожал плечами.

- Возможно, они ставили секретные эксперименты, настолько опасные, что их следовало проводить как можно дальше от поселений. В старой империи знали много, наука была развита сильно.

- Сильнее, чем теперь?

Марида хотела в очередной раз поддеть Карлоса, показать, что чванливые докты до сих пор не достигли уровня предшественников, но теперь уже юноша стал серьезным:

- Другая наука, сильно отличающаяся от нашей. В те времена не было прайма, и

ученые работали не так, как теперь.

- Допустим... - Не стала спорить адорнийка. - Но отсюда рукой подать до Фихтера, так что твоя догадка насчет опасных экспериментов ошибочна.

- Во времена старой империи Фихтер был крошечным поселком, на который всем было плевать. Если бы здесь грохнуло, никто бы не почесался.

- Что здесь могло грохнуть?

- Понятия не имею... - Карлос покосился на вделанные в скалу клетки. - Может, здесь выводили Чудь?

Неожиданное предположение, подкрепленное толстыми прутьями решетки, удивило девушку:

- Ты шутишь?

- Но откуда-то она взялась.

- Из старой империи? Не верю. - В этом ответе Марида была убеждена. - Чудь возникла в результате Катаклизма...

- Одна из теорий.

- Вы, докты, верите только в то, что можно изучить. Вы забыли о существовании богов...

- Зато мы умные.

- Да, конечно.

- И поэтому не верим, что боги совершили коллективное самоубийство, - быстро, но уверенно закончил молодой лорд.

- То есть? - не поняла Марида.

- Зачем богам устраивать катаклизм, если сами его не пережили?

- Э-э...

- Когда придумаешь ответ - сообщи, - улыбнулся Карлос. А в следующий миг луч фонаря наткнулся на массивный выключатель, и юноша обрадовано воскликнул: - У нас будет свет!

И он появился.

Пусть подземное укрытие и было создано во времена старой империи, новые его хозяева не пожалели сил на реконструкцию и позаботились о системе освещения, установив во всех помещениях прайм-контуры.

- Так лучше, - проворчала Марида, выключая фонарь.

- Согласен.

Тоннель закончился выложенной из серого камня стеной, в которую были вделаны металлические ворота, справа от которых и торчал ящик выключателя. Створки ворот оказались запертыми изнутри, а вот калитка - открыта, и пройдя через нее путники попали в большой зал, представлявшим собой отлично оснащенную механическую мастерскую. Гидравлический пресс, кузнечный горн, несколько станков, о предназначении которых Карлос мог только догадываться, верстаки, ящики с инструментами...

- И никаких животных, - усмехнулась Марида. - Чудью тут и не пахнет. Зато стоял крепкий аромат машинного масла и алхимических смесей.

- Судя по тому, что станки работают на прайме, мастерскую оснастили несколько лет назад, и к старой империи она не имеет никакого отношения.

- Тебе виднее.

Адорнийцы в технике не разбирались, и Марида легко могла спутать фрезерный станок со швейной машинкой.

- Вот именно.

- Мы можешь сказать, что здесь делали?

- К сожалению, нет. - Карлос внимательно оглядел мастерскую, инструмент, несколько недоделанных деталей, но вынужден был признать, что его знаний недостаточно. - Единственное, что понятно: здесь изготавливали отдельные части сложного механизма.

“Для Праймашины?”

“Если бы я знал, что это такое, я смог ответить...”

- Тогда пойдем дальше, - предложила адорнийка, распахивая дверь.

Следующее помещение оказалось кабинетом, точнее, кабинетом, совмещенным с алхимической лабораторией. Он занимал большой, не меньше, чем мастерская, зал, вдоль всех стен которого уходили под потолки книжные шкафы. Главный стол, возле которого Карлос заметил роскошное резное кресло, был завален пергаментными свитками, а весь центр зала был заставлен алхимическими устройствами, разобраться в хитросплетении которых не представлялось возможным.

Кабинет выглядел практично, по-деловому, единственной красивой деталью интерьера было кресло у главного стола, вся остальная мебель оказалась весьма грубой, и это дало Мариде право презрительно скривиться:

- Убого даже для доктов.

- Разбираешься в интерьерах?

- Я видела кабинеты адорнийских ученых.

- Такие бывают?

- Ученые или кабинеты?

- И то, и другое.

- Не надо считать нас дикарями, - негромко произнесла девушка. Пикировка пикировкой, но даже игривое подшучивание должно оставаться в определенных рамках.

- Мы идем другим путем, но это наше право, правда?

- Правда, - не стал спорить Карлос.

В конце концов, достижения адорнийских магов не сильно уступали разработкам доктских ученых, и их эксперименты с праймом можно было назвать наукой. С натяжкой, конечно, но можно.

- Так вот, в кабинетах адорнийских ученых гораздо красивее, чем здесь. В нашей культуре ценится совершенство, адорнийцы не смогли бы думать в окружении...

- Книг, - подсказал Карлос.

- Просто: в этом окружении, - поправила девушка. - Здесь слишком мрачно.

- Не забывай, что мы внутри огромной скалы.

- Вот именно! Зачем лезть под землю? - Только сейчас Марида поняла, как сильно давило на нее путешествие по подземелью. - Хочешь построить тайное укрытие? Пожалуйста - строй посреди густого леса, в непроходимой чаще, но на поверхности, понимаешь, Карлос? Наверху! Чтобы дышать свежим воздухом, наслаждаться восходом солнца и чтобы ветви деревьев стучали в окна. Как можно жить под землей?

Молодой лорд хотел рассмеяться, пошутить насчет “лесных жителей”, но прикусил язык. Понял, что девушка была с ним искренна, сказала, как думала, как другу, и потому ответил очень серьезно:

- Я не знаю, зачем полезли под землю ребята из старой империи, но у последнего владельца этой лаборатории была веская причина таиться.

- Ах, да, это же твой друг...

“Друг? Любопытное предположение. Он, конечно, доверился мне, крепко доверился, но называть его другом я бы поостерегся. Я ему нужен, как, впрочем, и он мне”.

- Близкий знакомый, - поправил девушку Карлос.

- И кто же он?

- Безвариат Сотрапезник.

Юноша ожидал удивленного восклицания, а увидел недоуменный взгляд, и лишь тогда сообразил, что для адорнийки это имя ничего не значит. Пришлось пуститься в объяснения:

- Безвариат Сотрапезник - величайший ученый Доктской империи, можно сказать, что именно он был творцом нашей победы в Войне за Туманную Рощу.

Такое представление вызвало у южанки понятный интерес смешанный с удивлением:

- Ты говоришь о лысом заморыше, что ждал нас у тюрьмы и умер по дороге сюда?

- Ага.

Карлос и сам с трудом верил в то, что говорит, но был уверен, что не ошибается.

- В таком случае, я должна его ненавидеть, - задумчиво протянула Марида.

- Теоретически ты должна ненавидеть любого докта, - тихо уточнил юноша.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, а потом адорнийка качнула головой:

- Нет, не любого.

И отвернулась.

“Что я делаю? Что?!”

Вот так, наверное, и начинает рушиться привычный мир, четко поделенный на черное и белое, на друзей и врагов: ты случайно встречаешь человека из другого лагеря, узнаешь его, а потом... потом понимаешь, что никакая сила на свете не заставит тебя его убить.

Почему так происходит?

Наверное, потому, что все мы, и адорнийцы, и докты - люди, и ненависть не является для нас нормальным состоянием. Мы готовы дружить. Подшучивать друг над другом. Готовы быть соседями...

- Последние годы Безвариат жил в Фихтере, - продолжил Карлос, чтобы заполнить неловкую паузу. - А пару месяцев назад прошел слух, что его убили.

- Мне показалось, это случилось несколько позже, - улыбнулась Марида. - Пару часов назад.

- Полагаю, Безвариат сумел обмануть леди Кобрин, - медленно ответил юноша, нащупывая лежащий в кармане медальон.

- А что за веская причина заставила Собутыльника...

- Сотрапезника. - Молодой лорд внимательно посмотрел на девушку. - Ты запомнила имя, Марида, не надо его перевирать. Враг он Адорнии или нет, Безвариат заслуживает уважения. Он - гений.

- Хорошо, пусть так. - “Почему я согласилась?” - Что за веская причина заставила Сотрапезника прятаться?

Марида не надеялась услышать ответ, в конце концов, она и так выудила из Карлоса гораздо больше, чем рассказала сама, но юноша спокойно произнес:

- Помнишь, я говорил, что знаю часть тайны леди Кобрин?

“Он мне верит! Уйма прайма, он мне верит!”

- Конечно.

- Эта часть - название. Праймашина.

- Праймашина?

- Да, - подтвердил Карлос. - Я думаю, Безвариат строил для леди Кобрин некое устройство. Не знаю, для чего оно предназначено, но мы говорим о гении, а значит, Праймашина может оказаться чем-то невероятным.

- Оружие? - предположила адорнийка.

Юноша с сомнением покачал головой:

- Возможно.

- Ты не уверен?

- Оружие получило бы какое-нибудь броское название: “сверхпушка”, “праймеч” или еще что-нибудь в этом роде. А Праймашина... Машина, использующая прайм... Мне кажется, речь идет о чем-то более оригинальном, чем оружие. Но, возможно, более страшном.

- Что может быть страшнее оружия?

- То, что сделает его бессмысленным.

“А ведь я могу это использовать! - пронеслось в голове Марида. - Если доктский гений и впрямь замыслил нечто грандиозное, адорнийцы должны узнать об этом!”

Подлая это была мысль, противная, но... правильная. Исключительно правильная, потому что искренность Карлоса, и те чувства, что пробудил он в девушке, не могли заставить ее позабыть о долге.

“Я вижу в нем докта, а он во мне - человека”.

“Не лги себе! Ты для него всегда будешь поганой адорнийской сукой”.

“Нет!”

“Да!”

“Заткнись!”

Нет ничего сложнее в этом мире, чем бороться с собой, чем столкновение разума и сердца, чем стоять на развилке, обе дороги которой правильные и неправильные одновременно.

- Думаешь, Безвариат строил машину здесь? - хрипло спросила Марида. Просто для того, чтобы спросить, услышать свой голос и отогнать мысли проклятые мысли.

- Нет, конечно же. - Юноша отвлекся на разбросанные по столу документы, а потому не обратил внимания на изменившийся голос адорнийки. - Здесь Сотрапезник хранил собственные тайны, в том числе - от леди Кобрин.

- Почему ты так думаешь?

- Потому что догадываюсь, что мы отыщем за следующей дверью.

- Мне скажешь?

- Давай в нее войдем.

- Ты меня пугаешь, - игриво хихикнула Марида.

- Он совсем не страшный, и понравится тебе, потому что... - Карлос распахнул дверь и, улыбаясь, остановился на пороге. - Потому что совершенен.

Прайм-индуктор.

Он стоял в самом центре небольшого зала, и резко отличался от той машины, что хранилась в подвале Гридвальдского замка и у остальных доктских лордов - у юноши возникло ощущение, что Безвариат собрал индуктор из подручных материалов. Но это был он, именно он, вне всяких сомнений: четыре бака со смесями прайма, система подачи, управляющая панель и квадратный бункер, в котором происходило воскрешение Героя.

- Это то, что я думаю? - негромко спросила адорнийка.

- Да, Марида, это Прайм-индуктор.

- Какой уродливый, - не сдержалась девушка.

- Его красота скрыта внутри, и заключается в том, что делает индуктор, в воссоздании жизни.

Карлос и сам не ожидал, что произнесет такие слова. Тем не менее - произнес, потому что был полностью в них уверен. Потому что почувствовал уважение к таинственному

процессу, основой которого был прайм.

“Но Итералии, воскрешающие адорнийских Героев, прекрасны и внешне...”

Однако вслух Марида сказала другое:

- Пожалуй, соглашусь.

- Спасибо.

- Не за что.

Прайм-индуктор выглядел неказисто: разномастные баки, торчащие трубы, плохо отделанный корпус, на котором виднелись следы молотка... Но не машину видел перед собой Карлос, а Егозу. Урагана, Рыжего Уса и Самострела. Верных Героев, по которым успел соскучиться. И плевать ему было, что выйдут они из уродливого устройства, главное что выйдут.

- Я думала, Индукторами владеют исключительно лорды.

- Поэтому Безвариату и потребовалось тайное укрытие.

- Но как он ухитрился добыть Индуктор?

- Построил, - пожал плечами Карлос. - Безвариат принимал участие в их разработке.

Сотрапезник знал их досконально, гораздо лучше любого лорда, и не было ничего удивительного в том, что он сумел создать машину для себя.

- Ты умеешь с ним обращаться?

- Я - лорд, - гордо ответил юноша. - Я верну своих Героев, мы отправимся в Три Вершины, спасем твоих друзей и отвернем леди Кобрин голову. Так будет.

- Да, - согласно кивнула Марида. - Так будет.

“Какая же я сука!”

- А теперь давай осмотрим остальные помещения, - предложил Карлос. - На всякий случай.

- Хорошо.

Они вернулись в кабинет и, пройдя через другую дверь, оказались в большой кухне, где обнаружили мешок муки, початый бочонок солонины и сушеные овощи. Наличие еды обрадовало, однако бури восторга не вызвало - в сумке Акакия лежали свежие лепешки и сочная ветчина, так что путники успели поесть по дороге. Отметив, что голодными не останутся, Карлос и Марида прошли еще дальше, и обнаружили спальню Безвариата - средних размеров комнату, все убранство которой составляли сундук с вещами, да широкая кровать.

- Полагаю, за третьей дверью мы отыщем склад, - пробормотал Карлос.

- Скорее всего... - Марида опустила глаза и тихо спросила: - Сколько времени, ты сказал, у нас есть?

- Полдня. - Молодой лорд уже поворачивался, собираясь вернуться на кухню, но замер, поняв, что вопрос о времени девушка задала не просто так. Замер, повернулся к южанке и продолжил: - А учитывая, что кобрийцы доберутся до Пальцев только к вечеру, поиски наверняка отложат до завтрашнего утра.

Полдня и еще целая ночь...

- У нас много времени, - помолчав, произнесла Марида, не глядя на Карлоса. - Очень много.

- И это здорово.

Он сделал полшага, и мягко прикоснулся к руке девушки. Марида не отстранилась, не вздрогнула, но и движения навстречу не сделала.

Прошептала:

- Я не шлюха. Мне просто нужно немного...

- Тепла.

Его шепот звучал негромким эхом.

- Чтобы кто-то...

- Был рядом.

Он угадывал ее мысли. Или же чувствовал тоже, что и она.

- Потому что я устала быть...

- Одна.

- Да...

- Но сейчас мы вместе.

“Я все расскажу, - пообещала себе Марида, закрывая глаза. - Все-все-все расскажу...

Но позже... Не сейчас...”

И страстно ответила на жадный поцелуй Карлоса.

“Не сейчас...”

Юноша молчал, не шептал пошлых комплиментов, но так лучше только действие, только поцелуи и руки.

“Не сейчас...”

Платье скользит на пол, сердце бьется, как заведенное, в голове приятный шум... Тепло от дыхания Карлоса, тепло от его тела, от его ладоней, пальцев... от его груди... Тепло... Он подхватывает Мариду на руки, она обнимает Карлоса за шею... Она знает, что будет дальше...

“Не сейчас!”

Но находит в себе силы остановиться.

“Именно сейчас!”

Марида смотрит на распаленного Карлоса, несмело улыбается и шепчет:

- У нас ничего не получится.

- Здесь мы расстанемся, - весело произнес Лашар, глядя на связанного Эдди.
- Я займусь поисками гридийского щенка, а тебя ждет путешествие в Три Вершины. Обещаю, тебе там понравится.

- То есть, у тебя нет времени меня пытать, и ты оставляешь это своей повелительнице? Забавно. - Ударить рыцаря Гром не мог, а потому ограничился тем, что смачно сплюнул на землю - предусмотрительный Лашар остановился в нескольких шагах от Эдди, и достать его не было возможности. - Ей нравится наблюдать за мучениями пленников? Или она сама...

- Леди Агата никогда не опускалась до пыток, - хладнокровно ответил Маркус. - И в Трех Вершинах тебя ожидает совсем другое приключение, Герой, более увлекательное, чем ты можешь представить.

- Когда император узнает, что вы натворили в Фихтере, мои приключения покажутся тебе веселым времяпрепровождением, - пообещал Гром. - Пауль страшен в гневе.

- А что мы натворили? - удивился Лашар. - Нападение на тюрьму устроила Шахмана Егоза, Героиня известного преступника Карлоса Грида. Она же убила прокурора.

- И фихтерские лакеи леди Кобрин подтвердят каждое твое слово, - усмехнулся молниеносный.

- Подтвердят, подпишутся и будут настаивать на этой версии с пеной у рта, - пообещал Маркус.

- А мне достаточно просто умереть, чтобы тайное стало явным.

- А почему ты решил, что мы позволим тебе “просто умереть”, Герой?

- Потому что вы не сможете это предотвратить, - презрительно произнес Эдди.

- Мы постараемся. - Маркус помолчал. - Не подумай, что мне нужен ответ, Герой, но я не могу не задать вопрос: почему Петерсен помог гридийцу? Мне интересно.

Деталей разговора, состоявшегося между Карлосом и прокурором, Гром не знал, поведение Петерсена и его удивило, но признаваться в этом кобрийцу Герой не захотел:

- Карлос Грид - враг твоей хозяйки, что обстоятельство делает его честным человеком.

- Так и думал, что ты не знаешь, - хмыкнул Маркус.

Эдди покраснел.

- Я сказал правду! Скоро ты это поймешь.

- Поймаю щенка и пойму. Прощай, Герой.

Двое “черных орлов” заткнули Грому рот и перебросили через седло могучего жеребца, готовя к обещанному путешествию в Три Вершины. А Лашар отошел к дереву, под которым его ожидал Жубер.

- Рассказывай!

- Им удалось оторваться от погони.

- Которой не было.

- Была!

Обожженным лисой Героям потребовалось время, чтобы прийти в себя, а потому первыми за Карлосом бросились фихтерские стражники, разжиревшие на взятках уроды, не желавшие рисковать своими шкурами. В результате погоня превратилась в фикцию, гридиец ускользнул, и теперь Лашару придется искать его по всем окрестным лесам.

- Капитан Фалькон, что скажете? - обратился Маркус к командиру присоединившихся к розыску кобрийских пограничников.

- Сделать мы успели много... - Фалькон спешился и развернул карту. - Беглецы покинули Фихтер через северные ворота и, согласно показаниям свидетелей, свернули в лес здесь. - Фалькон ткнул толстым пальцем в нужную точку. - Мне потребовалось четыре часа, чтобы развернуть охоту, и потому пришлось оцепить довольно большую площадь. А учитывая, что людей у меня немного, контролировать ее трудно. В первую очередь я перекрыл все дороги, включая малоизвестные тропы...

- Я думал, что в первую очередь нужно идти за беглецами, - перебил пограничника Лашар. - Они бросили повозку?

- Нет.

- Значит, у нас есть отличные следы.

- По которым сейчас идут мои разведчики. - Фалькон мрачно посмотрел на рыцаря. - Я не стал рассказывать вам очевидные вещи, Лашар, счел, что в этом нет необходимости.

- Извините, капитан.

- Ничего страшного.

А Жубер вдруг подумал, что ни одна сила мира не заставила бы Маркуса извиниться перед ним. Ничто, даже угроза смерти. А вот перед своим, перед кобрийцем - запросто. Подумал, и беззвучно выругался.

- Не волнуйтесь, Лашар, гридиец не уйдет.

- Пока уходит.

- Возможно, разведчики уже связали его и везут сюда.

- Или не связали. - Маркус внимательно посмотрел на карту. - Карлос показал себя неглупым человеком, он понимает, что мы перекроем дороги, а значит, стоит перед выбором: торопиться изо всех сил или затаиться.

- С ним адорнийка, - напомнил Жубер. - Южане умеют прятаться в лесу.

- А пограничники умеют искать, - жестко бросил Маркус прежде, чем возмущенный

Фалькон вступился за своих. - Карлос понимает, что присутствие адорнйки заставит нас сосредоточиться на лесе, и у него появится отличная возможность совершить неожиданный маневр... - Лашар ткнул в серое пятно, расплывшееся по карте к северо-востоку от Фихтера. - Это Задранные Пальцы?

- Да.

- Обыскивая лес, мы обойдем скалы стороной, и беглецы могут оказаться за нашими спинами.

- Возможно, - протянул Жубер.

Ему не хотелось ссориться с Маркусом: лучше выполнять идиотские распоряжения кобрийца, чем выслушивать оскорбления.

А вот Фалькон был слеплен из другого теста:

- Ерунда, - буркнул пограничник. - Они побегут, и побегут быстро.

Но Лашар уже принял решение:

- От прочесывания леса я не отказываюсь, Фалькон, однако загонщики должны стягиваться сюда, к скалам. Жубер!

- Да?

- Ты со своими стражниками перекрываешь южную сторону, чтобы беглецы не вернулись в Фихтер.

- Понял.

- Фалькон, вы организуете прочесывание.

- Хорошо.

- А я с Героями отправляюсь в Пальцы. - Лашар жестко посмотрел на капитана пограничников: - В скалах следы исчезнут, так что мне нужен опытный следопыт и два десятка солдат.

- Солдаты готовы, а следопыт будет у вас часа через четыре, не раньше.

- Я знал, что меня ты разбудишь первым.

Обнаженный Акакий... Точнее - обнаженный Безвариат Сотрапезник вышел из Прайм-индуктора и потянулся, без смущения демонстрируя Карлосу неплохо сохранившееся тело.

“Он стал Героем, - одернул себя юноша. - И потому забыл, что такое дряблость”.

Что такое болящие мышцы и ноющие суставы, избавился от ревматизма и начинающейся подагры, не помолодел, но поздоровел, и оставшиеся ему годы проживет полным сил.

Но остался ли он прежним Сотрапезником? Гением, способным создать устройство любой сложности? Это волновало Карлоса больше всего, поскольку все Герои, которых он встречал до сих пор, особым умом не отличались.

- Много вопросов накопил?

- Достаточно. - Молодой лорд кивнул на стул. - Твоя одежда.

- Спасибо. - Безвариат вновь потянулся, явно красуясь перед юношей, и лишь после этого взял рубашку. - Как же приятно вновь быть живым.

- Леди Кобрин знает, что ты принял прайм?

- Нет, разумеется, она уверена, что я умер.

- Это хорошо.

- Согласен. - Сотрапезник натянул исподнее. - Но Агата умна, и скоро поймет, что происходит.

- Тебе лучше знать. Следующее...

Вопросов у Карлоса действительно накопилось много. Жестких вопросов, прямых, требующих честных ответов, но Безвариат вел себя совсем не так, как Акакий, не выказывал молодому лорду естественного почтения и сам управлял разговором.

- Ты сразу отправился в Пальцы?

- Да.

- Хорошо. - Сотрапезник натянул штаны и занялся обувью. - Будем надеяться, что до утра кобрийцы нас не потревожат. Пока по лесам побегают, пока сообразят, что мы в скалах...

Судя по всему, Карлос угадал продуманный ученым план отступления из Фихтера. Но оставались неясности: Героев они воскресят, но что делать дальше? Сражаться с кобрийцами в открытом бою? В Гридвальде пробовали и едва унесли ноги.

- Леди Кобрин знает об этой лаборатории?

- Нет, конечно.

- Так я и думал.

- Зачем, в таком случае, спрашивал?

Да уж, совсем другой человек: жесткий и колючий. Карлос хотел указать Безвариату на неподобающее поведение, но тот, как выяснилось, не закончил:

- Но отсидеться здесь не получится, Лашар умен и обязательно найдет нас. Не сразу, конечно, полдня потратит, но найдет, в этом нет никаких сомнений.

- Как же мы уйдем?

- Есть пара мыслей.

Делиться которыми Сотрапезник пока не собирался. И это обстоятельство усилило раздражение Карлоса.

- Побольше уважения, Безвариат, я не слуга.

- Спишем грубость на мой героизм, - хмыкнул Сотрапезник. - Я пытаюсь сдерживаться, Карлос, но получается не всегда... Поверь в то, что это не специально и... И не забывай, что мы нужны друг другу. Я нуждаюсь в тебе так же сильно, как и ты во мне.

- Для чего?

- Чтобы отомстить. И все поправить... - Ученый погладил металлический бок Прайм-индуктора. - Мой каталист у тебя?

- Вернуть?

- Подержи у себя, - улыбнулся Безвариат. - Мало ли что может случиться? - Однако о клятве, которую обязательно приносил Герой, вручая лорду свой главный амулет, Сотрапезник даже не заикнулся, продолжил о делах. - Я видел, с тобой была какая-то девчонка.

“Началось!”

Карлосу не понравилось ни то, что Безвариат заговорил об адорнийке, ни то, каким тоном он задал вопрос, однако деваться юноше было некуда, пришлось отвечать, затыкая гордость рассуждениями о “героизме” ученого.

- Ее зовут Марида, мы познакомились в тюрьме.

- Избавился от нее?

- Нет.

- Почему?

“Это уж слишком!”

- Потому что у нас с ней общий враг - леди Кобрин.

- С тобой все ясно, со мной - тоже, а что не поделила с кобрийцами адорнийская малявка? - Безвариат уселся на стул и пристально посмотрел на молодого лорда. - Что

она тебе наплела?

- Ее похитили... - начал Карлос, но тут же был нагло перебит заинтересовавшимся Сотрапезником:

- Похитили? То есть, украли из родной деревни?

- Да.

“Так, хватит! Он Герой, он гений, но пора ставить его на место!”

Однако перебить ученого не получилось.

- Ее похитили и везли в Три Вершины? Одну?

- Марииду и нескольких ее друзей, - уточнил Карлос.

- Это хорошо... - протянул Сотрапезник, погружившись в какие-то мысли. - Это многое меняет...

- Что именно?

- Девчонка тебе не сказала? Ну и ладно, пусть так... - Ученый неожиданно хихикнул.

- Я не против ее присутствия, Карлос, Марида может быть нам полезна... Теперь ты займешься Героями? Времени у нас много, но не следует им разбрасываться.

“Ладно, Безвариат, хочешь командовать? Пусть. Сейчас я в твоём замке...”

Однако исполнять приказ ученого юноша не торопился. Облокотился на стену, принял независимый вид, и поинтересовался:

- Когда ты стал Героем?

Учитывая обстоятельства, это был важный вопрос, на который Сотрапезник обязан был отвечать, чтобы продемонстрировать искренность. Но он попытался увильнуть.

- Мы теряем время.

- Когда? - повысил голос юноша.

Безвариат усмехнулся:

- Я слышал Зов прайма несколько лет назад, но игнорировал его, боялся, что стану таким же недалеким, как и все Герои. - Откинулся на спинку стула, почесал нос и продолжил: - Самое интересное, что Зов помогал мне работать. Не изматывал, как я ожидал, а подстегивал, словно говорил: “Прими прайм, и будет еще лучше”.

- Но ты не верил.

- Я работал, как одержимый, у меня все получалось, и мне не требовалось принимать прайм. - Ученый помолчал. - Однако леди Кобрин не оставила мне другого выхода. Агата женщина неплохая, но к цели своей прет, как трехглавая Чудь и собиралась меня растоптать. Вот и пришлось выпить чашу. - Еще одна пауза. - Я принял прайм, и только поэтому сумел ускользнуть от Агаты. А о том, что я Герой, знал лишь Стеклодув.

- К какой цели идет леди Кобрин?

Но Сотрапезник сделал вид, что не слышал вопроса.

- Я покончил с собой на глазах у Агаты, а незадолго до этого отправил Стеклодува в Фихтер, точнее - сюда. Ян должен был воскресить меня, но Агата почувствовала неладное, и отправила следом Героев. Они почти догнали Яна, помешали ему забрать из дома маску, и он бежал в Пуцу, надеясь воскресить меня, пробравшись к Прайм-индуктору какого-нибудь лорда...

- Он воспользовался нашим индуктором! - догадался Карлос.

- Поэтому Стеклодув и задержался в Гридвальде, позволив Лашару себя догнать, - кивнул Безвариат. - Ему требовалось время, чтобы подготовиться к взлому.

Ян пробрался в подвал, оживил учителя и вывел его из замка. А потом они расстались, потому что за Стеклодувом шла охота, и Ян не хотел подвергать Безвариата опасности. А еще потом Стеклодув погиб, а Сотрапезник отправился на юг.

Чтобы отомстить леди Кобрин.

- Там, на хуторе... - Карлос кашлянул. - Ты ведь Герой, так почему позволил фанатикам пленить себя?

- Потому что они накормили меня, накормили мою лошадь, позволили переночевать под крышей и всю ночь охраняли меня от Чуди, - рассмеялся Безвариат.

- Очень прагматично.

- Так получилось, - самодовольно отозвался ученый. - Я как раз собирался перебить этих недоумков, но они притащили вас и я решил посмотреть, чем все закончится.

Герой, самый настоящий Герой: уверенный, сильный и циничный. Прайм меняет людей гораздо сильнее, чем кажется.

- Извини за Яна, - помолчав, буркнул молодой лорд. - Я перестал гордиться этой победой на следующее же утро.

- Ты хороший человек, Карлос.

- Хотелось бы верить. - Юноша пристально посмотрел на ученого: - А теперь расскажи, что такое Праймашина?

- Очень сложное устройство, которое нам предстоит уничтожить.

- А подробнее?

- Подробнее - позже, - усмехнулся Безвариат. О своем героизме он рассказывал неспешно, о Стеклодуве - с грустью, а теперь вновь вернулся к деловому, слегка покровительственному тону: - Не волнуйся, Карлос, в неведении ты не останешься, но сейчас у нас есть важные дела.

- Позволь я сам решу, какое дело наиболее важное.

- Решай, - предложил Сотрапезник, поднимаясь со стула. - А параллельно воскрешай Героев. Я же займусь нашим отступлением.

- Отсюда им не уйти, - хмуро заметил Раздаватель, поравнявшись с Лашаром. - Пальцы небольшие, даже фихтерская стража способна их полностью перекрыть.

- Работать фихтерской страже не придется, - добавил едущий чуть позади Исполдобья. - Мы отыщем гридийского щенка и порвем в клочья.

- Не сомневаюсь, - процедил Маркус.

Ожоги еще не покинули физиономии Героев, изрядно добавляли им мрачности, но Лашар, как ни старался, не мог смотреть на потрепанных бойцов без улыбки. Гнал ее с лица, разумеется, но она предательски возвращалась.

- Я лично вырву Гриду сердце!

- Нет, я!

- Прежде щенка необходимо отыскать.

Герои переглянулись и умолкли.

Как и ожидал Маркус, следы повозки привели кобрийцев к Заданным Пальцам. Дальше начались камни, оставленные колесами вмятины исчезли, но разведчики справлялись, уверенно ведя отряд вглубь скал.

- Они могли укрыться в какой-нибудь заброшенной шахте, - кашлянув, произнес Раздаватель.

Воевода понял, что отвечать на их с Исполдобья обещания Лашар не станет, и зашел с другой стороны - уж очень ему хотелось разговорить Маркуса, оценить, насколько плохое впечатление они с Томом произвели, и как это скажется на отношении леди Кобрин.

- А еще здесь полно пещер, - добавил наблюдательный чистильщик.

- Пещеры слишком малы, - невозмутимо ответил Маркус, который прекрасно

понимал причины беспокойства Героев.

- Шахты, - напомнил Максимилиан.

- Если встретим - проверим, - пообещал рыцарь.

- А если щенок нас обманул? Вдруг он отправил повозку вперед, а сам...

- Господин Лашар! Сюда! - Один из разведчиков направился к огромному “кусту”, составленному из девяти Пальцев, а второй повернулся и замахал руками: - Скорее!

- Кажется, ребята что-то нашли, - ухмыльнулся Маркус, и направил коня к следопыту.

- Надеюсь, новости хорошие?

- Как посмотреть... - Второй разведчик успел вернуться от подножия “куста” и встал рядом с напарником. - Следы ведут туда.

И указал на массивное основание “куста”, в котором не наблюдалось ни шахты, ни пещеры.

- В скалу? - удивился Маркус.

- Так точно.

- Вы нашли проход?

- Нет.

- Тогда что?

- Мы нашли следы, - улыбнулся пограничник. - Они ведут прямо в скалу.

“Похоже, сегодня все задалось целью проверить на крепость мое терпение...”

Впрочем, следопыты свой долг исполнили, и требовать от них большего не имеет смысла.

- Вы должны объехать “куст” по кругу, проверить, нет ли других следов...

- Думаете, беглецы решили спрямить путь? - хихикнул разведчик. - И прошли через камень?

И тут же пожалел о неуместной шутке.

- Я думаю, что у некоторых моих подчиненных слишком длинный язык, - хмуро произнес Лашар. - Исполняйте!

- Есть!

Следопыты испарились, а Маркус спешил и подошел к стоящему у скалы Раздавителью.

- Что скажешь?

- Я чувствую прайм.

А поскольку ошибиться Герой не мог, последовал очевидный вывод:

- Внутри скрывается механизм, - прищурился Маркус.

- Который привел в действие потайные ворота, - закончил воевода.

- Это не шахта, а самое настоящее убежище. - Лашар почесал подбородок. - Но откуда щенок о нем узнал? И вообще - что это?

- Войдем - узнаем.

- Согласен. - Маркус сделал несколько шагов вдоль скалы, задрал голову, посмотрел на упирающиеся в небо Пальцы, цокнул языком, и вздохнул: - Нам потребуются опытные подрывники и уйма бомб.

- Только посмотри на себя!

- Я не возьму эту железяку!

- Других мечей нет.

- Мне нужен прайм, чтобы зарядить остробой.

- Ты похож на клоуна!

- Сейчас по шее получишь!
- Как смешно!
- Скажешь хоть слово - подеремся.

Снаряжение пришлось брать из арсенала Сотрапезника, однако найденные там клинки - хоть и высококачественные, категорически не подходили могучим бойцам, привыкшим к тяжелому, специально для Героев созданному оружию. Урагану повезло больше всех: его снаряжение оставалось в бричке, а потому воевода облачился в любимые доспехи и вооружился мощной булавой. Самострел отыскал в арсенале острой, которым пользовался виртуозно. Шахмана, главной ударной силой которой был огонь, раздобыла не-что, похожее на “кадило”, и уже запалила в нем угольки. А вот Арчибальду, в итоге, пришлось остановиться на заурядном двуручном мече, с трудом напоминающем его привычное оружие. Одежда и доспехи тоже подкачали: предложенные Безвариатом тряпки оказались старыми, штопанными и слишком маленькими для могучих Героев, так же, как и кирасы с панцирями. Кое-как подошли наручи и поножи, но серьезную защиту они обеспечить не могли.

Однако неприятности со снаряжением не могли отвлечь Героев от главного - от того, что они вновь живы, и вновь собрались вместе. И пусть положение их было незавидным, а перспективы самыми туманными, настроение у гридийцев было великолепным.

- Кто ходил в этих штанах? Почему не зашил дырку?
- Если ты не заметил, мне вообще пришлось довольствоваться мужской рубашкой.
- Зато видны твои прелестные ножки.
- Где прайм? Я хочу зарядить острой.
- Этот щит - ерунда.
- У тебя двуручный меч.
- Он для обычных людей двуручный, а для меня - легковат.

События последних дней Самострелу и Рыжему Усу рассказал Ураган. Воевода специально попросил Карлоса не присутствовать при разговоре, и подробно изложил бойцам все, что случилось после бегства из Гридвальда, уделив особое внимание храброму поведению Карлоса и его мужеству. Подробностей той беседы юноша так и не узнал, но увидев лица Джейкоба и Арчибальда, услышав слова их клятвы и то, что они называли его лордом, понял, что Генрих нашел нужные слова. И чуть позже, оставшись наедине, горячо поблагодарил воеводу за поддержку, и услышал в ответ: “Я ничего не приукрасил, Карлос, рассказал, как было, и ребята сами называли тебя лордом”.

И от этого стало еще теплее.

- Исподлобья кто-нибудь видел? Он мне должен.
- Он всем должен.
- А я сначала безликого завалю, - мечтательно произнес Генрих. - Терпеть не могу этих подлецов.
- Ты ему письмо напиши, скажи, куда приехать.
- Сам отыщется.
- Тоже правильно.
- Шахмана, а у тебя любимый кобриец есть?
- Их леди.
- Заинтересовалась женщинами?
- Заткнись.

Егоза попыталась отвесить Шпалере шуточный подзатыльник, но тот со смехом отскочил в сторону.

- Как котята, да? - негромко произнес бесшумно подошедший Безвариат.

Карлос, наблюдавший за Героями стоя у дверей арсенала, коротко кивнул:

- Да.

- И ведь не скажешь, что каждый из них - хладнокровный убийца.

- Они воины.

- Можно сказать и так.

- Тебе виднее.

Безвариат вздрогнул.

“Сейчас!” - понял юноша.

Он давно хотел обсудить с ученым его новое положение, но неотложные дела, а главное жесткое поведение Сотрапезника, не позволяли завести разговор. И сейчас, увидев, как среагировал Безвариат на упоминание о его “героизме”, Карлос понял, что наступил удачный момент.

- Ты много говоришь, суетишься, иногда хамишь, но я не чувствую в тебе агрессии, неосознанного желания применить силу, которое есть у других Героях. Почему?

Ученый угрюмо покосился на юношу, но ответил спокойно:

- Почему тебя это интересует?

- Потому что нас ждет суровая битва, и я хочу знать, что от тебя ожидать?

- Разумно. - Сотрапезник помолчал, а через несколько секунд ответил: - Ты не чувствуешь моей агрессии, потому что я постоянно, каждую секунду, контролирую себя. Я запрещаю себе думать о том, что можно кого-то ударить, а когда накатывает ярость - начинаю говорить.

- Тяжело приходится?

- С каждым днем все легче и легче.

- Правда?

Безвариат вздохнул, увлек юношу в коридор, прикрыв за собой дверь и жарко продолжил:

- Я не отрицаю, что стал другим. Я пытаюсь смотреть на вещи по-прежнему, но сила, что меня переполняет, требует выхода, пытается подсказывать, пытается управлять мной, и получается, что я трачу ее, силу на борьбу с ней самой. Вот, что получается. Глупо, с одной стороны, но я иду на это, потому что не хочу меняться так, как этого требует прайм.

- Прайм? - удивился Карлос.

- Ведь это он изменил меня. - Безвариат вздохнул. Судя по всему, под воздействием силы прайма во мне пробуждаются те черты характера, которые я некогда задавил, возможно, это мои страсти рвутся наружу, но их растревожил прайм, понимаешь?

- Пытаюсь понять.

- Очень хорошо. - Сотрапезник хрустнул пальцами. - Я видел, в кого превращаются люди, ставшие Героями, и не хочу повторять их путь. Решившись принять прайм, я догадывался, что начнутся изменения, и был готов им противостоять. Я принял вызов. Я понимаю, что не останусь прежним, но не хочу слепо идти предложенной дорогой, я прокладываю свой путь. Я борюсь. И я вижу, что побеждаю.

- Ты сильный.

- В первую очередь я - человек. Я был рожден женщиной, я обладал свободной волей, а прайм... Прайм пришел потом. И он не сможет отнять у меня то, что я - человек. Не сможет отнять мою волю.

- Железную волю, - уточнил Карлос.

- Да. - Безвариат помолчал. - Спасибо.

Он был не прочь завершить разговор, однако молодой лорд не отставал:

- Надеешься получить и способности Героя и гениальный ум?

- Я верю, что это возможно.

- Получается?

- Понимаю, о чем ты... - протянул Сотрапезник. - У меня не было возможности засесть за работу, но знаю, что в первые дни не получилось бы. Я абсолютно уверен, что не получилось бы, потому что я мог лишь воспроизводить, не в силах придумать ничего нового. Но теперь... - Ученый мечтательно улыбнулся. - Ко мне стали приходить идеи.

И в этот момент он стал похож на ребенка, добравшегося до банки с медом.

- Ты смеялся над праймовозом и вагонами, но их можно построить! И тогда поездка из Фихтера в столицу будет занимать не месяц, а пару дней! Представляешь?

Безвариат оседлал любимого конька: о науке он мог говорить часами, и это заставило Карлоса перебить ученого:

- Значит, став Героем, можно сохранить себя?

- Да, - кивнул Сотрапезник. - Но нужно быть сильным.

Мужчины помолчали, прислушиваясь к взрывам смеха, что доносились из арсенала, после чего Безвариат негромко произнес:

- Скоро сюда придут кобрийцы.

- Они смогут прорваться внутрь?

- Если среди них будут умелые подрывники и достаточный запас мощных прайм-бомб - смогут.

- Пока все это привезут из Фихтера...

- Лашар умен. Как только он поймет, что мы укрылись в Пальцах, сразу же распорядится и о подрывнике, и о бомбах. К тому времени, когда следопыты отыщут ворота, у него будет все необходимое.

- Как же мы уйдем?

- Есть план.

Сотрапезник жестом предложил Карлосу следовать за ним, прошел до конца коридора и по винтовой лестнице поднялся на следующий этаж.

- Снизу сюда ведет грузовой подъемник, но лучше пройдем пешком - так удобнее.

- У тебя есть второй выход?

- Можно сказать и так. - Безвариат распахнул заскрипевшую дверь, прижался к стене, чтобы юноша смог обогнать его на узенькой площадке, и улыбнулся: - Смотри.

- Чтоб меня на шестеренку намотало!

- Нравится?

Если нижние помещения лаборатории отличались просто высокими потолками, то это оказалось огромным. Колоссальных размеров зал занимал всю площадь скалы, и поднимался вверх не меньше, чем на сорок метров.

Но размеры быстро позабылись. Съежились до незначительной пометки после того, как молодой лорд увидел стоящий посреди зала...

- Это... это... что?

- Впечатляет? - поинтересовался довольный произведенным эффектом Сотрапезник.

- Что это? - Юноша облизнул губы. - Безвариат, что это такое?

- Шанс на победу, Карлос! - Ученый вышел на небольшой балкончик, что прилепился к стене на десятиметровой высоте, и с любовью посмотрел на удивительную машину.

- Это "Чапек" - мое главное, после Праймашины, изобретение. И он поможет нам победить.

- Ты уверен? - недоверчиво поинтересовался Лашар.
- Абсолютно, - кивнул подрывник. - Все будет сделано в лучшем виде.

Несмотря на то, что бомбы и специалисты по их правильному использованию прибыли из Фихтера еще ночью, подготовка к подрыву ворот отняла больше времени, чем рассчитывал Маркус. Как только небо посерело, мастера облепили скалу, выискивая малейшие щелочки и едва заметные царапины, позволяющие сделать вывод об истинных размерах прохода. Затем, когда закрывающая путь плита оказалась помеченной красной краской, подрывники устроили совещание, густо приправленное непонятными Лашару научными терминами и стремительными расчетами, проводимыми буквально на коленке. Вот оно-то, это самое совещание, и сожрало время - почти четыре часа. А затем все вновь пошло, как по маслу: пришедшие к согласию мастера велели воинам отойти подальше, осторожно установили бомбы и...

- Берегите голову, господин Лашар.

- Ты уверен, что получится?

- Я взрывал стены маладарбийского замка, - хмыкнул мастер, поджигая фитиль. - И знаю, что делаю.

Дальнейшие его слова потонули в неимоверном грохоте.

Две телеги мощнейших прайм-бомб и опытные специалисты сделали то, что Маркусу казалось невозможным - вынесли изрядный кусок скалы, оказавшийся, на поверку, толстенной плитой, и тем освободили вход в тоннель.

- Вперед!

- Куда?!

Внутри Лашар собирался отправить только воеводу, предполагая оставить чистильщика в резерве, но едва осела поднятая взрывом пыль, как Исподлобья стремительно бросился вперед, а уж за ним рванули Раздаватель и солдаты. То ли чистильщик не смог противостоять запаху крови, то ли решил как можно скорее смыть с себя позор.

- Идиот, - пробурчал Маркус.

- Герой, - поправил рыцаря подрывник.

И презрительно усмехнулся.

О падении входных ворот сообщил омерзительный трубный вой, наполнивший огромное помещение второго этажа и заставивший беглецов переглянуться: преследователи рядом.

- Пора! - решил Безвариат, и громко рявкнул: - Самострел, давай!

Джейкоб потянул за рычаг, и потолок, являющий собой гигантский люк, стал медленно разламываться на две половины, открывая взорам беглецов предрассветное небо.

- Уйма прайма, - прошептала Марида, ошарашенная тем, что массивная скала над их головами оказалась плитой. - Это и есть запасной выход?

- Впечатляет?

- Не то слово.

- Доктская наука, - отрывисто рассмеялся Карлос. - Согласись, наши механики умеют удивлять не хуже адорнийских магов.

- Хотела бы я тебе возразить, да нечего, - призналась девушка.

Колоссальных размеров подземное укрытие казалось адорнийке мрачным, удушающим, но она не могла не признать, что построившие его люди проделали

огромную работу. Не меньшее впечатление произвели на девушку потайные ворота: что на входе, что здесь, открывающие крышу лаборатории, но самое главное - корабль, на котором они собирались бежать от кобрийцев. Это изобретение Сотрапезника потрясло Мариду до глубины души.

- Самострел! - заорал Безвариат, когда потолочные плиты разошлись больше, чем наполовину. - Второй рычаг!

По его расчетам кобрийцы уже заполонили весь первый этаж и отыскивали ведущую наверх лестницу.

- И быстро сюда! - добавил Карлос.

Хотя мог и промолчать - Герой прекрасно знал свои обязанности.

Джейкоб рывком перевел второй рычаг в положение "Вкл.", и со всех ног бросился к кораблю.

- Отдать швартовы!

Ураган и Самострел перерубили канаты.

- Пять! - завопил стоящий у штурвала Сотрапезник.

Корабль покачнулся и стал стремительно подниматься.

- Четыре!

Самострел ухватился за веревку и торопливо полез к друзьям. Егоза помогла ему перевалиться через борт.

- Три!

Марида любила говорить "уйма прайма", и его на самом деле было много. В виде прайм-бомб, которые Сотрапезник установил во всех помещениях лаборатории.

- Два!

- Сейчас начнется, - улыбнулся Карлос.

- Один!

И внизу громыхнуло.

Пыль. Клубы пыли, что вырвались из сорванных ворот - вот что увидел Маркус сначала. Затем услышал грохот, почувствовал удар - невидимая рука толкнула его в грудь, и, уже падая, Лашар понял, что скала просаживается... Зрелище показалось бы нереальным кому угодно, и уж тем более - оглушенному, растерянному рыцарю, который готовился праздновать победу. Середина огромного основания "куста" провалилась, три из девяти Пальцев надломились и рухнули, добавив грохота и пыли, и окончательно похоронив посланных внутрь воинов.

Блестящий отряд погиб, оставив после себя лишь четырех обычных воинов, медленно поднимающихся сейчас с земли, но Маркус не думал о пропавших Героях и о том, что беглецы способны без труда перебить остатки кобрийцев. Все внимание Лашара было приковано к еще одному невиданному зрелищу, к грандиозной машине, что величественно поднялась над клубами пыли и покосившимися скалами.

Корабль?

Нижняя часть машины и впрямь напоминала одну из плоскодонных барж, что таскали по доктским рекам руду и лес. Плавные линии металлических бортов, низенькая надстройка на корме, свисающий с носа якорь... на мгновение Лашару показалось, что зрение его обманывает - ведь баржи не умеют летать! Но уже в следующий миг он понял, что удивительный корабль не имеет никакого отношения к воде - ни весел, ни парусов, у "баржи" не было, зато помимо естественного для корабля руля присутствовали еще два, прикрепленные к бортам на манер крыльев. Кормовая надстройка скрывала мощные

прайм-двигатели, позади которых вертелись насаженные на оси палки - именно так показалось Маркусу.

Но самое удивительное находилось не на самой “барже”. В десяти метрах над ней находился огромный, туго натянутый баллон, отдаленно напоминающий бурдюк. Связанный с “баржей” множеством канатов он, судя по всему, и поднимал ее в воздух.

- Чтоб меня Чудь сожрала, - жалобно протянул стоящий рядом воин. - Что это?

Ответа у Лашара не нашлось.

- Я вижу кобрийцев!

- Какие они маленькие!

- Заморыши!

Карлос и Герои Грида столпились у невысокого борта и с любопытством рассматривали кажущиеся игрушечными фигурки воинов.

- Уйма прайма, я не верю, что все происходит на самом деле, - пробормотала Марида.

- Что, взяли? - Голос, к огромному удивлению присутствующих, подал Рыжий Ус, совершенно пораженный путешествием на воздушном корабле Безвариата. - Догнали? Выкусите, придурки!

И Арчибальд продемонстрировал кобрийцам неприличный жест.

Ураган, Самострел и Егоза захохотали.

- Я не вижу Лашара, - произнес Карлос. - Он там?

- Сидит на земле, - немедленно отозвалась Шахмана. - Видать, взрывом швырнуло.

- Его нужно убить, - холодно бросил молодой лорд. - Сможешь?

- Далеко.

- Безвариат! - Карлос повернулся к стоящему у штурвала Сотрапезнику и завопил, стараясь перекрыть шум прайм-двигателя. - Опусть корабль ниже!

- Зачем?

- Нужно достать Лашара!

Ученый кивнул и принялся тянуть за какие-то рычаги, а Карлос вновь посмотрел на Героев. Тонкость момента заключалась в том, что требовал молодой лорд не честной схватки, а хладнокровного убийства не способного ответить противника, и юноша хотел знать, как отнесутся к приказу его лучшие воины.

Как выяснилось, без восторга, но с пониманием.

- Все правильно, - вздохнул Ураган. - Иначе нельзя.

Но воеводе мараться не придется, он и Рыжий Ус хороши в ближнем бою, а для Лашара нужен стрелок...

- Нужно отомстить, - угрюмо произнесла Шахмана.

“Мсть не важна, Лашар слишком умен, чтобы оставлять его в живых”, - продолжил про себя Карлос.

- Подлец должен ответить за смерть лорда Датоса, - решительно сказал Самострел, вскидывая остробой.

Корабль снижался, до кобрийцев оставалось чуть больше пятидесяти шагов, и они, оценив угрозу, принялись разбегаться. Поднявшийся на ноги Лашар припустил к скалам, и времени на то, чтобы его достать, оставалось все меньше и меньше.

- Сейчас!

Посланная Егозой стрела ударила на пути Маркуса. Могло показаться, что Героиня промахнулась, но она знала, что делает. Лашар остановился, на несколько мгновений замер, и Джейкоб всадил ему в голову заряд остробоя.

- Готово.

Радости ни Шахмана, ни Самострел не испытывали. Они просто сделали работу. Не сложную, нужную, но неприятную работу. Они убили человека, не дав ему возможности ответить, и потому Карлос счел своим долгом произнести:

- Спасибо.

Ответа он не ждал.

Безвариат повернул штурвал, вновь поколдовал над рычагами, приводя в движение рули, и “Чапек” стал медленно подниматься над скалами, теряясь среди белоснежных облаков.

* * *

- Почему вы не уберегли Маркуса? - медленно, почти по складам, потому что скулы сводило от бешенства, поинтересовалась леди Кобрин.

- Мы...

- Вас было двое. Двое!

- Лашар приказал нам идти в пещеру, а сам остался...

- Для чего мне нужны Герои, если вы не способны спасти одного-единственного человека? Кому вы вообще нужны?!

Исподлобья и Раздавитель уныло потупились. Они полностью признавали право леди на ярость и даже на бешенство, и хотели только одного: чтобы неприятный разговор как можно скорее закончился. Ну, погиб Лашар, все равно ведь ничего не изменишь...

- Дважды... Нет! Трижды вы опозорились перед каким-то мальчишкой! Перед провинциальным щенком из Пущи, который ни разу не участвовал в настоящих сражениях!

Знаменитое хладнокровие дало сбой, и Агата уже не отчитывала провинившихся Героев, она балансировала на грани истерики, машинально подбирая самые хлесткие оскорбления.

- Мы...

Максимилиан Раздавитель хотел заметить, что никто не мог ожидать обрушения пещеры, которая оказалась тайной лабораторией, что ловушка сработала идеально, и что Героям пришлось принять мученическую смерть: и он, и чистильщик медленно умерли от удушья... но не успел.

- Вы не стоите того прайма, что я трачу на ваше воскрешение! Вы абсолютно бесполезны!

Покрасневшие Герои низко опустили головы.

Им было стыдно и обидно выслушивать ругань леди, но вдвойне неприятным происходящее делало присутствие Изморози - везучий безликий получил свое в тюрьме, в бою с имперским Героем, и потому избежал унижительной головомойки. Но смущало Исподлобья и Раздавителя не только то, что Улле со вкусом передаст остальным кобрийским Героям подробности отвратительной сцены, нет. И воевода, и чистильщик понимали, что от впавшей в бешенство Агаты можно ожидать чего угодно, а безликому все равно, кого убивать: Чудь, адорнийцев или братьев-Героев, безликий процессом наслаждается...

- Идиоты! - прошипела леди Кобрин, и по ее тону Максимилиан с Томом поняли, что гроза миновала. - О каком подземелье вы говорили?

- В самом центре Задранных Пальцев, - торопливо ответил Раздавитель.

- Целый “куст” изнутри вырезан, - добавил Исподлобья, и тут же поправился: - Был

вырезан, сейчас все обвалилось. Были коридоры, залы...

- А вместо ворот - плита, точь-в-точь, как кусок скалы, сразу и не отличишь.
- Механизмом праймовым поднимается.
- Мы до кабинета дошли...
- По дороге мастерскую видели. Механизмы там, станки какие-то...
- А потом нас накрыло.
- Стены и потолок упали...

- Мастерская, механизмы, станки, кабинет... - вполголоса повторила Агата. - Под землей...

Кто мог построить такое убежище неподалеку от Фихтера? В Кобрии, если уж на то пошло! В моей Кобрии, где полно стражников и пограничников, где даже контрабандистам с огромным трудом удастся проскользнуть незамеченными! Ответ: никто. Точнее, построить, конечно же, мог, но сохранить работы в тайне - ни за что. Значит, кто-то использовал уже вырытое убежище в своих целях.

Кто?

Ответ напрашивался, но поверить в него Агата никак не могла. Топталась рядом с проклятым ответом, но принимать его не спешила.

- Вы говорили, что в Фихтере гридийскую огненную лису сопровождал какой-то бродяга. Расскажите о нем.

- Невысокий, дохлый, - затараторил Исподлобья.
- Очень мелкий, щелчком убьешь, - прогудел Раздаватель.
- Лысый абсолютно.
- Жубер, вроде, называл имя: Акакий.
- Бенефит.
- Говорил, что бродячий ученый.
- Еще сказал, что Акакий, вроде, вместе с Карлосом в городе объявился.

“Его будущее не менее грандиозно, чем твое...”

Уж не потому ли оно такое великое, что мальчишке помогает...

“Нет! Нет! Это невозможно!”

Но факты вещь упрямая, с ними не поспоришь. Лашар обнаружил в вещах Стеклодува воровское снаряжение высочайшего класса, с которым ходят только на сокровищницы лордов. Сам Стеклодув задержался в Гридвальде, хотя погоня наступала ему на пятки, потратил три драгоценных дня с неизвестной целью. Нет, теперь уже с известной целью. Теперь все встало на свои места.

“Какой же ты молодец, Безвариат! Какой же ты молодец! Еще никому не удавалось так легко и элегантно провести меня!”

- Готовьтесь к бою, - жестко бросила Агата Героям. - В ближайшее время у вас появится замечательная возможность смыть с себя позор. Показать, чего вы стоите на самом деле.

Потому что теперь, когда леди Кобрин поверила в происходящее, она поняла, о какой битве предупреждала Иоланда: Три Вершины будут подвергнуты атаке, предотвратить которую нельзя. Юного гридийского лорда и его Героев поведет Безвариат, знающий каждый камень замка, и нет ничего удивительного в том, что старая провидица не смогла понять, чем закончится сражение. Ничего удивительного...

- Знаешь, когда я впервые увидел докта, узнал вас, услышал ваши воззрения, я был даже не удивлен - ошарашен. У меня не укладывалось в голове, что человек способен

жить среди прайма и не пропитаться им. Я не мог понять, какая неведомая сила заставила вас рассматривать прайм как... как дерево или уголь, как полезное ископаемое, которое можно беззастенчиво использовать в странных и уродливых конструкциях, которые вы называете механизмами. Но еще больше я поразился тому, что даже появление Героев не заставило вас изменить свою точку зрения.

- Мы такие, какие есть, - улыбнулась Агата.

- Да, - согласился Эларио. - Вы такие, во всем отличные от нас.

- Но все мы люди.

- И вновь ты права.

Закончив с Героями, леди Кобрин отправилась в тайные покои, где ожидал ее Хирав. В действительности Агата страстно желала побыть в одиночестве, чтобы успокоиться и привести в порядок мысли, но пришлось идти, чтобы не обидеть гордого адорнийца. Леди думала, что ей придется вновь изображать горячую радость, но Эларио уловил настроение возлюбленной и, усадив ее в кресло, затеял неспешный разговор.

- Наши расы - каждая по своему, разумеется, - достигли значительных высот в деле использования прайма. Но мне, ты уж извини, ближе адорнийские принципы.

- Никогда бы не подумала, - через силу пошутила Агата.

- Тем не менее, это так, - улыбнулся в ответ Хирав. - Я не знаю, что чувствуют Герои, но обожаю управлять праймом. Когда я творю, когда использую его силу для создания чего-то нового, то испытываю не просто наслаждение - детский восторг. - Эларио извлек из кармана цветастого камзола семечко, положил его на раскрытую ладонь, и принялся буравить пристальным взглядом. - Сама мысль, что я, подобно древним богам, меняю мир по своему желанию и разумению, вызывает ни с чем несравнимые эмоции... - Семечко пробудилось, тонкий зеленый побег скользнул по ладони Хиравы, а затем, послушный приказу мага, стал подниматься вверх. - Некоторые глупые докты считают, что адорнийская власть над праймом естественна, поскольку наши тела пропитаны им, но это далеко не так. Прайм чутко прислушивается к нам, и отзывается лишь тем, кто способен на сильные эмоции. Кто обладает богатой фантазией и железной волей. Мало просто захотеть, нужно добиться... - Зеленый побег превратился в стебель, на вершине которого распустился удивительной красоты цветок - нежно розовый хриндаликс. - Нужно не оставить прайму выбора, объяснить, что твое желание безоговорочное, и ты не отступишь. Только в этом случае придет успех.

Эларио протянул цветок Агате.

- Спасибо.

- Я подумал, что сейчас тебе не повредит что-нибудь милое.

Никто и никогда не слышал от заносчивого и самовлюбленного Хиравы такие слова. Никто и никогда. Никто. Кроме леди Кобрин.

- У меня есть ты, - негромко произнесла Агата, вдыхая аромат хриндаликса.

- Я милый? - удивился Эларио.

- Ты замечательный. И совсем не похож на докта. Наверное, этим ты меня и привлек.

- Я привлек тебя тем, что маг.

- Лучший в мире.

- Да.

- И это тоже делает тебя непохожим на докта. - Агата облокотилась на диванную подушку, позволяя адорнийцу полюбоваться на сжатые корсетом полушария груди, и поинтересовалась: - А чем привлекла тебя я?

Поза с намеком на шалость, однако в голосе леди игривости не чувствовалось.

- Мы собираемся захватить мир, что может быть прекраснее?

- И все?

- Ты ведь знаешь, что нет, - мягко произнес Хирава. Он подошел к дивану и, недолго думая, уселся прямо на пол, на ворсистый ковер, оказавшись совсем рядом с Агатой. - Я адорниец и всю жизнь стремлюсь к идеалу - это наш крест, тяга, с которой мы не в силах бороться. Я ищу идеал везде, во всем, и был покорен, встретив женщину, которая есть совершенство. У нас есть цель, мы хотим захватить мир, воссоздав великую империю, ты предложила, я согласился. Но сейчас я скажу тебе правду, Агата: с тем же успехом ты могла приказывать мне каждый день создавать для тебя новые туфли, или платья, или украшения - не важно. И я бы это делал. Потому что я - покорен.

Леди провела рукой по разноцветным волосам южанина.

- Это называется любовью, Эларио, а не покорностью. Мы любим друг друга.

- Мы очень разные.

Хирава поднес к губам руку Агаты и нежно поцеловал ладонь.

- И поэтому вместе: мы нашли друг в друге то, чего нам не хватало. Мы с тобой наглядное подтверждение того, что адорнийцы и докты могут жить в мире. Мы с тобой залог того, что наш замысел возможен.

- Но для этого нужно работать.

- Да... - Леди Кобрин вновь вдохнула аромат хриндаликса. - Как славно...

- Все для тебя, Агата, все для тебя.

Она чувствовала возбуждение Хиравы, понимала, что адорнийский лорд возбужден и едва поборол искушение.

Нужно возвращаться к делам. Прямо сейчас.

- Наши туповатые ученые сообщили, что они почти готовы начать эксперимент. Уверяют, что разобрались в записях Безвариата и привели Праймашину в рабочее состояние.

- Идем в подвал?

- Им нужно еще несколько часов. - Агата помолчала. - Ты в себе уверен?

- Абсолютно, любимая, я тебя не подведу.

* * *

Облака...

Облака под ногами, а между ними проглядывает зеленая шуба леса, расчерченная голубыми извилистыми реками. А солнце, кажется, можно достать рукой.

Облака...

Никогда в жизни не видел Карлос зрелища более удивительного и прекрасного. Никогда не испытывал такого восторга от созерцания открывшейся ему картины, и никогда еще не переживал таких чувств, какие заставляла его испытывать стоящая рядом Марида. Хрупкая черноволосая Марида, доверчиво прижимающаяся к плечу молодого лорда.

- Я заметила, что ты не поделился с друзьями своей главной тайной, - негромко произнесла девушка.

- Люблю сюрпризы, - так же тихо ответил Карлос.

Они стояли на самом носу "Чапека", совершенно одни, а потому молодой лорд не стеснясь обнял Мариду и периодически прикасался губами к ее волосам, обозначая легкие, как пролетающие мимо облака, поцелуи. Поцелуи влюбленного.

- Один сюрприз тебе уже удался.

- Что верно, то верно. Ребята, мягко говоря, удивились.

- Но сдержались.
- А куда им деваться?

Известие о новой спутнице лорда Герои Грида восприняли без особого восторга. Но если Шахмана, Самострел и Рыжий Ус просто удивились, сочтя выходку Карлоса очередной юношеской блажью, то прошедший большую войну Ураган встретил Мариду в штыки. Генрих прекрасно знал о слабости, что испытывал к южанкам молодой лорд, но одно дело, когда речь шла о любовницах, и совсем другое - о полноправном члене команды. При появлении Марида на лице воеводы появлялось отвращение, и было видно, что сдерживается Ураган с большим трудом.

- Он мой Герой, и обязан уважать мои решения.
- Я - твоё решение?
- Нет, гораздо больше.
- Не будем обманываться, - прошептала южанка, - нам не суждено быть вместе.
- Это зависит только от нас.
- Это должно зависеть только от нас, - вздохнула Марида. - Но все слишком запутанно. Докты и адорнийцы еще долго будут смотреть друг на друга, как на врагов.
- Только мы должны решать, как будет, - повторил юноша. - Все остальное не имеет смысла. - Еще крепче прижал к себе девушку и продолжил. - Я слышал, если плыть от устья Ильвы на восток, можно добраться до прекрасных, покрытых лесом островов. Они не знали катаклизма, не испоганены Чудью, и совершенно необитаемы...

- Острова Мечты... - вздохнула Марида.
- Их невысокие горы покрыты густыми лесами, меж деревьями текут широкие ручьи, и почти весь год стоит ясная, солнечная погода.
- Сказка.
- Мы можем проверить: уверен, после того, как мы разделимся с леди Кобрин, Безвариат не откажется от небольшого путешествия на восток. Только мы не поплывем, а полетим...

- Ты готов прожить остаток жизни на острове?
- С тобой.

Марида улыбнулась.

- Сказка...
- Не помешал?

Шум ветра и гудение прайм-двигателей скрадывали шаги, а потому Безвариат задал вопрос, находясь всего в трех метрах от парочки, и все равно ему пришлось кричать.

Карлос повернул голову и недовольно ответил:

- Нет, не помешал.

За спиной низенького Сотрапезника башнями возвышались Ураган - мрачный, поскольку рядом с лордом стояла адорнийка, невозмутимая Шахмана и улыбающийся Джейкоб. Самострел, как и ожидал Карлос, отнесся к появлению Марида предельно спокойно, развеселый дуэлянт обожал женщин, и прекрасно понимал юношу.

- Нужно наметить план действий, - произнес Безвариат.

Последний член команды - Рыжий Ус, стоял у штурвала. Невозмутимый, как столб, Арчибалд к удивлению гридийцев по уши влюбился в корабль, упросил Сотрапезника преподать ему пару уроков, и теперь гордо управлял "Чапеком", осторожно ведя его меж облаков.

- Надо понять, как будем штурмовать Три Вершины, - прогудел Ураган, мрачно глядя на Марида.
- Мы прихватили из лаборатории достаточный запас прайм-бомб, - хмыкнул Карлос.

- Устроим леди Кобрин веселую жизнь.

- Бомбардировкой мы Праймашину не разрушим, - вздохнул Безвариат. - И замок не разрушим. И всех воинов не перебьем, не говоря уж о Героях. Так что нравится нам это или нет, но придется спускаться.

- Значит, спустимся, - хладнокровно ответил юноша. - Удивим леди Кобрин своей храбростью и Героями.

- Агата не дура, она прекрасно знает, что к ней идут Герои, - обронил Сотрапезник.

- Откуда? - удивился Ураган.

- В том отряде, что мы похоронили в лаборатории, наверняка были Герои. Соответственно, они уже доложили Агате о том, что посреди Заданных Пальцев обнаружилось подземное укрытие огромных размеров. И Агата, ум которой я только что похвалил, сообразила, что оно принадлежало мне.

- Ты говорил, что леди Кобрин считает тебя мертвым.

- Мы живем в эпоху Героев, мой друг, о чем Агата, безусловно, помнит, - жестко произнес Безвариат. - Второй раз мне ее обмануть не удастся, а значит, мы должны исходить из того, что Агате все о нас известно.

- Не все, - возразил Карлос. - Она не знает, сколько каталистов я спас.

- Или все, или ни одного, - махнул рукой Сотрапезник. - Это настолько очевидно, что даже говорить ничего не надо.

Гридийские Герои заулыбались, Карлос покраснел, а Марида холодно посмотрела на хлипкого ученого, осмелившегося нахамить ее мужчине.

- Не думаю, что все так очевидно, - бросил молодой лорд. - Точное число Героев леди Кобрин неизвестно, и мы должны на этом сыграть.

- Каким образом?

- Ты мне скажи. - Карлос окончательно взял себя в руки. - У тебя есть план, иначе ты не пришел бы ко мне.

Герои вновь заулыбались, но на этот раз смех вызвал поставленный на место Безвариат: молодой лорд одной-единственной фразой превратил Сотрапезника в начальника штаба, пришедшего к главнокомандующему за одобрением.

- У меня есть очень сложный план, - подтвердил Безвариат. - Тебе понравится.

- Опасный?

- Как трехглавую дразнить.

- Мне уже нравится, - рассмеялся Ураган.

- Неужели?

- Я зол.

- Я вижу.

- А почему бы нам не махнуть в столицу? - осторожно поинтересовался Самострел.

- Расскажем все, как есть, и пусть император сам разбирается с леди Кобрин. Зачем рисковать?

- Затем, что я - лорд Грид, - гордо произнес Карлос, и медленно оглядел своих Героев. - И я не собираюсь прятаться за спину императора. Леди Кобрин нанесла мне оскорбление, и заплатит за это. - Он повернулся к Сотрапезнику и распорядился: - Излагай план.

* * *

- Повторите!

- Голубиная почта, - послушно отрапортовал подбежавший к леди Кобрин гвардеец.

- Срочное донесение с Перевернутой горы: к замку направляется летучий корабль.
- Перевернутая гора? - Агата вопросительно посмотрела на Гучера.
- Самый западный пост, - объяснил капитан “черных орлов”. - У отрогов, на границе леса.
- А что такое “летучий корабль”?
- Не могу знать. - Гучер перевел взгляд на гвардейца. - В донесении есть подробности?
- Никак нет!
- Никаких подробностей, - подтвердила леди, пробежав глазами по строчкам письма.
- Летучий корабль и все.

И скомкала листок в кулачке.

“Когда-нибудь, дорогая Агата, я прокачу тебя высоко в небе, рядом с облаками, там, где царствуют птицы. И в этот день ты сможешь с полным правом заявить, что мир лежит у твоих ног...”

Так сказал Безвариат Сотрапезник. Сказал, когда они еще были друзьями. И даже больше, чем друзьями. Так он ответил на вопрос, почему пропадает в Фихтере, а еще улыбнулся и пообещал удивить.

“С высоты птичьего полета... Так вот в чем заключался секрет: ты строил летучий корабль, мой милый друг, ты хотел покорить небо... Нет, ты покорил небо. И теперь мне придется воевать с парящим под облаками кораблем”.

- Моя леди? - неуверенно произнес капитан.

- Да?

- Какие будут указания?

“Как быстро летел голубь? Быстрее корабля или нет? Сколько времени у меня есть?”

- Объявляйте тревогу, Гучер.

- Да, моя леди.

Командир “орлов” собрался покинуть кабинет, но был остановлен:

- Я не закончила!

- Извините.

Агата покусала губу, в последний раз обдумывая то, что собиралась сказать, и уверенно продолжила:

- Разделите лучших стрелков на три отряда и разместите их в самых высоких башнях. Это первое. Второе. Доходчиво объясните солдатам, что нас будут атаковать с воздуха.

- С воздуха?

- Вы слышали определение, капитан: “летучий корабль”. К Трем Вершинам приближается необычная машина, но! Это будет именно машина - создание человеческих рук. Солдаты могут удивляться ей столько, сколько им будет угодно, однако бояться нечего, повторяю: это обычная машина. И каждый запаниковавший должен быть немедленно повешен.

- Я понял, моя леди, - пробормотал Гучер.

- И обеспечьте толковую связь между отрядами: как только мы отыщем слабые места летучего корабля, нужно будет крепко по ним ударить.

- Слушаюсь!

Капитан выскочил из кабинета, а уже через пять минут по коридорам и лестницам замка загрохотали сапоги поднятых по тревоге гвардейцев.

В подземном зале царил напряженный суета. Ученые и их помощники, мастера

и подмастерья, все, кто был связан со строительством Праймашины, а следовательно, воспринял угрозы леди Кобрин на свой счет, носились меж механизмов, в последний раз проверяя их готовность к работе. Регулировали давление подачи прайма и чистоту алхимических ингредиентов, смазывали подвижные части маслом и проверяли крепость соединений, шептали про себя молитвы и проклятия, и постоянно бросали взгляды на большие часы, отсчитывающие минуты до начала эксперимента, с ужасом ожидая появления леди Кобрин. Мастера и ученые верили, что сумели разгадать головоломку Сотрапезника и починить машину, но точный ответ на этот вопрос мог дать только опыт, а как раз его мастера и ученые боялись, как огня.

Потому что Безвариат был гением, а они - нет. И сейчас эта разница могла стоять им жизни.

- Бедолаги, - с ухмылкой произнес Эларио, разглядывая суесящихся доктов. - Пребывая в полной зависимости от рычагов и шестеренок, они почему-то считают себя свободными людьми, способными повелевать праймом. Они свято верят в свою власть над ним, но любая созданная ими машина может развалиться из-за жалкой арифметической ошибки. Разве это власть? Разве это свобода?

- Ты скажи, - угрюмо предложил Эдди Гром.

Выглядел императорский Герой паршиво. Полностью обнаженный, он был прикован к установленной в центре Праймашины пятиугольной звезде, а его лицо и тело украшали свежие кровоподтеки: кобрийцы изрядно поиздевались над пленником. Однако держался молниеносный твердо, не желая давать адорнийцу повод для насмешек.

- Это интеллектуальное рабство, в которое вы, докты, попали со своей наукой, - самодовольно ответил Хирав. - Ваши наивные потуги объяснить все на свете вызывают смех и жалость.

- Как и твоя манера одеваться, - усмехнулся Эдди.

- Понятие вкуса у вас тоже отсутствует.

- Это не помешало надрать вам уши в Войне за Туманную Рощу.

- Гм... - Эларио помрачнел.

Во время Войны за Туманную Рощу лорд Хирав честно сражался за Адорнию, был дважды ранен, и до сих пор тяжело переживал поражение. И даже его крепкая дружба с леди Кобрин не могла заставить Эларио позабыть о прошлом. О кровавом прошлом.

- Если понадобится, мы снова вас вздуем, - пообещал Гром. - Еще сильнее, чем раньше.

- Несмотря на то, что я люблю и уважаю леди Кобрин, мне будет приятно убить доктского Героя, - негромко произнес Хирав. - Тем более, такого болтливового, как ты.

- Агата продалась? - поинтересовался Эдди. - Влюбилась в тебя, и перешла на сторону адорнийцев?

- Измена? Какой же ты тупой, Эдди Гром... - с жалостью бросил Хирав. - О какой измене ты говоришь? Что может сделать Агата? Сдать Кобрию Адорнии?

- И с помощью вашей армии атаковать другие провинции.

- Так считал Петерсен?

Эдди промолчал.

- Я готов к откровенному разговору, - ухмыльнулся Эларио. - У нас есть время, и я с удовольствием поболтаю. Но я противник монологов, а потому ты не должен молчать. Петерсен считал, что Агата перешла на сторону Адорнии?

- Подозревал, - признался Эдди.

- А ведь он считался одним из самых умных прокуроров империи, - с притворной грустью произнес Хирав. - Ваши дела гораздо хуже, чем я мог надеяться.

- Но ведь ты здесь, - нахмурился Гром. - И сам сказал, что ты ее друг.

- Друг? Бери выше, мой пропитанный праймом собеседник, я - ее любовь. А она - моя. Я презираю своих сородичей так же сильно, как Агата - своих. Лорды - напыщенные кретины и чванливые кретины, а ваш император и наша королева - жалкие уроды, недостойные высоких титулов.

- Я понял, понял, - перебил разошедшегося адорнийца Эдди. - Все вокруг придурки, и только ты один - умный, возвышенный, никем не понятый...

- Почему один? - удивился Эларио. - У меня есть Агата.

- Поздравляю. Вас двое. Можете создать семью.

- И создадим. И не простую семью, а правящую - мы с Агатой создадим династию.

- Адорниец помолчал. - Но самое главное - у нас есть сила, есть возможность повести наши несчастные народы к счастью и процветанию. - Голос Хиравы окреп, теперь он говорил о том, во что безоговорочно верил. - Только у нас, Герой, только у нас. Только мы с Агатой способны дать нашим народам вечный мир. По настоящему вечный! Мы можем сделать так, что больше не будет войн!

- Не будет войн? - удивился Гром. - Так не бывает.

- Ты ведь не считаешь настоящей войной борьбу за власть, так ведь? На это у тебя ума хватает? Интриги и междоусобицы вечны, ибо такова человеческая природа. Лорды не перестанут грызться между собой, но настоящие войны: длительные, жестокие, кровопролитные, способны подорвать жизнь страны, мы с Агатой оставим в прошлом. Наше правление...

- Ваше правление?

- Наша династия объединит адорнийцев и доктов, - важно объяснил Хирава.

- Ты что-то говорил о моем уме? - припомнил Эдди. - А как насчет тебя?

- Насчет меня все в порядке, - успокоил Героя Эларио. - Леди Кобрин опутала сетями всю вашу империю, лорды и прокуроры едят с ее рук. Я проделал тоже самое с Адорнией. Нам остался один шаг, один-единственный шаг, который продемонстрирует всем наше могущество. Как только мы его сделаем, колеблющиеся примут нашу сторону, а остальных мы уничтожим. Так будет! И докты с адорнийцами вновь будут жить под одной короной! Мы установим мир...

- Отрубив головы врагам? Я не удивлен.

- Мы перебьем врагов, - кивнул Хирава. - Но это будут лорды, а не простые люди.

- Ты так о них заботаешься?

- Гораздо больше, чем о знати, - не стал скрывать Эларио. - Видишь ли, Герой, нам с Агатой нужно кем-то править, нам нужны подданные. Найти новых лордов не трудно, только кликни - и желающие моментально сбегутся на зов, а вот люди, соль, так сказать, земли, это сложнее. Люди являют собой основу любой страны, и о них мудрые правители заботятся в первую очередь. Мы дадим людям мир и процветание, получим взамен преданность большинства, а в таких условиях ни один лорд не рискнет бросать вызов центральной власти.

- Это вы вместе придумали? - скептически осведомился Гром.

- К этому мы вместе идем, - поправил его адорниец.

- А этот последний шаг, о котором ты говорил... Что это?

- Заинтересовался?

- Насколько я понимаю, я умру, так что ты ничем не рискуешь.

- Совершенно верно - умрешь, - подтвердил Хирава. - Умрешь окончательно и бесповоротно - в Праймашине Герои не выживают, и твой каталист скоро превратится в обыкновенную безделушку. Но ты умрешь не просто так, ты позволишь нам с Агатой

сделать самый главный шаг.

- Я умру, а значит, имею право знать. - Эдди мотнул головой, указывая на гудящие вокруг механизмы. - Что это? Что за гадость вы сотворили?

- Это - Праймашина, и она... - Эларио умолк, поднял взгляд к потолку, из которого уходили на поверхность толстые трубы воздухопроводов, и поинтересовался: - Ты слышал грохот?

- Цельтесь точнее! - надрывался вцепившийся в штурвал Безвариат. - Взрывайте башни!

- Мы стараемся! - проорал в ответ Карлос.

- Старайтесь лучше!

- Трехглавую поцелуй, придурок! - окрысилась Марида, укрываясь от арбалетных выстрелов за высоким бортом.

- Что?

- Не мешай!

Адорнийка проверила валяющийся на палубе огнестрел, привстала и выстрелила, судя по воплям кобрийцев - удачно.

- Двоих нет!

- Мало!

На борту было всего два прайм-арбалета, стреляли они далеко, но перезаряжались долго, а потому в промежутках Карлосу и Мариде приходилось использовать прайм-бомбы.

- Сколько осталось?!

- Десятка три!

- Четыре! - подал голос Безвариат. - Четыре!!

“Чапек” завис меж трех вершин кобрийского замка, между трех его главных башен, что позволяло атаковать их все. Однако первые же минуты боя показали, что тактика, мягко говоря, выбрана неудачная.

- Не тратьте бомбы зря! Цельтесь лучше!!

Но как попасть? Крыши покатые, открытых площадок нет, стрелки бьют по зависшему “Чапеку” из узких стрельчатых окон, а прайм-бомбы, которыми огрызались Карлос и Марида, в большинстве своем пролетали мимо, отскакивали от стен и падали, взрываясь далеко внизу, во внутреннем дворе замка. Окажись на корабле хоть простенькая пушка, разговор был бы другим, а так приходилось уповать лишь на меткость глаз, да твердость рук. И два арбалета, которые, как казалось, перезаряжались с неторопливостью пьяных черепах.

- Точнее!

- Есть!!

Мариде удалось закинуть бомбу в окно одной из башен, и грохнувший взрыв показался Карлосу торжественными фанфарами. Огонь безжалостно выжег столпившихся в комнате стрелков, но передышки не последовало: после каждого удачного попадания погибших воинов мгновенно меняли резервисты, и обстрел “Чапека” продолжался в прежнем темпе.

- Опустись ниже!

- Опасно!

- Тогда улетаем!

- Чтоб тебя рычагом придавило, - пробормотал Безвариат и, выполняя приказ

Карлоса, повел “Чапека” ниже.

- Неплохо, совсем неплохо...

Несмотря на жесткие инструкции, переданные стрелкам Гучером и привычную уверенность в своих людях, леди Кобрин опасалась, что столкнувшись с невиданным устройством гвардейцы дрогнут. Может и не побегут, но станут ошибаться, не смогут сражаться так, как умеют. Однако в действительности все получилось почти идеально.

Вид летучего корабля потряс “черных орлов”, но присутствия духа они не потеряли. Врезали по странной машине из арбалетов и небольших пушек, которые успели затащить на башни, получили в ответ бомбы - одним из первых ударов смело всех воинов с Береговой, но не растерялись и продолжили бой. Несмотря на сыплющиеся сверху бомбы и то, что пули огнестрелов отскакивали от металлических бортов корабля, а слабые пушки не причиняли ему вреда.

Гвардейцы получили приказ драться, нарушать его не собирались, и небо над Тремя Вершинами оглашалось выстрелами огнестрелов, грохотом прайм-пушек, да разрывами бомб. Обитатели замка покинули ставший опасным внутренний двор, но любопытство пересилило страх, и они наблюдали за необычным сражением с внешних стен. Сама же владычица обосновалась на крыше Академии Героев, расположенной вне внутренних укреплений, и хмурилась, глядя на то, как взрывы прайм-бомб уродуют изящный замок.

- Идиотская ситуация, моя леди, - осмелился заметить стоящий рядом с Агатой Гучер.

- Они бросают бомбы, которые неспособны причинить нам серьезные неприятности, а мы, с тем же успехом, царапаем корпус их корабля.

Капитан не сказал ничего нового, ничего такого, чего леди Кобрин не видела бы сама, а потому ответный вопрос прозвучал предельно холодно:

- Ваш вывод?

- Скоро у них закончатся боеприпасы, и они улетят. - Гучер пожевал ус. - Летучий корабль себя не оправдал. Толку от него никакого.

- Они пополнят запас бомб и вернуться.

- Теперь мы знаем, с чем имеем дело, и к их возвращению выставим на башни настоящие прайм-пушки, достаточно мощные, чтобы нанести корпусу корабля непоправимый урон...

- Корпусу! - догадалась Агата. - Мы стреляем по железному корпусу!

- Совершенно верно, моя леди, - подтвердил Гучер.

- А мы должны пробить бурдюк!

- Что?

- Как же я сразу не догадалась! - леди Кобрин с улыбкой посмотрела на капитана.

- Немедленно прикажите стрелкам сосредоточить огонь на бурдюке, что болтается над кораблем. Это он держит его в воздухе. Как только мы пробьем бурдюк, корабль рухнет на землю.

- Они поняли!

- Я вижу! - завопил в ответ Безвариат. - Вижу!

- Уходи!

- Как?!

Пули огнестрелов перестали звенеть о борта “Чапека”, заряды прайм-пушек больше не пинали днище, оставляя на нем небольшие вмятины. Огонь кобрийцев

сосредоточился на здоровенном “бурдюке”, в который Безвариат закачал легкий газ, и положение нападавших сразу стало незавидным.

- В горы уходи!

- К морю! - замахал руками Карлос. - К морю!

- Поздно!

Три главные башни образовывали почти правильный треугольник, в центре которого, чуть выше линии окон, и располагался корабль. До тех пор, пока кобрийцы безуспешно палили в корпус, “Чапеку” ничего не грозило, а Карлос с Маридой имели возможность выбирать цели. Но теперь все изменилось...

- Подымайся!

- Поздно...

С болтами “бурдюк” худо-бедно справлялся, уходящий газ Безвариат компенсировал с помощью запасного баллона, но удачный выстрел из прайм-пушки оказался роковым. Мощный разряд разорвал обшивку “бурдюка”, и корабль ощутимо тряхнуло.

- Держитесь!

- Мы падаем?

- Почти!

“Чапек” накренился на нос и, медленно вертясь вокруг оси, стал стремительно опускаться во внутренний двор Трех Вершин. Кобрийские стрелки встретили победу радостным ревом.

- Посадка будет жесткой!

Вцепившийся в штурвал Сотрапезник едва удерживался на ногах.

- Марида!

- Карлос!

Адорнийка обмотала руку веревкой, а молодой лорд ухватился за какую-то цепь.

- Берегитесь!!

Газ улетучивался, скорость падения стремительно росла, и грохот, ознаменовавший встречу с каменными плитами двора, Карлос встретил с облегчением.

“Я жив!”

Но оглушен. Юноша крепко приложился головой о доски палубы, и перед его глазами поплыли разноцветные круги.

“Я жив!”

Он успел увидеть лежащую без чувств Мариду, Безвариата, резво перепрыгнувшего через борт, успел подумать:

“Скотина...”

И потерял сознание, получив по затылку от вскочившего на палубу кобрийца.

* * *

- Твой друг Сотрапезник успел нырнуть в один из потайных коридоров, оказывается, он хорошо их изучил... Создается ощущение, что он задумал предательство давным-давно и лишь ждал подходящего случая, чтобы ударить мне в спину. Но у него ничего не получится. Мои люди отыщут его, это вопрос времени. - Леди Кобрин царственно опустилась в кресло. - Старый хитрец Безвариат... Где его каталист?

- У него.

- Допустим. - Агата холодно посмотрела на стоящего посреди кабинета Карлоса. - Хотя я думаю, что шестеренка на цепочке, которую гвардейцы нашли в твоём кармане, вполне может принадлежать ученому Герою... Как странно звучит: ученый Герой. - По

губам леди скользнула презрительная усмешка. - Тебе шестеренка ни к чему, а Безвариат, насколько я помню, такой медальон таскал... - Агата повертела шестеренку в пальцах, а после бросила в ящик стола. - Пока побудет у меня, если не возражаешь.

- Ни в коем случае.

- Мне не требовался твой ответ. - Следующий взгляд леди едва не заморозил юношу.

- Где остальные Герои?

- Убиты, - просто ответил молодой лорд и слегка позвенел кандалами, в которые его успели заковать шустрые кобрийцы. - Неужели тебе не доложили?

- Сотрапезник погиб во время твоего побега из тюрьмы, но он жив, а значит, в его тайной лаборатории был Прайм-индуктор.

- Почему был? - удивился Карлос. - Он есть. И если разгрести камни...

- Ты не в том положении, чтобы потчевать меня остроумными ответами.

- Хочешь, чтобы я молчал?

- Хочу, чтобы ты внятно отвечал на вопросы. В этом случае твоя смерть будет быстрой и безболезненной. - Агата чуть повысила голос: - Где остальные Герои?

Сомневаться в том, что она исполнит свою угрозу, не приходилось, поэтому пришлось отвечать.

- Их каталисты остались в Гридвальде, - неохотно ответил юноша. - Ты ведь знаешь, что я собирался впопыхах.

- Ментор Ханс, новый лорд Гридии, прислал мне с голубиной почтой письмо. - Леди Кобрин откинулась на спинку кресла. - Помимо естественных, в его положении, заверений в преданности, Ханс пишет, что до сих пор не отыскал каталисты гридийских Героев.

- Отпусти меня в Гридвальд, и я покажу тайник.

На этот раз Агата не удержалась от улыбки.

“Он действительно такой храбрец?”

И задумчиво оглядела скованного пленника.

Смазлив? Да, нет, пожалуй, красив. Черты еще не огрубели, еще юношеские, но видно, что если Карлос проживет достаточно для того, чтобы его лицо обрело мужественность, женщины станут падать к его ногам, как осенние листья. Тоже самое с фигурой: еще угловатая, по-мальчишески хрупкая, но со временем молодой лорд должен стать настоящим атлетом. Жизненного опыта маловато, но судя по его поступкам, смелости Карлосу не занимать, а со временем придет и опыт...

“А вот времени у тебя нет”.

- Так вот какой ты... - протянула Агата, поняв, что пауза стала неприлично длинной. - Когда мне доложили, что речь идет о наследнике провинциального лорда, я представляла тебя иначе. Более туповатым, что ли, и внешне и внутренне.

- В таком случае, я рад, что смог тебя разочаровать.

- Ты уверен, что твоя мать не переспала с каким-нибудь заезжим франтом? - осведомилась Агата, планируя разозлить пленника, посмотреть, каков он в гневе. - Немного обтесать, и ты начнешь буквально излучать столичный лоск.

- Нравнодушна к красавчикам? - замечание насчет своей матери Карлос проигнорировал. Он уже понял, что леди Кобрин по душе его свободные, немного нахальные ответы, и не стал давать волю чувствам.

- Я - женщина, мне нравятся яркие мужчины.

- Даже пустоголовые?

- Считаешь себя таким?

- Э-э...

Некоторое время назад Карлос составил для себя портрет леди Кобрин: властная, жесткая, волевая, упрямо идущая к своей цели. Прямолинейная. И потому шутливый экс-промт выбил юношу из седла: он попросту не ожидал такого от Агаты.

- Тебе еще рано пикироваться со мной, Карлос, - мягко произнесла леди. Помолчала и добавила: - И с кобрийцами воевать рано.

- Да я, в общем-то, и не хотел, - развел руками молодой лорд.

Цепи уныло звякнули, словно подтверждая: "Ага, не хотел. Так получилось".

- Зачем, в таком случае, ты вынудил Маркуса напасть? Почему не рассказал все, что он хотел знать?

- Чтобы изменилось, если бы я рассказал? Лашар получил приказ и должен был заткнуть мне рот.

- Возможно...

- А раз так, то и говорить не о чем.

Теперь Карлос окончательно освоился. Он плохо помнил события, последовавшие за падением корабля: как его тащили, заковывали в кандалы и вновь тащили, на этот раз по лестницам, в расположенный на вершине одной из башен кабинет леди. Оказавшись перед Агатой, юноша сначала смутился. Не оробел, а именно смутился, поскольку ни разу... поскольку никогда до сих пор не доводилось ему видеть настолько красивой женщины. Точнее - настолько красивой докты. Даже в столице, где обучался молодой Грид, Карлосу не доводилось видеть женщин, которых можно было сравнить с несравненной прелестью Ага-ты. Красавиц среди докт хватало, но им недостовало врожденного величия леди Кобрин. Высокая, стройная, с узким лицом и точеной фигурой, она казалась богиней из древних легенд: такой же прекрасной и... недоступной. Она показалась Карлосу идеальным воплощением доктской аристократии, образцом изящества и стиля. Она заставила его сердце сжаться в сладком томлении...

Но это случилось несколько минут назад, до начала разговора, а потом Карлос успокоился. Вспомнил, что прелестная леди, образец изящества и стиля, планирует его казнить, и повел себя столь же раскованно, как и в тюрьме. Только на этот раз он рисовался не перед симпатичной узницей из соседней клетки, а перед несравненной красавицей, которой выпало стать его палачом.

- Чего тебя вообще понесло на восток?

- Лашар убил моего отца, - пожал плечами лорд Грид. - Кто-то должен был заплатить.

- Ты должен был бежать к императору, искать правду в столице.

- В делах чести мне не нужны няньки.

- Вы в Пуще все такие идиоты или ты начитался рыцарских романов?

- Я все обдумал и решил, что ты виновата.

"Его будущее не менее грандиозно, чем твое..."

"Зачем я трачу время на разговор с ним? Казнить!"

Но Иоланда, Иоланда... Ее предсказание заставляло леди Кобрин искать в Карлосе черты величия. Во-первых, из интереса. Во-вторых...

"То будущее, где вы вместе - самое грандиозное из всех..."

- Это просто смешно. - Агата хрустнула пальцами. - Без поддержки, без друзей, даже без помощи императора... На что ты рассчитывал?

- Я все еще жив, - напомнил Карлос.

- Надолго ли?

- Я все еще жив. И ты все еще виновата в моих бедах. И ты еще не заплатила.

"Он упрям? Он глуп? Или он велик? Кто передо мной: безмозглый юнец или отчаянный герой?"

Последние слова Карлоса, в особенности тон, которым он произнес: “Ты еще не заплатила”, неприятно царапнули Агату. Она поморщилась и негромко спросила:

- Не страшно говорить мне это в лицо?

- Разве ты не все решила на мой счет?

“Его будущее не менее грандиозно твоего... Я плакала от счастья, когда видела вас вместе...”

Разумнее всего было бы убить Карлоса, убить прямо сейчас, пока он полностью в ее руках. За дверью топчется Изморозь, который охотно вытащит из мальчика кишки. Или выбросит из окна, наслаждаясь воплем летящего к земле человека. Или...

Но думать о том, на что способен безликий садист Агате не хотелось.

“Когда я видела ваше будущее... Ваше общее будущее... Будущее...”

Проклятая Иоланда! Посеяла сомнения, старая ведьма, а от них прямой путь к ошибкам. К поражению в игре, которая ведется уже много лет. Единственное препятствие - маленький щенок, которого ей отчего-то трудно убить.

Позвать Улле?

Поговорить?

Позвать?

- Я не хотела убивать твоего отца, - тихо сказала леди Кобрин. - И не хотела убивать Безвариата... Собственно, я его и не убивала, он выбросился из окна. - Агата помолчала. - Обо мне рассказывают много плохих вещей, но даже злейшие мои враги признают, что я всегда готова договариваться.

- Ты готова выдвигать условия.

- Искать компромисс, - уточнила леди Кобрин.

- А если не получается? - Карлос многозначительно позвенел цепями. - Кандалы, мешок и море?

- Если не получается по-хорошему, я все равно добиваюсь своего, - признала Агата.

- Но я даю шанс, даже злейшим врагам.

И он понял, что леди искренна с ним. Не издевается, не насмехается над скованным пленником, а излагает свою позицию, показывает, что рассказы о ее леденящей кровь жестокости - вымыслы.

Лорд Грид кашлянул:

- Зачем ты это говоришь?

- Потому что не уверена, что хочу тебя убивать.

И опять - искренность. Несмотря на молодость, Карлос знал, что каждая умная женщина - превосходная актриса, умеющая тонко играть на чувствах мужчин, но не подыграть Агате Грид не мог. И охотно поддержал разговор о своей судьбе:

- У тебя нет выхода, - грустно улыбнулся молодой лорд. - Я слишком замазан.

- Все можно поправить.

- Неужели?

- Нужно лишь захотеть, - задумчиво протянула кобрийская владычица. - Лашар погиб, а значит, ничто не мешает смешать его имя с грязью. Можно предположить, что он снюхался с Хансом...

- Для чего? - не выдержал Карлос. - Почему ты хочешь меня спасти?

- Я виновата перед тобой, - просто ответила леди. - Мы никогда не встречались, ты не сделал мне ничего дурного, а я походя, одним-единственным приказом, разрушила твою жизнь. Почему бы мне не компенсировать потери?

- Ты серьезно?

- К тому же ты нравишься мне гораздо больше, чем этот подлец Ханс.

Быстрый взгляд, едва заметная улыбка на прекрасных губах, обещание... Прекрасная актриса.

- Я не могу воскресить твоего отца, Карлос, но способна вновь изменить твою судьбу. - Голос леди Кобрин журчал весенним ручьем, его звук дарил наслаждение, и даже слова были не важны. - Что тебе наплел Безвариат? Выставил меня чудовищем?

- Нет...

- Вот как? Я почти удивлена.

- Полагаю, Безвариат до сих пор влюблен в тебя, Агата.

- Неужели? - Тонкая бровь чуть приподнялась, демонстрируя охватившее леди Кобрин удивление.

- И я его понимаю.

- Только не надо лести.

- Ты красива и умна. Ты почти идеал.

И увидел улыбку. Мягкую, нежную, предназначенную только для него. И окончательно понял, почему при упоминании леди Кобрин в глазах Сотрапезника появляется грусть.

- И ты готов влюбиться? - негромко спросила Агата.

Цепи звякнули, но в звуке не было угрюмости, как будто цепи знали, что могут слететь в любой момент, как будто намекали: "Твои дела идут на поправку, дружок", как будто заигрывали.

- Я сопротивляюсь этому желанию.

- Во всяком случае, ты честен...

"Опасайся ее!"

- И потому я тоже буду с тобой честна. - "В конце концов, почему бы не попробовать? Иоланда права, в парне чувствуется потенциал, и в качестве живого сподвижника он принесет гораздо больше пользы, нежели став мертвым врагом".

- Безвариат рассказывал, для чего нужна Праймашина?

- Нет, - поколебавшись, ответил Карлос.

- Хочешь знать?

- Пока ты говоришь, я живу.

- Логично. - Агата помолчала, после чего указала на мягкое полукресло напротив. - Кстати, ты можешь присесть.

- Спасибо.

Полукресло располагалось чуть сбоку, и теперь Карлос мог видеть леди Кобрин полностью, и наслаждаться, угадывая линии безупречного тела, скрытого под тонкой тканью модного платья.

- Мой отец, Фридрих Кобрин, был великим воином, одним из тех, кто выковал нам победу в Войне за Туманную Рощу. Именно он совершил самоубийственный прорыв, и пришел на помощь полкам, что погибали у Квадратной горы... Если не ошибаюсь, среди спасенных рыцарей был и твой отец, Карлос.

- Не ошибаешься, - подтвердил юноша. - Но отец всегда возносил благодарности Феррауту.

- Это политика. Грязная, подлая, но такая нужная политика. Докты должны верить в центральную власть, должны быть уверены, что император способен их защитить, а потому все великие подвиги приписывались Феррауту. - Агата помолчала. - Мой отец спланировал битву за Туманную Рощу, он придумал, а главное - он осуществил обходной маневр, с помощью которого нам удалось наголову разбить адорнийцев, но император приписал всю славу себе, потому что...

- Докты должны верить в центральную власть.

- Да, - кивнула леди Кобрин. - И поэтому мой отец не обиделся. Фридрих понимал, что императору необходим авторитет, пусть даже и краденый, но Ферраут боялся, что правда вскроется, и отца стали отодвигать в сторону, ему пришлось уйти из большой политики... Однако в тот момент Фридриху было выгодно оказаться в тени, потому что здесь, в Кобрийских горах, он отыскал...

- Прайм? - догадался Карлос.

- Прайм, - подтвердила Агата. - В моих горах есть металлы, отец заложил здесь множество шахт, но однажды рудознатцы случайно наткнулись на подземное озеро прайма. Его запасы меньше богатств Туманной Рощи, но прайма здесь гораздо больше, чем в обычных источниках, которыми пользуются лорды.

- Вот почему Фридрих построил Три Вершины, - прищурился Карлос.

- Замок стоит над озером.

- А поскольку твой отец был крепко обижен на Ферраута, он не рассказал ему об озере...

- Потому что император не оставил бы у лорда настолько богатое месторождение, и отец мог потерять власть.

“Власть! Все проблемы из-за нее. Никто не хочет терять власть...”

- И эта история заставила меня понять, что все наши проблемы из-за - прайма.

- Что? - Карлос недоуменно уставился на леди. - Шутить?

- Первая война разразилась из-за прайма: доктам нужен был надежный источник, и мы пошли в Туманную Рошу. Сейчас она истощается, но прайм лежит в основе всей нашей цивилизации, а значит, Вторая война случится опять из-за него. И снова будет литься кровь, снова будут гореть города, а нивы превратятся в поля сражений. Прайм заставляет нас воевать. И я поняла, как можно остановить войны, - гордо закончила Агата. - Как сделать их бессмысленными.

Причина войн не в отличиях доктов от адорнийцев, а в прайме! Карлос сумел сохранить трезвую голову, однако признался себе, что леди Кобрин заглянула в суть конфликта гораздо глубже него.

- И как? - поинтересовался Грид.

- Нам нужно столько прайма, чтобы хватило всем. И не просто хватило, а с избытком. Если прайма окажется много, он перестанет быть причиной войн и повсюду воцарится мир. Вечный мир, Карлос, не будет повода для войн. - Глаза леди Кобрин горели ярким огнем. Чувствовалась, что она не просто излагает взгляды - она искренне верит в то, что говорит, и готова на все, чтобы добиться желаемого. - Мой отец был великим воином, он растил меня для жизни среди воинов, учил быть их повелительницей, но мирная жизнь привлекает меня гораздо больше. И я придумала, как избавиться от бесконечных войн.

- Не понимаю, - признался Карлос. - Что ты придумала?

Агата взяла со стола кубок с водой, поднесла его к губам и сделала несколько маленьких глотков. Она прекрасно понимала, что юноша следит за каждым ее жестом, и специально устроила ему маленькое представление, позволив полюбоваться на вздымающуюся во время глотков грудь.

- Адорнийцы верят, что прайм есть истинная сила мира, пришедшая к нам во время катаклизма, - продолжила леди, вернув кубок на стол. - Но в тоже самое время мы исследуем прайм и применяем его в механизмах, считая обыкновенным, хоть и обладающим необычными свойствами веществом. А как учит нас алхимия: любое вещество можно получить в лаборатории искусственным путем.

- Прайм? В лаборатории? - Юноша недоверчиво покачал головой. - Я читал, что все подобные опыты потерпели неудачу. Даже Безвариат...

- Безвариат верил в успех, а вот Пауль, которому не хватает твердости брата, в какой-то момент эту веру потерял. - Агата усмехнулась. - Безвариат потерял покровительство им-ператора, работа была остановлена на середине, Сотрапезник разозлился...

- И отправился к тебе.

- На самом деле это я отправилась к нему в Фихтер, - не стала скрывать леди. - Безвариат и представить не мог, что у кого-то, кроме императора, окажется необходимое количество прайма. Я поговорила с ним... - Агата на мгновение сбилась. На единственное мгновение, однако Карлос не обратил внимания на проявленную слабость. - И мы договорились. Наши взгляды оказались на удивление близки, Сотрапезник согласился, что прайм является причиной войн, и был готов на все, чтобы получить вещество в лабораторных условиях.

- Но ваш договор хранился в тайне.

- Естественно, - кивнула леди Кобрин. - Император не должен был узнать о моем озере. И о том, что я хочу изменить мир.

Не просто хочешь, а делаешь все, чтобы достичь своей цели. Договариваешься с отвергнутым гением, рискуя жизнью, раскрываешь ему свою тайну, тратишь огромные средства... Размах проделанной работы впечатлил Карлоса не меньше, чем невиданная красота Агаты, перед ним действительно сидела великая, идеальная женщина, способная повелевать кем угодно. Желающая стать владычицей мира.

- Безвариат увлекся, работал дни напролет, ставил многочисленные эксперименты, опыты, без счета тратил деньги и прайм, но познал его, научился разбирать прайм, как дети разбирают игрушечные домики, но не мог воспроизвести. - Леди Кобрин вздохнула: - Что-то было недоступно гению Сотрапезника.

- Необычные свойства?

Агата приподняла указательный палец, показывая Карлосу, что следует дождаться окончания рассказа, и продолжила:

- После двух лет опытов Безвариат научился создавать субстанцию которая, как и прайм могла проникать в любой металл и жидкость, но она не обладала главным свойством прайма - в ней не было силы. Поначалу я злилась, мы стали много ругаться с Безвариатом, обвиняя друг друга в неудачах, а потом, почти одновременно, вспомнили об адорнийцах, о том, что они считают прайм проявлением истинной силы мира. - Леди Кобрин выдержала короткую паузу. - Ты был прав, Карлос: нам не давалось воспроизведение необыкновенного, и потому мы обратились к тем, чья наука на этом самом необыкновенном и построена. Я познакомилась с Эларио, которого характеризовали как умного, пытливого человека и очень сильного мага. Идея создать искусственный прайм и тем сравняться с древними богами захватила Хираву, так же, как и перспектива позабыть о войнах... - Агата вновь помолчала, а по ее изящным губам скользнула тень улыбки. - И мы продолжили работу втроем. Ты не представляешь, Карлос, как трудно было заставить их работать вместе. Докта и адорнийца, ученого и мага. Первое время они даже не понимали друг друга, но постепенно сумели найти общий язык, поняли, что друг без друга не справятся, и с головой погрузились в работу. Эларио высказал теорию, что прайм, являясь проявлением истинной силы, должен содержать в себе нечто необычное, что невозможно получить в лаборатории, некую мате-рию, которая, собственно, и придает ему силу. Но где ее взять? - Леди Кобрин усмехнулась. - И тогда мы вспомнили о Героях. Раз они являются детьми прайма, значит, в них есть необходимая нам материя...

- Частичка необыкновенного, дающая им силу, - прошептал Карлос.

- Почти год мы пытались научиться извлекать из Героев необходимую нам

субстанцию, - ровно произнесла Агата. - Жертва - вот что превращает искусственный прайм в настоящий. Жертва Героя, ребенка прайма, жертва того, чьей сутью стал прайм.

- И что? - едва слышно поинтересовался лорд Грид.

- Мы готовы к последнему эксперименту, - торжественно ответила леди Кобрин. Если он получится, то смерть одного Героя позволит напитать силой такое количество искусственного прайма, какое за день добывают в Туманной Роще. Мы нашли источник прайма. Мы сделали бессмысленными войны.

Потолок низенький, буквально давит на макушку, от стены до стены не больше полуметра, тьма, хоть глаз выколи, но каким еще должен быть секретный коридор? Один из многих, что проложил в своей крепости Фридрих Кобрин? Узким, низеньким и темным. Бежать по нему было крайне неудобно, однако Сотрапезник не жаловался: хорошо, что еще жив, ухитрившись уйти под самым носом гвардейцев, хорошо, что не переломал ноги, поскользнувшись на одной из лестниц, хорошо...

- Проклятье! Да где же он?!

Подземные ходы Трех Вершин Безвариат знал на "отлично", в свое время леди Кобрин сама попросила ученого навести порядок в запутанных коридорах и отладить механизмы потайных дверей. Сотрапезник не отказал, посвятил месяц жизни исполнению просьбы любимой женщины, и теперь Агата пожинала плоды собственной непредусмотрительности.

- Наконец-то!

В темноте Безвариат запустил руку не в ту нишу, вот и не нашел нужный рычаг сразу. Крепко выругавшись, ученый нащупал второе отверстие, и уже через пару мгновений преграждавшая дорогу панель отъехала в сторону. Стражники знали лабиринты замка гораздо хуже Сотрапезника - в противном случае все эти ходы не назвали бы тайными, а потому преследования Безвариат не боялся. Его будут ждать там, куда он стремился, а пока можно не беспокоиться.

- Я ведь рекомендовал тебе поставить пару ловушек, Агата, - усмехнулся ученый, продолжая путь. - Зря ты не послушалась.

По узкой лестнице вниз, до самого последнего уровня, а уж с него, пройдя тридцать метров по сырому коридору, вновь подняться... Чтобы оказаться в главном подземном зале Трех Вершин.

У Праймашины.

Кобрийская темница оказалась похуже, чем в Фихтере. Или получше. Это уж, как говорится, с какой стороны смотреть.

Камера, в которую поместили Мариду, располагалась на втором уровне подвала, как обещал Безвариат - прямо под Береговой башней. Окон в ней не было, дверь крепкая, железная и очень скрипучая, саму же комнату можно было принять за большой сундук: она оказалась маленькой и темной, а еще сырой и очень холодной. С пленниками в Трех Вершинах не церемонились.

- Нравится? - Один из двух гвардейцев толкнул девушку в спину, заставив шагнуть в "сундук" и широко улыбнулся: - Мы называем эту камеру "короткой памятью": иногда забываем здесь преступников, и они медленно подымают от голода и жажды.

И крики несчастных бессмысленным эхом долбятся в безразличные камни стен.

- Может, и тебя забудем, адорнийская сука, мы тут южан не любим.

Кобрийцы, что еще скажешь? Им крепко досталось во время Войны за Туманную Рощу, и ненависть занозой засела в душах этих доктов. Впрочем, вспоминая о том, что творили “черные орлы” на юге, Марида тоже не испытывала ничего, кроме злобы.

“А как же Карлос?”

“Карлос другой, совсем другой...”

- Поплакать не хочешь? - издевательски осведомился гвардеец. - Или попросить о чем-нибудь? Почти все просят. - Он выдержал паузу. - Или плачут.

Марида предпочла промолчать.

- Ну, как знаешь.

Гвардеец потянул, было, за ручку двери, однако напарник его остановил.

- Подожди.

- В чем дело?

- В этой суке. - Второй кобриец сделал шаг внутрь и тяжело посмотрел на Марида.

- Мой брат, Яков...

- Что с ним?

- Погиб в башне. Эта сука зашвырнула в окно прайм-бомбу и выжгла всех, кто был на площадке.

Первый гвардеец нахмурился:

- Не надо.

Он понял, что задумал напарник, и мысль ему не понравилась. До тех пор, пока леди Кобрин не решит, что делать с пленницей, трогать ее было опасно.

- Хочу, чтобы девка заплатила.

- Проклятье... Фриц, прекрати. Нас могут наказать.

- Подержи ее. - Второй гвардеец принялся расстегивать пояс. - Я хочу унижить эту дрянь. А потом, когда леди приговорит ее к смерти, сам накину ей петлю на шею.

- Проклятье!

“Сейчас, - поняла Марида. Другие кобрийцы далеко, остались у главных дверей, и они в подвале втроем, если, конечно, не считать запертых в камерах узников. - Сейчас!”

И взмахнула рукой, выпуская на свободу зверя.

- Ты нашла источник прайма, но решила оставить его себе?

- Да, - гордо подтвердила леди Кобрин. - Я его нашла, и он принадлежит мне.

- Хочешь использовать неисчерпаемые запасы прайма для захвата власти?

Карлос почувствовал разочарование, увидел перед собой не великую женщину, способную возглавить все человечество, а прожженную интриганку, рвущуюся к абсолютной власти. Красивую, умную, но в тоже самое время - подлую и жестокую женщину. Она думала только о себе. Не о доктах, не об Империи, а о себе.

Карлос увидел женщину, которая убила его отца.

- Да, мне нужна власть! - Леди Кобрин медленно поднялась с кресла и пронзительно посмотрела на лорда Грида. - Пауль - слабак и размазня, его кузен и текущий наследник - кретин, а второй принц еще хуже первого! Докты с трудом пережили катаклизм, едва оправились от Войны за Туманную Рощу, и им нужна передышка. Им нужен настоящий вождь!

- Твой приятель Хирава? - презрительно поинтересовался юноша.

Он ожидал яростного взрыва, но Агата не обиделась.

- Мой, как ты выразился: “приятель Хирава” - залог прочного мира между адорнийцами и доктами, - веско произнесла она в ответ. - Общая династия покажет

нашим народам, что они могут жить вместе!

“Я и Марида. Агата и Эларио... Могу ли я поверить в сказку? Нет. Потому что помню перекошенное лицо Урагана, помню хихиканье служанок, когда они видели меня с Нафаной, помню презрительную гримасу Безвариата, когда он говорил о Мариде. Тысячи и тысячи доктов видят в южанах кровных врагов. А тысячи и тысячи южан готовы выпустить кишки любому зазевавшемуся докту. Так есть. И так будет еще очень, очень долго. Я и Марида, Агата и Эларио - мы не станем примером”.

Холодные слова, описывающие холодную реальность. Увы, но мира не будет еще очень долго.

- Нас ждет война, - угрюмо произнес Карлос. - Хочешь ты того или нет, но впереди нас ждет война.

- Судя по всему, ты действительно тупой, - вздохнула леди Кобрин. - Я ведь сказала, что Праймашина устранит главную причину войны - недостаток прайма. Его будет вдоволь, и наступит мир.

Красивая, можно сказать - сказочная перспектива, которая в какой-то момент увлекла лорда Грида. В какой-то момент он поверил, что мир возможен, что обилие прайма способно изменить людей. В какой-то момент... Теперь же Карлос отыскал в построениях Агаты са-мое слабое место.

- Ты будешь приносить в жертву Героев.

- Ну и что? - пожала плечами Агата. - Они постоянно умирают в боях.

- После чего воскресают, - парировал юноша.

- Но через что они проходят?

Карлос умолк. И подумал, что ему действительно еще рано тягаться с Агатой в словесных дуэлях.

- Мы оба знаем, что Герои тяжело переживают свои смерти, так же тяжело, как и обычные люди, - продолжила леди Кобрин, медленно пройдясь вдоль стола. Карлос тоже поднялся, воспитание не позволило ему сидеть в присутствии женщины. - Воскресая, Герои испытывают прилив сил, эмоций, они радуются, но не забывают о пережитом. На каждого из них давит память всех смертей и, возможно, именно поэтому некоторые из них, например, безликие превращаются в полоумных маньяков.

Ее тон не оставлял сомнений в том, что...

- Ты их презираешь, - вздохнул юноша. - Всех Героев. Без исключения.

- Они стали другими, - ровно ответила Агата. - Они - дети прайма.

- Герои - люди!

- Они воскресают, Карлос, воскресают. Разве обычным людям это под силу? Тебя можно вернуть? Нет. И меня нельзя. Наши смерти станут окончательными, второго шанса не представится, а Герои... Они просто сгустки прайма. Туповатые големы, одержимые желанием убивать. Бесполезные...

- Нет!

Шахмана бесполезна? Ураган? Рыжий Ус?

- Ты когда-нибудь видел, чтобы Герой тратил свою силу на созидание? Видел Героя у плуга? У механического станка? Видел, чтобы они сеяли или строили мосты? Ты видел, чтобы Герой приносил реальную пользу?

- Герои помогают нам справляться с Чудью!

- До их появления люди обходились своими силами, а новое прайм-оружие сделает борьбу с Чудью еще проще. Мы справимся, Карлос, справимся без этих странных созданий... Почему ты их защищаешь?

И в каждом слове - правда. Исковерканная, переиначенная, но - правда. Герои - это

война, всегда война.

- Я их не защищаю, - устало ответил Карлос. - Просто я вижу, что будет дальше.

- Ты видишь? - удивилась леди Кобрин.

- Как долго ты сможешь хранить в тайне способ получения прайма? Месяц? Год? Десять лет? Ты умная женщина, Агата, ты прекрасно понимаешь, что очень скоро люди догадаются, куда исчезают Герои. Сначала поползут слухи, потом появится уверенность, а потом Герои объявят тебе войну. Даже не тебе - всем людям.

- Что они смогут?

- У тебя достаточно врагов, Агата, среди них обязательно отыщется лорд с прайм-индуктором, и все Герои, и докты, и адорнийцы, принесут ему присягу. Ты представляешь, что будет дальше? Ты понимаешь, что твоя мечта о мире разлетится на куски, и новая война, война между людьми и Героями, станет еще более кровопролитной, чем грядущее столкновение за прайм?

- Я все продумала. Я удержу Героев под контролем.

- Они не такие тупые, как ты думаешь.

- Посмотрим. Судя по всему, Агата не задумывалась об этой опасности, но и отступать не собиралась. Она остановилась в шаге от Карлоса и громко произнесла: - Спрашиваю последний раз: ты со мной?

Судья устал убеждать. Судья готовится вынести приговор. Судья требует прямого ответа.

Лорд Грид глубоко вздохнул и, глядя прямо в глаза леди Кобрин, твердо ответил:

- Нет.

И вновь увидел улыбку, предназначенную только для него.

- Мне жаль, что у нас не получилось.

- Ты не поверишь, но мне тоже.

- Поверю.

Леди приподнялась на цыпочки, нежно поцеловала Карлоса в щеку и одновременно вонзила ему под вздох маленький, но необычайно острый “дамский” кинжал. Она не хотела звать Улле. Не хотела, чтобы этот мальчик пал жертвой безликого.

- Прости меня.

Испачканный клинок упал на ковер.

- Ты не виновата... в том... что стала такой... - через силу произнес Карлос.

Власть и высокомерие сделали тебя такой, Агата. Ты говоришь, что заботишься о людях, но не видишь их. И ты готова убить кого угодно... кого угодно...

Засевшая внутри боль жжет огнем, требует кричать, стонать, требует прижать к ране руку, требует скрючиться, в жалкой попытке сделать ее слабее, но юноша продолжал стоять, глядя на свою убийцу. На безумную женщину? На идеалистку? Или просто - на идеальную женщину?

- Наверное, я все-таки в тебя влюбился, - прошептал Карлос. - Я даже не сопротивлялся.

- Я знаю, - так же тихо ответила Агата.

На ее прекрасных глазах выступили слезы.

Кровь медленно пропитывала рубашку. Еще минута, может, две, может, три... Силы уходили, и лорд Грид опустился на одно колено, словно принося присягу, словно склоняя перед великой леди голову.

Тихо звякнули цепи.

- Я не хочу смотреть, как ты умираешь, - вздохнула Агата. Снаружи долетел какой-то шум. - Пойду, посмотрю, что происходит.

Несмотря на успешное завершение сражения, объявленную при появлении летучего корабля тревогу не отменили: следовало поймать сбежавшего Безвариата.

Большая часть “черных орлов” растеклась по замку, перекрывая и блокируя все залы и коридоры, где мог появиться ученый, а во внутреннем дворе остались лишь Гучер, Исподлобья и Раздаватель. Обмякший “бурдюк” исчез: стражники перерубили канаты, которым он был связан с корпусом, и отволокли “бурдюк” на склад, и у кобрийцев появилась возможность полюбоваться на металлическую тушу необычного корабля. На элегантные линии, сходящиеся к носу, на металлические борта, хранящие на себе следы арбалетных болтов и выстрелов прайм-пушек, и два огромных пропеллера, установленных на корме. Движители скрывались в надстройке, однако лезть на корабль кобрийцы не спешили.

- Великолепно, - не сдержался Гучер. - Не без недочетов, конечно, но в принципе - великолепно.

- Что именно? - осведомился Раздаватель.

- И замысел, и его воплощение.

- Ха! - Воевода топнул ногой, усиливая выраженное презрение, и заявил: - Бой продолжался менее получаса. Замок не пострадал, потери небольшие, корабль превратился в кучу мусора. Замысел - дрянь!

- Они нас потрепали, - не согласился капитан “орлов”. - А если бы действовали умнее, разрушения были бы куда серьезнее.

- Теперь мы знаем, что “бурдюк” - слабое место таких кораблей, и в следующий раз потратим на их уничтожение в три раза меньше времени, - пообещал Исподлобья.

Том понял, что воевода намерен прижучить возмнившего о себе человечешку, и поддержал приятеля.

- Да, секрет “бурдюка” мы разгадали, - поразмыслив, признал Гучер. - Но у таких кораблей может быть иное применение, не обязательно с их помощью штурмовать замки.

- Например? - с иронией поинтересовался Максимилиан.

- Разведка с воздуха, - тут же ответил капитан. - Располагая десятком таких машин, мы могли бы держать под контролем всю границу с Адорнией, быстро засекать контрабандистов или передвижения вражеских войск, и принимать меры. А в случае необходимости - бомбить врагов. Когда солдаты на марше, отбиваться им нечем.

- Пара выстрелов из остробоя, и корабль шмякнется на землю.

- Ну, пара не пара...

- Ладно тебе, Максимилиан, штука и в самом деле забавная. - Исподлобья успел взобраться на палубу корабля, и теперь бездумно вертел штурвал, наблюдая, как со скрипом поворачиваются остатки руля. - От нее может быть прок.

- Ты такой стратег... - протянул Раздаватель.

- Не хуже некоторых.

Ответить воевода не успел: двор замка огласил пронзительный скрежет.

- Том, заканчивай играть!

- Это не я!

- Врешь!

Скрежет повторился. Он шел из чрева корабля, и Раздавателю показалось, что металлическая туша слегка шевельнулась.

- Что происходит? - Ошеломленный Гучер сделал шаг назад. - Он дернулся?

И Максимилиан понял, что не ошибся - разбитый корабль пришел в движение.

- В нем есть прайм!

- Том! Беги оттуда!

- Внутри гудит!
- Сматывайся!
- Что за дерьмо?! - соскочивший с палубы чистильщик выхватил меч.

Кобрийские уши заложил очередной скрежет, и корма корабля стала медленно подниматься.

Их называли Царицами ночи - Героинь, умеющих призывать огромных пантер, смертоносных и неудержимых в бою. Хрупких девушек, внутреннюю силу которых прайм воплощал явлением страшных зверей.

- Где они?
- Я не знаю!
- Где?!

Вид Марида был страшен: волосы растрепаны, рот перекошен, глаза пылают... И не просто пылают - обещают жуткую смерть. Но еще хуже - зверь, что замер над лежащим кобрийцем. Тяжеленные лапы тварь поставила гвардейцу на грудь, когти, правда, не выпустила, зато башку склонила так, что пасть оказалась у самого лица "орла". И наслаждаться ему приходилось не только видом острых желтых клыков, но еще и капающей слюной и зловонным дыханием.

- Спрашиваю в последний раз... - Убив первых гвардейцев, Марида забрала у них ключи и ворвалась на пост охраны, где отыскиала еще троих. Двоих зверь разорвал - пол небольшого помещения был залит кровью, - а последний должен был ответить на важный вопрос: - Где адорнийцы?

- На третьем уровне, - сдался, наконец, несчастный. - По лестнице вниз... Адорнийцев держат отдельно.

- Кто охраняет? Герои?
- Нет, "орлы".
- Хорошо.

Марида вонзила кинжал в сердце гвардейца, поглотила его прайм, набрав дополнительную силу, выпрямилась и улыбнулась: скоро, совсем скоро ее друзья окажутся на свободе.

А вот кобрийцам эта улыбка не обещала ничего хорошего.

- Дерьмо!
- Слева заходи!
- НАМ НУЖНЫ СТРЕЛКИ!

Железное чудовище, в которое превратился упавший во двор корабль, привело кобрийцев в смятение. Не могло не привести.

Скрежет, поднимающаяся корма - вот с чего все началось. Потом стали отваливаться борта... Нет, не отваливаться - раскрываться! Казавшиеся сплошными металлические панели - они были подогнаны друг к другу с невероятной точностью, - принялись расходиться в стороны, освобождая чудовищных размеров конечности механического гиганта, и тут же ложились на них, щитами закрывая соединения. Лязг, грохот, скрежет - ошарашенные кобрийцы замерли, не в силах оторвать взгляды от невероятной картины, а потому не обратили внимания на большой металлический ящик, что отвалился от кормы в самом начале превращения. Не заметили. И то, что он раскрылся - не увидели. И лишь когда выскочившие из ящика гридийцы атаковали их, лишь тогда кобрийцы

осознали, что в замок пробрались враги.

- Герои!

- Во славу Грида! - хором рывкнули Ураган, Самострел, Рыжий Ус и Егоза.

- Кобрин и победа! - Исподлобья и Раздаватель видели, что их меньше, но отступить не привыкли, и с яростью бросились в бой. - Кобрин и победа!

Огненная стрела Шахманы ушла в стену, выстрел остробая Максимилиан принял на щит, и во дворе закипела жаркая схватка. Исподлобья вертелся, как челнок, поочередно атакуя то Егозу, то Самострела, а здоровенный Раздаватель бился с Ураганом и Рыжим Усом, отражая выпады двуручного меча и уклоняясь от свистящей булавы воеводы.

- Во славу Грида!

Герои Карлоса рубились отчаянно. Они прекрасно понимали, что не смогут победить, что опытейшие кобрийцы продержатся до появления подмоги, но не это было их целью. Гридийцы прикрыли превращение и позволили “Чапеку” принять облик огромного металлического истукана: пыхтящего, скрежещущего, громящего все на своем пути. И когда подоспели “орлы” и кобрийские Герои, их встретили не только гридийцы, но и здоровенный механический боец, способный растоптать даже самого могучего Героя.

- Ноги! Руби ему ноги!

- Как?!

“Орлы” выпустили тучу арбалетных болтов, но гридийцы успели отступить. Теперь уже “Чапек” прикрывал их, а как справиться с колоссом кобрийцы не представляли.

- Нужно его завалить!

Разъяренный Максимилиан бесстрашно бросился к механическому чудовищу и врезал булавой в прикрытое металлическим щитом колено. И еле успел отскочить, едва не раздавленный второй ногой гиганта. Гучер побежал к башням, разворачивать прайм-пушки внутрь, а “Чапек” шутя отломил кусок стены и швырнул его в сгрудившихся во дворе “орлов”.

- Что это за тварь? - прошептала Агата, глядя вниз с самого верхнего балкона башни.

- Понятия не имею, - глухо отозвался Улле. - Но мне она не нравится. Совсем не нравится, моя леди.

И любой кобриец подписался бы сейчас под словами Изморози.

Поднимающиеся клубы пыли частично скрывали колоссальных размеров монстра, безжалостно крушащего замок, однако то, что леди успевала заметить, производило сильнейшее впечатление. Гигантский, метров пятнадцать, не меньше, истукан, был почти полностью защищен металлическими щитами, арбалетные болты отскакивали от них, а выстрелы остробоев и огненные стрелы двух лис лишь оставляли глубокие вмятины. И злили монстра. После каждого выстрела чудовище принималось крушить чудесный замок с еще большей яростью, и даже главные башни Трех Вершин дрожали под его напором. Внутренний двор, судя по всему, был razнесен, в стенах появились проломы, повсюду валялись попавшие под каменный дождь “орлы” и лишь Герои пытались противостоять кошмарному созданию.

- Безвариат... - вздохнула Агата. - Это все Безвариат.

Гений, чтоб ему пусто было, выдающийся ум. Механический монстр превращал замок в руины, и ничто не могло его остановить.

- Согласен, - прорычал Улле. - Проклятый Сотрапезник!

Но что проку в поддержке безликого?

- Необходимо расстрелять тварь из прайм-пушек, - холодно произнесла леди Кобрин. - Гучер, почему-то, до этого еще не додумался, так что я отправляюсь вниз. А ты...

Изморозь удивленно посмотрел на повелительницу: он свыкся с ролью телохранителя и думал, что будет сопровождать Агату в гущу сражения.

- Ты зайди в мой кабинет, убедись, что Карлос умер, и догоняй.

- Слушаюсь, моя леди.

Изморозь вошел в кабинет в тот самый миг, когда за леди Кобрин захлопнулись двери подъемника. Вошел стремительно, не желая тратить время на возню с опостылевшим щенком. Вошел, на ходу извлекая из ножен меч и...

И остановился, увидев стоящего на одном колене Карлоса. Вокруг юноши растеклось кровавое пятно, красивейший ихтирборский ковер был безнадежно испорчен, однако молодой лорд, к легкому удивлению Улле, был еще жив.

К приятному удивлению.

- Тем лучше!

Вниз безликий не торопился. Телохранитель он или нет, но вид металлического монстра произвел на Улле впечатление, и вступать с чудовищем в бой Изморозь не хотел. Зато обрадовался возможности помучить беззащитного гридийца.

- Ты и представить не можешь, как сильно нас достал, - протянул Улле, медленно приближаясь к Карлосу. Меч вернулся в ножны и сейчас в руке безликого поблескивал изогнутый нож, которым так удобно наносить болезненные раны. - Когда ты, наконец, попался, я умолял леди отдать тебя мне, и ужасно расстроился, получив отказ. Но сейчас...

- Сейчас твоя мечта сбылась... - прохрипел Карлос, исподлобья глядя на приближающегося Героя.

- Да, гридийский щенок, - подтвердил Улле. - Не знаю, сколько тебе осталось, но эти минуты станут самыми страшными в твоей жизни. Я вырежу тебе глаз... Левый, мне нравится начинать с левого глаза. Ты почувствуешь, как по лицу течет кровь, попытаешься ее остановить, зажать рану рукой, а в это время я сниму кожу с твоего... Кха!

Резко выпрямившийся юноша нанес безликому точный удар в живот. Лезвие "дамского" кинжала Агаты погрузилось в тело безликого садиста по самую рукоять, что и заставило Изморозь издать тот самый возглас:

- Кха!

Второй удар был направлен снизу вверх, в подбородок, туда, где заканчивалась маска.

- Кха...

Клинок пронзил незащищенную шею Героя, и Улле, нелепо взмахнув руками, рухнул на спину.

- Хотел заполучить меня, урод? Так на, получай!

В голову, в промежность, под вздох и снова в голову. Разъяренный Карлос бил упавшего Героя ногами. Но не вспышкой ярости была эта атака, а хладнокровным и обдуманном избиением. Каждый удар, каждый выпад - точно в цель, а скорость их и сила показали умирающему Улле, что не щенок стоит над ним, не юноша.

И даже не человек.

Скорость и сила ударов показали Изморози, что с ним сражается Герой. Нет, не

сражается - его убивает Герой.

Безликий попытался собрать в кулак последние силы, хотел вскочить, ответить, растерзать щенка, но... Поздно, поздно, поздно...

Лорд Грид сорвал с Улле маску, бешено посмотрел в искаженное лицо Героя, плюнул и вогнал кинжал в глаз Изморози. В левый глаз.

- Раздавлю!

Хрясь!

- Раздавлю!!

Бамм!

Воевода пребывал в диком бешенстве, не имеющим ничего общего с обычным боевым азартом и злостью. Максимилиан привык, что каждый достигший цели удар наносит врагу серьезный урон, и бесился, что до сих пор не “пробил” здоровенного монстра. Тяжеленная булава воеводы сминала защищающие ноги чудища листы металла, но “кости” и “суставы” оставались целы, и гигант, словно издеваясь над Раздавителем, продолжал отмахиваться от него и остальных Героев огромным кулаком, не забывая при этом долбить по стенам замка и швырять камни.

“Сколько же он продержится?!”

Гучер наконец-то развернул тяжелые прайм-пушки во двор, но поднятая монстром пыль мешала прицельной стрельбе, и разряды проходили мимо, вгрызаясь в потрепанные башни и стены Трех Вершин. Из замка подоспела подмога: теперь механическую тварь долбили горец и два человека-горы, казавшиеся карликами на фоне высоченного истукана, но истукан продолжался отбиваться и разрушать замок.

- Раздавлю!!

- Скорей бы, - поморщилась Агата, и повернулась к вернувшемуся от пушек Гучеру.
- Где гридийские Герои?

- Попытались прорваться в Береговую башню, но были заблокированы на первом этаже, в большом бальном зале. Сейчас там идет бой.

Что они забыли в Береговой? Хотят добраться до Праймашины? Возможно, но разве они не понимали, что в помещении их легко остановить? Двери в Трех Вершинах красивые, но мощные, сделаны с расчетом на штурм, и даже Героям надо попотеть, чтобы их сломать...

- Я думаю, это отвлекающий маневр, - неожиданно произнесла леди Кобрин, хладнокровно наблюдая за идущим во дворе сражением.

- Маневр? - не понял Гучер.

- Им нужна Праймашина, но сверху к ней не пробиться. Один Безвариат ничего не сделает, в подземелье три наших Героя... - И только тут до Агаты дошло: - Адорнийка!
- И тонкие пальцы задрожали. - Как же я не догадалась...

Откуда на летучем корабле взялась адорнийская сучка? Из фихтерской тюрьмы? Но почему Безвариат и Карлос взяли ее с собой? Ответ лежал на поверхности: потому что тощая кошка тоже хочет отомстить леди Кобрин. За собственное похищение!

- Гучер! В замке адорнийские Герои!

- Что?!

- Срочно отправляй наших Героев к Праймашине! Немедленно!!

Гудят мощные насосы, гоняя по трубам разноцветные растворы прайма. Гудят

смесители, перемешивая приходящие массы. Нагреватели гудят, постукивают механизмы, позвякивают железными кишками. Гудит все, но сквозь противный шум доктской машинерии нет-нет, да проскользнут совсем другие звуки...

- Как вы думаете, что происходит наверху? - робко осведомился Иероним Вик.

- Дерутся, - равнодушно ответил Хирав.

- Кто?

- Не все ли тебе равно? - Адорниец покровительственно потрепал докта по плечу. - Твое дело - запустить машину, и следить, чтобы все шло, как надо.

Время пришло, но Агата в подземелье не появилась, у Агаты, судя по всему, какие-то проблемы. Сначала Эларио собирался подняться наверх, лично посмотреть, что к чему, но вовремя остановился, и решил не отвлекаться на мелочи. Решил провести эксперимент, к которому шел несколько лет.

- Но леди Кобрин...

- Леди, судя по всему, занята. Так что проведем эксперимент без нее.

- Но приказ...

- Я для тебя приказ, Вик! Я!

Ярость адорнийца заставила Иеронима втянуть голову в плечи. Несчастный ученый понимал, что Эларио запросто оторвет ему голову, а потому немедленно прекратил спор:

- Как прикажете, лорд.

- Начинай!

Мерзкое гудение действовало на нервы, вентиляторы не справлялись, и в огромном помещении царила ужасающая духота, но Хирав заставил себя отрешиться от мешающих факторов. Жара, жужжание и вонь, издаваемая доктскими механизмами, отошли на второй план. Великий маг занял свое место и сосредоточился, внимательно глядя на скованного Самострела.

“Сегодня у меня должно получиться. Должно!”

- За мной! Скорее!!

Вопреки опасениям, Герои адорнийских пленников не охраняли. Кобрийцы понадеялись - и правильно понадеялись, - на усиленные праймом кандалы, и оставили в подземелье лишь четверых “орлов”, с которыми Марида и ее зверь расправилась играючи.

- Свобода, братья! - Двери в камеры девушка выбивала пинками, бросала внутрь ключи от кандалов, и бежала дальше: - Свобода!

Ответом ей были радостные крики.

Девять камер, девять адорнийцев, девять Героев. Арриго, Умчизан, Науэль, Такеши, Алессия... Братья и сестры. Измученные, отошавшие, но живые. Еще минуту назад угрюмые, а теперь счастливые.

- Свобода!

Но обрадованные адорнийцы не стали тратить время на пустую болтовню. Прирожденные воины, они прекрасно понимали, что еще не вырвались, что одна-единственная Марида не могла перебить всех доктов, что вокруг полно врагов, и потребовали уточнений:

- Что дальше?

- Драка.

- С кем?

- Какая разница? - Арриго взмахнул взятым у убитого стражника мечом. - Со всеми!

- С доктской сукой, которая нас похитила! - уточнила Марида. - С леди Кобрин!
- Отлично!
- Смерть вонючим доктам!
- Отомстим!
- Разорвем!

Кое-как вооружившись, адорнийцы бросились наверх.

- Налево... направо... снова лестница, снова направо...

Маршрут Мариде указал Безвариат, пообещал, что они придут напрямиком к Праймашине, помогут им с Карлосом, но очередной поворот вывел адорнийцев в огромный тронный зал, в который уже вбегали кобрийские Герои.

- Кобрин и победа!
- Смерть доктам!
- Как же так? - прошептала Марида. - Как же так?!

И только сейчас, вызывая зверя, девушка поняла, что Сотрапезник не решился подпускать непредсказуемых адорнийцев к Праймашине и направил их кружным путем наверх, надеясь, что по дороге они повстречают кобрийцев.

И его надежды сбылись.

- Во славу Грида!

Звон клинков, свистящий шепот огненных стрел, уханье остробоя, грохочущие удары булавы, звон клинков...

- Во славу Грида!
- Кобрин и победа!

Они знали, что шансов нет. С самого начала, с того самого момента, как Сотрапезник озвучил свой план, а Карлос, поразмыслив, признал его стоящим, они знали, что придется погибнуть. В лучшем случае их воскресят. В худшем они уйдут навсегда, но погибнуть в Трех Вершинах им придется. И все равно согласились. Потому что чувствовали себя и Героями, и героями, и не хотели отступать.

- Берегись!

Удар.

- Слева!

Меч звенит о подставленный щит.

- Во славу Грида!
- Кобрин и победа!

Они должны были оттянуть на себя как можно больше кобрийцев, и старались во всю. Круша преграды и сметая гвардейцев, ворвались в ближайшую башню, оказавшись в огромном, богато украшенном зале первого этажа. Хотели забаррикадироваться, но висящие на плечах кобрийцы не позволили, просочились следом, а из других дверей выскочили четверо Героев.

- Наконец-то нас поровну! - прорычал тогда Ураган, и в зале завязалась сеча.

На левом фланге Егоза, то пускает огненные стрелы, то изворачивается девятью хво-стами. Генрих, как и положено, в центре, крушит булавой, подставляя щит под ответные выпады, страшен и быстр. Справа от него Рыжий Ус, двуручный меч которого мельтешит вязальной спицей, сплетая кровавые узоры из ран кобрийцев. А спины прикрывает веселый Самострел с любимым остробоем.

- Во славу Грида! - Отчаянное положение удесятерять силы Героев. - Во славу Грида!!

- Долго ты, - проворчал Безвариат, даже не посмотрев на Карлоса. Услышал, что юноша вышел из потайной двери, и проворчал, а сам продолжил жадно смотреть на гудящую, пыхтящую, посвистывающую и булькающую машину, части которой заняли все огромное подземелье.

- Пришел, как только смог.

- Здесь три Героя.

- Вижу.

- Но скоро придут другие.

- Догадываюсь.

Сотрапезник не только улучшил подземные ходы Трех Вершин, но и добавил пару новых коридоров, о которых “забыл” рассказать леди Кобрин. Точнее, сначала действительно забыл, а потом, когда их отношения покатались под гору, не стал. Благодаря такой предусмотрительности они с Карлосом сумели пробраться к Праймашине незамеченными, выбрались в месте, где их не ждали, но на этом подготовленные ученым сюрпризы закончились, и впереди их ждала настоящая драка.

- Что с Агатой? - помолчав, спросил Безвариат.

И вновь - не оборачиваясь.

- Я не стал ее трогать, - спокойно ответил лорд Грид.

- Попал под обаяние?

- Да.

- Спасибо, что не соврал.

- Ты бы не поверил.

- Верно. - Они оба хорошо знали, что не попасть под обаяние Агаты не было никакой возможности. - Как она себя вела?

- Убила меня, - поведал Карлос. - В смысле, собиралась убить.

- Хорошая женщина, но иногда горячится, - извиняющимся тоном произнес Безвариат.

- Я заметил. - Юноша помолчал. - Хорошо, что я стал Героем. Мне это... гм... помогло.

- До сих пор не могу поверить, что тебя склонила к этому адорнийская девчонка, - усмехнулся Сотрапезник. - Любовь, да?

- Последняя капля, - выдержав короткую паузу, признался Карлос. - Я почувствовал Зов Прайма почти два года назад, но глушил его, не хотел становиться...

- Безмозглым драчуном.

- Верно, - согласился юноша. - Но потом, когда я понял, что ты стал Героем, и вспомнил, как ты себя вел... Вполне разумно вел, надо сказать, хоть и говорил много...

- Что есть, то есть.

- Я вдруг подумал, что даже став Героем можно сохранить себя. Кроме того, став Героем, я увеличивал шансы отомстить Агате. А Марида... Марида стала последней каплей. Она отказалась спать со мной, боялась, что я не смогу соответствовать.

- И ты испил чашу на глазах адорнийки.

- И предстал перед ней настоящим Героем.

- Не сомневаюсь. - Безвариат покрутил лысой головой и, впервые с начала разговора, посмотрел на Карлоса.

- Я указал Мариде неверный маршрут. По моим расчетам, она должна вывести своих Героев прямо на кобрийцев.

- Это правильно, - ровно ответил лорд Грид, глядя Сотрапезнику в глаза. - Здесь адорнийцам делать нечего. - И кивком указал на зал: - Начинаем? Кажется, мы заболтались.

- Я хочу дождаться окончания эксперимента, - просительным тоном произнес ученый. - Если ты не против, конечно.

Наверху шел жестокий бой, гибли люди, гибли Герои, сражались попавшие в ловушку адорнийцы, лилась кровь. Все эти жертвы были принесены для того, чтобы Карлос и Безвариат смогли без помех добраться до главного подземелья и уничтожить проклятое устройство. Но эксперимент начался, и Сотрапезник желал знать, чем он закончится.

- Праймашина твое детище, - вздохнул Карлос. - Давай подождем.

Гучер в подземелье не пошел, вернулся в сторожевую башню и, злобно обругав артиллеристов, принялся собственноручно наводить прайм-пушку, терпеливо дожидаясь, когда хоть чуть-чуть осядут плотные клубы пыли и дыма начавшегося пожара. Он слышал вопли и крики, лязг мечей и грохот остробоев, слышал ругань бойцов и стоны раненых, понимал, что у Героев... - у Героев! - ничего не получается, но заставил себя успокоиться.

Выгнал артиллеристов, заперся в башне, навел прайм-пушку на пыльное облако и полностью расслабился, спокойно дожидаясь подходящего момента. Гучер знал, что этот момент обязательно наступит, что в поднятой пыли обязательно появится просвет, сквозь который пройдет заряд, а до тех пор дергаться бессмысленно. До тех пор нужно терпеть, не обращая внимания на происходящее вокруг, не реагируя на вопли и просьбы поддержать огнем, бесстрастно наблюдать за гибелью своих...

И Гучер дождался. И разрядил прайм-пушку в тот самый миг, когда порыв ветра слегка расчистил обзор, показав капитану голову и грудь металлического монстра.

- Есть!!!

Гигант покачнулся, из растерзанной его башки повалил густой дым, а следующий выстрел, произведенный из второй сторожевой башни, повалил монстра наземь.

- Я сделал, - прошептал Гучер и широко улыбнулся, глядя, как обозленные кобрийцы добивают поверженное чудище.

- Кобрин и победа!

- Адорния! Адорния!!

- Смерть южным тварям!

- Доктам смерть!

Развернувшаяся в тронном зале сеча постепенно превращалась в побоище. Десять адорнийцев против шестерых доктов. Вырвавшиеся на волю пленники, разозленные и желающие отомстить, против прекрасно экипированных бойцов. Первый натиск южан оказался силен: их было больше, они были на подъеме и мечтали расплатиться с тюремщиками за пережитое унижение. Вооруженные чем попало адорнийцы ударили дружно, подранили крио, не успевшую атаковать их ледяными стрелами, отрубили руку зазевавшемуся клыку, прикончили нага, буквально истыкав его клинками, взвыли от яростной радости, попытались развить успех, но... Но наткнулись на егеря со стаей волков. Сначала вновь надавили, разорвали нескольких тварей, заставили отступить, но тут подоспел человек-гора и жнец...

- Ребята! К окнам! - надрывалась Марида. - К окнам!!

Но ее никто не слушал.

Лютая ярость разозленных Героев творила чудеса. Человек-гора отшатнулся, подал

назад, наткнувшись на бешеный отпор адорнийцев. Жнец врезался в них, рассчитывая про-рубить себе дорогу своей косой, но мазал, не способный уследить за быстрыми Героями, оказался в окружении, и пал под неистовыми ударами адорнийцев.

Отступить? Это не для нас! Адорнийцы жаждали крови и мщения, жаждали атаковать и убивать, раз за разом бросаясь в атаку.

С трудом отбивается человек-гора, истекает кровью егерь, остатки волков которого жмутся к стенам, теряет силы заклинатель, но... Но это замок доктов, и помощь могла прий-ти только доктам.

Вбегают стражники, вбегают Герои в кобрийских цветах, и опомнившиеся докты начинают постепенно теснить адорнийцев.

Егерь умер, волки исчезли, но на их место встали два комбата и молниеносный, со всех сторон палят стрелки, работает беспощадный заклинатель и раненая, но оставшаяся в строю крио.

Мощные удары, ледяные стрелы, разряды молний, подоспевшая целительница возвращает здоровье потрепанным Героям доктов, и ситуация меняется. Воины Агаты все же заставляют адорнийцев отступить.

- Кобрин и победа!

Первым пал Науэль, не сумевший увернуться от посланной крио ледяной стрелы. Веселый и озорной Науэль, которому следовало бы стать артистом, ледяная стрела попала ему в глаз и прошла через голову, принесла мгновенную смерть. За Науэлем последовал Арриго, попавший под молот молниеносного. И почти сразу же погиб Умчизан, не переживший атаку человека-горы... Такеши достал заклинателя, обманным движением ушел от комбата и снес кобрийцу голову, но тут же угодил под выстрел крио...

- К окнам! Надо уходить!!

Но как оторваться от разящих клинков? Как увернуться от стрел и ударов? Как? Братья и сестры падали один за другим, умирали, едва глотнув свободы.

- Карлос! Карлос... - прошептала Марида, а в следующий миг пронзительно закричала: взвыл черный зверь, до сих пор терзавший кобрийцев, взвился в воздух, словно пытаясь избавиться от пронзившей его ледяной стрелы, упал без сил и умер - ему на голову наступил человек-гора, сплющив череп в кровавый блин. - Нет!!

Камни пола скользкие от крови. Братья умирают... но умирают свободными, с оружием в руках, в битве.

- Это все, что я могла для вас сделать... Все, что сумела сделать... Все...

Вбегают еще стражники, еще Герои, в плечо вонзается метательный диск, брызжет кровь. Марида шатается.

- Карлос...

Два арбалетных болта в грудь.

- Карлос...

Она еще держалась на ногах, единственная из всех южан держалась на ногах, когда штурмовик могучим ударом проломил Мариде голову.

- Карлос... ты все-таки меня предал...

Девушка упала, а на губах ее застыла горькая улыбка..

Они сошлись. Два могучих воина, два жаждущих победы силача, два титана: Ураган и Раздаватель. Они не могли не сойтись: слишком много накопилось долгов, слишком уж затянулась их схватка, начавшаяся в далеком Гридвальде, слишком сильно хотели они выявить победителя в бою один на один.

- Расступитесь! - раздался трубный глас, и жаркая сеча, что шла в бальном зале, прекратилась почти мгновенно.

Отскочили назад горцы, опустили остробой дуэлянты, замерли, тяжело дыша, огненные лисы, и в центр зала важно ступили воеводы.

- Покончим с этим сегодня, - провозгласил Раздаватель.

- Охотно, - поддержал врага Генрих и взмахнул булавой. - Сейчас!

- Только ты и я!

- И будь, что будет.

Они хотели посчитаться, и остальные Герои с уважением отнеслись к желанию воевод.

- Поединок! - провозгласил Самострел, а Егоза пустила в потолок огненную стрелу.

- Умри!

Максимилиан атаковал первым. Налетел бронированным тараном, показывая, что собирается бить булавой, но в последний момент изменил решение и врезал Генриху щитом, отбросив гридийца на несколько шагов назад. Надеялся сбить с ног, но Ураган устоял. И даже врезал в ответ. Булава гридийца вскользь прошла по бедру Раздавателя, заставив того отступить.

- Неплохо!

- Это только начало!

- Согласен.

И зрители увидели, на что действительно способны воеводы.

В следующий миг Максимилиан с Генрихом сцепились по-настоящему, сила против силы, ярость против ярости, ненависть против ненависти. Никаких “танцев” и уклонений, маневров и постыдных отступлений: две закованные в латы скалы выросли в центре зала, и принялись бешено молотить друг друга здоровенными булавами. Удар - щит, удар - щит, удар - щит... Звон доспехов, вскрики и выдохи... Фехтование, искусство боя - все позабыто, - в этой схватке царствовала сила и только сила.

- Кобрин и победа! - выкрикнул Исподлобья, желая поддержать Раздавателя, но тут же умолк, услышав недовольное шипение собственных друзей.

Время боевых кличей неожиданно закончилось, остывшие Герои молча наблюдали за боем, испытывая равное уважение к обоим противникам. И к Максимилиану, что бился в кобрийских цветах, и к стоявшему за Гридию Урагану. Потому что они были Героями. Потому что все вокруг были Героями.

Удар, удар, удар...

Щиты смялись, доспехи разорваны, кровь смешивается с потом, но сил еще много.

Удар...

Генрих замешкался, пропустил выпад и получил в плечо. Шипастая булава Максимилиана пробила доспех и разорвала плоть могучего Урагана. Не опасно, раны Героев затягиваются быстро, но на это нужно время, а его как раз и не было. Почувявший победу Раздаватель усилил натиск, и Генрих дрогнул, отступил, уклоняясь, не имея возможности прикрыться щитом.

Удар...

И снова - в поврежденную левую руку. Искореженный щит со звоном падает на каменные плиты. Шахмана шумно выдыхает, Арчибальд закусывает ус, Самострел грустно улыбается.

- Кажется, все...

Следующий удар вминает руку в бок Урагана. Щита нет, доспехи не спасают, кости переломаны и торчат наружу. Кажется, что это кости разорвали латы, чтобы выйти на

свет. Генрих опускается на одно колено.

Все?

Торжествующий Максимилиан вскидывает оружие, но Ураган ухитряется ответить. Его булава врежется в колено Раздавителя, и хруст грохочет в тронном зале пушечным выстрелом. Кобрийская броня смешивается с мясом, струится кровь, дикий вопль Максимилиана летит к высокому потолку, а Генрих, собрав последние силы, вскакивает и наносит могучий удар в голову.

И крик замирает.

Раздавитель рушится на пол. Рушится сломанной куклой, рушится так, словно нет внутри тяжелой брони тела, словно бесплотная Чудь билась только что с Ураганом. И только кровь, что растекается вокруг, доказывает: нет, не бесплотная...

- Я победил, - глухо произносит Генрих, глядя на кобрийцев.

Его рука висит плетью, его доспех пробит, а бесполезный щит валяется на полу. Его шатает, но Ураган крепко сжимает булаву - он готов драться.

- Я победил.

Но кобрийцы молчат. И даже Исподлюбья, понявший, наконец, что происходит, не выходит вперед. Не хочет выходить. Не хочет убивать того, кто только что победил в честной схватке. Может убить, может без труда, но не хочет.

Герои смотрят на Героев, и не видят врагов.

Герои молчат.

А через несколько секунд, по залу разлетается звонкий голос Егозы:

- Кобрийцы, вы знаете, как работает Праймашина?

- Газ должен вновь засветиться, - произнес Безвариат, жадно глядя на прозрачный куб. - Это будет означать, что все получилось...

- То есть, получился настоящий прайм? - шепотом спросил Карлос.

Он знал ответ, но все равно спросил, хотел услышать от ученого.

- То есть я разгадал величайший секрет мира, - со спокойной гордостью ответил Сотрапезник.

Стеклянный куб быстро заполнялся голубоватым газом.

- А если не разгадал? - негромко спросил Грид.

- Что? - Безвариат яростно посмотрел на Карлоса. В глазах и голосе - злоба. Не злость, а именно злоба, первобытная злоба Героя. И ярость великого ученого кто-то осмелился усомниться в его гении! - Что ты сказал?

Куб почти наполнен газом. Еще несколько секунд назад он ярко светился, но блеск стремительно угасал, и теперь за прозрачными стенками вихрились мутные облака.

- Что если ты ошибся, и сейчас получишь самую крепкую пощечину в своей жизни?

Он издевается? Нет. Молодой Герой предлагает выбор. Что важнее: быть уверенным в своей правоте или рискнуть и узнать правду? И еще молодой Герой спрашивает: останешься ли ты великим, Безвариат, если правда окажется горькой? Не получится ли так, что все последние годы прожиты зря, и по твоему самомнению будет нанесен смертельный удар. Оправишься ли ты, Сотрапезник?

- Контарбардар де холп де риз! - начал последнюю часть заклинания Хиравы.

Скоро, очень скоро прозвучит последний аккорд. Лицо запертого в кубе Грома искажилось от боли, но маска, что застыла на лице Сотрапезника страшнее.

Он хочет знать и не хочет. Он должен выбрать. Должен решить...

- Бадар завей карр! Бадай усид усилла!

Куб еще мутный, облака газа просто бесятся, не наливаясь вожаделенным светом, но Безвариат больше не ждет. Он поднимает остробой и выпускает мощный разряд в Хираву.

“Он начал без меня!”

Но ярость оставила Агату почти сразу. Праймашина гудела, булькала, создавала неимоверный шум, но не могла заглушить громогласного голоса Эларио. Заклинание почти прочитано, газ еще мутный, но должен вот-вот наполниться голубоватым светом. Не может не наполниться, ведь Праймашина работает... Должна работать!

- Бадар завей карр! Бадай усид усилла!

Еще несколько слов!

Агата закусила губу, ожидая свершения невозможного, и...

Выстрела леди Кобрин не услышала, а потому не сразу поняла, почему Хирава вдруг взмахнул руками. И лишь в следующий миг, когда окровавленный Эларио перегнулся через перила и полетел вниз, Агата догадалась:

- Безвариат!!

И крик ее истощный стал сигналом к бою.

Три Героя охраняли Праймашину по приказу леди Кобрин, но находились они снаружи, за двумя тяжелыми дверями - Агата не собиралась показывать своим воинам, что лежит в основе искусственного прайма. Три Героя... но помочь они ничем не могли. А ученые, мастера и подмастерья, что находились в зале, не были способны противостоять Карлосу. Стремительному и беспощадному Карлосу Гриду. Карлосу Герою.

Бросившись в атаку молодой лорд перестал себя контролировать. Отпустил вожжи разума, полностью отдавшись силе, что бурлила в нем с момента перерождения. Поплыл по бурному потоку прайма, сметая все преграды на своем пути. Сметая бездумно, без жалости. Не людей видел перед собой Карлос, не беззащитных ученых, а врагов. Смертельных врагов, как подсказывало ему засевшее внутри нечто. Опасных врагов, с которыми необходимо расправиться. И Карлос расправлялся. Тяжелый его меч разил без промаха, а когда не успевал меч - в дело вступал зажатый в левой руке кинжал. Смертоносным ураганом промчался Карлос по гигантскому залу, кровью раскрашивая баки со смесями прайма, трупами украшая пыхтящие механизмы. Но не Карлосом он был в этот момент, а Героем. Несокрушимым Гридом, лордом-Героем.

- Все в порядке, моя славная... Все хорошо...

Помогать Карлосу Безвариат не стал - зачем? Сбросивший оковы Грид и сам прекрасно справлялся, напоминая ученому ворвавшегося в овчарню волка, а потому отложивший остробой Сотрапезник направился к стеклянному кубу Праймашины. К сердцу своего гениального изобретения, внутри которого бесились мутные облака газа.

- Я просто кое-что изменю, - извиняющимся тоном пробормотал ученый, быстро меняя выставленные на пульте управления настройки. - Ничего страшного... ничего опасного... ты все поймешь, моя славная, ты все поймешь...

Не машина была перед Безвариатом, не пыхтящее, дребезжащее, пышущее жаром чудовище, кишки которого расползлись по огромному залу, а любимый ребенок.

Удивительное создание, равных которому в мире не было.

- Ты ведь знаешь, моя славная, что я никогда не причиню тебе вреда, - прошептал Сотрапезник, смахивая выступившую слезу. - Ты ведь знаешь, что мне можно верить.

Насосы, запущенные на полную мощь, принялись нагнетать давление в трубах и баках. Бешено завертелись смесители, застучали рычаги механизмов, завывали предохранительные клапаны.

- Ты ведь знаешь, моя славная, я ничего не делаю без причины... - Безвариат вздохнул и нежно погладил металлический бок панели. - Прости меня.

А в следующий миг раздался первый взрыв.

Пар, смеси прайма, летящие повсюду детали, сорвавшиеся с цепи трубы, лопающиеся шестерни, взрывающиеся баки... А еще: жар, вопли и грохот.

Наверное, именно так и выглядел древний Катаклизм: дикое, бессмысленное и беспощадное разрушение всего и вся, улетающий в никуда труд и полное ощущение собственного бессилия. Ужас и безнадега.

Агату оглушило самым первым взрывом. Швырнуло на стену упругой волной, выбило на несколько секунд сознание, наполнив голову болезненным шумом, позволяющим спокойно, и даже отрешенно воспринимать царящее вокруг безумие.

Вот падает гигантский бак, а растекающаяся смесь почему-то вспыхивает синим пламенем...

Вот рушится передаточный механизм, и тяжеленный рычаг придавливает прятавшегося за ним Вика...

Вот разлетается на куски стеклянный куб, и затухает окутывавшее зал свечение...

А вот и смерть...

Она приняла форму бронзовой шестерни, летящей точно в грудь леди. Она приближается стремительно, но Агата видит ее во всех подробностях: сломанные зубья, трещина на диске, масляные пятна... А краем глаза... А краем глаза Агата видит мчащегося Карлоса, и даже успевает понять, что этот мужчина - Карлос. Живой и здоровый Карлос. Но все равно ее внимание приковано к приближающейся шестерне. К бронзовой громадине, которая ее убьет. Однако страха у Агаты нет. То ли шум в голове мешает, то ли смирилась.

Страх нет... А вот и смерть...

Шестеренка, Карлос, удар... Могучий удар, вминающий леди Кобрин в стену, разрывающий на части, убивающий... Могучий удар...

Агата улыбается.

- Хорошо поработали, - проворчал Безвариат, угрюмо оглядывая растерзанный зал. - Справились.

- Сделали, что хотели, - негромко подтвердил Карлос. Он оперся на длинный меч и устало вытер лоб, точнее, размазал по нему разводы грязи и чужой крови. - Жалеешь?

- Нет, - вздохнув, отозвался Сотрапезник. - Я должен был это сделать.

Праймашина погибла. Трубы, механизмы, баки, смесители, насосы - все превратилось в груды еще горячего железа, обильно политого смесями прайма. Где-то еще горело, потрескивало, что-то булькало, шипело, из пары ящиков вылетали искры, но Праймашина погибла.

Книги, с помощью которых ее настраивали, сгорели. Так же как и чертежи, по

которым ее строили. Так же, как и сами строители - ученые, мастера и подмастерья. Человеческий гений доказал, что ему подвластно все на этом свете, и тут же, словно устыдившись собственного величия, уничтожил результат многолетнего кропотливого труда.

Праймашина погибла.

- Самое смешное, что об этом никто и никогда не узнает, - слабо улыбнулся Карлос.
- Ты создал величайшую в истории машину, мы ее разрушили, но никому и никогда об этом не скажем.

- Что верно, то верно, - кивнул Сотрапезник.

И вдруг уставился на молодого лорда пристальным, неожиданно тяжелым взглядом.

Секунда. Три секунды. Пять. Выдерживать давление ученого Героя было трудно, однако Карлос справился. Смотрел в ответ, слегка прищурившись, и молчал, всем своим видом показывая, что лично он сказал все, что хотел, и теперь ждет вопроса.

Который последовал через десять секунд.

- Почему ты ее не спас?

Лорд грустно улыбнулся:

- Ты до сих пор ее любишь...

- Почему не спас?

- Не успел.

И еще один жест, близнец предыдущего - усталый жест ладонью по лбу, призванный продемонстрировать, насколько сильно измотан Грид.

- Ты - Герой, ты мог успеть. - Сотрапезник не был удовлетворен ответом. - Ты мог прыгнуть на шестеренку и сбить ее в сторону.

- Ты до сих пор ее любишь...

- А ты? Кого любишь ты?! Неужели только о себе? Агата была совсем рядом, нужно было только прыгнуть...

“Кого я люблю? Отец мертв. Мариду я предал. Герои? Наверное, да. Смешно, но - да. Мои Герои. Моя семья”.

- Агата хотела меня убить, - медленно произнес Карлос. - И она хотела убить тебя.

- Ты все-таки изменился, - вздохнул Сотрапезник.

- Не мог не измениться, Безвариат, не мог, - с грустью подтвердил молодой лорд.
- Ты тоже далеко не тот, что был до приема прайма, иначе не отправил бы Мариду на смерть.

- Так это была месть?

- Нет. - Карлос печально посмотрел на ученого. - Не месть - рассудок. Марида должна была умереть. Агата должна была умереть. Рассудок, мы поступили прагматично. Я изменился... - Глаза молодого человека странно блеснули, словно в них появились... Слезы? Он сбился, однако сумел закончить: - Я стал жестче, но держу себя в руках.

- Неужели? - саркастически поинтересовался Безвариат.

- Нужно было убить Агату, - ответил Карлос. - Я же просто остался в стороне.

- Подлость...

- Нет - расчет. - Голос лорда стал громче. - Праймашина должна полностью исчезнуть с лица земли. Эларио, Агата Кобрин, все, кто был с нею связан...

Сотрапезник все понял. Он ведь был умным, он ведь был гением. Он допустил лишь одну ошибку: не поверил, что мальчишка решится на убийство, а когда сообразил, что просчитался, было поздно.

Чвак!

Это меч. Длинный меч, совершивший элегантный выпад и погрузившийся в грудь

великого ученого.

Чвак!

Меч вышел наружу.

Фьюить!

Клинок снес Безвариату голову.

- Мы никому и никогда ничего не скажем... - повторил Карлос, задумчиво глядя на оседающего на пол Сотрапезника. - Никому и никогда.

Он отшвырнул ставший ненужным меч, сунул руку в карман, где постукивались друг об друга два небольших предмета, которые Карлос прихватил из кабинета Агаты, и достал один из них. Затем подошел к случайно уцелевшей банке с кислотой и, криво усмехнувшись, бросил в нее латунную шестеренку на простенькой тонкой цепочке, которую прихватил из кабинета Агаты.

Праймашина погибла.

Теперь - окончательно.

ЭПИЛОГ

- Том Исподлобья! - гулко провозгласил Ураган.

Чистильщик важно вышел вперед, повернулся и, звонко чеканя шаг, прошел вдоль строя. Остановился у трона и опустился на одно колено.

- Я пришел к тебе, мой лорд, чтобы принести присягу верности...

Уверенные слова Исподлобья предназначались не только лорду. Они летели вдоль всего строя Героев, и тех, кто уже произнес эту клятву и тех, кто только готовился повторить путь Тома, они прикасались к их сердцам, в очередной раз подтверждая: "Вы не ошиблись, выбрали правильного повелителя, лучшего из лучших. Смотрите: даже Исподлобья приносит присягу, даже он..."

- И я приношу присягу от чистого сердца...

Прокурор и кобрийский ментор признались, что леди Агата распорядилась убить лор-да Датоса Грида и его сына ради того, чтобы посадить на гридийский престол своего став-ленника. Имя Карлоса было очищено, однако возвращаться в родную Пущу он не стал, по-скольку все кобрийские Герои попросили его остаться и взять в свои руки осиротевшее владение. Поразмыслив, император не стал противиться неизбежному, и специальным указом даровал Карлосу власть над самой богатой провинцией.

- Клянусь следовать за тобой в бой и поход, клянусь оберегать...

Строг и сосредоточен командующий церемонией Ураган, вслушивается в каждое слово клятвы, внимательно вглядывается в лицо Героя, словно пытаясь прочесть на нем ложь, не видит ее, но продолжает оставаться строгим и сосредоточенным. Едва заметно улыбается Егоза. Она довольна, она не ошиблась, поверив в будущее неопытного юнца, она имеет право улыбаться. По обыкновению невозмутим Арчибальд. Застыл, проникшийся торжественностью момента Самострел, а следом за ним - Башня, невообразимо огромный человек-гора, за которым стоит заклинатель, горец, молниеносный, крио, комбат... Почти все кобрийские Герои стоят в строю, не сводя глаз со своего лорда. Со своего Героя.

Лорд-Герой...

Впервые в истории и надо же - в Кобрии. В славной Кобрии, земля которой рождает лишь великих воинов.

Они гордились тем, что им выпала честь служить первому лорду-Герою. Они видели в нем настоящего вождя.

- И я прошу тебя принять каталист в знак моей преданности и послушания.

Исподлобья опустил голову и протянул своему лорду маленький нож с кривым, словно скрюченным ревматизмом лезвием.

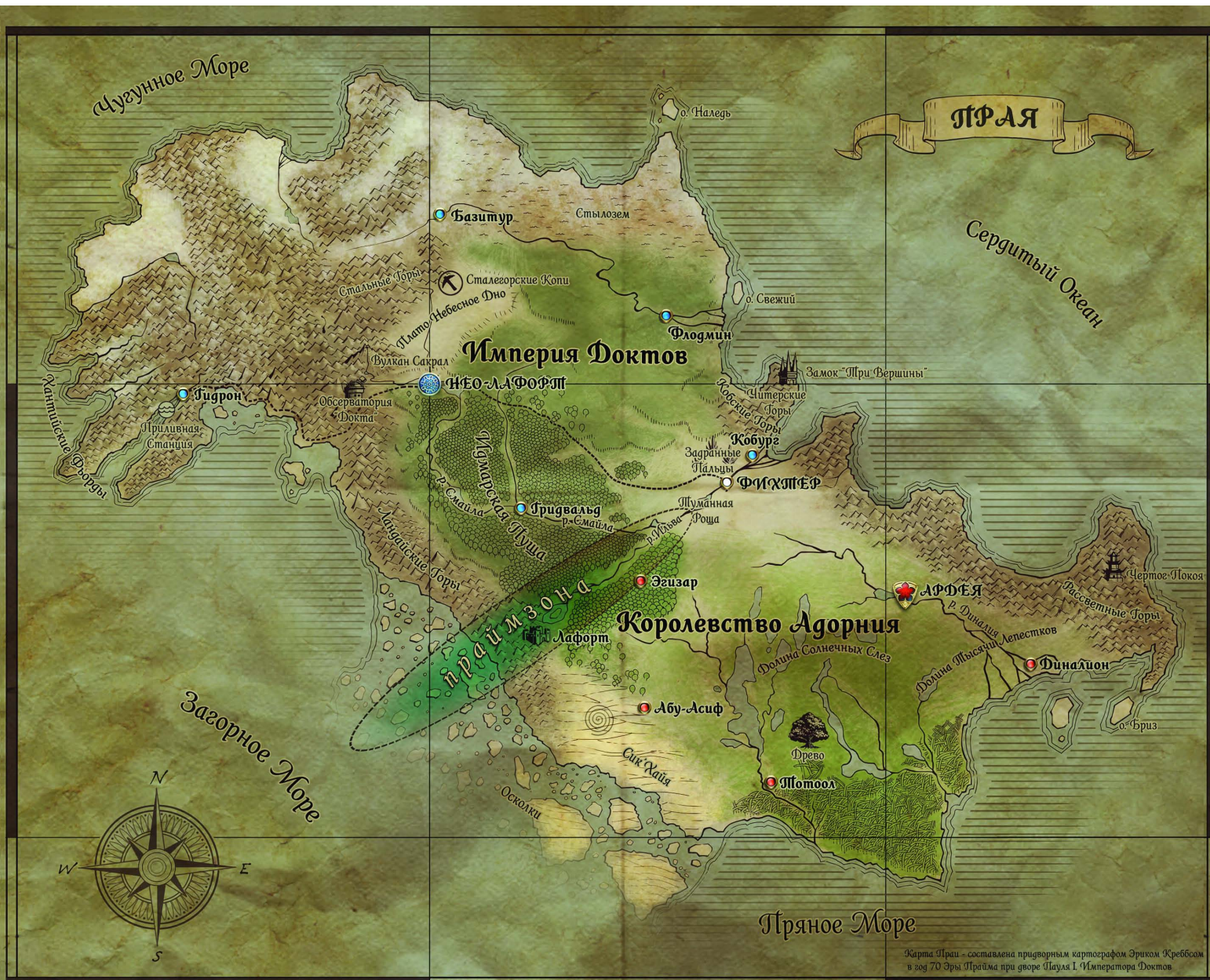
Карлос поднялся с трона, сделал шаг вперед и принял амулет.

- Поднимись, Том Исподлобья, поднимись и встань, как равный. Встань, как мой Герой.

И с гордостью посмотрел на строй воинов.

Теперь все они - его Герои. Пойдут за ним куда угодно, совершат множество великих подвигов на грядущей войне и золотыми буквами впишут его имя в историю доктов.

Имя Карлоса, лорда Кобрин.

ГЛОССАРИЙ

АДОРНИЯ (АДОРНИЙСКОЕ КОРОЛЕВСТВО) - государство в юго-восточной части материка Прая, расположенное к югу от реки Ильва.

После Катаклизма эти земли были особо насыщены праймом, в результате чего он вошёл в метаболизм местных жителей и открыл им особую магию прайма, позволяющую претворять свои эмоции и желания в сущности и объекты. Когда адорнийцы осознали свои уникальные возможности, они противопоставили себя более традиционному обществу доктов и провозгласили собственное государство, королевство Адорнию, где высшей ценностью является свобода творчества.

АДОРНИЙЦЫ - население Адорнийского Королевства, и выходцы из него. Адорнийцев характеризует особое отношение к жизни - творческое самовыражение, которое наполняет всю их жизнь. Дух творчества адорнийцы способны вдохнуть даже в самые прозаические стороны жизни, во всем достичь совершенства, превратить любую мелочь в уникальное произведение.

В широком смысле, адорнийцами называют тех, кто практикует магию прайма.

АКАДЕМИЯ ЛОРДОВ - центральное учебное заведение в Империи Доктов, где потенциальные лорды получают необходимое образование: управление месторождением прайма и лордством, а главное - возрождению героев с помощью специальных устройств - прайм-индукторов. Не все, кто закончил Академию, становятся в последствии лордами. Курсантами Академии могут быть и младшие члены семей, так и не дождавшиеся своей очереди наследования, и просто талантливые молодые люди, составляющие потом такие государственные институты, как, например, институт менторов. Обучение в Академии Лордов длится 5 лет.

ВОЙНА ЗА ТУМАННУЮ РОЩУ - война 41 года эры прайма между Империей Доктов и Королевством Адорния, первая война с участием Героев

Причиной войны стал дефицит прайма на территории Империи Доктов, стремительно развивавших свои технологии и потреблявших все больше и больше этого ресурса. Докты атаковали крупнейшее известное месторождение, находившееся в Туманной Роще, спорному острову на пограничной реке Ильва.

К началу войны способности Героев были еще плохо изучены и не всегда контролировались даже самими Героями, но соблазн применить их был слишком велик и для той, и для другой стороны. Участие Героев и использование в войне нового оружия, основанного на применении прайма, привели к таким страшным разрушениям и хаосу, что стороны сочли за благо заключить перемирие.

ГЕРОИ - уникальные существа, отличающиеся особым метаболизмом, основанным на взаимодействии с праймом. Путь Героя начинается с Зова прайма, заставляющего его переосмыслить свое предназначение, а инициацией обычно является принятие сильной дозы прайма, смертельного для обычных людей. Вставший на свой путь Герой со временем начинает серьезно отличаться от человека: его сила многократно возрастает, он открывает в себе новые, иногда просто невероятные таланты, становится совершеннее в физическом отношении, его тело легко справляется с несмертельными ранами и перестаёт быть подверженным внешним признакам старения. Накапливая в своем организме прайм, Герои получают возможность использовать и усиливать свои способности, видеть невидимые фракции прайма и его распределение внутри объектов. Во время битвы, когда пространство насыщается праймом в наибольшей степени, Герои достигают вершин своего потенциала.

Особой уникальной чертой Героев является их способность к возрождению. После гибели в бою или от других внезапных причин, Герой возрождается здоровым, без следов повреждений, если соблюдены основные условия - его каталист опущен в прайм в специальном образом настроенном объекте для возрождения.

ДОКТЫ - население Империи Доктов и выходцы из нее. Докты неутомимо и деятельно строят свое общество на основе научных достижений и технологического использования прайма. Наука является для доктов эталоном культуры, и высшей ценностью они считают систематические научные знания. Основным предмет изучения доктов - это прайм. Именно его исследования позволили доктам за короткий промежуток времени, всего семьдесят лет, совершить настоящий прорыв и полностью изменить свой образ жизни.

ИЛЬВА - одна из рек материка Прая, очерчивающая границу между Империей Доктов на северо-западе и Адорнийским королевством на юго-востоке.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПРАЙМ-КОМПАНИЯ - государственная монополия Империи Доктов на добычу прайма на территории всего государства, предоставляющая лордам право разработки конкретных месторождений за половину добываемого в них ресурса. Таким образом, 50% всего добываемого в империи прайма принадлежит Императорской прайм-компании, а доходы от его реализации поступают в имперскую казну. В безраздельной собственности Императорской компании находятся также крупнейшие месторождения прайма, в частности, Туманная Роща.

ИМПЕРИЯ ДОКТОВ - государство в северо-западной части материка, расположенной к северу от реки Ильва. Государство доктов унаследовало основные принципы своего построения от исторически предшествовавшей ему Империи. Его возглавляет Император, передающий трон по прямой линии к старшему потомку.

После Катаклизма, изменившего мир, общество доктов сфокусировалось на изучении свойств прайма, а в дальнейшем - на развитии технологий, основанным на прайме как супермощном топливе нового мира. Докты никогда не изменяли своей несколько консервативной логике: сохранить все, что оправдывало себя веками, и на этой проверенной базе воплощать в жизнь свои смелые научно-технологические идеи. Развитие прайм-технологий требовало сплоченных усилий не только многих отдельных доктов, но многих групп, занимавшихся разными направлениями его изучения. Постоянная необходимость координации усилий приучила доктов действовать слаженно и целенаправленно, что позволило им одержать победу в Войне Героев, несмотря на мастерство и смелую тактику адорнийцев.

ИМПЕРИЯ (СТАРАЯ ИМПЕРИЯ) - государство, до Катаклизма занимающее всю площадь материка Прая и состоящее из трёх крупных провинций: Северной, Южной и Юго-Восточной. Во время Катаклизма Южная провинция откололась от материка и по мнению многих сгинула в хаосе разбушевавшейся стихии. Две оставшиеся провинции - Северная и Юго-Восточная - в первые же годы новой эры, эры прайма, провозгласили себя суверенными государствами: Империей Доктов и королевством Адорния соответственно.

ИТЕРАЛИЯ ПРАЙМА - помещение, в котором происходит возрождение Героев в Адорнии. Итералия прайма обладает особенной акустикой, поскольку возрождения героев у адорнийцев основано на принципе музыкальной гармонии. Обслуживающий итералию лорд-реставратор создает в итералии музыкальный фон, соответствующий ожидаемому возрождения герою, и акустические свойства итералии формируют соответствующие характеристики находящегося внутри нее прайма. Процесс возрождения начинается после помещения в прайм каталиста Героя.

КАТАКЛИЗМ - глобальная катастрофа, потрясшая Праю, и поставившая мир на грань разрушения. Страшные природные аномалии: землетрясения, бури, смерчи, а главное, нахлынувший в мир прайм - неизвестная до этого субстанция, смертельно опасная в высокой концентрации, - захлестнули весь материк и унесли с собой много жизней. Это был разрушительный переворот в природе и обществе. Появившийся в результате Катаклизма прайм, оказался таким мощным жизнеобразующим фактором, что можно говорить о полном перерождении мира.

КАТАЛИСТ - предмет-представитель, без которого невозможно возрождение Героя. Герой передаёт каталист своему лорду как залог верности. Каталист несет на себе отпечаток личности хозяина и обычно связан со старой жизнью Героя. При желании Герой может сделать новый каталист, и тогда старый потеряет силу. Однако в момент между смертью Героя и его возрождением каталист, действующий в настоящее время, является единственной нитью связывающей его с миром.

КРИСТАЛЛ ПРАЙМА - твердая концентрированная фракция прайма, широко используемая в праймтехнологиях и магии прайма. В Империи Доктов производство и распределение кристаллов прайма контролируется Императорской прайм-компанией.

ЛОРД - дворянский титул в Империи Доктов и Адорнийском королевстве. Два основных определяющих фактора титула Лорда в обоих государствах - это месторождение прайма на территории Лордства и наличие устройства возрождения Героев (прайм-индуктора или итералии прайма).

МЕНТОР - официальный представитель императорской власти в лордстве у доктов. На первый взгляд деятельность ментора сводится в основном к экономическим вопросам: наблюдением за добычей прайма и за соблюдением налогового режима, но влияние ментора на поведение лорда обычно намного глубже. Его голос в принятии лордом того или иного решения имеет большое значение, поскольку ментор воплощает политику короны. Другая важная функция ментора состоит в том, что он обладает всеми техническими навыками лорда: управлением месторождением прайма и возрождения героев, и, таким образом, гарантирует стабильность в случае внезапной недееспособности лорда.

ПАУЛЬ I - правящий император доктов. В 50 году эры прайма унаследовал корону от старшего брата Ферраута I, умершего при странных обстоятельствах. В отличие от брата оказался слабой политической фигурой, что существенно ослабило позиции доктского абсолютизма. Коррупция, междоусобные интриги и общее ослабление дисциплины в империи привели к тому, что Пауль I постепенно утратил авторитет, и общее уважение к власти императора оказалось сильно подорванным.

ПРАЙМ - новая высокоэнергетическая субстанция, появившаяся в мире в результате Катаклизма и коренным образом изменившая направление развития цивилизации на Прае, породив новые технологии и принципы магии. Первое знакомство с праймом оказалось для людей не менее драматичным, чем породивший его Катаклизм. Контакт с праймом приводил к болезням и смертям, но из ужаса первых лет вышли два новых этноса. Одни, обнаружив прайм, стремились понять, как жить в новых условиях, как оградить себя от возникшей угрозы. Они сосредоточились в местах, где прайма было

меньше, по возможности обезопасили свои контакты с ним и начали пристально его изучать. Со временем они объединились в устойчивое общество доктов и создали замечательные прайм-технологии. Другие продолжали жить в областях насыщенных праймом и ощущали, как он все больше и больше входил в их метаболизм. Со временем они открыли в себе новые удивительные способности к магии воображения и эмоций, благодаря прайму для них стало доступным глубокое понимание природы вещей и способность влиять на реальность. Они назвали себя адорнийцами и сформировали собственное государство.

Так прайм оказался одновременно разъединяющей и объединяющей силой мира.

ПРАЙМЗОНА - зона изуродованной и насыщенной чудью земли в центре Праи. Ее происхождение связывается с Катаклизмом, эпицентр которого предположительно находился как раз в том месте, где теперь находится центр Праймзоны.

ПРАЙМ-ИНДУКТОР - машина возрождения героев у доктов, основанная на принципах математической гармонии.

Обслуживающий машину лорд-оператор рассчитывает точные математические значения, соответствующие ожидающему возрождения герою и вводит их в прайм-индуктор. Затем в подготовленный таким образом прайм помещается каталист героя, что запускает процесс возрождения.

ПРАЯ - материк, на котором расположены Империя Доктов и Адорнийское Королевство. И докты и адорнийцы используют название Прая для обозначения всего обитаемого мира.

ПРОКУРОР (ИМПЕРСКИЙ ПРОКУРОР) - государственная должность в Империи Доктов. Имперский прокурор наблюдает за правильным применением и точным исполнением законов в подотчетной ему области. Деятельность института имперских прокуроров в целом направлена на установление единообразного понимания законности во всей империи. Имперский прокурор участвует в расследовании и рассмотрении дел, опротестовывает противоречащие закону приговоры и решения судов. Преследуя преступления и восстанавливая законный порядок, имперский прокурор охраняет права и исполняет обязанности императорской власти. Имперские прокурор подотчетен только императору, которым и назначается на длительный срок.

СТАРЫЕ БОГИ - до катаклизма и эры прайма все население Праи исповедовало веру в пантеон из 16 богов, покровительствовавших основным человеческим стремлениям, таким как, например, власть, любовь, любопытство. После Катаклизма вера в старых богов в Империи Доктов практически угасла, породив отдельные искаженные культы.

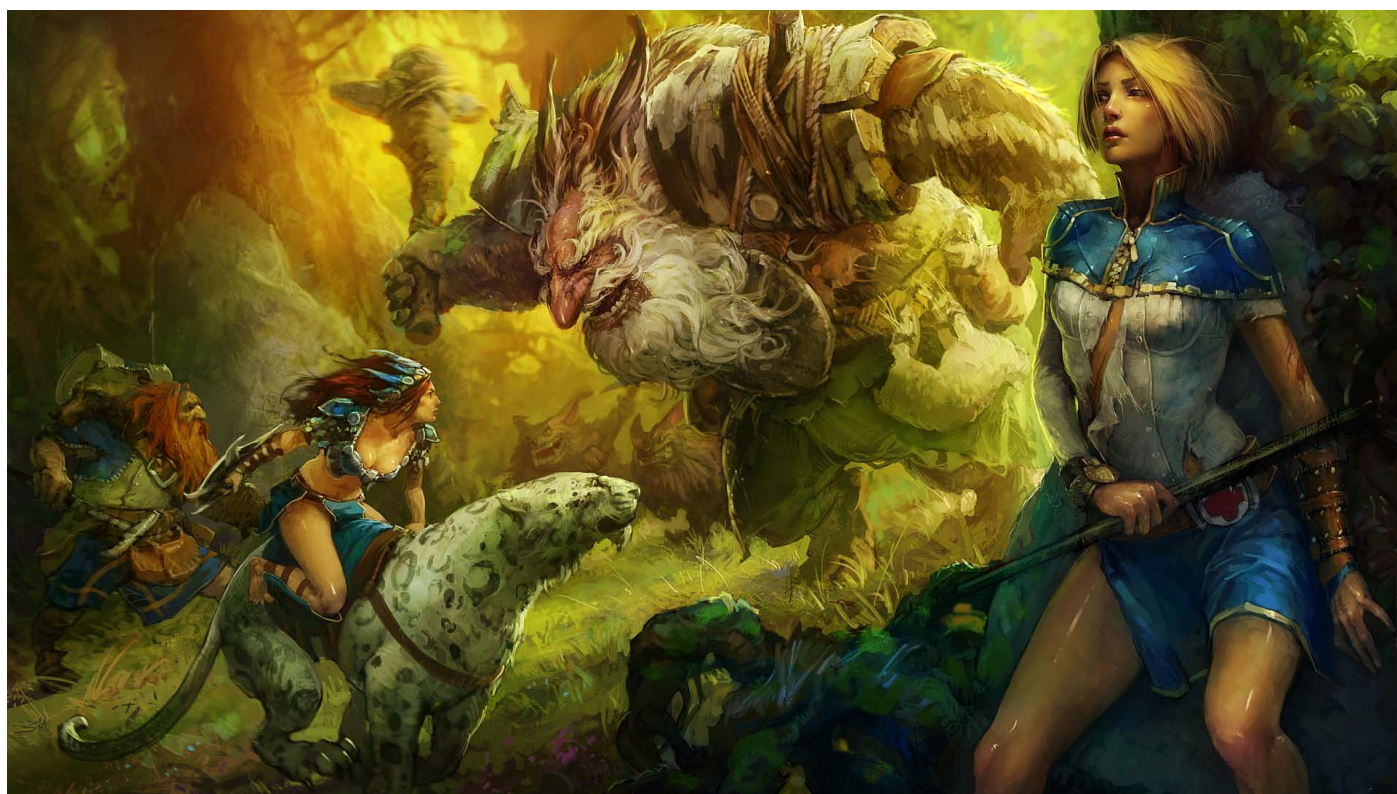
ТУМАННАЯ РОЩА - Крупнейшее месторождение прайма, находится на острове на пограничной реке Ильва, в настоящее время является собственностью Императорской праймкомпании Империи Доктов.

ФЕРРАУТ I - император доктов с 25 по 50 год эры прайма. Образованный и одаренный Ферраут I привел доктов к многим научным, технологическим и политическим достижениям. В его правление докты впервые столкнулись с фактом нехватки прайма, что в 41 году привело к войне с Адорнийским Королевством за крупнейшее известное

месторождение - Туманную Рощу. Под предводительством Ферраута I докты одержали победу и построили сильное государство.

ФИХТЕР - город на реке Ильва, состоящий из доктской (на северном берегу) и адорнийской (на южном берегу) частей. Исторически Фихтер возник в месте наиболее удобной переправы через Ильву, там, где имевшийся в середине русла остров позволял перекинуть между берегами капитальный мост. Такое удачное положение всегда способствовало процветанию торговли между северной и южной, а в последствии доктской и адорнийской сторонами. Император Ферраут I признал доктскую часть Фихтера демилитаризованной зоной и даровал ей права взимания налогов. С тех пор и по сей день Фихтер является единственным вольным городом на территории Империи Доктов

ЧУДЬ - совокупное название живых существ измененных под воздействием прайма. Как правило, биологической основой чуди являются животные, но случается, что чудью можно назвать и человека, на которого прайм повлиял нестандартным образом. В основном чудь неразумна, агрессивна и враждебна, а потому опасна. Но иногда можно встретить ее разумных представителей и даже Героев.

ОПИСАНИЕ ГЕРОЕВ

ОГНЕННАЯ ЛИСА

Несмотря на слабую защиту, Огненная лиса - грозный соперник. Ее огненные таланты поджигают врагов, и потоки пламени охватывают целые отряды солдат противника. Хитрая и ловкая как настоящая лисица, героиня легко уходит от преследователей, становясь невидимой в случае угрозы. Хотя ее тактика обычно заключается в расстреливании врагов сгустками пламени с дистанции, героиня умеет на короткое время превращаться в почти неуязвимого демона огня, уничтожающего все вокруг.

ВОЕВОДА

Воевода всегда уверенно ведет своих солдат к победе, прорывая оборону соперника и смело атакуя самого опасного врага. Удары его тяжелого оружия разбрасывают врагов, заговоренные доспехи оберегают не только самого героя, но и его союзников. И ничто не может сломить боевой дух солдат и героев, сражающихся под священным знаменем, установленным этим непревзойденным воителем.

ГОРЕЦ

Горец знаменит своим презрением к боли и смерти. Он мастерски владеет своим мечом, превращаясь в стальной вихрь, уничтожающий отряды вражеских солдат и обезоруживающий героев противника. Каждый удар Горца ускоряет его атаки, каждая смерть врага восполняет его силы. И даже если герой падет, его бессмертный дух возродит этого непобедимого воина.

ДУЭЛЯНТ

Ловкий и быстрый Дуэлянт - опасный противник, несмотря на слабую защиту. Ослепить врага дымовой гранатой, обрушить на него шквал ударов чертовски острого меча и добить противника финальным выстрелом - вот нечестная, но очень эффективная тактика Дуэлянта. Вдобавок невероятное везение героя приносит дополнительный прайм его команде. А непростой клинок Дуэлянта при ударе может нанести урон всем врагам вокруг.

ЧИСТИЛЬЩИК

Уничтожая врагов, Чистильщик быстро восстанавливает свои классовые таланты, с помощью которых он может становиться невидимым, легко уходить от погони и снова незаметно подкрадываться к противнику. Выбрав жертву, герой вешает на нее особую метку, позволяющую Чистильщику быстро прикончить ее. А если цель все-таки осталась жива, коварный бросок не даст ей уйти от молниеносной атаки, завершающейся решающим ударом.

БЕЗЛИКИЙ

Безликий специализируется на внезапных атаках и добивающих ударах. Он плохо держит удар и обладает слабой защитой, но с лихвой компенсирует эти недостатки внезапными перемещениями и постоянным повышением критического шанса своих ударов. Таланты, направленные на замедление и ослабление жертвы, узревшей истинное лицо героя, превращают Безликого в идеального убийцу.

МОЛНИЕНОСНЫЙ

Применяя свои таланты, Молниеносный заряжается энергией грозы и начинает поражать целые отряды врагов цепными молниями. Против героев противника Молниеносный эффективно применяет шаровые молнии и свое усиленное электричеством оружие. Благодаря силе грома герой может легко уйти от погони, испепеляя преследователей. А Гнев небес, обрушивающийся на всех вражеских героев, позволяет нанести решающий удар тем, кто чудом избежал кары Молниеносного.

КРИО

Главное преимущество Крио - умение замораживать врага. Управляя метелью, героиня наносит урон целым отрядам врага, а осколок магического льда может как защищать союзника, так и медленно убивать врага. Неприступность холода, окутывающая героиню, карает всякого, кто пытается напасть на Крио. И горе тем, кого она заточит в глыбу льда... ведь ледяной плен может продлиться целую вечность.

ЧЕЛОВЕК-ГОРА

Большой, сильный, но неторопливый герой, игнорирующий удары врагов. Шаг Человека-горы сотрясает землю, не позволяя никому сбежать от его сокрушительных ударов, подбрасывающих противников в воздух. Окруженный врагами, герой может спрятаться в неприступную скалу, став полностью неуязвимым и восстанавливая свои силы.

Несмотря на свою неторопливость, Человек-гора способен внезапным тараном влететь в ряды врагов, разбрасывая всех налево и направо. Поэтому место Человека-Горы - в самом центре битвы, где он принимает на себя основной удар противника, защищая более слабых соратников.

ЕГЕРЬ

Егеря всегда сопровождают верные волки, готовые разорвать любого, на кого укажет разящее копьё их брата. Егерь умеет объединять своих союзников в единую стаю, где силы каждого возрастают в разы. В решающий момент герой объявляет Великую Охоту, превращая своих волков и союзников в безжалостных охотников, от которых не может уйти и за которыми не способен угнаться ни один враг.

КОМБАТ

Комбат - опасный боец ближнего боя, так как серия его атак всегда завершается мощным ударом. Этот герой смело набрасывается на самого опасного противника, нанося сокрушительный удар ногой. Его точные удары подбрасывают и оглушают врагов, а если их слишком много, Комбат превращается в неуправляемый смерч, уничтожающий все на своем пути.

ЧЁРНАЯ ПАНТЕРА

Главное оружие Черной пантеры - ее “второе я” в облике сопровождающей героиню величественной кошки. Пока тот жив, ничто не может причинить вред Черной пантере, без промаха поражающей врагов своим метательным диском. Классовые таланты героини позволяют ей лечить своего верного друга и улучшать его охотничьи инстинкты. Но настоящей хищницей становится сама Черная пантера, когда она объединяется со своим спутником и яростно атакует врага.

The background of the entire page is a detailed illustration. In the center, a female archer with long brown hair and a blue feather in it is shown in profile, aiming a bow. She wears a red and green outfit with a quiver of arrows on her back. In the upper left, a large, purple dragon's head looms. The background is a fiery, orange and yellow landscape. The title 'PRIME WORLD' is at the top in a stylized, metallic font, with a blue gem on the 'i' in 'PRIME'.

PRIME WORLD

Ролевая стратегия Prime World от создателей игр Heroes of Might & Magic V, «Блицкриг» и «Демииурги» впервые в жанре соединяет динамичные многопользовательские бои с вдумчивым развитием замка.

Покажи свое мастерство на разнообразных полях сражений: от агрессивного «Форпоста», мрачного и полного сюрпризов «Драгонвальда» до стратегической «Родной Земли» и классического «Пограничья».

Строй собственный замок, управляй экономикой, нанимай и совершенствуй героев. Система талантов позволяет каждому создать уникального персонажа и удивить врагов комбинацией способностей.

ИГРАЙ НА PLAYPW.COM

PRIME WORLD

ЗОВ ПРАЙМА

Александр Комзолов

Приключения в мире прайма продолжают - в новой истории...

В новом романе книжной серии Prime World читатели познакомятся с самыми разными уголками Королевства Адорнии — от сосредоточия искусств и магии, блистательного Диналиона, до центра культуры и карнавалов Тотоола — города, окруженного стеклянными стенами.

Главная героиня нового романа — леди Аэрика, помогающая Адорнийской королеве готовить страну к грядущей войне с Империей Доктов. Чтобы победить, им нужно найти новый способ повергнуть врага в смятение и переломить ход однажды уже проигранной войны.

СКАЧАЙ И ЧИТАЙ БЕСПЛАТНО НА PLAYPW.COM

PRIME WORLD

ПРАЙМЗОНА

Александр Зорич

Приключения в мире прайма продолжают - в новой истории...

В третьем романе Prime World читатели вместе с лордом Рутгером и его героями отправятся в самое загадочное место мира прайма: в Праймзону. Именно здесь находится эпицентр Катаклизма — и спустя десятки лет после катастрофы эта местность по-прежнему хранит немало опасностей и тайн...

Старинные артефакты и прайм-аномалии, причудливые чудовища и контрабандисты, опасные приключения и новые друзья, яростные сражения и комичные ситуации...

Праймзона оживает под пером известного писателя-фантаста Александра Зорича — и ждёт вас на страницах нового романа!

СКАЧАЙ И ЧИТАЙ БЕСПЛАТНО НА PLAYPW.COM